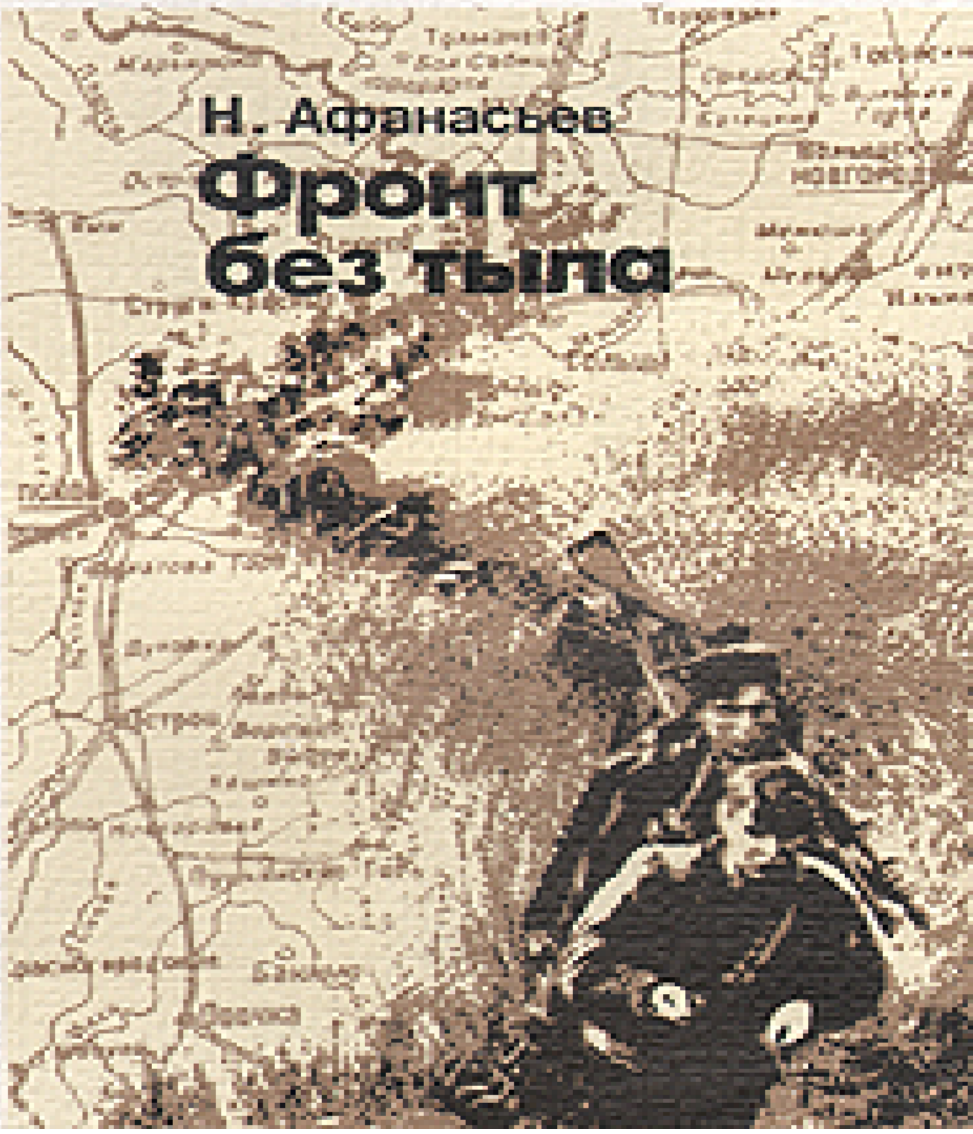
ЛЕНИЗДАТ

Библиотека молодого рабочего



SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — один из участников партизанского движения под Ленинградом, прошедший путь от командира батальона 6-го истребительного партизанского полка, сформированного в Ленинграде в июле 1941 года, до заместителя начальника Волховской опергруппы Ленинградского штаба партизанского движения.

Богатый боевой опыт, хорошее знание обстановки в тылу врага, накопленный обширный фактический материал позволили автору не только поделиться с читателями личными воспоминаниями участника партизанской войны, но и показать движение народных мстителей динамично, масштабно.

Рассчитана на широкий круг читателей.

- Николай Иванович Афанасьев
  -
  - От автора
  - Часть первая
    - ПЕРВЫЕ ДНИ
    - «НУЖНЫ ДОБРОВОЛЬЦЫ»
    - ДОРОГА НА ЗАПАД
    - ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА
    - ВОТ ОН — ВРАГ!
    - ЛЮТЫЕ БОЛОТА
    - НАША ОДИССЕЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ
    - В ОТРЯДЕ САВЧЕНКО
    - СНОВА В ПОХОД
    - В ВАЛДАЕ
    - РЕЙД
    - «ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО…»
    - ПАРТИЗАНСКАЯ ШКОЛА
  - Часть вторая
    - В СЕРБОЛОВСКИХ ЛЕСАХ
    - «КАК БЫ НАМ ТЯЖЕЛО НИ БЫЛО…»
    - БЕЛЕБЕЛКА
    - «ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ТОВ. В. И О.»
    - ПЕРВЫЙ ПОЛК
    - «ОТРЯД РАЗОРУЖИТЬ, КОМАНДИРА АРЕСТОВАТЬ»
    - «АВТОМАТОМ И ВИНТОВКОЙ, ГРАНАТОЙ И ТОПОРОМ, КОСОЙ И ЛОМОМ, КОЛОМ И КАМНЕМ»

- «СЧИТАЕМ, ЧТО ВРАГ ПОНЕС БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ»
- ВТОРАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ
- «ВИДИШЬ ВРАГА — УБЕЙ ЕГО!»
- ТРЕТЬЯ КАРАТЕЛЬНАЯ
- «ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АВИАЦИЕЙ»
- «ИНИЦИАТИВА НАХОДИЛАСЬ У ПАРТИЗАН»
- ЧЕТВЕРТАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ

Часть третья
- РЕЙДУЮЩИЙ ПОЛК
- ПЕРВЫЙ ОТДЕЛЬНЫЙ
- «БРИГАДА ДЕЙСТВУЕТ!»
- НЕОБИТАЕМЫЙ КРАЙ
- «ПОХОРОНЕНЫ ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ШУБИНО МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ»
- К БОЮ!
- ШАЛЬНОЙ МИНОЙ
- «ЭВАКУИРОВАНЫ В СОВЕТСКИЙ ТЫЛ»
- БОЕВОЙ САЛЮТ У МОГИЛЫ КОМБРИГА
- В КОНТРОЛИРУЕМОМ ПАРТИЗАНАМИ РАЙОНЕ
- ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ВАЛДАЕ

Часть четвертая
- В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ
- «ВТОРОЙ ФРОНТ В ТЫЛУ ГЛАВНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ»
- ВОЗДУШНЫЙ МОСТ
- «БРИГАДА ВЫШЛА ИЗ КОЛЬЦА ЭКСПЕДИЦИИ В РАЙОН РУГОДЕВСКИХ ЛЕСОВ…»
- НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ ПЕРЕМЕН
- «К ОРУЖИЮ, ТОВАРИЩИ!»
- ПЯТАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ
- ОРЕДЕЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ
- ВОЗВРАЩЕНИЕ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54

- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98

- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114

Николай Иванович Афанасьев
Фронт без тыла
Записки партизанского командира

Светлой памяти командира 2-й Ленинградской, партизанской бригады, Героя Советского Союза Николая Григорьевича Васильева посвящаю эту книгу

Автор

От автора

Уже почти сорок лет берегу я свои записи и письма военных лет. Они очень краткие, они наспех набросаны на листах школьных тетрадок, записных книжек, просто на обрывках бумаги. Их уже трудно читать — время… Я храню их потому, что знаю, как легко забывается пережитое, как стирается в памяти главное и остается совсем несущественное, как по прошествии лет начинает казаться, что одно было лучше, чем на самом деле, а другое хуже. Мы многое забываем. Даже мы, пережившие такое, что забыть, как нам когда-то казалось, нельзя.

Много раз пытался я начать писать. Не было дня, чтобы не думал о необходимости рассказать о том, чему был свидетелем, в чем довелось участвовать. Я чувствовал свой долг перед товарищами — теми, с кем встретил Победу, и теми, чьи жизни были отданы ей в жертву за четыре, за три, за два, за год до мая сорок пятого. Сотни раз брался за перо. И всегда откладывал его в сторону: боялся, что не смогу.

Увидеть, пережить, запомнить — этого ведь так мало, думал я. Было обыкновенное лето, обыкновенный июнь. Были обыкновенные люди, такие же, как живут сейчас. И делали они обыкновенное дело. А потом пришлось им надеть сапоги и шинели и долгие четыре года заниматься самым страшным, что есть на свете, — воевать. Загонять патроны в обойму, целиться в чью-то голову, нажимать на спусковой крючок и знать, что это чья-то смерть, а значит, твоя жизнь.

Укрываться от пуль и подставлять им грудь. Хоронить товарищей. Отступать. Побеждать в бою. Рваться к победе и победить.

Все это делали вчерашние рабочие, студенты, колхозники, инженеры, служащие — совсем не герои от рождения. И представлять, что их подвиг был как-то по особенному обставлен, неверно: война стала тогда работой, будничным делом. Только цель этих будней была великой — Победа.

С первых дней партизанской войны под Ленинградом и до самого ее окончания мне довелось быть в строю. С небольшим, правда, перерывом: ранение, эвакуация в советский тыл, месяц в приуральском госпитале. Я начинал командиром маленького батальона, а заканчивал заместителем начальника опергруппы Ленинградского штаба партизанского движения при Военном совете Волховского фронта. На моих глазах война во вражеском тылу прошла все свои стадии: от неумелых и разрозненных действий первых наших отрядов и групп до мощного,

высокоорганизованного, единого выступления многотысячной массы восставшего народа, освобождавшего свою землю от ига оккупантов задолго до прихода частей Красной Армии.

Да, самые обыкновенные люди поднялись в сорок первом на защиту Родины. Но то, что они совершили — каждый в отдельности и все вместе, — дало советскому человеку право называться Героем.

О минувшей войне написаны сотни книг. Еще сотни будут написаны. И все-таки не настанет, наверное, время, когда добавить к уже рассказанному станет нечего. Партизанское движение тоже не исключение.

Идут годы. Нас, ветеранов, остается в живых все меньше и меньше, а белые пятна в описаниях истории борьбы ленинградских партизан все еще остаются. И в этой связи именно мы должны сегодня первыми браться за перо.

Хочу поблагодарить всех тех моих боевых товарищей, которые помогали мне в работе над рукописью. Прежде всего — К. Д. Карицкого, Н. М. Громова, Г. М. Журавлева, Б. Н. Титова, А. П. Чайку, Г. А. Толярчика, Г. Л. Акмолинского, Д. И. Власова, И. В. Виноградова, В. П. Плохого, В. П. Гордина, П. Г. Матвеева. Переписка с ними, беседы при встречах, обмен мнениями восполняли те пробелы, которые образовались в ощущении прошлого с течением времени, — ведь сколько его прошло с военной поры!

Часть первая
«Добровольцы, вперед!»

Яркое проявление животворного патриотизма советских людей в войне всенародное партизанское движение. Партизанское движение было важнейшей силой в борьбе с врагом. Оно вносило панику и дезорганизацию в его ряды. В тесном взаимодействии с советскими воинами партизаны наносили крупные удары по противнику.

История КПСС (М., Политиздат, 1974, с. 524)

ПЕРВЫЕ ДНИ

1941 год, 22 июня — 4 июля

Этот день навсегда запомнили тысячи и тысячи людей. Я уверен — он памятен всем в деталях, в подробностях даже самых незначительных. И не потому, что мы именно тогда поняли всю неотвратимость и весь ужас случившегося — война! — а потому, мне кажется, что в каждый из потянувшихся от июня сорок первого к маю сорок пятого года дней все думали о той жизни, которая осталась позади, и, конечно же, последние дни, часы, минуты этой жизни — радостной, счастливой, мирной — мы все бесконечное количество раз перебирали в памяти, и казались они особенно прекрасными.

Тот день был солнечным. Хорошее летнее воскресенье. Рано утром я выехал на стрелково-охотничий стенд, который находился вблизи Стрельны, у залива, в районе Знаменки. Там проходили соревнования на первенство города.

В то время я заведовал учебно-спортивным отделом городского Комитета по физической культуре и спорту и преподавал по совместительству на кафедре физвоспитания в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта. На стенд я попал впервые, и организаторы первенства с увлечением объясняли мне правила состязаний: показывали мастерскую по производству летающих мишеней-тарелочек, работу метательных приспособлений, знакомили со спортсменами. Интересным был состав участников. Молодые, крепкие ребята — и рядом пожилые мужчины и даже старики. Женщины, молоденькие девушки — и совсем мальчишки лет по двенадцать-пятнадцать. Студенты, рабочие, ученые, художники, инженеры, школьники, служащие…

Я познакомился тогда с одним из самых страстных энтузиастов этого вида спорта, председателем секции стендовой стрельбы Евгением Михайловичем Глинтерником. Он был известен еще и тем, что писал увлекательнейшие охотничьи рассказы. Впоследствии нам довелось много лет работать вместе. Здесь же познакомился я и с художником Александром Александровичем Блинковым, тоже страстным стендовиком. Он, кстати, не оставил своей привязанности и по сей день. Через несколько месяцев наши пути сошлись в Партизанском крае.

…Соревнования в полном разгаре. Гремят выстрелы. Разлетаются на мелкие куски взлетающие мишени. С азартом

подсчитываются результаты. Бурная реакция зрителей на удачу и не менее бурная — на ошибки. Словом, кипящая атмосфера соревнований. А небо безоблачно. Тихо. И жара. Только странная деталь: удивительно много самолетов в воздухе.

По пути домой я обратил внимание на какие-то группы людей около Кировского завода. У некоторых через плечо противогазные сумки. Какое-то оживление. Впрочем, я был слишком увлечен впервые увиденными соревнованиями и смотрел в окно рассеянно.

Следующая картинка в воспоминаниях — возвращение домой. Мне говорят о том, что несколько раз звонили из комитета. Просили связаться с ними немедленно.

Я набираю номер — и это оглушающее известие: война!

Спорткомитет находился тогда на Фонтанке, в здании, где размещается сейчас Дом ДОСААФ. Полчаса на дорогу, еще несколько минут ожидания. Затем в кабинете председателя комитета А. А. Гусева началось совещание.

Существо дела — перестройка работы Комитета по физической культуре и спорту с учетом условий военного времени. И, как нередко бывает в случаях резкого изменения обстановки, никто, в том числе и председатель, толком не знает, что же на самом деле необходимо, что первостепенно, а что менее важно. Сейчас наивными и странными покажутся выдвигавшиеся в тот день идеи: о подготовке силами спортивных специалистов резерва для армии, об организации лечебной гимнастики в военных госпиталях и другом подобном. Но кто знал в те часы масштаб случившегося!

Мне вспомнилась финская война. Ведь только что вернулся домой! Вспомнились снега Карельского перешейка, одна из отчаянных наших атак под кинжальным пулеметным огнем финского дота, когда лежал я в снегу среди голого поля и уже наверняка знал, что если не эта, так следующая очередь меня обязательно достанет, но пулемет захлебнулся, и я долго не мог поверить, что бою конец и я из него вышел. Еще доты — десятки дотов на считанных в общем-то километрах, — и бои, бои, бои… Но ведь сейчас предстояло куда более страшное. Война с врагом, покорившим почти всю Европу. Обладающим колоссальной военной мощью.

К концу совещания я уже точно знал: все, о чем только что говорилось, мы обязаны были делать в мирное время, а сейчас надо думать совсем о другом. С организацией лечебной гимнастики справятся старики и женщины, а я — мужчина, мне, слава богу, не семьдесят, а тридцать четыре, и, значит, мое место в строю.

Ночью — первая воздушная тревога. Мы с женой вышли из дома на Международный проспект[1] и долго всматривались в светлое летнее небо. Гудели самолеты, но понять, что происходило в воздухе, было невозможно. На Сенной площади люди собирались группами, что-то взволнованно обсуждали, спорили. Разные мнения по поводу объявленной тревоги: оптимизм и пессимизм, спокойствие и нервозность… И все-таки это была почти мирная картина, война еще только протягивала к Ленинграду свою руку.

Много лет спустя я узнал, что в ту ночь над Ленинградом батареей старшего лейтенанта Тимченкова в 1 час 45 минут был сбит первый вражеский бомбардировщик Ю-88.

Наутро — в военкомате, прошусь на фронт. Здесь сутолока, сотни людей осаждают кабинеты, но только очень немногие получают направления с адресами пунктов сбора мобилизованных. И, как ни горячатся остальные, им приходится уходить ни с чем.

— Ждите, вызовем….

Эти же слова сказали и мне.

Досадуя, поехал на работу. Злился, слушая разговоры о том, что будет делать комитет в военное время. Ходил как неприкаянный. Ведь вот чертовщина на улице, в трамвае казалось, что женщины и старики смотрят с укором и вот-вот скажут: «А вы что, молодой человек, здесь болтаетесь? Почему не на фронте?..»

Помню, как раз в те дни встретил я на улице старика. Он выходил с Марсова поля, шагал деловито и твердо. Борода у него была окладистая, стариковская. А на груди — три Георгиевских креста.

Я впервые увидел человека с наградами царского времени. Был удивлен сначала. А потом подумал: награды-то боевые, получены они за отвагу при защите Родины. Удивительно ли, что старик повесил на грудь знаки боевого отличия? Нет. Он просто напоминал нам о воинской славе России, он патриот и свое отношение к начавшейся войне выказал пусть по-своему, по-стариковски, но ясно.

Узнал, что один из моих знакомых получил повестку и ушел на фронт. За ним другой, третий… А мне в военкомате опять: «Ждите, не мешайте». Наконец понял, в чем дело. Поскольку я продолжал работать в Институте инженеров железнодорожного транспорта — находился на особом учете.

Руководил институтом тогда Михаил Михайлович Панфилов, к нему я и отправился. И тут же получил предложение возглавить оборону института, поскольку на этот счёт уже были указания

сверху.

— Какая оборона, Михаил Михайлович? — удивился я. — Что делать-то нужно?

Оказалось, что при воздушных налетах этой службе предстоит организовывать тушение пожаров и что-то в том же духе… Я категорически отказался.

Тогда, связавшись с парткомом, Панфилов предложил мне другое: возглавить два скомплектованных из студентов четвертого и пятого курсов батальона, которым предстояло отправиться на восстановление разрушенных вражеской авиацией железнодорожных узлов, станций, путей. Видимо, это где-то далеко, в районе боевых действий. Значит, похоже на настоящее дело. И я согласился.

Оформление документов много времени не заняло.

В комитете я сказал, что ухожу на фронт. Жене — что срочно выезжаю на строительство инженерных сооружений куда-то на Карельский перешеек (чтобы не волновалась). И… как в воду глядел: именно для этого и именно туда нас и послали. На старую финскую границу, на тот самый участок, где я всего полтора года назад в составе 588-го стрелкового полка включился в финскую войну. Я был тогда начальником инженерной службы. Знал, конечно, что такое оборонительные сооружения. Теперь именно здесь мы начали строить доты, дзоты, эскарпы и контрэскарпы.

Эту оборонительную линию мы называли в шутку «линией ЛИИЖТа» — намек на то, что знаменитой «линии Маннергейма» она не уступит. Строили с энтузиазмом, строили добротно. Но, честно сказать, я до сих пор так и не узнал, какую роль в обороне города сыграло сделанное нами. Правда, где-то в тех местах наступление противника было остановлено, и, может быть, наша работа в какой-то степени армии помогла.

Я сказал, что работали мы с энтузиазмом. Но, думаю, не я один внутренне протестовал против такого для себя назначения. Попали-то, в общем, не туда, куда стремились…

Шли дни. Мы ловили каждое сообщение с фронтов по радио, запоем читали газеты. И, как я убедился позже, знали очень и очень мало. А на одиннадцатый день войны, 3 июля, — речь Сталина:

> «Товарищи! Граждане!
> Братья и сестры!
> Бойцы нашей армии и флота!
> К вам обращаюсь я, друзья мои!
> Вероломное нападение гитлеровской Германии на

нашу Родину, начатое 22 июня, — продолжается… враг продолжает лезть вперед… Над нашей Родиной нависла серьезная опасность… страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом… Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ… необходимо, чтобы наши люди, советские люди поняли всю глубину опасности… отрешились от благодушия, от беспечности… чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе… Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, все подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома, врага… В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды… создать… народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся…»[2]

Эту речь слушали все. И запомнили ее все — накрепко и надолго. Потому что впервые узнали тогда люди горькую правду о тяжелом положении нашей страны. И еще потому, что эта речь вооружила всех ясной и четкой программой действий.

Наши батальоны срочно перебросили в Ленинград.

В актовом зале института состоялось общее собрание. Докладывал заведующий кафедрой марксизма-ленинизма, доцент, член парткома Сергей Михайлович Гришуков. Партком призывал студентов и преподавателей вступать в армию народного ополчения. Так я получил направление в дивизию Октябрьского района.

Казалось, что все встает наконец на свои места, что дальнейшая моя судьба становится более или менее ясной. Но это только казалось.

«НУЖНЫ ДОБРОВОЛЬЦЫ»

1941 год, 5-15 июля

Вечером следующего дня нас спешно построили во дворе общежития. Из строя вызвали всех, кто имел боевой опыт: участников гражданской войны, финской, боевых действий на Халхин-Голе, Хасане. Оказалось, что таких в полку человек сорок — пятьдесят. Всем нам было приказано собраться в клубной комнате. И здесь командир полка сказал, что имеет поручение обкома партии предложить всем имеющим военный опыт принять участие в боевой работе в тылу врага.

Предложение было совершенно неожиданным. Мы смутно представляли себе в те дни, где проходит линия фронта. Но твердо верили в силу Красной Армии. И я, например, подумал, что предлагают нам принять участие в каких-то операциях на территории оккупированных гитлеровцами государств: в Польше, во Франции…

— Дело это, товарищи, серьезное и опасное, — продолжал командир. — Поэтому пойдут только добровольцы. Большего сообщить вам, к сожалению, не могу. Сами понимаете — о подробностях расскажут только тем, кто даст согласие… Жду вашего ответа.

— Где, хоть примерно, воевать-то? — спросил кто-то.

— Не знаю, товарищи, я же сказал.

— А какой характер действий?

— Тоже не знаю.

В клубе повисла напряженная тишина. Люди думали. А срок на размышление был так мал, что можно считать, будто его и не было вовсе. И так мало информации о том, что нам предлагают!

— Еще раз хочу подчеркнуть, — нарушил тишину командир, — что никого из вас против желания, без личного согласия, никуда не пошлют. Нужны только добровольцы. Но обком партии верит, что они в нашем полку найдутся. Я тоже так думаю.

И снова тишина, снова лихорадочно скачут мысли. И еще подступило ощущение того, что еще минута — и всех нас начнут подозревать в трусости. И пусть никто еще не сказал и слова, пусть никто еще не отказывался и не соглашался, мне показалось вдруг, что, если о трусости пойдет речь, самым главным виновником стану почему-то я. Сижу вот как пень и молчу…

«Хоть бы знать, куда, — думал я. — Знать бы, что нужно в

этом тылу проклятом делать, так, может, легче бы стало…»

И вдруг осипшим голосом и для самого себя совершенно неожиданно я сказал:

— Можно мне? Я согласен…

Сказал и сразу почувствовал удивительное облегчение и спокойствие. А через несколько минут в списке было уже десять фамилий. Меня командир назначил старшим.

* * *

Рано утром я повел своих людей в штаб дивизии народного ополчения, который размещался в здании Кораблестроительного института. Небольшими группами прибывали туда добровольцы и из других подразделений.

Построение. Короткая речь командира дивизии. Закончил он ее сообщением:

— Все прибывшие сюда группы добровольцев объединяются в батальон Октябрьского района. Он войдет в состав формируемого сейчас 6-го истребительного партизанского полка. Командиром батальона назначен товарищ Афанасьев, комиссаром — товарищ Митрофанов.

До сих пор не знаю, почему выбор пал именно на меня. Думаю, что такой же неожиданностью было назначение и для нашего комиссара. Впрочем, размышлять об этом тогда не было времени: тут же приказали занять машины, стоявшие неподалеку в полной готовности, и назвали пункт назначения: средняя школа на улице Профессора Попова в Петроградском районе.

Здесь комплектовался полк, командиром которого был назначен Н. П. Петров, комиссаром — Я. А. Рывман, а помощником командира — пограничник старший лейтенант В. Б. Савченко.

Первый приказ, который мы получили по прибытии, — сдать все документы. Ни партийных, ни комсомольских билетов, ни паспортов, ни пропусков — ничего этого у нас быть не должно. Кроме того, нас предупредили, что никто в батальоне, в том числе и мы, командиры, не имеет права делать какие бы то ни было записи: служебного или личного характера — неважно.

Приказ этот был понятен: готовимся идти в тыл врага. Но помню, что мне он принес массу трудностей — легкое ли дело знакомиться с подразделением в сто с лишним человек, не имея даже простого списка личного состава! А знакомиться надо, и как можно быстрее. Мы не знали тогда, сколько времени отведено нам на подготовку, не знали, к чему надо готовиться, но почему-

то казалось, что в тыл врага нас отправят буквально вот-вот.

Я пытался отдать знакомству с людьми как можно больше времени. Все они были очень разные: совсем, казалось, мальчишки и почти старики, юноши и пожилые, студенты и рабочие, преподаватели и служащие, инженеры, научные работники, был даже один пожилой актер. И всех интересовало: когда в бой, где будем воевать, как? Меня это тоже интересовало, но, кроме общих фраз о действиях в тылу врага, цель которых — срыв планов гитлеровского командования, мы тогда ничего не слышали. Говорили, правда, что действовать мы будем в основном на коммуникациях…

Некоторое время спустя командиров и комиссаров вызвали в штаб войск армии народного ополчения. Здесь разговор пошел уже более подробный. Нам рассказали об основных требованиях, которые к нам предъявляются, схематично изложили характер боевых действий, которые предстоят полку. Но главное, о чем шла речь, — это о необходимости каждому из нас, каждому бойцу наших подразделений еще и еще раз обдумать принятое решение об уходе в тыл врага. Об этом говорили очень настойчиво, казалось даже, что нас специально вызвали сюда, чтобы разубедить. Множество раз повторили, что не может быть и речи о какой бы то ни было ответственности или осуждении за отказ идти за линию фронта — ни по партийной, ни по комсомольской, ни по служебной линии.

Нас обязали разъяснить все это в своих подразделениях. Помню, несколько человек из батальона действительно решили остаться. Однако и без предварительных разъяснений штаба я не стал бы их осуждать: двое, например, были в возрасте, им явно не хватало физических данных и здоровья.

Но вот важный момент: командный состав вызвали в Смольный. У входа нас встретил заведующий военным отделом горкома партии Верхоглаз, вместе с ним мы прошли в Шахматный зал, где в мирное время проходили совещания, заседало бюро обкома. Сейчас здесь уже находились командиры и комиссары тоже только что скомплектованного 5-го полка.

Мы все очень ждали Ворошилова: нам сказали, что именно он будет проводить совещание. Но оказалось, что Климент Ефремович задержался в одном из воинских подразделений и быть не сможет.

Прошло немного времени, и в зал вошли секретари обкома и горкома партии А. А. Жданов и А. А. Кузнецов, прибывший в Ленинград вместе с маршалом К. Е. Ворошиловым герой войны в Испании полковник Х. Д. Мамсуров, несколько генералов, работники аппарата обкома.

Андрея Александровича Жданова до этого дня я никогда не видел так близко. Может быть, поэтому запомнил его очень хорошо. Лицо его было бледным, усталым, немного отекшим. Под глазами мешки, желтизна. И голос хриплый, усталый. Он часто и мелко дышал, видимо страдал астмой. И все же по ходу выступления он совершенно преобразился — чем больше говорил о положении на фронте, тем тверже и громче становился его голос, а движения — энергичнее.

Началась беседа чрезвычайно просто. Жданов смотрел в зал и вдруг обратил внимание на одного из командиров:

— А мы ведь с вами уже встречались, по-моему. Во время финской, когда создавались лыжные батальоны добровольцев. Так ведь?

Оказалось, что так. Андрей Александрович увидел еще нескольких знакомых, и незаметно скованность прошла, беседа началась, и до самого конца сохранился очень доверительный ее тон.

А предмет разговора был страшен. Потому что узнали мы от Жданова, что нашему городу угрожает самая непосредственная опасность: враг уже на территории Ленинградской области. 9 июля гитлеровцы заняли Псков и продолжают рваться вперед. Их армиям сопутствует успех, захватчики стремятся развить его. Жданов говорил о том, что смертельная опасность нависла не только над Ленинградом — гитлеровцы стремятся к Москве, всему советскому народу грозит порабощение.

Не думали мы, что война может начаться для нас так неудачно. Мы знали, например, песню «Если завтра война», и по ней выходило, что любой враг, стоит ему только попытаться поднять руку на нашу страну, будет немедленно разбит. «Броня крепка и танки наши быстры!»… Но вот что характерно: мне показалось, что никто во время беседы в Смольном не пал духом, не отчаялся. Думали о другом: нам надо в бой, на самый опасный участок, скорее. Каждый по-своему, но именно об этом.

Жданов подробно говорил о существе наших будущих действий, о месте партизанского движения в общей системе принимаемых государством мер защиты страны и последующего разгрома врага.

— Сегодня задача, — говорил он, — остановить войска противника. Коммуникации гитлеровцев должны быть перерезаны, в их тылу должны быть созданы невыносимые условия. Защищать свою землю надо не только на фронте, но и в тылу неприятеля.

Надо сжигать вражеские склады и цистерны с горючим — тогда фашистские танки не смогут идти вперед. Надо взрывать

склады боеприпасов — тогда немцы не смогут стрелять. Надо бить их резервы на подходе к линии фронта — тогда они лишатся пополнения. Надо уничтожать автомашины и поезда врага — тогда он не сможет двигаться. Надо взрывать мосты и железнодорожное полотно — и враг лишится возможности планово снабжать свои войска, не сможет наступать…

На следующее утро мы получали оружие, боеприпасы, продовольствие. Оружие совсем не бог весть какое: в основном старые немецкие винтовки. Каждому финский нож. На батальон — единственный, и тоже старый — времен 1-й империалистической войны, — пулемет «льюис» на треноге — «труба», как его называли. Несколько полуавтоматических винтовок Симонова.

Наступивший вечер был для нас последним в Ленинграде: ночью мы выступали, В этот вечер мы снова встретились с Ждановым, который приехал проводить полк в путь. Встреча эта состоялась в клубе зенитно-артиллерийского училища на улице Мира.

Речь Жданова была короткой, зажигательной, полной ненависти к врагу. Сейчас не принято вспоминать слова, выражавшие ненависть, — это и правильно. Но тогда эти слова звучали — жесткие и безжалостные.

Жданов говорил:

— Вы — советские люди. А значит, гуманны и добры. Но сегодня вы должны забыть жалость. На нашу землю пришел враг. Вероломно напав на нас, он движется вперед, сеет повсюду смерть и разрушения. Гибнут тысячи мирных, ни в чем не повинных людей — наших с вами соотечественников. Гибнут старики, женщины, дети — наши с вами отцы, матери, жены, сыновья. И поэтому мы должны сказать: кровь за кровь, смерть за смерть! Ваша жизнь завтра станет полной неожиданностей, опасности и — геройства. Родина требует от вас беспощадности. Стреляйте в фашиста, бейте его штыком, а сломается штык — зубами перегрызайте глотку зверю. Немцы будут называть вас бандитами, разбойниками — пусть! Вы — народные мстители. Так пусть не дрогнет ваша рука!..

Он призывал к ненависти и беспощадности. А ненависть и беспощадность не выбирают слов. Мы аплодировали Жданову.

* * *

Трамвайное кольцо недалеко от площади Льва Толстого. Мы грузимся в вагоны. И едем по ночному городу, и прощаемся с

ним. Кировский проспект… Петропавловская крепость… Марсово поле, Литейный, Владимирский, Загородный… Всё. Витебский вокзал.

Это было в ночь на 16 июля. Шел двадцать пятый день войны.

ДОРОГА НА ЗАПАД

1941 год, 16–20 июля

Перед самой отправкой эшелона нам подвезли какой-то груз: ящики, мешки, пакеты. Забирали его спешно, не спрашивая, что где, — выясним в пути. И вот теперь распаковали все это. Здесь гранаты, запалы к ним, патроны. И… ни котелков, ни кружек, ни ложек. Видимо, в спешке снабженцы о них попросту забыли.

В купе командира полка я получил личное оружие: пистолет ТТ, правда почему-то без кобуры, и автомат ППД. Это был единственный автомат на батальон, и его номер я помню до сих пор — «36». Карту района боевых действий обещали выдать позже.

До Новгорода ехали долго, остаток ночи и день. Подолгу стояли на каких-то станциях и разъездах, пропуская встречные, идущие с фронта эшелоны, которые вызывали у всех острое любопытство. Поползли тревожные слухи. Стало известно, что немцы находятся где-то вблизи от станции Дно. То, что враг уже рядом, ощущалось все острее и острее. На одной из станций, например, неприятно резанул глаза вид брошенных на перроне нескольких бочек с брынзой. Две из них были разбиты, и каждый мог брать сколько хотел…

В Новгороде командиры, комиссары и начальники штабов 5-го и 6-го полков были вызваны в штаб Северо-Западного фронта. Начальник штаба фронта Н. Ф, Ватутин, члены Военного совета Т. Ф. Штыков и В. М. Бочков поставили перед ними уточненные боевые задачи, провели подробный инструктаж. Нашему полку был определен сектор действий на железных и автомобильных дорогах в треугольнике Остров — Псков — Дно. Забегая вперед, должен сказать, что мы, командиры батальонов, об этом тогда ничего не знали, изложенное же выше — свидетельство бывшего начальника оперативной группы по руководству партизанским движением при Военном совете Северо-Западного фронта А. Н. Асмолова[3] несколько прояснившее для меня картину, но значительно позже описываемых дней — уже после войны.

Из Новгорода выехали ночью. Командирам выдали долгожданные карты местности и… снова разочарование. Это были пятикилометровки: малоподходящий масштаб, слишком общий. Но… Что было делать! Выбирать, к сожалению, не приходилось.

Рано утром прибыли в Старую Руссу. Здесь близость фронта

чувствовалась уже во всем. Кругом покореженные, разбитые бомбами вагоны, развороченные пути, разбитые здания. Наш эшелон на этом фоне выглядел новенькой игрушкой. И, как только поезд остановился, мы услышали тревожные гудки: «Воздух!» Над нами один за другим появились немецкие бомбардировщики, атаковавшие город и станцию открыто, без оглядки, явно не рассчитывая на сопротивление. Мы слышали близкие разрывы, видели вспыхнувшие в городе пожары. Каким-то чудом на наш эшелон не упало ни одной бомбы, хотя самолеты проходили буквально над крышами вагонов.

Налет закончился, поезд вышел из Старой Руссы по направлению к Дно. И почти сразу же — новая атака самолетов. Мы выскочили из вагонов и укрылись в лесу в районе полустанка Мяково. Впереди слышались разрывы — бомбили эшелон, шедший перед нами. А высоко в небе медленно, волна за волной, шли на север немецкие бомбардировщики.

Остановка затянулась. Выяснилось, что станция Волот — ближайшая впереди забита эшелонами, пути разрушены, а систематические налеты вражеской авиации не дают возможности быстро провести восстановительные работы. Дальше надо было двигаться пешком.

Вдоль железнодорожного полотна мы довольно быстро вышли в район станции Морино, где наша головная группа встретилась с отступавшими частями Красной Армии. Привал. Расположились на большой поляне в глубине леса. Командир полка и его заместитель ушли в штаб воинского соединения, который находился где-то неподалеку, а часа через полтора-два мы получили приказ готовиться к маршу. Петров не объяснял обстановку, а мы уже привыкли вопросов не задавать. Было только объявлено, что выступаем через 30 минут и что все лишнее, вплоть до запасного белья и даже консервов, надо выбросить. Продовольствия оставить на один-два дня. Идти налегке.

Надо сказать, что в наших вещевых мешках, раздутых до отказа, было не только необходимое. Помимо выданного на дорогу сухого пайка, например, многие везли из Ленинграда шоколад, конфеты, печенье, сгущенку и прочее и прочее. И вот все это полетело на землю, мешки наши стали маленькими и тощими, основное, что в них осталось теперь, — боеприпасы. И хоть речи об этом не велось, каждый был теперь уверен: уже сегодня бой.

Я упоминал о полученном нами еще в Ленинграде приказе, согласно которому никто из нас не должен был иметь при себе ни документов, ни каких бы то ни было записей. Нам не разрешалось

даже наносить на свои карты обстановку — все надо было держать в памяти. Но помимо этого там же, в Ленинграде, было введено и строго сохранялось долгое время правило: никаких лишних вопросов, никаких разговоров о наших целях, каждый должен знать о предстоящих боевых действиях ровно столько, сколько сочтет необходимым командование. Поэтому никто и не задавал вопросов под Морино, пожалуй, никто и не сожалел о том, что наши вещмешки так неожиданно и быстро «похудели»: значит, так надо!

В сумерках все восемь батальонов полка вышли к дороге, ведущей на юго-восток.

* * *

…В облаках пыли движутся колонны отходящих войск. На одежде, на лицах утомленных и мрачных солдат известковый налет пыли. Движется артиллерия, не имеющая ни одного снаряда… Узнаем, что немцы только что заняли Дно. Нас разделяет менее 20 километров…

Впереди на обочине стоит колонна автомашин. Они, оказывается, предназначены для нас: командование отступающей, измотанной в многодневных боях 11-й армии нашло возможность выделить для нашего полка грузовики. Их, правда, хватило для переброски только половины личного состава за один рейс.

Первые четыре батальона погрузились в машины, захватив с собой и вещевые мешки оставшихся бойцов. В районе села Ясски была назначена встреча — машины вернутся и перебросят нас туда. Заместитель командира полка и комиссар уехали с первым рейсом, командир остался.

Две ошибки, одну за другой, совершил тогда Петров. Первая — отправка с машинами вещевых мешков той части полка, которая должна была двигаться пока пешком. Вторая еще хуже. Рацию тоже увезли, а коды к ней остались у командира. Если бы Петров возглавил первую группу или если бы рация оставалась во второй, положение наше не оказалось бы, вероятно, таким нелепым. Но все это стало очевидно только несколько дней спустя. А пока никто этих ошибок не заметил.

* * *

Машины ушли. Совсем налегке, только с оружием и частью боеприпасов, мы шагали вперед, в сумерки белой ночи. Наш

маршрут некоторое время совпадал с маршрутом одной из отступавших частей 11-й армии и мы переговаривались на ходу с солдатами, для которых было совершенно непонятно, кто мы и почему идем с ними. Нас спрашивали об этом, но мы-то сказать правду не могли. Отвечали ополченцы. Помню, над нами посмеивались. Мы, мол, с техникой — и то отходим, а вы-то с вашими рогатками куда? Потом кто-то рассмотрел, что и винтовки у нас немецкие, времен империалистической войны. Тут уж шуткам в наш адрес не было конца. Мы молчали. Обидно, но на язвительные реплики по поводу нашей экипировки и вооружения ответить было нечем.

Сзади послышались частые автомобильные гудки, и мы сошли на обочину. Машина, проехав мимо, вдруг резко затормозила, и сидевший в ней полковник громко спросил, что мы за люди. Я подошел и тихо не то доложил, не то просто по-штатски объяснил:

— Ополченцы. Идем на специальное задание.

— Куда же? — в голосе полковника явственно слышалась насмешка: недотепы какие-то, а туда же — «специальное задание», не меньше.

Тогда, наклонившись уже к самому его уху, я тихо сказал:

— В немецкий тыл, товарищ полковник.

Видимо, он все понял. Посмотрел на меня так, будто хотел запомнить, а потом сказал совершенно другим голосом:

— Извини, командир. Счастливо тебе!..

…Много лет спустя в Ленинградском Доме офицеров Советской Армии я выступал с докладом о партизанском движении. В перерыве ко мне подошел незнакомый генерал, завязалась беседа.

— Это удивительно, — говорил он, — целые армии отступали: обученные, оснащенные техникой. А тут нам навстречу какие-то группки людей с паршивыми винтовочками… Я помню все это. И знаете, как это действовало на нас!..

Я слушал генерала, а в памяти всплывала та дорога под Морино. Пожалуй, зря мы тогда обижались на шутки. Для отступавших солдат это ведь была просто ширма, за которой прятали они собственную свою горечь. Они посмеивались над нами, а в душе, конечно, ощущали не наше бессилие, а свое собственное.

В 1943 году поэт Симонов написал такие стихи:

Когда ты входишь в город свой
И женщины тебя встречают,
Над побелевшей головой

Детей высоко поднимают;

Пусть даже ты героем был,
Но не гордись — ты в день вступленья
Не благодарность заслужил
От них, а только лишь прощенье.

Ты только отдал страшный долг,
Который сделал в ту годину,
Когда твой отступивший полк
Их на год отдал на чужбину.

Когда я прочел эти строчки, то подумал: а ведь хоть в чем-то, но были мы счастливее солдат регулярной армии — мы не сдавали городов. Никто из нас не считал, конечно, что вот армия отступает — значит, не выполняет своего долга, а мы — мы свой долг исполняем свято. Мы чувствовали себя частичкой общего народного организма, частичкой той общей силы, которая, безусловно, одолеет в конце концов врага. А пока мы в той же мере ответственны перед народом за отступление, что и солдаты регулярных частей.

Помню, на том же участке пути мы обгоняли медленно бредущую группу беженцев. Это были женщины, старики, дети. Мы поравнялись с разбитой, скрипящей телегой, которую еле-еле тащила худая, понурая лошаденка. К задку телеги была привязана коза. На телеге какой-то скарб, а на самом верху девочка лет десяти: легкий платок на голове, а из-под него пугливо блестят глаза. Она, конечно, плохо понимает смысл всего происходящего, ей страшно и неуютно. Рядом с ней сгорбленная женщина, безразлично смотрящая вперед и изредка понукающая клячу. Коза время от времени упирается, упрямо мотая головой. А в стороне, по обочине, шагает старик, покрикивающий на лошадь и хворостиной подстегивающий то ее, то козу.

Женщина смотрит на нас печальными глазами. Тоскует она. А может быть, сочувствует нам? Или осуждает?

Но вот старик поворачивает к нам лицо и с отчаянием, близким уже к злобе, почти кричит:

— Долго еще бежать-то будете? Нам ведь за вами и не поспеть!..

Что можно было ему ответить? Ничего. И мы молчали. А на горизонте все сильнее и сильнее разгоралось зарево большого пожара: пылает Дно, занятое сегодня, как говорят, вражеским

авиадесантом…

Короткая летняя ночь на исходе. Скоро взойдет солнце, а машин за нами все нет и нет. Впереди большая деревня. Не доходя до нее, свернули вправо и расположились на отдых вблизи деревенских огородов. Это — Большие Гривы. Значит, мы прошли около 15 километров, и, как ни считай, машины давно должны были вернуться. Похоже, ждать их уже бессмысленно: видимо, что-то случилось. Однако на всякий случай выставили у дороги дозор.

Пожинали плоды первой ошибки: люди голодны, а продовольствия ни грамма. Нас четыреста с лишним человек. Надеяться, что деревня, как она ни велика, сможет немедленно накормить столько людей, не приходилось.

Председатель колхоза дал команду зарезать для нас несколько свиней. Ни котелков, ни ложек у нас не было, мясо варили в больших банных котлах, хлеба досталось каждому по маленькому кусочку. В результате — ни сыты, ни голодны.

Тем временем взошло солнце, и движение на большаке прекратилось: в небе повисли самолеты противника. Ждать машин стало теперь уже совершенно бессмысленно. Оставалось одно — двигаться к намеченному месту сбора своим ходом, через леса и болота.

Пошли. По красивому ржаному полю вышли к позиции артиллерийской батареи. Здесь только что получили сведения о продвижении противника, и батарея спешно снималась с огневого рубежа. Артиллеристы отступали. Пользуясь возможностью, мы отправили с ними последние весточки родным. Впереди была территория, которую советские войска оставили.

ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА

1941 год, 20–23 июля

Мы пересекли небольшое болото, поросшее мелким кустарником, и впереди слева открылась стоящая на высотке деревня Тетеревиха. Разведчики сообщили, что немцев в деревне нет, однако часа три назад здесь побывали два немецких мотоциклиста. Принимаем решение все попадающиеся на пути деревни обходить.

Теперь шли только по лесным и болотным тропам. Солнце поднималось все выше, становилось жарко. После съеденной свинины мучила жажда, но фляг, а значит и воды, у нас не было, и мы жадно глотали пахнущую болотом, но прохладную влагу, наполнявшую лунки от продавленного каблуками мха. Идти было тяжело, на многих взмокли гимнастерки. И вот на первом же привале среди наших людей обнаружилось сразу несколько больных, причем все они раньше о своих болезнях и не заикались.

Не знаю, что сыграло для этих людей главную роль — ночной ли переход, вид горящего Дно, исчезновение части полка, стремительность продвижения противника или просто относительная еще близость не занятой немцами земли, — но они просились назад. Что ж, пусть лучше сейчас, чем там, впереди. Назваться добровольцем легче, чем стать им в действительности, а обратный путь еще не закрыт. И мы им не препятствовали.

Между тем пошли уже вторые сутки нашего перехода. Первого и так богатого неожиданностями. Люди устали. На коротких привалах засыпали моментально. Тяжелым, ох каким тяжелым оказался этот марш! Изматывало движение по болотам. Мы двигались в колонне по одному, но оставляли тем не менее позади себя почти дорогу из размешанной болотной почвы — широкую и очень заметную. Особенно тяжело замыкающим. Колонна — как гармошка: она то сжималась, то растягивалась, когда идущие впереди выходили на твердую почву, и тогда тем, кто шел сзади, приходилось догонять почти бегом.

Отдых не мог быть длительным: надо было спешить в Ясски, на место встречи с первой половиной полка. И продолжался этот бесконечный марш. Как поведут себя дальше наши бойцы? Не раскиснут ли? Выдержат? Эти мысли занимали меня все время.

Помню, как радовался я всякий раз, видя энергию и бодрость моего заместителя по боевой части Коли Чуднова. Он был молод,

черняв, чуть лысоват. Боевой командир, пограничник. К нашему батальону прикреплен в первые же дни формирования.

Рассказывали, что в первые дни войны ему пришлось пробиваться на броневике к окруженной противником заставе и обратно. Туда прорвались довольно простона максимальной скорости, неожиданно и решительно. Враг, судя по всему, просто не успел и сообразить, что произошло. Но обратно надо было двигаться той же дорогой — другой просто не было, — и рассчитывать на неожиданность уже не приходилось.

Чуднов сделал на заставе все, что было нужно, забрал в машину нескольких тяжело раненных и тронулся в обратный путь. Он приказал водителю двигаться опять на максимальной скорости, а когда броневик оказался в зоне сильнейшего огня, остановил машину и поджег дымовую шашку, которую прихватил на заставе. Повалил густой дым, противник решил, что дело сделано. Солдаты бежали к машине. Подпустив их поближе, из броневика открыли пулеметный огонь, он снова набрал скорость и… прорвался! Чуднов был представлен тогда к ордену.

Так же спокойно и уверенно действовал он и сейчас. Был весел, общителен и нравился всем. Я думаю, что в те дни очень многое зависело от таких вот, как Коля Чуднов, людей — спокойных, смелых, рассудительных и веселых.

* * *

Наконец вышли в заданный район. Большой привал. Для всех, кроме разведчиков, которые сразу же начали поиск наших товарищей. И… безрезультатно.

Очень скоро выяснилось, что гитлеровцы в Ясски еще не приходили, в деревне побывало только несколько мотоциклистов. Видимо, как раз те, что были в Тетеревихе. Однако по всему чувствовалось, что передовые части фашистов придут сюда скоро. Ну, а пока… пока командовал желудок. Бойцы устали. Они голодны.

Мне хочется сказать несколько добрых слов в адрес тех людей, о которых почему-то не говорят почти никогда. Дело в том, что в первые же дни партизанской войны родились очень своеобразные подразделения наших отрядов, полков и бригад — подразделения заготовителей. По характеру своей деятельности они почти не имели общего с армейской интендантской службой. Чаще всего их задачи были и хозяйственными и боевыми одновременно: не просто доставить продовольствие, а отбить его у неприятеля, например. В эти подразделения зачисляли не

просто людей распорядительных, рачительных, с хозяйственным опытом — то есть обладавших качествами, необходимыми обычному хорошему снабженцу. Заготовителями могли стать только самые смелые, самые отчаянные люди, поскольку их работа была по сути дела ничем не легче, чем, скажем, работа разведчиков или подрывников-диверсантов.

Если доведется вам встретиться с кем-то из бывших партизан-заготовителей ну, например, с Давидом Абрамовичем Гале, живущим в Ленинграде, — не думайте, что перед вами «человек из обоза», не нюхавший пороха и имевший единственной военной своей заботой доставку со склада в подразделение мяса, хлеба и крупы. Это они тоже делали, только не надо забывать, что если и выезжали они на склад, то не с накладной, а с пулеметом, поскольку принадлежал этот склад, как правило, противнику…

…Мы пробыли в районе Яссок долго. Вся местность вокруг была разве что не прощупана — и безрезультатно. Мы не могли найти первую половину полка. Что-то произошло, это было ясно, но что именно? Не могли же они все погибнуть, даже если наткнулись на противника?! А фашистские части в этом районе еще не появлялись, мы это знали точно. В чем же дело?

На исходе третьих суток Петров решил прекратить поиски. Собрав командиров и комиссаров оставшихся под его командованием батальонов, он поставил нас в известность, что конечной точкой маршрута и местом дислокации полка на ближайшее время является район деревень Лютые Болота — Федово, в 50 километрах юго-восточнее Пскова. Полагая, что Савченко и Рывман со своими людьми уже двигаются в этом направлении, Петров принял решение выходить в заданный район и нам. При этом побатальонно, поскольку ясными стали и трудности прокормить четыре сотни людей разом, и практическая невозможность скрытного передвижения такого подразделения. Местность впереди была хоть и холмистая, однако мелколесная.

Маршруты движения и время прибытия на место были определены, учтены, казалось бы, все неожиданности, возможность потеряться исключена. Снова и снова сверены карты. Петров еще раз повторил категорический запрет вступать в стычки с противником. Единственная наша задача — скрытно и в срок, к 29–31 июля, выйти в район Лютых Болот. Только там будет отдан приказ на боевые действия.

Маршрут моего, 6-го батальона пролегал через Бродки, Городовик, Большое Заполье, Плотовец, Дубье, Жедрицы, Федово. 5-й батальон должен был двигаться 5–8 километрами севернее. Еще севернее — 7-й батальон. И, наконец, 8-й батальон имел маршрут вдоль железной дороги Дно — Псков. Командир полка

шел с 7-м батальоном.

В ночь с 23 на 24 июля мы двинулись в путь.

ВОТ ОН — ВРАГ!

1941 год, 24–29 июля

В первый день батальон прошел путь от Яссок до деревни Городовик — по прямой это около 17 километров. Прошли без происшествий. Вел колонну Антон Виноградов, родившийся и, до выезда на работу в Ленинград, много лет живший в деревне Бродки. Наш маршрут проходил как раз мимо этой деревни, и первый в тот день привал решено было устроить неподалеку. Антон знал местность отлично и был проводником незаменимым.

Не доходя до Бродков километров пять, мы стали различать сначала неясный, но постепенно становившийся все более отчетливым гул работающих моторов. Он не прекращался ни на минуту, свидетельствуя о том, что движущаяся где-то колонна техники очень велика. Впереди была дорога Чихачево — Старая Русса. И наших частей там быть не могло. Значит…

Ощущение близости врага было тревожным и тягостным. Он все еще оставался для нас чем-то не вполне реальным — как можно что-то, представить, не увидев собственными глазами! — а оттого особенно зловещим. Каждый знает, что больше всего страшит именно неизвестное. Люди посуровели. Уже наяву, а не только в мыслях каждый шаг приближал нас к опасности. Чувствовалось, что многие бойцы именно сейчас начали действительно осознавать то, что ждало нас впереди. Но назад не просился уже никто.

Привал. В деревню отправились заготовители, остальные отдыхали. Шум моторов слышался уже рядом — от Бродков до дороги рукой подать, — но теперь к нему уже привыкли, он не привлекал к себе столько внимания. Так привыкают к шуму моря, к вою ветра в непогоду. И тут на дороге раздался сильный взрыв, затем непродолжительная автоматная стрельба и несколько орудийных выстрелов. Я немедленно выслал разведку.

Немного спустя над лесом, едва не задевая временами макушки деревьев, закружил «фокке-вульф» — немецкий самолет-разведчик. Впервые мы видели вражеский самолет так близко, можно было различать даже фигуру пилота в кабине. Мы замаскировались под деревьями. Через некоторое время «костыль» так впоследствии стали называть партизаны этот самолет — улетел.

Чуть позже вернулись наши разведчики. Они доложили, что взрыв произошел у деревни Хлеборадово: когда головной фургон

вражеской автоколонны выехал на мостик через неширокий ручей, тот взлетел на воздух. Видимо, машина нарвалась на поставленную нашими отходившими частями мину. Вот тут-то и началась стрельба, возможно с этим же связан и полет «фокке-вульфа». Впрочем, гитлеровцы довольно быстро выяснили, что засады нет, колонне ничто больше не угрожает, и движение возобновилось.

Тем временем вернулись и заготовители. На подводе с продуктами к нам в лес приехал с ними родственник Виноградова — муж его старшей сестры, мужичок лет пятидесяти пяти. Он рассказал, что в Бродках немцев еще не было, но в Хлеборадово и других деревнях, находящихся на дороге Чихачево-Старая Русса, они появились уже два дня назад. В Хлеборадово от крестьян прежде всего потребовали сообщить немецкому командованию обо всех «коммунистах и комиссарах». Им объявили, что деревней будет управлять староста, назначенный немецкими властями из числа жителей. Что все распоряжения немецкого командования должны выполняться незамедлительно: за неподчинение — расстрел. Что скоро войска фюрера займут Ленинград и Москву. Что Советы уже уничтожены и Советская Россия прекратит в ближайшие дни свое существование. Он рассказал, что кое-где в деревнях уже начинают поднимать голову обиженные Советской властью — бывшие подкулачники и уголовники… И чем больше он говорил, чем больше мы узнавали, тем отчетливее становилось новое, пришедшее именно в эти минуты чувство: мы ощутили себя, более собранными, мы чувствовали себя пусть маленькой, но монолитной группой советских людей, готовой в любую минуту к взаимовыручке, обладающей бесценным даром взаимопонимания…

* * *

До наступления темноты вышли к деревне Городовик, занятой, как мы уже знали, фашистами. Лес на подходах к ней кончился, поэтому до ночи сделали большой привал. Я приказал выставить посты, а всем свободным от дежурства спать: предстоял большой ночной переход.

В это время мы находились совсем близко от дороги, по которой все еще двигалась вражеская колонна. Гул моторов слышался так отчетливо, идти было так недалеко, что я не выдержал: взяв с собой трех бойцов и, оставив Чуднова старшим, пошел на шум.

Кустарник позволил подобраться к дороге метров на двести.

Многие сейчас по кадрам кинохроники легко представят картину, которую мы увидели: беззаботно шагающие по нашей земле завоеватели — засученные рукава, улыбки во весь рот, автоматы на шее… Машины, танки, повозки, облепленные солдатами, как мухами… Артиллерия, тупорылые огромные грузовики… И все это нескончаемым потоком льется на восток.

Мы впервые увидели врага собственными глазами. Не было ни начала, ни конца бесконечной ленты-змеи, которая ползла душить все живое на своем пути. Мы лежали у дороги долго. Смотрели и запоминали. И думали, мне кажется, об одном: как жаль, что нельзя сию же минуту, сию же секунду поднять автомат и всадить хоть одну очередь в этого удава.

* * *

Ночью около деревни Большое Заполье мы пересекли опустевшую, размолотую гусеницами танков и колесами тяжелых машин дорогу, а к рассвету вышли к небольшой железнодорожной станции Плотовец. Высланная ранее разведка донесла, что на станции немцев нет и не было. Зато по большаку Бежаницы — Порхов, в 8 километрах западнее Плотовца, — а через этот большак нам предстояло перейти движется большая колонна в направлении на Порхов.

Довольно странная ситуация. Сзади нас и впереди интенсивное движение войск противника, а посредине, на железнодорожной магистрали, его нет. Выстраиваю батальон в колонну по четыре, и с песней, строем мы входим в изумленный нашей беспечностью Плотовец. Из окон смотрят кто с тревогой, кто с радостью, а вездесущие мальчишки весело сопровождают батальон по поселку.

Войти сюда именно таким образом я решил, руководствуясь несколькими соображениями. Во-первых, это была не беспечность, а расчет: противник относительно далеко, а на входы и выходы из поселка поставлено наше боевое охранение, кроме того, организовано достаточно надежное наблюдение за железной дорогой. Таким образом, никто не войдет и не выйдет со станции незамеченным. Во-вторых, нам остро необходимо было не только накормить людей, но и сделать запасы продовольствия на несколько дней вперед. В Плотовце же, как мы знали, имеются магазин и пекарня, и одно дело войти в поселок крадучись, а совсем другое — вот так, открыто. В-третьих, мне хотелось, чтобы наши бойцы почувствовали большую в себе уверенность, почувствовали, что все происходящее не так уж

страшно, как может показаться на первый взгляд. И наконец, подбодрить местное население мне тоже очень хотелось: хоть нас и немного, но смотрите — мы не боимся. Судя по всему, в своих расчетах я не ошибся.

Отдав команду разместить батальон в домах поселка на целый день, я приказал разыскать заведующего кооперативом. Потребовал открыть складское помещение.

На полках почти пусто. Заведующий — человек, похоже, жуликоватый и трусливый — заявил, что почти все вывезли несколько дней назад в лес. Бегающие глаза, подхалимская, угодливая улыбка, суетливость…

Сказанное им могло быть и правдой. Нам еще в Ленинграде сообщили о том, что в районах, над которыми нависла угроза вражеского вторжения, создаются из местного партийного, советского и комсомольского актива партизанские отряды и подпольные группы, что они закладывают базы продовольствия, обмундирования и оружия. Возможно, здесь побывала одна из таких групп. Однако заведующий толком объяснить ничего не мог.

— Куда вывезли-то все? — спросил я.

— Туда… Кажется… — Он очень неопределенно показал на восток, откуда мы только что пришли.

Одно из двух: либо ему не доверяли, либо…

Дальнейший разговор был бесполезен. Мы занялись подсчетом того немногого, что оставалось на магазинных полках. Нашли сотни полторы банок с мясными и рыбными консервами, два мешка сахару, несколько мешков муки. Табаку и папирос примерно по одной пачке на человека. Вот и все.

— Нам нужен хлеб, — сказал я заведующему.

— Хлеб? — переспросил он. — Нет хлеба… — Как это нет? А мука? А пекарня?

— Так ведь печь некому. И времени уйдет… Словом, никакого энтузиазма. Глядя на заведующего в упор, я объявил:

— Вы сейчас же найдете кого нужно, подготовите пекарню и к вечеру выпечете хлеб. Наши люди помогут. Считайте, что это приказ, а что бывает за невыполнение — сами знаете.

После этого дело пошло как по маслу. Пока заведующий бегал по поселку, разыскивая людей для работы в пекарне, я написав расписку на все, что мы взяли в магазине. Минут через двадцать он, едва переводя дыхание, доложил, что все в порядке.

Я вручил ему расписку, и некоторое время он смотрел на нее, ничего не понимая. И тут у меня мелькнула мысль: «А ведь он не верит в то, что ему придется отчитываться!»

— Спрячьте хорошенько, — сказал я сухо. — Пригодится.

В это время открылась дверь и двое наших ребят ввели какого-то военного. Знаки различия спороты, по всему видно, что парень с похмелья.

— Кто такой?

Объясняет: сержант, единственный из состава находившейся здесь группы ВНОС.[4]

Остальные разбежались, когда прекратилась связь. Рассказывает, что по большаку Бежаницы — Порхов в районе деревни Дубье (как раз туда лежит наш путь) сплошным потоком движутся колонны вражеских войск. Он сам только что возвратился оттуда и был задержан нашим постом.

Выяснив обстановку, состояние моста через речку Судому, я стал расспрашивать сержанта, известно ли ему что-нибудь о наших отступающих частях и подразделениях, не слыхал ли он о каких-либо группах, располагающихся в лесах. Из его ответов, основанных больше на слухах, следовало, что в Серболовских лесах (мы их вчера оставили в стороне) вроде кто-то есть. Но кто именно и где точно — он не знает.

…Мы искали связи с партизанскими группами, организованными местными товарищами, буквально с первых же часов нахождения в немецком тылу. Это не только входило в поставленную еще в Ленинграде задачу, но и могло сильно облегчить наше положение. Однако первые попытки были безрезультатными…

Обязав сержанта никуда из поселка не отлучаться, я приказал ему явиться ко мне к исходу дня. Я рассчитывал использовать его как проводника, поскольку он знал путь до деревни Дубье.

День прошел спокойно, люди хорошо отдохнули. Вечером наш батальон, опять не таясь, строем вышел из Плотовца. Правда, вид у колонны был немного странный — вещмешков-то у нас не было, а уходили, нагруженные продуктами. Но это никого не смущало.

Предполагали, что до утра сумеем перейти через большак. Но получилось так, что около деревни Дубье мы неожиданно и очень опасно застряли.

Началось с того, что ночью, когда до деревни оставалось километра два-три, исчез проводник. Испугался, наверное, близости немцев. А ведь как раз теперь он и был нужен: по дороге мы и без него прошли бы отлично, когда же настала пора обходить деревню, выйти к плотине маленькой мельницы и по ней переправиться через Судому — иными словами, когда обходиться без проводника стало почти невозможно, он сбежал. И едва не погубил весь батальон.

Место совершенно незнакомое, открытое. Небольшие холмы

да редкий кустарник. И вот-вот рассветет. Оставался один выход — переходить большак, за которым лес. А движение вражеских машин не прекращалось ни на минуту. И чтобы подойти к большаку, надо было как-то переправиться через Судому.

Что, если попытаться проскочить через деревню? Проводник уверял, что она занята немцами, но это, возможно, и не так, тогда удастся перейти мост незамеченными. Это опасно, но зато быстро. А для нас выигрыш времени главное: через два часа будет совсем светло.

Мы вышли к огородам за деревней и стали ждать высланную ранее разведку. Мост был рядом, охраны никакой, но легче от этого не становилось. На той стороне до самого большака тянулось только поле поспевавшей ржи, по которому скрытно не пройдешь. А в предрассветной мгле по дороге по-прежнему шли машина за машиной. Фары включены, никакой светомаскировки… И никакого разрыва в этой бесконечной цепи…

…Происходившее у деревни Дубье стало для меня одним из самых тревожных воспоминаний первого месяца войны. Дело в том, что мы попали как раз в такое положение, когда изменить что-либо, повлиять на ход событий не могли и вопрос дальнейшего существования батальона стал зависеть попросту от случая: повезет или не повезет, заметят или не заметят. Хуже этого нет, наверное, ничего.

Мы ждали возвращения разведчиков. Стало ясно, что этой ночью большак не перейти и что надо пытаться теперь где-то укрыться на день. Вернется разведка — и в путь.

— Слушай! — Чуднов неожиданно толкнул меня в бок. — Подводы, кажется!..

Через поле прямо в нашу сторону действительно двигалось несколько подвод. Скоро уже можно стало различать обрывки чужой речи. Я дал команду к бою, очень ясно понимая, насколько этот бой бессмыслен…

Подводы прошли буквально в каких-то метрах от наших изготовившихся к атаке людей. Это был небольшой отрядик, и мы справились бы с ним одним ударом. Но оттуда, с большака, на нас немедленно были бы двинуты такие силы, противостоять которым мы, безусловно, не смогли бы. К счастью, гитлеровцы нас не заметили. Они проехали мимо, весело болтая, и не подозревая о том, насколько близка была к ним в эти мгновения смерть…

Через некоторое время оставаться у деревни стало невозможно. Близился рассвет. Не дожидаясь возвращения разведки, мы вышли в поле, затем двинулись по заросшему

ивняком ручью, а дальше, используя складки местности, к единственному поблизости укрытию — кустарнику. Светало. Чтобы нас никто не заметил, должно было совершиться чудо.

Как вскоре выяснилось, чуда не произошло. Нас заметил старик мельник с той самой мельницы, по плотине которой мы вначале предполагали перейти Судому. Но нам повезло. Как раз в то время, когда он увидел батальон, к мельнице подходили наши разведчики. Увидев их, старик почему-то решил, что это немцы, выбежал навстречу и стал громко кричать, что вон в тех кустах полно большевиков. Не знаю, что руководило им: может быть, он был одним из «обиженных Советской властью», а может быть, покупал такой ценой расположение захватчиков. Во всяком случае, столкнись он не с нашими людьми, а с гитлеровцами — и батальон неминуемо погиб бы.

Старика заперли на мельнице. Потребовали, чтобы он не выходил оттуда два дня. Заодно и собаку свою чтобы взял с собой и не позволял ей ночью лаять. Перепугавшийся мельник в точности выполнил все эти требования. А мы тем временем, даже не догадываясь, какой опасности только что избежали, как могли замаскировались в кустарнике, заняв круговую оборону. Нам оставалось только ждать.

Солнце поднималось все выше и выше. В который раз обходил я посты. Все было в порядке. А на большаке гудели и гудели моторы. Если день пройдет благополучно, ночью надо будет предпринимать новую попытку проскочить на ту сторону. Удастся ли — этот вопрос мучил не одного меня.

Разведчики во главе все с тем же неутомимым Антоном Виноградовым нашли нас, когда солнце было уже почти в зените. Оказалось, что они сделали очень много: не только нейтрализовали мельника, но и нашли отличное место для перехода через Судому и через большак. Сразу легче стало на душе. Все заметно повеселели.

И вот тут наша конспирация была нарушена самым неожиданным образом: в районе расположения батальона появилась сначала одна, потом еще одна и, наконец… целое стадо коров, которые деловито и независимо принялись щипать траву около лежавших на земле партизан. Что могли сделать наши посты? Отогнать? Невозможно. Но ведь если появилось стадо, обязательно появится и пастух, а кто знает, что это за человек!

Он не заставил нас долго ждать. Басовито покрикивая на коров, хозяином вошел в расположение батальона мальчик лет десяти, глядя на которого, никак нельзя было не вспомнить некрасовское «и шествуя важно, в спокойствии чинном…». Самый

настоящий «мужичок с ноготок»! Он был в рваном, видимо отцовском, картузе с треснувшим посредине козырьком, в стареньком пальтишке внакидку, в полотняной рубахе навыпуск, в больших сапогах. В руках у него был длинный кнут, за плечами котомка, И казалось, что его ничуть не удивила встреча с нами.

Держался паренек удивительно независимо и спокойно. На вопросы отвечал серьезно, деловито, и очень скоро я убедился, что сегодня наша разведка может отдыхать — все, что надо, сделает этот мальчишка. Его осведомленности нельзя было не удивляться. О занявшем деревню подразделении гитлеровцев он знал буквально все, подсчитал, сколько прошло за последние дни по большаку танков, дополнил мельчайшими подробностями сведения наших разведчиков о возможных местах переправы через Судому и через большак. А потом, в течение дня, был, что называется, и глазами, и ушами батальона.

Время стерло в памяти его имя. Мы благодарили мальчишку на прощание, но я не уверен в том, что он понял, за что. И конечно же, я не знаю дальнейшей его судьбы. Сегодня я еще раз говорю ему «спасибо». От имени всего батальона.

…Как только стемнело, мы снова двинулись в путь, Ночь выдалась облачная, нас надежно скрывала темнота. Судому перешли через плотину у мельницы, подошли к большаку. Движение здесь по-прежнему было довольно сильным, однако интенсивность его постепенно начинала затухать.

Мы растянули батальон вдоль дороги и залегли в ржаном поле. Ждали сравнительно недолго, минут сорок, и, как только заметили в движении машин разрыв, стремительным броском, цепью проскочили на ту сторону. Впереди, в 30–40 метрах, был редкий кустарник. Но и он отличное укрытие в темноте. Когда сюда добежал последний из партизан, вновь, ярко освещая дорогу, засверкали фары.

К рассвету мы вышли к озеру Локно и расположились в прилегающем к нему лесном массиве. Недалеко Вышегород — крупное село, в котором уже обосновался немецкий гарнизон.

Примерно в середине дня северо-западнее нас началась интенсивная перестрелка, длившаяся больше часа. Что произошло — мы не узнали из-за отдаленности боя. Опасались, что это один из батальонов нашего полка нарвался на гитлеровцев, но помочь все равно не могли.

Разведчики, одетые в крестьянскую одежду, как обычно, весь день ходили по близлежащим деревням. Кроме движения в заданный район перед батальоном стояла единственная боевая задача — разведка. И ребята действовали.

Было воскресенье, 27 июля. В деревнях по выходным

особенно людно, и поэтому появление наших парней интереса ни у кого не вызывало. Впрочем, в те дни незнакомые люди перестали привлекать внимание. Кто только и куда не шел, спасаясь от войны или двигаясь ей навстречу!

Разведчики узнали много. Во-первых, о расположении немецких гарнизонов, их примерной численности, вооружении. Постоянные гарнизоны разместились в Вышегороде, Пожеревицах, Порхове, Дедовичах, Чихачево, Бежаницах, Острове. В деревнях на нашем пути, как и в конечной точке маршрута, гитлеровцев еще не было.

Во-вторых, колхозники рассказывали, что в районе деревни Жедрицы (нам предстояло этой ночью пройти рядом) совсем недавно велись крупные бои. В этих местах кто-то из колхозников побывал недавно и видел много брошенного оружия, боеприпасов. Оружие нас, конечно же, интересовало, и мы взяли эти сведения на заметку.

К сожалению, как и прежде, ничего не удалось узнать о местных партизанах. Правда, тот факт, что активисты ушли из деревень, вселял уверенность в обязательной с ними встрече. Пусть не сегодня, пусть даже не завтра, но она произойдет.

Ничего не узнали ребята и о перестрелке северо-западнее Вышегорода. А она по-прежнему вызывала тревогу. Что же касается слухов, распускаемых гитлеровцами, то они ничем не отличались от тех, которые доходили до нас раньше.

Как стало уже привычным, с наступлением сумерек батальон продолжил марш. Шли в колонне по одному, растянувшись более чем на полтораста, метров. Движение таким образом для партизан удобнее всего, особенно в тех случаях, когда надо пробираться через поля, кустарник, лес, болота. И с первых же дней во вражеском тылу само собой получилось, что ходили мы, как правило, именно так. Позднее стало ясно, что помимо всего прочего этот порядок давал и еще одно преимущество: при движении в ночное время через населенные пункты создавалась видимость в несколько раз большей группы людей, чем это было на самом деле. Двадцать человек могли принять за сто, пятьдесят за двести, а если в ночи через, казалось бы, спящую деревню прошли сто партизан, то назавтра разведчики узнавали бесспорное суждение деревенских жителей: ночью здесь прошло человек пятьсот. И нам это всегда было выгодно — в своих вселяло уверенность, предателей пугало, а оккупантов сбивало с толку.

…Довольно быстро достигли района деревни Жедрицы. За эту ночь можно было бы пройти и значительно большее расстояние, но я решил задержаться, поскольку оказалось, что

здесь действительно можно насобирать довольно много оружия. Бой под Жедрицами, судя по всему, был жаркий. И ни у тех, кто наступал, ни у тех, кто отступил, не хватило, видимо, времени и сил, чтобы забрать винтовки, автоматы, пулеметы, патроны убитых солдат.

Я решил провести дневку здесь, тем более что теперь стало уже совершенно ясно: у цели мы будем точно в назначенный срок.

Едва забрезжил рассвет, начали стаскивать в одно место все, что могло пригодиться. Довольно быстро на небольшой поляне в густом отдаленном кустарнике образовался солидный арсенал: в нем красовалась даже новенькая противотанковая пушка. Пригодиться могло почти все, но унести мы смогли относительно немногое: патроны, гранаты, станковый пулемет.

Рассвело. Батальон расположился на отдых. А разведчики Виноградов, Гусев и Прохорский начали свой обычный обход близлежащих деревень.

Валя Гусев отправился в деревню Линево. Когда же он вернулся и рассказал о результатах своей вылазки, я серьезно задумался. А рассказанное Гусевым наводило на мысли очень огорчительные.

В Линеве Валя зашел в первую попавшуюся избу, попросил напиться. Дали квасу, потекла беседа. Говорил с ним хозяин дома, старик лет шестидесяти пяти.

— Куда идешь-то, парень? — спросил он.

— Да дома был, возле Острова. В Ленинград теперь пробираюсь.

— А в Ленинград зачем?

— Учусь я там. В железнодорожном институте…

Для отвода глаз Валя стал расспрашивать, как и где можно было бы безопасно пройти по близлежащим местам.

— И знаете, товарищ командир, — рассказывал он мне, удивляясь и горячась, старик-то вроде мне поверил, я чувствовал! Про сыновей своих рассказывал, фотографии показывал. Они у него все военные. Ну вот, потом о немцах поговорили. А когда я уходить собрался, он мне вдруг продуктов предложил кучу целую да еще теленка. К своим, говорит, уведешь…

Короче говоря, яснее ясного было одно: нас заметили. В Валину легенду старик и не думал верить, он уже заранее знал, что тут к чему.

Забегая вперед, скажу, что и впоследствии мы много раз убеждались в удивительной наблюдательности деревенских жителей. Из-за мельчайших наших оплошностей в маскировке, по каким-то совершенно, казалось бы, незначительным признакам нас очень часто в первое время обнаруживали, несмотря на все

наши предосторожности. И как хорошо, что это были свои люди. Такие, как тот старик, к которому зашел в Линеве Валя Гусев.

Со стариком мы вновь встретились вечером, и он согласился стать нашим проводником на последнем участке марша. Кстати, от него же мы услышали наконец хоть что-то о вчерашней перестрелке у Вышегорода. Мужики, вернувшиеся из Порхова, рассказывали, что немцы обнаружили какую-то группу окруженцев и разогнали ее. Говорят, что несколько человек в перестрелке погибли. Двух или трех раненых немцы пленили и повезли в Порхов.

Проводник наш оказался, человеком очень ценным. Все дороги и все тропы в округе он знал, как собственный двор, поэтому чрезвычайно быстро вывел батальон к деревне Ровняк, окруженной прекрасным, с нашей точки зрения, лесным массивом, а затем и к развилке дорог: одна вела к деревне Борок, другая — к Федово. Здесь мы простились. И, хоть не было у нас оснований не доверять старику, я скомандовал двигаться по дороге на Борок, а не на Федово. Мы были почти у цели. И рисковать, даже минимально, было нельзя: дело касалось безопасности уже не только нашего батальона, но и других подразделений полка. До встречи с ними оставались, как мы думали, считанные часы. Дав крюк километра в полтора, мы повернули почти в противоположную сторону — на Федово и Лютые Болота.

ЛЮТЫЕ БОЛОТА

1941 год, 29 июля — 5 августа

29 июля, точно в назначенный срок, мы вышли в заданный район. И не встретили здесь никого из своих: ни первой половины полка, ни хотя бы одного из батальонов второй половины.

Начали интенсивную разведку. Большая часть наших людей прочесывала близлежащие лесные массивы. Разведчики ходили по деревням. Безрезультатно. Никаких следов.

Свободные от разведки в первый же день были поставлены на сооружение линии временной круговой обороны. Должен сказать, что выбор места для сбора полка оказался явно неудачным, это нам стало ясно с первых же часов, проведенных здесь. Никаких «лютых болот» или «лютых лесов», как могло показаться по названию близлежащей деревни, и в помине не было: маленькие лесные массивчики и рощицы, в которых совершенно невозможно надежно укрыться — особенно в период освоения нового района.

В который уже раз сетовал я на то, что нас наградили картами-пятикилометровками. Местность, где мы находились, обозначалась на карте небольшим зеленым пятном, Такое же самое пятно и в районе деревни Ровняк. Но условия там значительно более для нас выгодные — это мы видели сами. А по пятикилометровке не отличишь. Словом, по нашим картам на самолете бы летать, а не партизанить… Но ведь в том штабе, где определяли район сосредоточения полка, работали, наверное, не с пятикилометровками в руках! И все-таки выбрали именно это место. Единственным утешением было то, что в радиусе 10 километров разведчики не обнаружили ни одного гарнизона противника.

Первые пять дней мы только вели разведку. И действовали при этом чрезвычайно осторожно: обнаружение врагом места дислокации батальона, как я уже писал, грозило опасностью не только нам, но и нашим товарищам, которых мы по-прежнему ждали. Я запретил разведчикам посещать близлежащие деревни. Действовали только на относительно большом удалении от лагеря. Что касается лесных массивов, то их, как и раньше, тщательно обследовали каждый день. И, как раньше, безрезультатно.

Необходимость строжайшей скрытности очень усложнила заготовку продовольствия. Его в минимальных количествах доставляли только дальние разведгруппы. К пятому дню мы стали

уже всерьез сомневаться в том, что встретим здесь своих. И все-таки продолжали поиск. Казалось совершенно невероятным, что из восьми батальонов в заданный район вышел только наш.

На пятые сутки, не прекращая разведки и поисков, мы решили провести первую боевую операцию. Взводу Кузнецова[5] было поручено отойти от лагеря километров на двадцать пять — тридцать и организовать засаду на большаке Остров — Порхов. Задача — уничтожение автомашин противника. Бесшумной цепочкой исчезли в юго-западном направлении 25 человек. Им был отдан и единственный наш станковый пулемет, тот самый, который мы унесли из-под Жедриц. Определен срок возвращения взвода: не позднее чем через пять суток. Определено и запасное место встречи — лесной массив в районе деревни Ровняк.

Дни тянулись однообразно. Ждать всегда трудно. Шел шестой день поисков. В этот день мы получили наконец первые сведения о своих. Но что это были за сведения!..

Началось с того, что наши разведчики привели ко мне командира 5-го батальона Попова. Как я обрадовался, увидев его! Но радость тут же потухла: Попов был хмур, растерян, неряшлив, выглядел, как босяк. И… один. Что же произошло?

5-й батальон, как я уже писал, шел севернее нас. Дорогу Бежаницы — Порхов они так же, как и мы, пересекли с большим трудом, но удачно. Остановились на дневку недалеко от Вышегорода, в густом кустарнике. Разведку вели плохо, мер предосторожности не приняли, охранение заснуло. Неожиданно часов около двух дня застучали автоматные и пулеметные очереди…

Началась паника. Кто-то отстреливался, кто-то бежал, и довольно быстро батальон разогнали. По всему было видно, что комбат и сам не помнил, куда и как бежал от огня, однако через несколько часов он возвратился к месту боя. Ждал двое суток, но никто из его бойцов не вернулся. Тогда ночью он зашел в ближайшую деревню, поменял, добротную свою одежду на какие-то лохмотья и… пришел к нам.

Так прекратил свое существование 5-й батальон. У озера Локно мы слышали, оказывается, звуки именно этого боя. Впрочем, бой ли это был?..

Не прошло даже часа — и мы узнали о судьбе 8-го батальона. Другая группа разведчиков привела двух его бойцов. Поразительно, но и 8-го батальона тоже уже не существовало. По словам пришедших, история его гибели такова.

Перейдя большак Бежаницы — Порхов с ходу, совершенно случайно выйдя к нему в тот момент, когда движение войск противника на какое-то время прервалось, — в батальоне решили,

видимо, что и дальше все пойдет так же легко и гладко. Полностью пренебрегли разведкой, двигались через населенные пункты открыто и, мало того, почти в каждой деревне стали проводить митинги. Нет сомнения решение смелое. И задача ясна: подбодрить местное население. Но в первый же день марша небольшая группа гитлеровских мотоциклистов стремительным ударом разгромила батальон. Оставшиеся в живых бродят теперь небольшими группками неизвестно где. О судьбе комбата и его штаба тоже ничего не известно, хотя пришедшие к нам бойцы и сделали все возможное, чтобы разыскать их.

Значит, остается только 7-й батальон под командованием Скородумова. С ним идет и командир полка со взводом полковой разведки. На следующий день мы услышали и о них.

Наши разведчики обнаружили еще двух бойцов полка. На этот раз из полковой разведки. Удача? Снова нет. Оказалось, что разведчики сами потерялись и вот уже шестой день разыскивают Петрова. Когда они уходили на задание, все было (если сравнивать с судьбой других двух батальонов) в порядке. Но то, что они рассказали, заставило всерьез задуматься, вселило глубокую тревогу за судьбу уже не только батальона Скородумова, но и нашего.

Все началось опять-таки после преодоления злополучного большака Бежаницы Порхов. Скородумову сопутствовала удача, хотя и перешли большак только с третьей попытки. И вдруг исчез адъютант командира полка. Кто-то уверял, что он оказался у немцев: то ли перебежал, то ли отбился в пути и был захвачен. Излишне рассказывать, как много знал адъютант: не исключено, что на 5-й и 8-й батальоны немцев вывел именно он. Но ведь тогда их вполне можно ждать и здесь, на месте сбора! Может быть, потому и не вышел сюда Скородумов? Правда, в этом случае возникал и другой вопрос: почему из 7-го батальона не направили к нам связных? Я решил, что связных направляли наверняка, но в пути с ними что-то случилось.

Однако как ни объясняй произошедшее, а совершенно очевидным становилось одно: чем быстрее мы уйдем отсюда — тем лучше. Кузнецов о возможной передислокации батальона под Ровняк предупрежден. На случай обнаружения лагеря гитлеровцами и засады мы оставили на месте двух партизан, братьев Ивановых. Их задача предупредить встречу Кузнецова с немцами. Ждать ровно неделю — это с большим запасом против установленного Кузнецову срока.

Второе, что я считал необходимым сделать, — это попытаться исключить возможность столкновения с гитлеровцами у Лютых Болот людей из других подразделений полка. Посовещавшись со

своим штабом, принял решение отправить в поиск взвод Макарова.[6]

Именно взвод, а не группу в несколько разведчиков, потому что задача ставилась сложная: рассредоточившись, искать сразу и батальон Скородумова, и разрозненные группы партизан из разбитых 5-го и 8-го батальонов, и первую половину полка. Макарову даны твердый срок на поиск и место встречи — Ровняк.

Когда мы уходили из первого своего лагеря — неудобного, опасного, но ставшего за прошедшую неделю привычным, а оттого чем-то даже родным, — стало известно, что сюда движется моторизованное подразделение гитлеровцев. Было похоже, что задача противника прочесать близлежащие места. Иначе говоря, ищут, и, судя по всему, именно нас.

НАША ОДИССЕЯ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

1941 год, 5-25 августа

Однако на новом месте мы смогли продержаться только немногим более срока, установленного для выхода сюда взвода Макарова. И взвод вернулся, но каким!..

Прочесав указанные ему районы и не встретив в них никого из наших, Макаров собрал своих людей и повел их назад. Но у станции Подсевы они нарвались на гитлеровцев. В коротком бою, развернувшемся в самых невыгодных для наших ребят условиях, взвод потерял половину своего состава. Одним из первых погиб Макаров…

Батальон Скородумова ушел, судя по всему, в другой район, надежды на встречу с ним не осталось. Первой половины нашего полка поблизости тоже нет. Местные партизанские отряды словно в воду канули. Получалось, что здесь оставались мы одни.

Если бы у нас была тогда связь с советским тылом, мы знали бы, что северо-восточнее Пскова действует небольшой, в два десятка человек, отряд студентов института имени Лесгафта под командованием Д. Ф. Косицына; знали бы о действиях 5-го партизанского полка под командованием К. П. Воловича; знали бы, куда ушел батальон Скородумова;[7] знали бы, наконец, и о том, что первая половина нашего полка под командованием Савченко тоже действует, и не так далеко. Но связи не было. Единственное, чем мы располагали, — это результатами собственного поиска: очень туманными сведениями о каких-то вооруженных группах, базирующихся якобы в районе Серболовских лесов.

Все сроки возвращения с задания взвода Кузнецова давно истекли, ждать под Ровняком было нечего.[8]

Решение выходить в район Серболовских лесов стало единственно, на наш взгляд, разумным. Но уйти без боя нам на этот раз не удалось.

Нас обнаружили, конечно же, не случайно. Дело в том, что за несколько дней до этого одна из наших групп уничтожила на лесной дороге тяжелую транспортную автомашину, двигавшуюся с юга по направлению к Ровняку. Это не могло не вызвать ответных действий.

Было около двух часов дня. В лагере находился весь личный состав батальона, кроме тех, разумеется, кто был в секретах и на сторожевых постах. Неожиданно у дороги, проходившей

примерно в километре от лагеря, началась интенсивная перестрелка. Поднятый по тревоге батальон занял круговую оборону и приготовился к бою.

Через несколько минут появился связной, который сообщил: в лесной массив вошла рота гитлеровцев, явно намеревавшаяся прочесать лес. Боковое охранение противника обнаружило наш секрет, завязалась перестрелка. Рота развернулась в цепь и движется сейчас в направлении лагеря. Значит, бой неизбежен.

Прочесывая лес, гитлеровцы почти всегда применяли один прием: шли цепью, до поры в рост, при этом, не жалея патронов, поливали огнем все впереди себя. И так до обнаружения противника.

Мы лежали в густых зарослях ольшаника на краю большой поляны, позволявшей прекрасно видеть движение вражеской цепи — позиция выигрышная сама по себе. Кроме того, обилие больших камней, выемок и других естественных укрытий позволяло иметь множество прекрасных огневых точек.

Уже начали покачиваться то в одном, то в другом месте верхушки тонкого высокого молодняка. Беспрерывная стрельба наугад. По листве будто резко бьют гигантским хлыстом — это пули, в лесу звук их полета очень характерен. Изредка слышны обрывки каких-то команд. Вот в кустарнике на опушке замелькали фигуры солдат, показался и офицер, резко жестикулирующий, подающий команды.

Мы дождались выхода гитлеровцев на поляну и обрушили на них весь огонь, какой могли. Бой длился недолго. Ошеломленная неожиданным и настолько энергичным отпором, рота противника не только не продолжила атаку — она попросту бежала. На поляне осталось 12 убитых гитлеровцев, в том числе и офицер.

Это был первый бой батальона. Надо ли говорить, какое волнение испытали мы перед ним и какую радость, одержав победу! Наши люди стали увереннее, веселее. Оказывается, мы можем не только скрываться от врага, но и принимать его атаку, и гнать его! А ведь это только начало. Пройдет время, освоимся на новом месте, найдем своих — тогда не роту паршивую, а полки фашистские бить будем. Каждый думал об этом. И будто прибавилось у нас сил.

* * *

Прошло несколько дней. Мы вышли в лесной массив западнее железной дороги Дно — Новосокольники. И все чаще и чаще стали получать от населения сведения о партизанах в

Серболовских лесах. Сообщали, что там действует даже целый кавалерийский полк.

Начались затяжные дожди. Они несли с собой непроглядную ночную темень, а полевые дороги превращали в сплошное месиво. Мы шли известным уже маршрутом, только в обратном направлении. Дубье, Плотовец… Здесь, на полустанке, не встретив никакого сопротивления, нарушили линию связи, вывели из строя аппаратуру в вокзальном помещении, стрелочное хозяйство. На следующий день вышли к деревне Лебяжье. И вот здесь получили наконец точные сведения о партизанах: в Мухарево крестьяне выпекают для них хлеб и, следовательно, помогут нашей встрече.

Наша одиссея заканчивалась. Мы не знали еще, что долгие скитания привели нас не к кому другому, как именно к… Савченко.

В ОТРЯДЕ САВЧЕНКО

1941 год, 25 августа — 30 сентября

Опушка леса. Поле, и впереди, примерно в километре, деревня. Это Мухарево. Дождь кончился, светило яркое солнце. На полях — работа в самом разгаре, обстановка сугубо мирная. Здесь, в Мухарево, и состоялась наша встреча правда, не с основными силами действовавших в Серболовских лесах партизан, а с группой заготовителей. И нетрудно себе представить наше удивление, когда мы увидели, что это ребята из первой половины нашего полка, на встречу с которой мы уже потеряли всякую надежду.

Оказывается, Савченко даже и не пытался выйти в район Лютых Болот: он вывел четыре батальона сюда, в Серболовские леса, и развернул боевые действия. Забегая вперед, скажу: почему это произошло, я так и не узнал — Савченко при встрече ответил на мой вопрос очень туманно, другие же вовсе ничего о маршруте первой и второй половин полка не знали. А потом Савченко погиб. Так все и осталось тайной.

Но, как бы там ни было, победителей не судят. Савченко сохранил людей, они действовали, и весьма успешно.

Через несколько часов после встречи с заготовителями они вывели нас к деревне Татинец, где мы и соединились с основными силами.

Четыре батальона, входившие в состав отряда, были сведены к этому времени в два — общей численностью 330 человек. Отряд вел боевые действия на территория Дедовичского и Белебелковского районов Ленинградской области и Ашевского района Калининской области.[9]

Мой батальон как самостоятельная боевая единица свое существование прекратил. Сам я получил назначение заместителем командира 2-го батальона, которым командовал старший лейтенант Кныш. Комиссаром был М. А. Поспелов.

Мой рассказ был бы неполным, если бы я не рассказал о боевых действиях отряда Савченко в первые дни войны хотя бы вкратце. Это необходимо не только для большей полноты картины происходившего в те дни. Дело в том, что отряд Савченко обосновался как раз в тех местах, с которыми связано очень многое из того, о чем я буду писать дальше. Осенью 1941 года здесь родился первый в нашей стране Партизанский край, которому суждено было впоследствии сыграть чрезвычайно

важную роль в практике партизанского движения. Народные мстители взяли под свой контроль огромную территорию в тылу гитлеровских войск — около 10 тысяч квадратных километров! — и мирное население жило здесь под их защитой, подчиняясь только советским законам. А партизаны наносили отсюда по тылам оккупантов удар за ударом.

Это была одна из ярких страниц великой летописи подвига непокоренного советского народа. Но прежде, чем Партизанский край возник, прежде, чем создавшие его партизанские подразделения превратились в грозную для захватчиков силу, кто-то должен был сделать здесь первые шаги. И их делали относительно малочисленные, неумелые, разрозненные пока отряды. Эти шаги были еще нетвердыми и не всегда верными, учиться приходилось только на собственных ошибках, расплачиваясь за них порой очень дорого. Но иной путь, к сожалению, был нам недоступен; за то, чтобы научиться воевать, мы платили кровью.

На территории будущего Партизанского края отряд Савченко начал действовать одним из первых — во второй половине июля 1941 года. И первые крупицы боевого опыта, которым так славились впоследствии партизанские подразделения края, добывались и им тоже. Именно об этом хочу я рассказать дальше.

* * *

В тот день, когда состоялась наша встреча с отрядом, сам Савченко во главе сравнительно небольшой группы партизан ушел на очередную боевую операцию. Поэтому в курс дела меня вводили начальник штаба Яков Иванович Смирнов и комиссар отряда Андрей Иванович Голованов.

Мы сидели в тени огромного дуба, стоявшего посредине поляны перед лагерем. Наша беседа продолжалась несколько часов, причем с каждой минутой я чувствовал все большую и большую симпатию к обоим этим людям. Забегая вперед, скажу, что мы стали впоследствии добрыми друзьями на долгие годы.

Яков Иванович Смирнов, военный инженер по профессии, был человеком интеллигентным, глубоко знал дело, а его уравновешенность и доброжелательность делали общение с ним легким и приятным. Но умел он, когда это требовалось, быть строгим, бескомпромиссным, требовательным. Смел, предан Родине беспредельно. Таких людей всегда уважают.

Андрей Иванович Голованов был человеком уже пожилым. Среднего роста, плотный, как говорят, крепко сбитый, очень

энергичный. То ли благодаря взгляду — а глаза у него были удивительно добрые, — то ли по какой-то другой причине, но он сразу же располагал к себе любого. Говорил он, слегка заикаясь, голоса никогда не повышал. Казалось, что в любой ситуации он всегда будет спокоен, никогда не станет суетиться и из любого положения найдет правильный выход. Так всегда и получалось. Несмотря на то что Голованов был ленинградцем, район, в котором сейчас действовал отряд, он знал прекрасно: в Дедовичском районе в 1930–1931 годах был активным участником коллективизации, здесь же в течение двух лет работал председателем районного профсоюзного совета. Ну, а партстаж у Голованова исчислялся с 1919 года.

О самых первых днях мои новые товарищи рассказали так. Когда полк разделился на две части, первая его половина всю ночь протряслась в кузовах грузовиков и высадилась наутро в районе деревни Грибково.

— Как это Грибково, — удивился я, — мы же должны были встретиться в районе Яссок!

— Не знаю, — отвечал Смирнов. — Была команда двигаться к Грибково, мы там и оказались.

Дальше машины были отправлены за нами. И началось ожидание.

— Долго мы вас ждали, — рассказывал Голованов. — Искали повсюду… Почти трое суток. Ну, а потом вышли в этот район, стали искать место. Вот это нашли. И почти все время здесь. Иногда уходим — есть у нас тут еще кое-что на примете, — но вот все возвращаемся… Удобно здесь.

Так и не выяснил я тогда, почему Грибково, а не Ясски, куда пропала автоколонна, почему Серболовский лес, а не Лютые Болота.[10]

Но так или иначе, а 6-го истребительного партизанского полка под командованием Петрова больше не существовало. Существовал Ленинградский партизанский отряд под командованием Савченко. У руководства отрядом кроме названных уже товарищей были Яков Матвеевич Суходеев — заместитель командира по оперативной части, Иван Егорович Баев — заместитель командира по хозяйственному обеспечению, Василий Акимович Малюгин — парторг.

* * *

Осваивая район дислокации, отряд Савченко действовал сначала в довольно тяжелых условиях. И пусть не удивляется

читатель, обратив внимание на то, что речь опять пойдет прежде всего о делах хозяйственных, а не боевых. Подумайте: могут ли хорошо воевать голодные люди? Нет, конечно. А как их прокормить, три с лишним сотни человек?

И вот здесь проявились замечательные организаторские качества заместителя командира отряда по хозяйственному обеспечению Ивана Егоровича Баева. Он очень скоро убедился, что попытки прокормить отряд тем, что могут по крупицам доставать группы заготовителей, не перспективны. Надо искать другое решение. И он нашел его.

Сначала Баев организовал жатву ржи на брошенных колхозных полях. Разумеется, тайно от немцев. После обмолота ручными цепами зерно доставляли в лагерь. Здесь добытыми в одной из деревень жерновами зерно перемалывали в муку и, как могли, пекли из нее лепешки. На первых порах это уже решало в какой-то мере проблему.

Но Баев на этом не остановился. Он решил, что зерно молоть надо на мельницах, а из полученной муки выпекать хлеб в деревнях. И он это организовал.

Узнав, что в Белебелке (а это километрах в 35–40 северо-восточнее отрядного лагеря) работает водяная мельница, Баев решил использовать ее для нужд партизан. Зерно на мельницу возили крестьяне, возили и солдаты гитлеровских гарнизонов. Если переодеть партизан, погрузить зерно на лошадей и затесаться в число крестьянских подвод — поди разберись, что это заготовители! Так и делали. Командир одного из взводов Борис Васильевич Кабанов настолько примелькался на мельнице, так сдружился с мельником, что в ночное время становился здесь фактически хозяином.

Ну, а выпечка хлеба в деревнях, в частности в Мухарево, хоть и представляла определенную опасность, однако стала вполне доступной. Избранные для этой цели деревни отличались тем, что дороги к ним были трудные и гитлеровцы здесь появлялись редко.

Спросите сегодня любого из бывших ленинградских партизан, какие условия считает он наиболее важными для успешных боевых действий в тылу врага, и в числе первых обязательно будет названа связь с местным населением. Это альфа и омега в науке партизанской войны. Но постигли мы эту науку не сразу. В первые дни войны бытовало, например, кое-где мнение о том, что наша сила в абсолютной скрытности, что только она может обеспечить успех действий в тылу врага. Следовательно, контактов с местным населением следует по возможности избегать. Но именно связью с местным населением, опорой на

него стали особенно сильны впоследствии полки и бригады Партизанского края. Отряд же Савченко благодаря установлению этих связей создал особенно выгодную для успешных боевых действий обстановку, обеспечил свое существование, стал неуловим.

В первые дни отряд занимался в основном разведкой. Боевые действия велись поначалу небольшими силами, на масштабность не претендовали. Это были нападения на мелкие подразделения гитлеровцев, разрушение линий связи и т. п.

Затем на задания вышли сразу несколько боевых групп, посланных в разные районы. Две группы — В. Я. Гуменного и М. А. Поспелова — устроили засаду на дороге Сосницы — Белкова. Они уничтожили колонну из трех автомашин противника, убили 29 фашистов, взяли в плен офицера, захватили оружие и боеприпасы. Группа под командованием Костенко уничтожила конный разъезд гитлеровцев из шести человек, среди которых был один офицер. Трофеи — два ручных пулемета и четыре автомата. Группа М. К. Воробьева в деревне Острый Камень уничтожила четыре автоцистерны с горючим. А группы Ф. Т. Сафонова и А. И. Голованова взорвали мост, вырезали 100 метров многожильного кабеля связи, заминировали участок дороги Ясски — Дедовичи, свалили большое число телеграфных столбов.

С этих дней боевая деятельность отряда стала разворачиваться все шире и шире.

Когда смотришь на карту районов, которые примыкали к месту расположения отряда Савченко, бросается в глаза прежде всего громадное пятно крупных лесных массивов и труднопроходимых болот. Они тянутся от реки Ловать на запад почти до участка Витебской железной дороги Новосокольники — Дно, а с севера на юг от железнодорожного участка Старая Русса — Дно до шоссе Холм — Локня. Эти районы пересекают многочисленными своими извилинами реки Шелонь и Полисть. Почти полное отсутствие приличных дорог, обилие труднодоступных даже для гужевого транспорта гатей и лесных троп завершают общую картину раскинувшейся на добрую сотню километров с севера на юг и на такое же расстояние с запада на восток местности.

Вполне понятно, что гитлеровцам контролировать эту глушь было нелегко, даже несмотря на то, что вокруг они расположили крупные гарнизоны: в Старой Руссе и Холме — с востока, на станциях Дно и Порхов — с севера, в Дедовичах, Чихачево и Новосокольниках — с запада, в Великих Луках — с юга. И это далеко не полная картина, было множество и меньших гарнизонов.

На первых порах гитлеровцы не придавали серьезного значения факту существования в глухих, труднодоступных местностях каких-то вооруженных групп. По их сведениям, группы эти вооружены были слабо, через линию фронта не снабжались и, если сравнивать их с регулярными частями Красной Армии, были чрезвычайно слабы. Учтите, что это было время отступления наших войск, время следовавших одна за другой успешных боевых операций противника на фронте, так что некоторую беспечность гитлеровцев в отношении оказавшихся у них в тылу партизанских групп понять можно. За серьезную силу они нас тогда не считали.

Однако продолжалось так очень недолго. Западные историки Ч.-О. Диксон и О. Гейльбрунн писали: «Когда в 1941 году германские армии вторглись в СССР, они не опасались широкого партизанского движения и действительно в начале кампании с ним не столкнулись».[11] Это утверждение справедливо лишь в первой своей части: гитлеровцы действительно не опасались вначале партизан. Но вот то, что они с партизанским движением в начале войны не столкнулись, категорически неверно. Столкнулись. И в первые же дни. Уже 2 августа 194! года датирована запись в дневнике главного командования вермахта: «Для подавления весьма активных действий партизан направляются в район Пскова дополнительные охранные части».[12] А дополнительные силы потребовались потому, что к этому времени против партизан были брошены уже все имевшиеся в распоряжении группы армий «Север» части охранных дивизий, а затем и полевые войска. Небезынтересно здесь и свидетельство западногерманского историка Герлица, который пишет об этом периоде: «В Ленинградской области партизанская деятельность была временами столь активной, что командующий группой армий „Север“ фельдмаршал фон Лееб вынужден был прекращать свои поездки на фронт».[13]

Приведенные здесь факты дают некоторое представление о действиях партизан Ленинградской области вообще, что же касается описываемого района, то именно здесь, как я писал уже выше, гитлеровцев ждал самый большой для тех дней сюрприз: рождение Партизанского края.

Почти одновременно с отрядом Савченко в Серболовские леса прибыл партизанский отряд секретарей Дедовичского РК ВКП(б) Н. А. Рачкова и А. Ф. Майорова. Этот отряд насчитывал в своих рядах 112 человек — партийных, советских и комсомольских активистов, отлично знавших здесь каждый населенный пункт, каждую дорогу и почти каждую лесную тропу. В некотором отдалении базировался отряд имени

Ленинградского обкома ВКП(б), созданный из актива Белебелковского и Поддорского районов. В его составе было 133 человека, также отлично знавших окружающую местность. Отрядом командовал старый большевик, участник гражданской войны Петр Николаевич Невский. Все три отряда довольно быстро установили между собой надежную связь, а вскоре стали объединять свои силы для проведения отдельных операций.

Одной из таких операций стал разгром крупного подразделения гитлеровцев в районе деревни Горушка. По инициативе Савченко его отряд и отряд Рачкова Майорова блокировали четыре дороги, ведущие от деревни. Было известно, что подразделение противника, временно расположившееся в Горушке, вот-вот должно выступить маршем по одной из этих дорог. И когда это произошло, колонна гитлеровцев была уничтожена почти полностью, причем помимо живой силы гитлеровцы потеряли 8 автомашин с боеприпасами и 11 мотоциклов. Потери партизан составили 5 человек убитыми и 27 ранеными.

Примерно в это же время в лесах около Старой Руссы по решению Военного совета Северо-Западного фронта и Ленинградского обкома ВКП(б) началось формирование 2-й Ленинградской партизанской бригады. Командиром ее был назначен начальник Новгородского дома Красной Армии Н. Г. Васильев, комиссаром — С. А. Орлов, начальником штаба — А. С. Афанасьев. В конце июля бригада, имевшая численность немногим более 100 человек, вышла в Серболовский лес и обосновалась у деревни Вязовка. Вскоре в нее влился отряд Рачкова и Майорова, затем отряд Невского, затем еще несколько отрядов. К концу августа во 2-й бригаде было уже более 600 человек, а к октябрю — до 1000. Именно 2-я ЛПБ[14] стала «матерью» Партизанского края.

Тем временем отряд Савченко продолжал активные боевые действия. Наиболее интересным в их ряду было, на мой взгляд, нападение на крупный, численностью до 1000 человек, гарнизон, расположившийся в деревне Паревичи. Эта операция была особенно примечательна тем, что проводилась совместно с подразделением Красной Армии и стала одной из первых такого рода. По данным разведки, прибывший в Паревичи немецкий гарнизон помимо своей многочисленности располагал сильным вооружением, артиллерией, танками. Сил отряда для успешной атаки явно недоставало. И тогда Савченко решил воспользоваться поддерживаемой время от времени пешей связью с командующим 11-й армией генералом Морозовым. Эта армия вела бои с наступавшей 16-й армией противника на реке Ловать.

К Морозову были направлены связные. Савченко просил переправить через линию фронта для участия в операции кавалерийский полк или хотя бы часть его. Партизан интересовали именно кавалеристы, поскольку в данных условиях они были наиболее мобильны.

Связные удачно и быстро добрались до цели, Морозов согласился на совместную операцию, и уже 15 августа объединенное командование партизанского отряда и двух эскадронов кавалерийского полка, просочившиеся через фронт по болотам, разрабатывало детальный план налета на вражеский гарнизон.

16 августа в полночь партизаны и кавалеристы скрытно заняли исходные позиции. Кругом стояла удивительная для военного времени тишина, и только далеко на востоке мелькали изредка сполохи артиллерийской дуэли да доносились временами глухие, едва различимые звуки далекой канонады. Деревня спала.

И вдруг яркие огненные языки полыхнули по краям и в середине Паревичей: группы В. Я. Гуменного и М. А. Богдановича, сняв часовых, подожгли несколько занятых фашистами изб. Это был сигнал к атаке. Это же был и способ осветить поле боя.

Врага застигли врасплох, это и предопределило успех нападавших. Однако прошло несколько полных неожиданностей дней, прежде чем операцию можно было счесть законченной. Большой группе гитлеровских солдат с несколькими танками и орудиями удалось вырваться из деревни и организовать ответные боевые действия. Они продолжались до 20 августа и закончились почти полным истреблением гитлеровского гарнизона. В ходе этой операции помимо живой силы противника было уничтожено 20 автомашин с боеприпасами, 15 цистерн с горючим, несколько артиллерийских орудий, 4 танка. С нашей стороны потери составили 47 человек убитыми и несколько десятков ранеными.

Оценивая сегодня события тех далеких дней, можно смело назвать операцию в районе деревни Горушка и разгром гитлеровского гарнизона в Паревичах своеобразным салютом зарождавшемуся Партизанскому краю. А вскоре последовали пусть меньшие по масштабу, но принесшие гитлеровцам ощутимый урон боевые операции против фашистских подразделений в деревнях Городовик, Савостин Остров, Хлеборадово.

СНОВА В ПОХОД

1941 год, 30 сентября — 12 октября

Осень принесла затяжные дожди и холода, особенно по ночам. А одежда и обувь партизан ветшала, да и было все это легким, на холода не рассчитанным. Те базы, которые заложили местные товарищи, создавались лишь для местных партизан, находились в их ведении и могли обеспечить только их нужды.

Внешний вид бойцов нашего отряда оставлял желать к этому времени много лучшего. Некоторые были вынуждены облачиться в трофейную немецкую форму. Но помимо всего прочего (право же, это весьма неприятно: одеться в чужое, с ненавистного вражеского плеча) такой маскарад был чреват самыми нежелательными последствиями — свои же партизаны могли подстрелить, не разобравшись. Да, кстати сказать, и мало была приспособлена форма гитлеровской армии к нашей погоде, так что пользовались ею только с отчаяния, да и то немногие.

Люди мерзли. Новые трудности стали возникать и в обеспечении отряда продовольствием. Все это стало известно в советском тылу, и, несмотря на складывавшиеся все более благоприятные условия партизанской борьбы в рождавшемся Партизанском крае, наш отряд получил приказ на выход из-за линии фронта.

Нам предстоял марш из Серболовских лесов в район Демянска. Пожалуй, это был самый трудный переход из выпавших на нашу долю в том году. Он оказался очень долгим и, что самое страшное, голодным. Когда в самом конце пути нам был навязан бой, приняли его люди, еле стоявшие от голода и усталости на ногах…

По всем расчетам, предстояло пройти по лесам и болотам не менее 100 километров. Вполне понятно, что запас продовольствия на переход такой длительности и сложности мы попросту не в состоянии были бы унести. Решено было пополнять запасы в пути — это тоже трудно, но иного выхода не существовало. С первых же дней марша отряд оказался на полуголодном пайке. Заготовители были не в силах обеспечивать достаточное количество продовольствия, поскольку большинство деревень на нашем пути было уничтожено в прошедших здесь совсем недавно боях, а те, что чудом уцелели, были очень небольшими. И вот тут наше и без того невеселое положение совершенно неожиданно стало час от часу ухудшаться.

Наш отряд, организованно продвигавшийся к линии фронта, стал невольно притягивать к себе отдельные небольшие, а порой и довольно крупные группы выходивших из окружения солдат и офицеров Красной Армии. Это началось, как только мы форсировали реку Ловать, по которой совсем еще недавно проходил фронт, и вскоре окруженцев набралось больше, чем нас самих. Другой задачи, кроме как оказывать им помощь, мы в сложившейся ситуации для себя не видели. Но каково было решать эту задачу отряду, находившемуся и без того в чрезвычайно тяжелом в смысле обеспечения продовольствием положении!

Теперь трудно представить, какой можно было найти выход. Спасение наше зависело уже только от того, как быстро сумеем мы добраться до линии фронта и пересечь ее.

…Когда мы полагали, что до цели уже недалеко, выяснилось, что части Красной Армии отступили на этом участке и что нам надо идти уже не к Демянску, а в район Валдая. Путь удлинился ровно вдвое…

Я не буду останавливаться на подробностях: нетрудно представить, что пережили наши люди в сложившейся ситуации. На одиннадцатые сутки, голодные и измотанные, мы подошли к деревне Волго-Верховье. Здесь начинается Волга: маленький ручеек, вьющийся среди леса, его можно перешагнуть и не заметить. Но нам было не до умилений по этому поводу. Где-то рядом линия фронта. Где-то рядом наши войска. Но рядом и войска противника: мощные, готовые к бою и способные, без сомнения, уничтожить в случае обнаружения наш отряд одним ударом. Предстояло найти брешь в боевых порядках противника и попытаться использовать ее.

Вскоре разведка установила, что наиболее слабые участки в линии гитлеровских войск находятся на западном берегу озера Стерж и наименьший риск, хоть это и дерзко, представляет поэтому переправа через озеро.

Утром мы сосредоточились около деревни Белка. Расстояние между берегами здесь наименьшее: около 350–400 метров. Выслана разведка. По ее возвращении мы узнали, что гитлеровцев в деревне нет, а у местного населения много лодок живут здесь в основном рыбаки. Все складывалось как нельзя более удачно. С наступлением темноты решено было начать переправу.

И тут вновь произошло неожиданное: окруженцы — наименее организованная часть нашей группы — бросились к берегу, стали расхватывать лодки, и вскоре пустынная до того поверхность озера буквально закипела. Целая флотилия загруженных до отказа рыбацких лодок лихорадочно, поспешно двигалась к

противоположному берегу. Остановить окруженцев, рвавшихся к близкой уже цели, не могло ничто, и все новые лодки появлялись на озере: видимые издалека, беззащитные и беспомощные.

Теперь судьба этих людей зависела разве что от вмешательства господа бога: требовалось чудо. Мало того, что по ним могли открыть огонь гитлеровцы, — наши части тоже могли расстрелять их, приняв за десант противника. И все-таки чудо произошло. Видимо, гитлеровцы от неожиданности попросту не поняли того, что происходит: во всяком случае огонь они открыли с очень большим запозданием, когда лодки уже причаливали к противоположному берегу. А наши части, как выяснилось позже, привели в боевую готовность передовые подразделения на случай десанта, но огня решили не открывать.

Нам же надеяться на чудо уже не приходилось. Недисциплинированность окруженцев, граничившая с предательством, ставила нас под угрозу боя неожиданного, совершенно нежелательного, причем в тех условиях, которые навяжет превосходящий нас во всех отношениях противник. Савченко решал в эти минуты задачу чрезвычайной сложности: появления гитлеровцев следовало ждать с минуты на минуту, — надо было выбрать и занять к этому времени наиболее выгодную позицию для круговой обороны. Чем закончится бой для измотанного в походе отряда, предугадать было нельзя. Очевидным было пока только одно: возможности переправиться к своим здесь, у деревни Белка, для нас больше не существует.

…Бой длился свыше трех часов: дневной, открытый, вынужденный бой партизанского отряда с подразделением регулярной гитлеровской армии. Правда, узнав от переправившихся окруженцев о происходящем, наши воинские части поддержали отряд артиллерийским огнем, но все-таки положение наше оставалось крайне тяжелым.

К вечеру мы отошли, отстреливаясь, в лес. Наступившая темнота укрыла отряд, и до утра можно было не опасаться атак неприятеля. Но где перейти фронт? Савченко вновь решал сложнейшую задачу. Возвращаться в район Волго-Верховья нельзя — там сосредоточены крупные силы противника, расположенные к тому же очень плотно. Переправа через озеро в любом месте, кроме выбранного сегодня (и стараниями окруженцев для нас потерянного), вела к не меньшему риску. Что же делать?

Савченко принял отчаянное на первый взгляд решение — переправляться, причем именно в том месте, где переправились окруженцы. Начать завтрашней ночью. Оставшееся время использовать для тщательной разведки и подготовки переправы. Отряду замаскироваться и принять все меры к тому, чтобы не

быть обнаруженным.

Штаб отряда разработал четкий порядок действий всех подразделений: очередность переправы, боевое охранение, места дневного укрытия, маршруты выхода к озеру ночью и прочее. Я был назначен начальником переправы.

Должен заметить, что маскироваться к этому времени мы научились мастерски. Для немцев отряд исчез бесследно — как в воду канул. Поэтому следующий день прошел спокойно. Еще первой ночью мы выслали маленькую разведгруппу, перед которой поставили задачу перебраться на другой берег, связаться с командованием наших армейских подразделений, поставить его в известность о сроках переправы отряда, выбрать несколько наиболее крупных лодок и доставить их к нам. Судя по тому, что ночь прошла тихо, разведчики с первой половиной задания справились успешно.

Тем временем штаб подвел итоги минувшего боя. По приблизительным подсчетам, наш отряд вывел из строя до 400 вражеских солдат и офицеров, более двух десятков автомашин. Расстановка сил в этом столкновении была явно не в нашу пользу, однако наши потери оказались гораздо меньшими, чем можно было опасаться: 7 человек убиты, 25 легко и тяжело ранены.

Мы похоронили погибших товарищей. Вот их фамилии: Л. К. Григорьев, В. И. Гришаев, Кононюк,[15] К. М. Кулагин, П. А. Петушков, В. А. Пекарчук, Г. А. Розов.

Василий Андреевич Пекарчук погиб на моих глазах. Мы лежали рядом Пекарчук, Поспелов и я, — отстреливаясь от атакующих гитлеровцев. Пекарчук ожесточенно и вместе с тем очень спокойно посылал во врага пулю за пулей. Стрелял он всегда, как в тире: тщательно наводил оружие, плавно тянул спусковой крючок. В прошлом он был офицером Красной Армии, кавалеристом, и ни от кого не скрывал страстного своего желания после перехода линии фронта снова попасть в регулярные войска. Веселый, жизнелюбивый, жизнерадостный и открытый человек, отличный товарищ, оптимист по натуре, он был настолько убежден в скором и удачном переходе линии фронта, что легко жил завтрашним днем, где видел себя в любимой кавалерии, верхом, с шашкой на бедре.

Пуля попала ему в голову. Он даже не вскрикнул…

* * *

В установленное время подразделения отряда начали

выходить к месту переправы. Здесь нас встретила еще одна неожиданность: разведчики сумели пригнать только две лодки — остальные попросту унесло ветром в озеро, когда окруженцы, переправившись, бросили их на берегу. Никому из них не пришла в голову мысль об отряде, оставшемся на этой стороне, никто не позаботился о том, чтобы сохранить лодки для нас. Впрочем, сетовать на злосчастных окруженцев опять не было времени. Мы начали переправу.

Каждая лодка способна была принять на борт до 20 человек, не считая гребцов и рулевого. Следовательно, более десяти раз должны были пересечь озеро в том и другом направлении оба наших суденышка, чтобы перевезти весь отряд. И надо сказать, переправа прошла удивительно гладко: сказались хорошая подготовка операции, организованность и дисциплинированность партизан. К пяти часам утра весь отряд был в расположении передовых частей Красной Армии. За это время не прозвучало ни единого выстрела.

Так 12 октября 1941 года закончился первый наш рейд в тыл врага. Впервые за много дней испытали мы ощущение полной безопасности. Три месяца были мы лишены тыла, три месяца могли рассчитывать только на самих себя. И теперь, очутившись хоть и на передовой, но в расположении своих, советских войск, мы чувствовали себя так, будто попали в глубокий и надежный тыл своей Родины.

В ВАЛДАЕ

1941 год, 12 октября — 13 ноября

Через несколько часов мы уже грузились в эшелон, который доставил отряд в Валдай. Встретили нас очень тепло, мы сразу почувствовали массу дружеского внимания, а главное — интереса к себе. Впрочем, это было и не удивительно: по тем временам мы пробыли во вражеском тылу очень долго, и, конечно же, многое из того, что могли рассказать, представляло большой интерес. Боевые действия отряда получили довольно высокую оценку, и каждому из нас было радостно сознавать это.

Ну, а если вспоминать наш быт в те дни, то первое и главное, что приходит на память, — это удивительно долго не оставлявшее нас чувство… бездонности желудка. Не голода — кормили нас превосходно, — а именно того, что тебе никак не оторваться от еды. Это продолжалось недели полторы. Помню, было мне даже неудобно перед окружающими за то, что так жаден до еды, но поделать с собой ничего не мог.

Как и всякое подразделение, отведенное с передовой в тыл, наш отряд начали переформировывать: изменилась численность батальонов, был перераспределен рядовой, командный и политический состав. Многие кадровые военные были направлены в части Красной Армии, почти всех пограничников отозвали в Ленинград. Часть людей перевели в другие подразделения, а также на различные должности в партизанский отдел штаба Северо-Западного фронта и в оперативную группу Ленинградского штаба партизанского движения. В отряде осталось всего 130 человек.

Я был направлен в распоряжение партизанского отдела штаба фронта.

* * *

Пора сказать несколько слов о структуре руководства партизанским движением в Ленинградской области.

Непосредственными организаторами партизанской борьбы с первых же дней войны стали партийные органы. Они работали во взаимодействии с Военными советами фронтов[16] и определяли районы базирования полков и отрядов, характер их боевой деятельности, занимались вопросами обеспечения.

Ленинградский обком партии вел на первых порах эту работу через свой военный отдел. Однако довольно скоро стало очевидным, что движение, приобретавшее все больший размах, требует создания особого органа руководства.

В первых числах июля 1941 года обком ВКП(б) сформировал специально для этого группу партийных работников. В конце этого же месяца группа была преобразована в оргтройку. Возглавил ее (как до этого и группу) секретарь обкома партии Г. Х. Бумагин, в состав тройки вошли заведующий военным отделом обкома М. Ф. Алексеев и представитель областного управления Наркомата внутренних дел Л. И. Кожевников. Тропке было предоставлено право иметь необходимый для практической работы аппарат, а на места, в прифронтовую полосу, направлять своих представителей. Они назначались из числа ответственных работников аппарата обкома партии.

Тройка действовала недолго — до двадцатых чисел сентября 1941 года. Она организовывала и направляла в тыл врага новые отряды, принимала меры по обеспечению более надежной связи с отрядами уже действующими, занималась вопросами технического и материального обеспечения, оказывала партизанам помощь в политической работе среди населения оккупированных районов.

И все-таки Ленинградский обком ВКП(б) вновь реорганизовал систему руководства партизанским движением. 27 сентября 1941 года был создан Ленинградский штаб партизанского движения (ЛШПД), руководителем которого стал секретарь обкома партии М. Н. Никитин, а членами штаба — заведующий военным отделом обкома М. Ф. Алексеев, начальник разведывательного отдела Ленинградского фронта П. П. Евстигнеев и начальник областного управления Наркомата внутренних дел П. Н. Кубаткин.

Более сильный центр управления был создан для того, чтобы еще теснее увязать партизанские действия с действиями Красной Армии, усилить централизацию руководства борьбой в тылу врага, сделать ее по-настоящему целенаправленной. Надо заметить, что командование Северо-Западного фронта в то время тоже формировало партизанские подразделения и даже имело свой партизанский отдел при Военном совете. Ленинградский штаб партизанского движения должен был координировать и его действия.

Вскоре на фронтах начали действовать оперативные группы ЛШПД, возглавляемые уполномоченными штаба. Созданная на основе накопленного к этому времени опыта структура руководства партизанским движением в области приняла

достаточно стройный вид и в дальнейшем уже практически не менялась.

Итак, шел октябрь 1941 года, я приступил к исполнению новых обязанностей в партизанском отделе штаба Северо-Западного фронта.

В конце октября — начале ноября в Валдае на переформировании или на отдыхе находилось до 19 партизанских отрядов. Часть из них была подчинена партизанскому отделу Северо-Западного фронта: они состояли главным образом из кадровых военных, изъявивших желание участвовать в операциях во вражеском тылу. Другая же часть отрядов была сформирована прифронтовыми райкомами партии и подчинялась оперативной группе ЛШПД. В эти отряды входили люди в основном невоенные. Отряды регулярно получали боевые задания и выходили для их выполнения в ближайший прифронтовой тыл противника, где громили штабы вражеских подразделений, нападали на аэродромы, сжигая самолеты и запасы горючего, совершали другие диверсии. Эти операции разрабатывались, как правило, по заданию начальника штаба фронта генерала Н. Ф. Ватутина.

В числе наиболее удачных в те дни был налет отряда под командованием бывшего танкиста капитана Вишнякова на штаб испанской «голубой дивизии». Были захвачены ценные штабные документы, отряд привел в Валдай около 60 пленных.

Несколько раньше отряд Вишнякова вместе с отрядом лейтенанта Скиба принял участие в уничтожении крупного десанта, выброшенного гитлеровцами в районе Торжка. Случилось так, что ни в Торжке, ни в соседнем Вышнем Волочке в момент десантирования неприятеля достаточно сильных подразделений наших войск не было. Вражеские парашютисты могли натворить много бед.

По тревоге в Валдае подняли два отряда. На грузовиках их перебросили в район деревень Марьино и Миронежье, — путь не близкий и, как ни гнали машины, добрались до места лишь через несколько часов. Отряды с ходу вступили в бой и вели его трое суток, связывая противника до подхода дивизии Калининского фронта. Потом десант погнали на Медное, где окончательно его разбили. Все партизаны — участники этой операции были награждены орденами и медалями. В полку, командиром которого я стал полгода спустя, воевало несколько человек из отрядов Вишнякова и Скиба — лейтенант А. А. Валенцев, награжденный за операцию под Торжком орденом Ленина, лейтенант Г. М. Журавлев, награжденный тогда же орденом Красной Звезды.

Отличился в те дни и отряд Савченко. 4 ноября он совершил ночной налет на крупный, численностью до 600 человек, гарнизон гитлеровцев в деревне Дедно под Демянском. Партизаны уничтожили более 200 вражеских солдат и офицеров, сожгли 2 склада боеприпасов и продовольствия, 18 автомашин с военными грузами, перебили охрану большого лагеря военнопленных и вывели в наш тыл 480 советских воинов. Был разгромлен штаб немецкой части, захвачено ее знамя, данные о расположении соседних частей противника, карты, полевая почта, 470 бланков паспортов и удостоверений. Это был большой успех для отряда численностью всего 130 человек. При этом потери партизан составили 11 человек убитыми и 14 ранеными.

Вскоре в одном из рейдов по тылам врага довелось участвовать и мне. Сразу замечу, что, в отличие от описанных выше, этот рейд не был удачным.

РЕЙД

1941 год, 14–16 ноября

Я получил задание выйти во вражеский тыл в составе четвертого отряда, целиком сформированного из рядовых и командиров инженерных войск, и дать оценку его боеспособности в условиях активных диверсионных действий. В отряде насчитывалось 60 человек, командовал им старший лейтенант Кучин.

В одну из темных ноябрьских ночей мы благополучно перешли линию фронта и углубились в занятую врагом территорию. Преодолев за ночь большое болото Синюха, расположились с рассветом на отдых и завтрак. Все было тихо и мирно.

Внезапно тишину разорвали выстрелы: наш секрет открыл огонь по гитлеровцам, вышедшим на след отряда. Как выяснилось, вел их один из бойцов нашего отряда, отставший в пути и захваченный немцами. Его исчезновения почему-то никто не заметил. Предателя убили первой же очередью. Бой повели с самого начала организованно, затем первая половина отряда во главе с командиром и комиссаром начала отход, вторая же этот отход прикрывала.

Обнаружение в прифронтовой полосе было чревато самыми серьезными последствиями. О том, чтобы пробиваться к месту запланированной операции, не могло быть и речи — сейчас надо было думать, как спасти отряд от полного уничтожения. Решили выходить к своим.

Случилось так, что я оказался во второй половине отряда, прикрывавшей отход основных сил. Нашей группе никак не удавалось оторваться от гитлеровцев: периодически мы завязывали бой, потом выходили из него, а затем были вынуждены вновь и вновь вступать с противником в столкновение. И спустя очень немного времени стало ясно, что первую половину отряда нам уже не догнать. Будучи старшим по званию, я принял командование группой.

Положение наше с каждым часом усложнялось: уйти от преследователей мы по-прежнему не могли, а все более частые огневые стычки рано или поздно должны были закончиться не в нашу пользу. И тут, в безвыходном, казалось бы, положении, выручил накопленный с июля опыт.

Партизанская война имеет свои законы. Школа первых дней

войны учила всех нас специфическим приемам, которые позволяют побеждать численно превосходящего противника, если действовать неожиданно, внезапно, если умело использовать местность и т. д. Я решил перейти к действию засадами.

Оторвавшись в очередной раз от преследователей, мы, маневрируя в лесу, вышли к дороге и, услышав голоса приближавшихся гитлеровцев, залегли вдоль нее. Через несколько минут в зону засады втянулось несколько подвод (и немцы использовали этот транспорт — другой здесь пройти не мог), на каждой из которых сидело по 5–7 солдат. Это были наши преследователи.

Удар по врагу оказался неожиданным и сильным, огонь велся почти в упор, и через несколько минут бой закончился. Из гитлеровцев не спасся никто.

Наступили сумерки. Наша группа вышла к большаку, и здесь я приказал вновь организовать засаду. Через некоторое время показались два больших автофургона, набитых солдатами, — видимо, еще одна поисковая группа. Наш удар был не менее неожиданным, чем несколько часов назад, и не менее сокрушительным. Когда мы уходили в лес, на дороге, густо дымя, догорали разбитые машины да чернели на снегу неподвижные тела убитых в бою гитлеровцев.

Уже в полной темноте вышли к болоту Синюха. Отсюда до линии фронта предстояло пройти еще около 25 километров — трудный марш, который необходимо завершить к утру. И все-таки, когда на нашем пути оказалась небольшая, в восемь дворов, деревушка, занятая фашистами, я решил атаковать ее. В этом не было необходимости — просто хотелось хоть чем-нибудь компенсировать общую неудачу сорвавшегося в самом начале рейда.

Небольшой гарнизон спал. Налет вновь оказался совершенно неожиданным, сопротивления почти не последовало.

* * *

…Вот уже несколько часов мы шли по кажущемуся бесконечным болоту. Вторые сутки без сна, почти без отдыха, из боя в бой, а теперь изнурительный этот переход. Ноги у всех промокли: шли по сплошной почти слякоти. И безумно хотелось спать.

К полуночи небо освободилось от облаков, посветлело, высыпали яркие звезды, легче стало ориентироваться. И все сильней и сильней стало подмораживать. На привалах

смертельно уставшие люди, привалившись к дереву или кочке, мгновенно засыпали. Тяжелых, туго набитых вещмешков и оружия никто с себя не снимал — на это не хватало уже сил. А температура все падала, и я знал, что теперь наша группа подвергается опасности не меньшей, чем в бою: людей можно потерять не от пуль, а от мороза. И такие случаи были нередки замерзали целыми группами, я помнил это еще по финской войне.

Говорят, что, когда усталый человек засыпает на морозе, к нему приходит удивительное ощущение тепла и нет уже ни сил, ни желания встать, нет контроля над собой, нет опасения беды. Есть только тепло и покой… Говорят, это легкая смерть. Я чувствовал, что она ходит рядом с нами.

Единственное спасение — не позволять людям спать больше пяти, иногда десяти минут. На привалах, ткнувшись вещмешком в первое попавшееся дерево, я сидел на снегу, тер слезящиеся глаза, не давал мыслям сосредоточиться на чем-то одном — иначе заснешь — и следил в то же время внимательно за собственными ногами. Как только они начинали мерзнуть, я заставлял себя встать, будил людей и мы снова двигались вперед. Я не спал в эту ночь ни минуты, хоть устал так же, как и все. В ситуациях, подобных этой, — я убежден командир не имеет права доверить жизни бойцов никому, кроме себя.

Никто не знал, сколько длились эти привалы: бойцы засыпали мгновенно, на часы никто не смотрел. И не стоило труда убедить людей в том, что стоянки были долгими: десятиминутный сон тоже освежает: попробуйте — и вы убедитесь в этом сами. Когда же ты уверен, что спал долго, силы и подавно прибавляются.

Я много раз убеждался в том, что возможности человеческого организма гораздо больше, чем нам порой кажется. Как часто чувствуют себя совершенно *разбитыми* люди, проспавшие вместо положенных восьми часов всего семь! И невдомек им, что вся их усталость ничего общего не имеет с физическим состоянием, что вызвана она только неверным представлением об этих якобы необходимых ежедневно восьми часах сна. Иначе говоря, эта усталость не физического свойства, а морального, причем, что особенно удивительно, она ощущается как самая обычная что ни на есть физическая усталость. Кто-то скажет: «Война не пример, в войну человеческий организм работает на износ». Да, это так. Но учтите и другое: не спав сутками, мы выходили потом не на отдых — часто прямо в бой. А выдержать схватку могут только сильные физически люди. И откуда-то эти силы брались!

…Переход длился всю ночь, а когда началось утро —

исключительно туманное и тихое, — мы, двигаясь, как в молоке, услышали впереди голоса. Предположительно это была уже своя территория, но мы залегли и изготовились к бою. А через несколько минут выяснилось, что это свои: связисты, тянущие телефонную линию для обеспечения готовящегося на сегодня наступления.

В жарко натопленных избах ближайшей деревни прежде всего стали снимать обувь. Однако далеко не всем это сразу удалось: промокшие портянки и носки намертво примерзли у многих к стелькам сапог. Мне, например, пришлось разрезать сапоги по шву, и только после этого они с треском упали с ног. Несколько человек отправили в госпиталь.

Первая половина отряда перешла линию фронта раньше нас и на другом участке. Вскоре в Валдае мы встретились.

«ОТ СОВЕТСКОГО ИНФОРМБЮРО…»

1941 год, декабрь

Время, о котором я сейчас пишу, было в моей военной судьбе, пожалуй, самым прозаическим. Жил я в доме на центральной площади Валдая. Это была типично купеческая постройка: на первом этаже складские помещения и магазины, на втором — жилые комнаты. Это было для нас удобно: внизу разместились наши склады, на верхнем этаже — общежитие. Если пересечь площадь наискосок попадаешь в партизанскую столовую. Шагов двести. Пять минут ходу — и ты в разведотделе. Туда я отправлялся, совсем как в мирное время на работу. И занятия мои довольно часто были лишены даже малого намека на воинскую доблесть: некоторое время, например, я «разведывал» лыжные склады в соседних городах. Ездил в командировки в Рыбинск, в Вышний Волочек, в Боровичи с заданием найти подходящие для партизан лыжи, причем в достаточно большом количестве.

Я понимал, конечно, что и этим кто-то должен заниматься. Но все-таки очень тяготился обстоятельствами, заставлявшими тратить время так бездарно. Я считал себя боевым командиром, и поэтому работа, имевшая откровенно тыловой характер, никак не способствовала бодрости моего духа.

Честно сказать, в памяти моей от тех дней в Валдае почти ничего не осталось: какие-то малозначащие детали быта, монотонность служебных дел, заботы, могущие быть сколько-нибудь важными разве что для меня самого, да и то с большой натяжкой. Но очень ярко проступает сквозь все это совершенно не стираемое временем ощущение огромной радости, испытанной в начале декабря каждым из нас: пришло сообщение о контрнаступлении Красной Армии под Москвой.

Сводки Совинформбюро слушали, боясь пропустить хоть слово. Обсуждали их на все лады и повсюду. А известие о наступлении наших войск под Ростовом и Тихвином вызвало настоящее ликование.

Мы, конечно, давно ждали крупных событий. Я, например, хорошо помню, какое впечатление на меня произвела переданная по радио речь Сталина, произнесенная им на Красной площади во время парада, посвященного 24-й годовщине Октября. Мало того, что сам факт традиционной торжественной церемонии в осажденной врагом Москве не мог не вселять уверенность и силу, — каждое слово Сталина оставляло в душе неизгладимый

след. Он говорил, как всегда, негромко, спокойно, уверенно и очень просто. Чувствовалось, что он знает, как ждет страна его слов и как им верит. И он сказал самое нужное. Я до сих пор помню даже интонацию, с которой он говорил: «Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений…» Эти слова не напишешь на транспарантах. С ними можно только впрямую обращаться к людям: потерпите еще, потерпите — осталось недолго.

Мы верили в победу, терпели и ждали. И дождались. Декабрьское наступление Красной Армии доказало всему миру, что «непобедимость» гитлеровских войск это не более чем гитлеровская же выдумка, что «молниеносная война» в применении к Советскому Союзу — идея нелепая. Начинался решительный поворот войны. Все мы чувствовали приближение новых перемен, понимали, что отразятся они в каждой из судеб, и ждали их с нетерпением.

ПАРТИЗАНСКАЯ ШКОЛА

1941 год, 20 декабря — 1942 год, 9 февраля

Я никогда не был кадровым военным. Как и все студенты института физической культуры, прошел в свое время курс высшей вневойсковой подготовки вуза, бывал на сборах, посещал, как все офицеры запаса, командирские занятия — вот и все. Невелик был багаж моей теоретической военной подготовки. Но в последующие годы — в финскую войну, а потом в Великую Отечественную — моя судьба складывалась так неожиданно и такими разными делами вынуждала меня заниматься, будто хотела проверить, на что способен в войну штатский человек, что будет с ним, если кидать его от одного незнакомого дела к другому. Так было не только со мной, так было с тысячами и тысячами. И это было тогда почти нормой. Люди мирных специальностей осваивали одну за другой специальности военные, принимая это как должное. Очень правильно сказал писатель Михаил Анчаров: «…войну выиграли не любители острых ощущений, а мирные люди, которых общая беда сделала профессионалами».

В финскую войну я командовал инженерным подразделением стрелкового полка. С первых дней Великой Отечественной — строительными батальонами. Затем стал партизанским комбатом, потом сотрудником партизанского отдела. А в декабре 1941 года получил новое назначение.

Ленинградский штаб партизанского движения и Военный совет Северо-Западного фронта решили открыть в Валдае краткосрочные курсы подготовки партизанских кадров. Я получил назначение на должность заместителя начальника, а буквально через несколько дней — начальника школы.

Комиссаром был старший политрук Александр Петрович Чайка — партийный работник, направленный в начале войны в распоряжение штаба Северо-Западного фронта с третьего курса Промакадемии. Он работал сначала в партизанском отделе штаба, затем на три месяца был заброшен во вражеский тыл, а после этого скова вернулся в штаб. Нам выделили помещение на южной окраине города, вскоре прибыли курсанты, и потекли становившиеся все более привычными учебные будни.

Политическую часть целиком обеспечивал комиссар. Тактическую, стрелковую, лыжную и диверсионную подготовку вел я. Разумеется, у меня были помощники. Мы готовили людей к

боевым действиям в условиях совершенно специфической войны партизанской, обучали всему тому, что станет им совершенно необходимым за линией фронта.

Тем временем, в середине января сорок второго года, в войсках началась интенсивная подготовка к наступлению на позиции 16-й гитлеровской армии, целью которого был, в частности, и захват города Старая Русса. Операция рассматривалась как часть общего контрнаступления Красной Армии, разворачивавшегося от Балтики до Черного моря после победы под Москвой. Все находившиеся в Валдае партизанские силы включались в удар.

Большинство отрядов вошло в состав сформированного в те дни сводного полка, командование которым было поручено майору Латыпову. В задачу полка входила атака Старой Руссы с тыла и совместный с частями Красной Армии захват города. Многие наши курсанты были временно отозваны из школы и направлены в распоряжение Латыпова. Отряды, не вошедшие в полк, получали свои задания. В Валдае оставались только руководство и часть наших курсантов.

Формирование полка Латыпова и подготовка к выходу в немецкий тыл длились недолго и, вероятно, поэтому оставили в моей памяти немногое. Запомнилось только, что все отряды были прекрасно экипированы и вооружены. Валдай опустел, и уже только из штабных радиограмм могли мы узнавать о том, как разворачивались события дальше. Войска Северо-Западного фронта, взломав вражескую оборону, продвинулись вперед на несколько десятков километров и в районе Демянска загнали 16-ю гитлеровскую армию в «котел». Однако вражеские части под Старой Руссой упорно сопротивлялись и город не сдали. Наступление продолжалось в направлении городов Торопец и Холм.

А потом стали возвращаться отряды полка Латыпова. Как были они непохожи на самих себя, выходивших отсюда какую-то неделю-две назад! Измотанные в боях, измученные многими бессонными ночами, похудевшие, обросшие бородами люди. Огромные потери. И все-таки — ни следа уныния. Вот что рассказали наши товарищи.

Бой за Старую Руссу был очень тяжелым. Как нападавшие, так и оборонявшиеся вели его упорно, настойчиво, не считаясь ни с чем. Партизаны несколько раз врывались в город с тыла и всякий раз, не будучи в силах закрепиться, отходили, неся значительные потери. Атаки с фронта тоже не имели успеха, хотя и велись беспрерывно, и бой здесь кипел не умолкая. Как противник, так и наши войска теряли силы, истощали резервы, но ни одна из

сторон перевеса добиться не могла. Несколько раз в город врывались танки, но без поддержки пехоты они не могли, конечно, решить бой в нашу пользу.

Через несколько дней, имея крупные потери и нанеся не меньший урон противнику, наши войска отошли и закрепились на заранее подготовленных позициях. Положение же партизанского полка было значительно тяжелее: ему предстояло пройти по тылам взбудораженного до предела противника, перейти линию фронта и только после этого оказаться вне боя. Впрочем, поотрядный выход в советский тыл прошел успешно. И, несмотря на то что Старую Руссу взять не удалось, настроение у всех было приподнятым — 16-я армия противника в Демянском «мешке».

В историю обороны Ленинграда попытки деблокады города, предпринятые в начале 1942 года, вошли как неудачные: не хватило сил и средств, сказались недочеты в организации наступления. Однако каждому сегодня ясно, что активные действия советских войск в течение всего года срывали готовившийся новый штурм города.

С начала войны прошло уже более полугода. Известно, каким трудным, напряженным, а во многом и трагическим было это время. Но несло оно нам не только горечь потерь и поражений. Страна перестраивала всю свою жизнь на новый, военный лад. Тыл жил лозунгом «Все для фронта, все для победы!», а оружие, выкованное в тылу, попадало в руки людей, закаленных первыми битвами, набравшихся опыта и воинского умения. Это была суровая школа, но учила она крепко-накрепко.

Многое вынесли в первые месяцы войны ленинградские партизаны, коммунисты-подпольщики. К зиме гитлеровцам удалось, например, почти полностью подавить партизанское движение в северных районах области, нанести жестокие удары по партийному подполью. Но на фоне тяжелых потерь яркой звездой начинал светить легендарный Партизанский край, созданный в южных районах 2-й Ленинградской партизанской бригадой. О нем и поведу я речь дальше.

Часть вторая
Партизанский край

Скорей умрем, чем станем на колени,
Но победим скорее, чем умрем!

Из партизанской песни

В СЕРБОЛОВСКИХ ЛЕСАХ

1942 год, 10–25 февраля

Вначале февраля вышедшие из-под Старой Руссы партизанские отряды и часть других отрядов, находившихся в то время в Валдае, были объединены в полк, перед которым ставилась задача проникнуть в глубокий немецкий тыл и действовать на коммуникациях в районе Порхова. Наши курсы готовились в это время к первому выпуску, однако мне участвовать в нем не пришлось: я опять получил новое назначение — на должность начальника штаба этого полка. Он был скомплектован, экипирован и вооружен чрезвычайно быстро: помню, что на сборы мне остались ровно сутки, а потом — в путь, так что все знакомства состоялись почти на бегу. Правда, времени на это особенно и не требовалось: из партизан, находившихся тогда в Валдае, многие знали друг друга или хотя бы друг о друге слышали.

Комиссара полка старшего политрука М. Ф. Назарова я до этого не знал. Зато с командиром был знаком очень хорошо: это был тот самый Павел Фаддеевич Скородумов, вместе с которым мы вышли из Ленинграда в составе полка Петрова: я командиром 6-го, а он — 7-го батальона. Это с ним шел командир нашего полка к месту сбора в Лютых Болотах.

Я, конечно, сравнивал новый полк с тем, в составе которого вышел из Ленинграда в июле 1941 года, и буквально во всем находил перемены к лучшему. Новый полк был несравненно лучше экипирован: у всех отличные полушубки, маскхалаты, лыжи, сильное вооружение. Если в июле на весь мой батальон был один-единственный автомат, то сейчас автоматическое оружие имели многие. Были в полку минометы, была радия. И моральное состояние людей тоже изменилось к лучшему: в тыл шли опытные уже партизаны, испытанные в боях, знавшие, что им предстоит, и уверенные в своих силах.

11 февраля мы выступили из Валдая. Колонна грузовиков доставила полк в Осташков. Теперь наш путь лежал через линию фронта в Партизанский край, дальше — в лесной массив западнее Порхова, где предстояло найти место базирования и развернуть боевые действия.

Линию фронта решено было перейти на том участке, который проходил по дороге Старая Русса — Холм, в районе Рдейских болот, тянущихся отсюда на запад до Витебской железной дороги

100-километровой по ширине лентой. Эти болота, почти непроходимые летом, и зимой оставались настолько труднодоступными, что гитлеровских частей здесь не было. Партизаны же неоднократно использовали болота как дорогу через фронт. Достаточно сказать, что месяцем позже почти в том самом месте, где пересекли линию фронта мы, прошел легендарный партизанский обоз с продовольствием, направленный жителями Партизанского края в блокированный Ленинград.

Это был трудный путь. Среди партизан ходила поговорка: «Кто в Рдейских болотах не бывал, тот и горя не видал». И все-таки мы пробирались через эти болота, проклиная их гибельную глушь, пустошь и трясины и благословляя за то, что укрывали они от врага как нельзя лучше.

Но линия фронта остается линией фронта даже тогда, когда пролегает в труднодоступных местах: переход ее всегда опасен. И полк тщательно готовился. Несколько дней мы вели разведку, выбирая наименее опасный участок. Подгоняли снаряжение, чтобы на марше ничто не звякнуло. Еще и еще раз инструктировали командиры своих людей. И наконец в ночь на 19 февраля бесшумно и быстро полк совершил бросок через этот рубеж.

Трудности перехода на этом не кончались. Утром гитлеровцы обязательно обнаружат широкую тропу, пробитую нами в снежной целине, и, конечно же, бросятся по этому следу в погоню. Минирование тропы хоть и необходимо (и мы провели его), мало что изменит. Но самое главное — гитлеровцы вышлют авиаразведку, а растительность на болотах хилая, укрытия от самолетов почти не дает, и с воздуха нас обнаружат неизбежно.

Было решено укрыться от врага на день в одной из прифронтовых деревень. Это рискованно и тем не менее единственно верно.

Мы находились в районе полуразрушенного Рдейского монастыря. Разведроте было приказано двигаться в полном составе к юго-западу и там, в стороне от дорог, от линии фронта (и, к сожалению, от нашего маршрута, но что делать!) найти пригодную для дневки деревню. Полк двинулся следом.

К утру, пройдя около 20 километров, мы расположились на отдых. Разведкой было установлено, что в ближайшей округе обстановка благоприятна, гитлеровских частей нет. День прошел спокойно, только где-то севернее воздух утюжили вражеские самолеты-разведчики. Некоторые из них изредка пролетали и над деревней: без сомнения, искали именно нас. Но поскольку людям было категорически запрещено выходить из домов, деревня с

воздуха казалась безлюдной, и самолеты уходили к Рдейскому монастырю. А уже на следующее утро, 21 февраля, полк, совершив большой ночной переход, вошел на территорию Партизанского края.

Еще будучи в Валдае, я внимательно следил за судьбой края. Объяснялось это отчасти тем, что именно в этих местах пришлось мне воевать в первые месяцы войны и стали они для меня близкими, но главное — главное заключалось в удивительном, захватывающем размахе партизанских действий на этой земле. С восхищением узнавали мы о все новых и новых успехах 2-й бригады: налеты на вражеские гарнизоны железнодорожных станций Судома и Плотовец в октябре, борьба с карательной экспедицией гитлеровцев в декабре 1941 года, совместный с частями Красной Армии налет на город Холм 18 января 1942 года, разгром крупного немецкого гарнизона в селе Ясски 5 февраля, то есть всего 16 дней назад… Да что говорить — уже сам по себе факт существования в тылу врага огромного района, жившего по советским законам, не мог не радовать. Теперь, будто распахнув дверь в неведомый мир, мы стояли на его пороге и жадно смотрели вокруг.

* * *

Создание Партизанского края — дело чрезвычайно трудное по содержанию, политическому и тактическому замыслу — было начато уже в августе 1941 года под руководством командования 2-й ЛПБ. Это было исключительное в истории партизанского движения явление, еще не имевшее тогда исторических аналогов, захватывающее своей дерзостью, размахом, направленностью.

Об особенностях географии местности я уже писал выше, остается добавить только, что для осуществления общей идеи — ликвидировать гитлеровских ставленников, установить свою власть и удержать этот район в руках, — для осуществления такой идеи избранная местность была как будто специально создана.

За сентябрь и октябрь 1941 года были восстановлены колхозы, власть на местах вновь передана в руки сельских Советов депутатов трудящихся. А функции районных Советов и райкомов партии согласно указаниям Ленинградского обкома ВКП(б) взяли на себя «тройки по восстановлению Советской власти в тылу врага». В состав троек (еще их называли оргтройками) входили секретари райкомов партии, председатели райисполкомов, руководители районных органов внутренних дел.

Оргтройки обладали всей полнотой власти на территориях своих районов, осуществляли руководство всей мирной жизнью — политической, производственной, культурной, общественно-бытовой. Организация сельскохозяйственных работ, вопросы здравоохранения, обеспечение работы школ — все это и многое, многое другое направлялось и контролировалось ими. И все они действовали в тесном контакте с командованием 2-й бригады — основной вооруженной силы Партизанского края.

Сейчас, по прошествии многих лет, я, вспоминая войну, думаю, что если бы единственным результатом деятельности 2-й ЛПБ стало создание Партизанского края, то одно это составило бы ее славу в истории, одним этим она могла заслужить искреннюю любовь и благодарность народа. Но ведь созданием края все не ограничивалось!

С осени 1941 года 2-я бригада — практически единственная из всех партизанских подразделений области! — не только не ослабила, но последовательно и со все большим размахом активизировала свою боевую деятельность. Я заостряю на этом внимание потому, что даже простейший анализ показывает: в это время партизанские отряды, полки и бригады стали постепенно, а затем решительно снижать, после чего и вовсе прекращать боевые действия, уходя до весны «в подполье». Я помню, что в то время появились даже теории невозможности партизанской борьбы в зимних условиях. Время показало их несостоятельность, однако зимой 1941/42 года партизанское движение в Ленинградской области пережило значительный спад. Оговорюсь сразу, что я имею в виду типично партизанские формы и методы борьбы: многие отряды проводили в это время боевые операции, но именно так, как я уже описал это выше, базируясь в Валдае, выходили на несколько дней за линию фронта, нападали на врага, а затем возвращались в советский тыл. Такие операции имели характер, присущий скорее действиям диверсионных подразделений регулярных войск, чем собственно партизанский.

И как раз в это время 2-я бригада, день ото дня усиливая удары по врагу, росла и крепла, превращалась в мощную силу, стала хозяином огромного района во вражеском тылу, стала уникальной академией подготовки партизанских кадров (разве не показательно, что подавляющее большинство командиров и комиссаров партизанских подразделений, действовавших впоследствии в области, прошли школу 2-й партизанской!). Зимой 1941/42 года 2-я ЛПБ разгромила два очень крупных фашистских гарнизона — в районных центрах Холм и Дедовичи. Тогда же были проведены блестящие операции в Ясских, Тюриково, Белебелке, Ленно, Ручьях. Той же зимой голодающим

ленинградцам был отправлен через линию фронта легендарный обоз с продовольствием. В тот же период был дан отпор двум крупным карательным экспедициям противника — в декабре 1941-го и в мае 1942 года.

Обо всем этом подробно пойдет речь впереди. Пока же вернемся к событиям зимы 1942 года.

Незадолго до нашего прихода в край, 14 февраля, на озере Полисто совершили посадку три самолета ПО-2, на одном из которых прилетел во 2-ю бригаду начальник отдела по руководству партизанским движением при Военном совете Северо-Западного фронта полковник Алексей Никитович Асмолов. В соответствии с приказом Ленинградского штаба партизанского движения и Военного совета фронта он должен был руководить на месте реорганизацией бригады, проводившейся с целью совершенствования ее структуры.

До сих пор бригада состояла из довольно большого числа отрядов, подчиненных непосредственно штабу Н. Г. Васильева. Это создавало многие трудности организационного порядка, лишало руководство оперативности, неоправданным было рассредоточение боевых сил, возникали трудности и в политической работе как среди партизан, так и среди местного населения. Было решено укрупнить партизанские подразделения за счет сокращения общего их числа.

К моменту выхода в Партизанский край нашего полка вопросы реорганизации бригады были уже решены, и, что самое главное, эта реорганизация коснулась и нас, изменив судьбу полка Скородумова. Дело в том, что Васильев, узнав о том, что представляет из себя полк, поставил вопрос о включении его в состав 2-й ЛПБ. Асмолов не возражал. Вопрос был согласован с штабом партизанского движения и с Военным советом фронта, а затем Скородумов получил соответствующий приказ.

Теперь бригада состояла уже из нескольких полков, созданных на базе трех-четырех отрядов каждый. Оперативное руководство ими осуществляли полковые штабы, а штаб бригады освободился таким образом от необходимости заниматься многими вопросами частного характера — их теперь стали не менее успешно решать на местах штабы полков.

В бригаде был создан политотдел, начальником которого стал бывший секретарь Дедовичского райкома партии А. Ф. Майоров. Был назначен и новый начальник штаба — капитан В. А. Головай. Руководство всеми силами бригады стало выглядеть более стройно, организованно.

На первых порах во 2-й ЛПБ было три полка: 1-й — под командованием полковника М. Я. Юрьева, 2-й (наш) — под

командованием П. Ф. Скородумова и 3-й — под командованием бывшего секретаря Дедовичского райкома партии Н. А. Рачкова. Несколько позже были созданы еще два полка: 4-й — под командованием Г. И. Ефимова и 5-й полк — под командованием бывшего командира 5-й бригады Ю. П. Шурыгина (Воронова).

Итак, наша судьба опять — в который уже раз! — круто изменилась. А через несколько дней по приказу комбрига наш полк расположился в деревнях Гнилицы и Новая Слобода с задачей охранять юго-западные границы Партизанского края. Предстояло осваивать новую для всех нас обстановку и новый район действий. Предстояло начинать новую жизнь.

* * *

Каждый день края был предельно насыщен событиями. В ночь с 21 на 22 февраля силами 1-го и 3-го полков был произведен налет на гитлеровский гарнизон в райцентре Дедовичи. Это была одна из заметных операций, о ней много написано, поэтому я назову только ее итоги: уничтожено 650 немецких солдат и офицеров, взорван железнодорожный мост через Шелонь, выведено из строя все путевое хозяйство станции, уничтожен большой склад боеприпасов и вооружения. Потери партизан — 58 убитых и 72 раненых.

Другая операция тех дней — исключительно удачное нападение партизан на подразделение карателей в деревне Тюриково. Среди карателей были и русские перебежчики, бывшие военнопленные, полицаи. Этим и решили воспользоваться партизаны. Захватив «языка», они узнали пароль, въехали, использовав его, на нескольких подводах в деревню, бесшумно сияли охрану, а затем в Тюриково вступили главные силы. Карателей уничтожили, не дав им даже выйти из домов. Захваченные трофеи — 7 пулеметов, 100 винтовок, 68 саней с грузом.

«КАК БЫ НАМ ТЯЖЕЛО НИ БЫЛО…»

1942 год, 25 февраля — 5 марта

Гитлеровцы постоянно пытались проводить против Партизанского края карательные акции. Правда, их активность не всегда была одинакова, но это мало что меняет. Оккупанты не могли мириться с существованием в своем тылу крупного партизанского района, несмотря даже на то, повторяю, что эта территория сама по себе интереса для них не представляла.

До декабря 1941 года против партизан действовали отдельные, хотя порой и довольно крупные, подразделения охранных войск и полевой жандармерии. В декабре была предпринята попытка нанести массированный удар: гитлеровское командование организовало первую карательную экспедицию, в которой участвовало до 4000 солдат и офицеров. Боевые действия продолжались с 1 по 7 декабря, но успеха карателям не принесли. Несмотря на это, оккупанты продолжали посылать в край свои отряды. Вот что писала в те дни газета «Коммуна»:[17]

> «Много горя и страданий причинили фашисты трудящимся нашего района. Убивали, грабили и жгли они в декабрьские дни 1941 года, когда четырехтысячной шайке головорезов удалось проникнуть в наши колхозы. Убивают, грабят и жгут они всякий раз, как появятся в деревне. Зарево пожаров, потоки крови оставляют гитлеровцы на своем разбойничьем пути.
>
> Палачи свирепствуют все больше и больше. Но теперь им уже редко удается прорваться в наши колхозы. Узнав о приближении немцев, партизаны стремительным ударом опрокидывают вражеские отряды…
>
> И все-таки пожары не прекращаются, то в одной, то в другой деревне падает сраженный насмерть старик, женщина или ребенок. Это зверствуют фашистские самолеты. Враг бросил в бой против мирного населения свои воздушные силы…
>
> Стервятники могут занести в список своих „побед“ еще одну победу — над младенцем: недавно один из желтокрылых негодяев убил на руках матери в деревне П. ее грудного ребенка. Другой разбойник скосил пулеметной очередью шестилетнюю девочку. Сподвижники этих подлецов разбомбили Ясски, часть

> Железниц, Городню, Гнилицы… Не удовлетврившись первой бомбежкой деревни Городовик, фашисты повторили налет. Точно против целой армии направили на беззащитную деревню 27 самолетов. Разрушив почти все здания, бомбы похоронили под развалинами домов 9 колхозников и в их числе 5 стариков. В эту бомбежку окончательно осиротели дети (6 чел.) Язевых: при первом налете погиб их отец, при втором — мать…»[18]

В числе других газета упоминает деревню Гнилицы. Наш полк находился в ней как раз в то время. Но началось все с Новой Слободы.

Почти все наши подразделения размещались в Гнилицах. В Новой Слободе, до которой был примерно километр, жила только небольшая часть одного из отрядов. И вот 28 февраля днем в воздухе появились три немецких бомбардировщика, которые выстроились в круг, образовав гигантскую карусель, некоторое время примеривались, а затем стали сыпать на Новую Слободу свой смертоносный груз. Из Гнилиц мы видели этот налет как на ладони — нас разделяло только широкое поле, к тому же наши дома находились на возвышении. Около получаса утюжили воздух тяжелые машины, около получаса по всем правилам военной науки громили они беззащитную деревеньку. Помню, когда самолеты ушли, посреди Новой Слободы осталась лежать большая неразорвавшаяся авиабомба. Я таких раньше не видел, но кто-то из наших сказал, что это морская мина или что-то подобное. Словом, взрывчатки гитлеровцы не жалели, но это далеко не всегда обеспечивало им успех. В Новой Слободе, например, ни один из партизан во время бомбежки не пострадал.

Я полагаю, что в конце февраля гитлеровцы посылали на нас свои самолеты неспроста. До врага не могли не дойти слухи о том, что партизаны собирают продовольствие для отправки через линию фронта в осажденный Ленинград. Это была акция огромного, по нашим масштабам, размаха, и сохранить ее в полной тайне было, пожалуй, невозможно. Будущее показало, что гитлеровцы располагали о наших замыслах самой минимальной информацией, но и ее было достаточно для беспокойства. Видимо, оккупанты решили прощупать с воздуха некоторые деревни, и одной из них оказалась Новая Слобода. Несколькими днями позже бомбардировке подверглись и Гнилицы, впрочем, об этом я расскажу дальше.

Сейчас уже невозможно установить, у кого впервые родилась идея обоза: одни источники свидетельствуют о том, что инициатива исходила из штаба 2-й бригады, по другим

получается, что родилась она у жителей деревень края; Впрочем, это не столь уж и важно: идея возникла, штаб бригады занялся воплощением ее в жизнь, и обоз прошел через линию фронта — это главное.

На территории края не найти, пожалуй, деревни, жители которой не были бы связаны с Ленинградом: либо кто-то из родственников уехал в Ленинград работать или учиться, либо породнились с коренными ленинградцами — словом, связи самые крепкие. Когда в край стали доходить слухи о блокаде, о том, что ленинградцы гибнут от голода, желание помочь им возникало естественно и неизбежно. В штабе бригады о блокаде рассказал Асмолов — подробно, ничего не скрывая. Тогда-то, видимо, идея обоза с продовольствием оформилась окончательно.

Вот что писала в те дни заместитель председателя Дедовичской оргтройки Екатерина Мартыновна Петрова в Ленинградский штаб партизанского движения:

> «…Мы организовали сбор подарков трудящимся Ленинграда. С большим подъемом проходило обсуждение этого вопроса по колхозам (откровенно говоря, мы сами не ожидали такого эффекта). Выступающие колхозники заявляли на собрании один за другим: „я даю овцу“; „я даю телку“ и т. д. Старик Васильев Григорий из деревни Хлеборадово заявил на собрании: „Нам, колхозникам Ленинградской области, особенно дорог город Ленинград. Этот город носит имя великого Ленина. Трудящиеся Ленинграда на предприятиях куют победу над врагом. Помогая трудящимся города Ленина, мы помогаем фронту, боремся против ненавистного врага. Пусть ленинградцы знают, что, как бы нам тяжело ни было под игом фашизма, мы их не забываем, и всем, чем можем, помогаем…“ Сбор подарков трудящимся города Ленинграда проходил в очень тяжелых условиях. Немцы направили 3 карательных отряда с разных направлений, по 300 и больше солдат в каждом. Эти отряды партизанами были разбиты. При проведении собраний в колхозах погибли от руки фашистов 3 товарища (в том числе председатель Сосницкого сельсовета тов. Воробьев с сыном) и один тяжело ранен. Немцы бомбили и полностью уничтожили бомбежкой ряд деревень (Ясски, Ломовка и пр.), погибло несколько десятков человек мирного населения (партизан ни в одной из этих деревень не оказалось). Но все это не напугало ни актив,

ни колхозников…»[19]

Всю подготовку надо было вести очень осторожно, скрытно, надо было сделать все для того, чтобы гитлеровцы об обозе не знали, иначе они легко могли помешать осуществлению задуманного. Говорят, что тайна только тогда тайна, когда знает ее один человек. Знают двое — уже не тайна. Трое — и говорить не приходится. Об обозе знали тысячи жителей Партизанского края.

В Центральном партархиве как бесценная реликвия Великой Отечественной войны хранятся 13 школьных тетрадей, пронесенных в марте 1942 года с обозом через линию фронта в советский тыл и доставленных затем в Москву. В каждой из этих тетрадей на первых страницах — текст письма И. В. Сталину от колхозников и партизан. А дальше — подписи: более трех тысяч. Есть среди них и моя. Эти тетради побывали на собраниях в партизанских отрядах, в деревнях и селах края. А письмо было по сути дела нашей клятвой не сложить оружия до тех пор, пока хоть один оккупант останется на советской земле.

Сбор подписей под письмом нередко был сопряжен с большими трудностями, а иногда и с риском. В деревне Великая Нива проводили собрание один из работников Дедовичской оргтройки Семен Засорин, председатель Сосницкого сельсовета Михаил Воробьев, председатель колхоза Иван Смирнов и подпольщик Павел Васькин.

Смирнов и Васькин стояли в охране на одной и другой сторонах деревни. Собрание, проходившее в одном из самых больших домов, шло уже к концу. Семен Засорин, бережно сложив тетрадь с письмом и подписями, спрятал ее за пазуху, под рубаху. Но расходиться никому не хотелось, колхозники оживленно обменивались мнениями, шутили, смеялись… И вдруг — выстрел! А затем дробный стук каблуков на ступеньках высокого крыльца, треск распахнувшейся двери и крик:

— Немцы! Васькина убили! Спасайтесь!..

Высадив ногой оконную раму, Засорин выскочил из дома. Бросился, пригнувшись, к огородам, выбежал у околицы на дорогу и вместе с присоединившимся к нему Смирновым стал отступать, яростно отстреливаясь, к лесу. Тот уже совсем рядом, какая-то сотня метров.

— Ушли! — крикнул Семен, и в ту же минуту что-то сильно ударило в спину, затем еще и еще. Падая и теряя сознание, он успел все же вытащить из-под рубахи тетрадь и сунуть ее в снег.

А дальше каратели выпустили в него в упор автоматную очередь и ушли. Но Семен был жив! Когда крестьяне после ухода

немцев стали собирать убитых, чтобы похоронить их, кто-то заметил, что Засорин едва заметно дышит. Ему оказали, как смогли, первую помощь, отогрели, закутали в овчину и повезли на санях к партизанам. В лесном госпитале выходила его партизанский врач Лидия Семеновна Радевич, и вернулся через несколько месяцев Семен Засорин в строй. Только высокий столбик ленточек о ранениях, среди которых было несколько золотых (тяжелые), напоминал б том дне, когда его, раненного, расстреляли каратели у леса около деревни Великая Нива.

А спрятанную Засориным в снег тетрадь колхозники нашли. Она тоже попала в Москву.

Тайна, известная двоим, уже не тайна… Тысячи колхозников и партизан знали об обозе, но для оккупантов он все-таки остался тайной. Что-то они, конечно, слышали, о чем-то догадывались. Но о чем? До последнего дня фашистское командование считало, видимо, что продовольствие, собираемое в деревнях, будет переправляться через линию фронта самолетами. И блокировало воздух.

* * *

На то время пришлось первое мое знакомство с одним из руководителей бригады — начальником штаба Василием Акимовичем Головаем. Человек он был горячий, поэтому встреча наша началась довольно энергично.

В штабной избе я был один: сидел перед разостланной на столе картой, изучал обстановку, характер местности, прикидывал варианты возможных боевых действий на участке полка, В это время громыхнула дверь и в комнату, быстро и твердо стуча каблуками, стремительно вошел невысокий круглолицый человек примерно моих лет в темном полушубке и в армейской ушанке со звездой, на шее которого висел трофейный автомат, а на поясе — пистолет и пара «лимонок». Вид у него был решительный и определенно начальственный. Не поздоровавшись, не представившись и не переведя дух, он ткнул пальцем в карту и резко сказал:

— Картинками развлекаетесь? А порядка нет! Кто стрелял в Иванова? Что у вас тут — тир для стрельбы по командирам? Отвечайте!

Почему-то я догадался, что это именно Головай. Но зачем такой тон? Не вставая из-за стола, я выдержал паузу и, давая понять, что, кто бы ни был вошедший, хозяин здесь я, спокойно и тихо спросил:

— С кем имею честь?

Наверное, Головай вспомнил, что наш полк в крае всего несколько дней и командования бригады в лицо почти никто еще не знает. Представился:

— Начальник штаба бригады капитан Головай. Встав, представился и я:

— Начальник штаба полка старший лейтенант Афанасьев.

Официальное знакомство состоялось. Но инициатива была уже в моих руках, и так же спокойно, как начал, я продолжал:

— А карта с нанесенной обстановкой — не картинки и не развлечения. Как вы знаете, работа с ней входит в первейшую обязанность начальника штаба…

Надо отдать Головаю должное: он сразу понял свою бестактность, видимо, корил уже себя за горячность и теперь сдерживался, молчал и внимательно слушал. Вероятно, в штабе бригады узнали о происшествии в полку, что называется, «из неофициальных источников» — вероятно, передававший что-то напутал, — я так решил, потому что Головай, выслушав меня, совершенно изменился. Беседа наша вошла в нормальное русло, оба мы уже явно не испытывали неприязни друг к другу.

А произошло вот что.

Иванов был командиром первого отряда. Минувшей ночью он попал в госпиталь. История произошла довольно глупая, но в ней винить никого из полка было нельзя.

В одной из стычек с немцами мы захватили много оружия. В тот день в полк приехал председатель Дедовичской оргтройки Александр Георгиевич Поруценко. Поздним вечером он, Иванов и другие наши командиры сидели в избе, разговаривали, кажется собирались уже разойтись спать. Трофейные немецкие автоматы были тогда хоть и не редкостью, но предметом желаний многих. И Поруценко очень хотел иметь такой. А на столе как раз и лежал один из захваченных в бою «шмайсеров». Короче говоря, Александр Георгиевич повертел его в руках, повертел да и нажал случайно на спуск. Это правду говорят, что раз в год даже швабра и та стреляет. Автомат оказался на боевом взводе, раздался выстрел — к счастью, одиночный, — тут же погас свет (выстрелом сбило пламя с керосиновой лампы), все вскочили, ничего еще не понимая, но хватаясь за оружие, а потом наступила тишина, в которой сначала раздался шум падающего тела, а затем стон Иванова и отчаянные его ругательства. Пуля вошла ему в руку около локтевого сустава.

Обо всем этом я и рассказал Головаю. Не знаю уж, что он думал о ранении Иванова, когда ехал в наш полк, но теперь все встало на свои места. И, хоть радости в этой истории не было

никакой, нашей вины, повторяю, тоже не было. Словом, расстались мы с Головаем уже вполне мирно.

Утром следующего дня в воздухе над Гнилицами появилось два звена гитлеровских самолетов. Немедленно по полку был отдан приказ, запрещавший кому бы то ни было выходить из изб. Если в результате бомбежки возникнет пожар, тушить его надлежало изнутри: мы решили создать видимость, что деревня пуста. Приказ был выполнен с завидной точностью, и это спасло полк от потерь, которые казались уже неизбежными.

Как и день назад над Новой Слободой, гитлеровские летчики устроили в воздухе «карусель»: один за другим, с интервалом метров в двести, самолеты проходили над деревней, поливая дома огнем из пушек и пулеметов, сбрасывая мелкие зажигательные бомбы. И хоть на этот раз атаковали деревню легкие, а не тяжелые бомбардировщики, но было их больше и к поражению небольших целей приспособлены эти самолеты лучше.

Пытаться ответить врагу огнем не имело никакого смысла: этот тип боевых машин имел хорошую броневую защиту, и поэтому стрельба из винтовок или автоматов была бы ничуть не лучше попытки сбить самолет выстрелом из рогатки. Мы только попусту извели бы патроны, которых и так-то было не густо, да еще вдобавок и раскрыли бы себя.

Несколько бомб достигли цели. Упав на крыши домов, они легко пробили их и упали внутрь. Но, по счастью, в этих домах оказалась вода, и партизаны сразу смогли предотвратить пожар. А в общем-то нам просто повезло: немцы бомбили неудачно, большинство «зажигалок» падало либо в огороды, либо на деревенскую улицу, не причиняя вреда.

Потом одна бомба упала на скотный двор, и тот запылал. Ворота были заперты, и все мы слышали рев обезумевшего от огня скота, рвавшегося наружу. Наконец через прогоревшие ворота на улицу вырвалось несколько лошадей — шерсть на них горела, и они бешено скакали через поле, а потом замертво падали в снег…

Не могу сказать точно, сколько времени продолжалась эта бомбежка: никто, в том числе и я, на часы не смотрел. Видимо, прошло не меньше получаса. А потом, так же неожиданно, как появились, самолеты ушли в сторону Пскова. Полк не выдал себя ничем.

Когда гул моторов в небе затих, в штаб вбежал связной из ближайшего отряда и сообщил, что тяжело ранен командир роты Вячеслав Алексеевич Курбит. Я знал его еще по первому выходу в тыл врага в июле 1941 года: он тоже начинал свой партизанский путь в 6-м полку. И вот теперь Курбита, единственного, как

выяснилось немного спустя, настигла вражеская пуля.

Он лежал на полу, на подстилке из соломы. Заросшее черной окладистой бородой лицо покрылось уже восковой желтизной. Алая пена в уголках рта, а на груди — огромное кровавое пятно, просочившееся через наложенные бинты и увеличивавшееся на глазах. Опустившись на колени, я взял его голову в свои руки и, низко склонившись к лицу раненого, попытался говорить с ним. Несколько раз он открывал глаза, и тогда казалось, что он узнал меня и пытается улыбнуться. Но это только казалось: Вячеслав Алексеевич был без сознания и так, не приходя в себя, умер.

Ушел из жизни еще один мой боевой товарищ. Он был человеком жизнерадостным, умным, на редкость обаятельным и до дерзости смелым. Его очень любили в полку, ценили за большой командирский опыт, — он ведь не только в эту войну был с первого дня в строю: успел и финскую пройти… И какой нелепостью казалась гибелъ этого человека от шальной пули, единственной из тысячи нашедшей цель!

Надолго ли ушли вражеские самолеты, никто не знал. Скородумов решил, что они вполне могут вскоре вернуться, и отдал приказ на построение и выход в лес восточнее деревни. И едва полк покинул деревню, как над Гнилицами появились теперь уже тяжелые бомбардировщики.

Самолеты кружили над домами довольно долго, однако не атаковали. Убедившись, что деревня пуста, некоторое время ходили они я над лесом, но он был достаточно густой и хорошо укрывал нас. Так ни с чем они я ушли. А мы вырыли на опушке могилу и опустили в нее тело Курбита, отсалютовав погибшему товарищу залпом из винтовок. И полк прошел мимо свежего холмика земли прощальным маршем.

5 марта мы получили приказ выйти к райцентру Белебелка, связаться с двигающимися туда же с востока, из-за линии фронта, воинскими подразделениями Красной Армии и совместным с ними ударом уничтожить гитлеровские части, находящиеся в поселке и на подступах к нему. Выступили в тот же день, а к вечеру в сгущавшейся темноте вошли в деревню Нивки.

Здесь царило необычайное оживление, напоминавшее чем-то празднование масленицы в старые времена: то же обилие саней, то же скопление укутанных в шубы и полушубки людей, то же веселье… Только дуги не украшены цветными лентами да не звенят под ними колокольцы. Но — праздник, чувствовался в деревне праздник!

Мы знали, что это такое, и заранее радовались возможности увидеть все собственными глазами: выходил в путь наш обоз с продовольствием для ленинградцев. Вряд ли сможет кто-нибудь

из находившихся 5 марта 1942 года в Нивках забыть этот день.

Люди на улице увлеченно обменивались впечатлениями, а мимо них вдоль длинной вереницы саней сновали озабоченные возчики. Некоторые подходили за распоряжениями к выделявшейся среди других группе — судя по всему, организаторам обоза. Я остановил одного из пробегавших мимо партизан и, кивнув головой в сторону высокого, подтянутого, но несколько сутуловатого человека в полушубке, с трофейным автоматом на плече, спросил:

— Кто это? — Мне почему-то показалось, что это обязательно должен быть Васильев.

— Это? — переспросил парень и охотно стал объяснять: — Это комбриг Васильев. А рядом с ним, вон тот, что пониже, в светлом полушубке, Орлов. А с другой стороны — Майоров…

В Васильеве командир чувствовался сразу. Держался он очень уверенно, твердо и спокойно. И был в то же время совершенно лишен того, что иные принимают за внешнее проявление командирской жилки, — чванливости, грубости, чувства тщеславного превосходства над окружающими. Давно замечено, что грубые, чванливые и злые люди всегда в чем-то ущербны и именно следствием слабости являются эти их пороки. В Васильеве виден был человек сильный, сознающий свою силу и от этого простой, открытый и добрый.

Впечатления мои от той встречи с комбригом были, конечно, чисто внешними, но они совершенно не расходились с мнениями о нем, слышанными мною не раз и в Валдае, и здесь, в крае. Позже, познакомившись с Николаем Григорьевичем близко, я ни разу не разочаровался в нем.

Рядом с комбригом стоял Поруценко, которому несколько дней спустя было поручено возглавить делегацию партизан и жителей края в Ленинград. Дело в том, что помимо основного своего назначения обоз имел назначение и другое, не менее важное. Появилась возможность рассказать советским людям о жизни края, причем рассказать устами самих колхозников и партизан. В этом смысле обоз выходил за рамки явления, имевшего одну только практическую ценность, — он становился мощным идеологическим орудием. Вот почему вслед за ним вышла в путь наша делегация.

В ее состав входили 12 партизан и 10 колхозников. Среди них знаменитый партизан-пулеметчик Михаил Харченко, комиссар отряда имени Бундзена Иван Александрович Ступаков, начальник штаба отряда имени Горяинова Иван Иванович Буданов, партизанка-разведчица Екатерина Сталидзан, колхозница Татьяна Марковна Маркова и колхозник Николай Федоров, председатель

Станковского сельсовета Дедовичского района Василий Алексеевич Егоров, председатель Белебелковской оргтройки Николай Александрович Сергачев, колхозник Петр Григорьевич Михайлов, партизан Дмитрий Степанович Ипатов, 19-летняя партизанка Евдокия Орлова и другие.

Как я уже сказал, возглавил делегацию председатель Дедовичской оргтройки Александр Георгиевич Поруценко. Это был среднего роста человек, склонный к полноте, круглолицый, с веселыми глазами и почти не сходившей с лица широкой улыбкой. Он был несколько медлителен, но зато очень уравновешен. Поруценко обладал большим опытом руководящей работы в мирное время, а теперь и опытом работы в тылу врага. Забегая вперед, скажу, что оказанное ему доверие Александр Георгиевич с честью оправдал: порученное дело выполнил хорошо. А заканчивал войну Поруценко в должности комиссара 13-й партизанской бригады.

Итак, обоз готовился в путь. В Нивки прибыли, конечно, не все подготовленные к отправке сани: значительная часть присоединилась к колонне уже в пути. А всего этих саней было 223. 2375 пудов хлеба и крупы, 500 пудов мяса, 750 пудов жиров — свыше 3,5 тысячи пудов продуктов отправлял край Ленинграду. Везли, кроме того, почту — письма колхозников и партизан родным в советский тыл. И это тоже был партизанский подарок. А еще везли деньги — 26 756 рублей 80 копеек, собранных в фонд обороны страны.

Командование бригады понимало, насколько трудно будет обозу пройти через территорию края, через линию фронта в советский тыл. И поэтому кроме обычных мер охранения колонны были приняты и другие — отвлекающие. Все подразделения, входившие в состав 2-й ЛПБ, получили боевые задания. Нападение нашего полка на гарнизон в Белебелке не было, конечно, по своему замыслу только отвлекающим ударом, но и эта цель попутно преследовалась тоже.

БЕЛЕБЕЛКА

1942 год, 6–9 марта

К вечеру 6 марта полк, завершив переход, расположился на отдых в деревне Великое Село, в 6 километрах от райцентра. Один из отрядов — командовал им старший лейтенант Медведев — выдвинулся южнее Белебелки и разместился в ожидании боевого приказа в деревне Гойки.

Скородумов выехал на связь с командованием подразделений Красной Армии, которым предстояло атаковать Белебелку с востока. Нашей задачей было нападение с юго-запада, то есть с совершенно неожиданного для гитлеровцев направления. Надо было уточнить в деталях план взаимодействия.

Пора рассказать, хотя бы вкратце, о командире нашего полка Павле Фаддеевиче Скородумове. У тех, кто встречался с ним в годы партизанской борьбы, складывались об этом человеке самые разные мнения, зачастую весьма противоречивые. Я знал Скородумова, вероятно, лучше других — познакомился с ним, как писал уже выше, в июле 1941-го, в первый выход во вражеский тыл, потом вместе воевали мы в Партизанском крае, а в конце войны, когда Скородумов командовал полком в 5-й бригаде Константина Дионисьевича Карицкого, мне вновь доводилось встречаться с ним — в эту бригаду я летал по заданию Ленинградского штаба партизанского движения. После войны мы тоже встречались, вплоть до трагической гибели Павла Фаддеевича: возвращаясь из командировки в Приозерск, он провалился в машине под лед Ладожского озера.

Скородумов был человеком бесспорно смелым, преданным Родине беззаветно. Кроме того, отличала его большая энергичность, веселый, оптимистический характер, прямота и общительность. Ему в то время перевалило за сорок лет, он носил пышную с проседью бороду и усы и выглядел бы человеком очень пожилым, если б не глаза, блестевшие почти всегда весельем, а порой, казалось, даже и легкомыслием. Были у Павла Фаддеевича и слабости — самые что ни на есть простые: любил посидеть за чаркой, был весьма неравнодушен к прекрасному полу и не очень сопротивлялся желанию прихвастнуть. Вот это как раз и являлось причиной ходивших о нем нередко слухов, за объективность которых я во многих случаях не поручился бы. Помню, была у него в октябре сорок третьего года большая неприятность, когда Карицкий совершенно справедливо отстранил его от

командования полком и даже арестовал. Мне пришлось тогда участвовать в разборе этого дела. Скородумова строго наказали, но к командованию полком вернули: воевал он хорошо.

Однако вернемся к операции на Белебелку. Полку предстояло следующее. Первый отряд и штаб оставались в Великом Селе для атаки с юго-запада. Второй отряд (Медведева) в ночь с 7 на 8 марта должен был выдвинуться в обход райцентра на север и на дороге, ведущей к деревне Черная, организовать в 3–4 километрах от Белебелки засаду с целью не допустить отхода противника в этом направлении. Третьему отряду предстояло той же ночью занять деревню Заболотно, расположенную 8 километрами севернее Великого Села, чтобы предупредить возможный отход гитлеровцев к дороге, ведущей из Чихачево к Старой Руссе. При необходимости он должен был нанести совместно с армейским подразделением удар по противнику, зажатому в «котел». Мы знали также, что в атаке на Белебелку будет принимать участие и авиация.

Казалось, все в этой операции было предусмотрено, каждый из ее участников знал свою задачу, и теперь оставалось только действовать, точно выполняя задуманное, и тогда успех обеспечен. К сожалению, разыграть все как по нотам не удалось, и хоть этот бой мы выиграли, однако далеко не так, как рассчитывали, и с гораздо большими потерями, чем можно было предположить. А причиной стала внезапно и резко изменившаяся погода.

Первыми о неожиданно надвинувшейся пурге узнали летчики. Полученный ими вечером 7 марта прогноз свидетельствовал, что атаковать Белебелку с воздуха нужно либо немедленно, либо от участия в операции самолетов надо вообще отказываться. Решили действовать — налет авиации, пусть преждевременный, нанесет врагу урон, деморализует, обескровит его еще до наземной атаки. И вооруженные реактивными снарядами машины ударили по Белебелке.

…Почему это произошло, сказать теперь уже невозможно — то ли атака самолетов оказалась удачнее всяких расчетов, то ли появились какие-то другие причины, — но совершенно неожиданно для нас гитлеровцы сразу же без боя стали отходить к деревне Черная. И это спутало все карты.

Отряд Медведева, разделившись на две группы, еще только выходил к месту засады, но задача перед ним была поставлена, и Медведев с ходу рассредоточенными силами атаковал. К этому времени началась сильнейшая пурга: налетел мощный северо-восточный ветер, в воздухе носились мириады снежинок, не только скрывших от глаз все окружающее, но даже затруднявших

дыхание. Управлять боем в этих условиях как одной, так и другой стороне стало невероятно трудно. Однако главный расчет партизан — неожиданный удар с заранее выбранной позиции — был сорван, и поэтому, как всегда бывало в таких случаях, атака превратилась постепенно в неравный бой, успех которого определялся, конечно же, превосходством регулярной воинской части над подразделением партизан.

Я писал уже о том, что партизанская война имеет свои законы. Предполагать, что наши отряды могли вести открытый бой «на равных» с регулярными гитлеровскими частями, наивно: они, как правило, превосходили нас и в численности, и в вооружении, о технике же и говорить не приходится. И поэтому наш успех почти всегда зависел от внезапности, умения навязать обязательно скоротечный бой на наиболее выгодных для нас участках местности, умения маневрировать и наносить удары с самых неожиданных направлений и в самое выгодное для нас время. Позиционный же бой редко бывал для партизан успешным. Отряд Медведева силами обстоятельств был втянут именно в такую схватку.

Атака партизан нанесла противнику серьезный урон, и все же инициатива была гитлеровцами через некоторое время перехвачена. Неся тяжелые потери, обе группы отступили, скрывшись в снежной пелене. Медведев был ранен в грудь, но, несмотря на это, собрал отряд в один кулак и повел своих людей в новую атаку.

Он погиб в этом бою. Еще одна пуля настигла его, и отряд лишился командира. А вслед за ним был убит его боевой друг — комиссар отряда Таптиков. Начальник штаба отряда Сорокопут был тяжело ранен…

А тем временем третий отряд, ничего еще не зная о неожиданном отходе немцев из Белебелки, в сплошном месиве пурги пробивался на лыжах в Заболотно.

Опасаясь за успех перехода, я решил идти с отрядом сам, и Скородумов не возражал. Выигрывая время, шли без дороги, напрямик. При этом ни о каком проводнике из местных жителей не могло быть и речи — ночь и пурга позволяли видеть только метров на десять вокруг, и довериться можно было лишь компасу.

Вот условия стоявшей перед нами задачи: видимость почти нулевая, длина пути — 8 километров, и пройти их надо по идеальной прямой, поскольку деревня Заболотно вытянута едва ли на две сотни метров, а окажись мы от нее вправо или влево хотя бы на 100 метров — обязательно пройдем мимо и даже не заметим. А дальше, судя по карте, на много километров нет ни деревень, ни дорог, ни других ориентиров, выйдя на которые,

можно было бы понять свою ошибку.

Всякий, кому приходилось иметь дело с компасом, знает, что на практике обходиться с ним далеко не так просто, как в теории. Тем более, когда видимость не позволяет «зацепиться» за наземные ориентиры по пути. Даже опытный человек хоть немного, но отклоняется от выбранного курса то вправо, то влево. Он исправляет, конечно, ошибку, выходит на заданное направление вновь и вновь. Но путь при этом очень легко может после серии таких исправлений хоть и сохранить общее верное направление, но тем не менее значительно отклониться от цели и пройти в конце концов мимо нее. Вот этого я как раз больше всего и опасался той ночью.

Еще до выхода из Великого Села я тщательно определил азимут нашего движения, а когда мы тронулись в путь, внимательно следил за направлением по компасу. Вскоре я убедился, что с задачей выдержать курс в допустимых пределах головная группа не справляется, и взял эту обязанность на себя.

Выглядело наше движение теперь так. Два-три человека шли впереди меня, проминая лыжню. Они подчинялись моим командам: «правее», «левее», «так держать»… А сам я, взяв лыжные палки в правую руку и положив компас на рукавицу левой, почти не отрывал глаз от магнитной стрелки, стараясь выдержать линию пути максимально прямой. Я считал про себя шаги, определяя пройденный путь, следил за временем.

Все больше и больше уставали люди, все чаще и чаще приходилось устраивать привалы. Тяжелее всего, приходилось, конечно, головной группе, проминавшей лыжню. Я и сам, в прошлом преподаватель физического воспитания, специализировавшийся притом именно по лыжам, уже еле стоял на ногах от усталости. Впрочем, о ней думать было некогда: больше занимала мысль о том, сумею ли вывести отряд точно в Заболотно, не промахнусь ли.

Наконец очередной привал. Судя по времени и пройденному расстоянию, мы где-то неподалеку от цели. Но видимость по-прежнему отвратительна и за воем пурги услышать что-либо тоже невозможно. Высылаю вперед разведку.

Всем и всегда приятно вспоминать безукоризненно выполненное дело: не исключение здесь и я. Когда разведчики вернулись, они доложили, что находимся мы примерно в 150 метрах от Заболотно, причем почти напротив середины деревни…

* * *

Пурга с рассветом совершенно прекратилась. Постепенно ушли низкие свинцовые тучи, выглянуло солнце. Ночью за шумом пурги мы не слышали боя, который вел отряд Медведева, теперь же через связных узнали о его судьбе: сдерживая отступавших из Белебелки гитлеровцев, он понес страшные потери-в живых остались единицы.

Трудно было в это поверить. Трудно было смириться с гибелью десятков людей, с гибелью Медведева, Таптикова. Оба они были отличными командирами, и, пожалуй, за всю войну не встречал я ни до них, ни после такого редкостного сочетания командира и комиссара. Они были не просто боевые товарищи — они дружили: крепко, по-настоящему, помогали друг другу во всем, каждый мог положиться на другого, быть уверенным в кем, как в самом себе. И когда погиб Медведев, Таптиков возглавил руководство боем, сам вел людей в атаки, пока пуля не нашла и его…

…8 и 9 марта продолжались бои, хотя главная задача была решена сразу: райцентр захвачен. Потери как с одной, так и с другой стороны были большими, но нам досталась победа, и она уменьшала боль утрат. К тому же всякий воевавший знает, что наступательный бой всегда связан с потерями большими, чем оборонительный.

В Ленинградском партархиве хранится политдонесение нашего комиссара:

> «…бойцы и командиры вели себя мужественно при выполнении боевого приказа о занятии пункта Белебелка, что и было выполнено совместно с частями РККА. Противник из Белебедки был выбит и преследовался нашим полком совместно с батальоном РККА… Захвачены трофеи нашим полком: 41 ящик артснарядов, один продуктовый склад, патроны 10 тысяч штук к автоматам и винтовкам, 95 концов бикфордова шнура, гранат 50 штук, пулеметных лент с патронами 11 штук, винтовок 13, автоматов 2, 1 пистолет, лыж 62 пары и другое мелкое имущество…»[20]

«ПОД КОМАНДОВАНИЕМ ТОВ. В. И О.»

1942 год, 10–31 марта

Вскоре мы получили приказ о выходе в район озера Полисто для участия в совместной с другими полками операции. Учитывая, что от Белебелки до Полисто по прямой 45 километров, поспешили в путь.

Однако двигаться мы могли только ночами. Дело в том, что как раз в феврале — марте 1942 года гитлеровцы проложили над Партизанским краем транспортную авиатрассу к Демянску: там, как я писал уже, попала в «котел» их 16-я армия. Она была отрезана от тыловых баз и поэтому ощущала серьезные затруднения в снабжении. Единственным выходом для гитлеровцев стало привлечение крупных сил транспортной авиации: создание воздушного моста к Демянску. И загудели над краем авиамоторы. Почти ежедневно караваны тяжело груженных машин шли на бреющем полете (опасались наших истребителей) к позициям 16-й армии, стараясь облегчить трудное ее положение.

На пути к Демянску самолеты не обращали внимания ни на что постороннее: хоть парад устраивай — пролетят мимо, будто не заметили. Но вот на обратном пути, выполнив задание и освободившись от груза, каждый гитлеровский экипаж считал своим долгом израсходовать имевшийся на борту боезапас, не гнушаясь даже самыми мелкими наземными целями. Видимо, такова была установка гитлеровского командования, стремившегося использовать все возможные средства для борьбы с партизанами.

Транспортные машины, конечно же, не так хорошо приспособлены для поражения небольших целей на земле, как штурмовики или истребители. И все-таки «юнкерсы» — а это были машины примерно тех же размеров, что и наши транспортные ЛИ-2, доставляли нам массу неприятностей. Они открывали огонь буквально по всему живому, что видели на земле: даже по одиночным подводам, даже по одиночным пешеходам. Немало мирных жителей погибло в те дни, страдали и партизаны правда, в основном не потому, что несли потери, а потому, что вынуждены были теперь особенно тщательно маскироваться. А потом, как это часто бывало в годы войны, в отрядах родилось новое движение: «охотников» за «юнкерсами». Да и не могло оно не родиться, потому что противно самому

партизанскому духу оставаться в положении дичи, за которой кто-то охотится: партизан привык сам «охотиться» за врагом.

И постепенно картина изменилась. Наши «зенитчики», вооруженные ручными пулеметами, а часто и простыми винтовками (автоматы для этого дела не подходили — слишком слабый бой), научились сбивать вражеские машины, причем действовали настолько эффективно, что гитлеровское командование вынуждено было изменить маршрут авиатрассы. Делая громадный крюк, «юнкерсы» стали летать к Демянску, старательно обходя территорию края.

Но это случилось не сразу. В те дни, когда наш полк совершал переход из Белебелки к Полисто, немецкие летчики еще вовсю хозяйничали в воздухе, и мы вынуждены были от них скрываться. Впрочем, делали мы это вполне успешно.

* * *

Нас отозвали из Белебелки для участия совместно с 1-м и 3-м полками в нападении на крупные гарнизоны противника, засевшие в деревнях Ленно и Ручьи у южной границы края. Перед операцией Васильев собрал командиров, комиссаров и начальников штабов всех трех полков и сам поставил перед нами задачу. На этом совещании присутствовали также Орлов, Майоров и Головай.

Помню, к моим первым впечатлениям о комбриге добавилось в тот день вот какое. Николай Григорьевич обладал удивительной способностью сочетать в голосе абсолютную категоричность и требовательность с совершенно не вяжущейся на первый взгляд со всем этим добротой и теплотой. Он отдавал приказания твердо, не оставляя сомнений в окончательности своих решений и бесспорной необходимости их выполнения, но в то же время казалось, что он высказывает еще и просьбу: «Пожалуйста, постарайтесь сделать это хорошо».

У него было очень привлекательное лицо. Я не назвал бы его красивым, не стал бы использовать и таких общеупотребимых определений, как «волевое», «суровое», «мужественное». Васильев был бесспорно человеком мужественным, волевым, бывал он и суров, но не это бросалось в глаза. У него была очень хорошая улыбка. Он умел очень внимательно, чутко и — это главное доброжелательно слушать любого собеседника, умел понимать других, и это чувствовалось по его манере держаться, мимике, взгляду. Я думаю, что обаяние его заключалось именно в доброжелательности, сочетавшейся с силой и уверенностью этого

человека.

Комиссар бригады Сергей Алексеевич Орлов был до войны секретарем Порховского райкома партии, членом Ленинградского обкома ВКП(6). На фотографиях он выглядит вполне военным человеком, но я прекрасно помню, что, как он ни старался, ничего похожего на самом деле у него не получалось. Впрочем, это было совсем неплохо — больше того, именно это, возможно, помогало в его работе, за образцовое выполнение которой он, как и Васильев, был удостоен награды высшим орденом Родины — орденом Ленина.

Васильев и Орлов во многом дополняли один другого, и их совместная деятельность заслуживала и заслуживает высочайшей оценки. В то время, которое я сейчас описываю, их дела были известны не только в Партизанском крае, но и во всей стране. Знали о них и в ставке Гитлера. А в сводках Совинформбюро довольно часто можно было встретить сообщения об успешных действиях партизан «под командованием тов. В. и О.». В те дни наши фамилии никогда не упоминались открыто. Газеты тогда писали так: «…командир взвода тов. Х. метким огнем истребил 5 гитлеровских грабителей…» или «партизаны под командованием тов. В. и О. атаковали ночью фашистский гарнизон в одном населенном пункте…». Сегодня можно не конспирироваться: тов. Х. - это Герой Советского Союза Михаил Харченко, «гарнизон в одном населенном пункте» — это 20-й батальон СС, разгромленный в деревне Ясски Дедовичского района, а «тов. В. и О.» — комбриг Васильев и комиссар Орлов.

* * *

Совещание шло к концу. Уже закончил установку на проведение налета Васильев. Определены вопросы взаимодействия полков, определено, где, как, какими силами будут они действовать. Оставались мелкие детали, к уточнению которых я собирались перейти. И вдруг Васильев сказал;

— Товарищ, Афанасьев, на основания всего слышанного подготовьте приказ по бригаде.

В первое мгновенье я растерялся. «Почему я? — промелькнуло в голове. Ведь здесь же Головай!..» У других это тоже вызвало недоумение: Подготовка проекта приказа по бригаде — прямая обязанность начальника ее штаба, и не может быть, чтобы Головай не смог этого сделать. Больше того, приказ уже наверняка давно готов и подписан. Непонятно. Но не станешь же обо всем этом спрашивать — комбриг приказал, и я должен

выполнять.

— Есть подготовить приказ! — ответил я, встав и встретившись мельком с явно ободряющим взглядом Головая. — Разрешите выполнять?

— Да. Садитесь вот сюда и пишите, — сказал Васильев, указывая на стол у окна.

Я оказался за столом, лицом к окну и спиной к собравшимся. Они продолжали разговор, кто-то задавал вопросы, кто-то отвечал, но я ничего уже не слышал, погруженный в свои совершенно естественные «почему», а еще больше — в составление текста.

Наконец проект готов. Я отложил карандаш и бумагу, прислушиваясь к тому, что происходило за моей спиной. Еще раз пробежал текст глазами — все в порядке. В это время Васильев спросил:

— Николай Иванович, вы готовы?

— Готов, товарищ комбриг!

Васильев внимательно прочел подготовленный много документ, передал его Орлову, тот, прочитав, — Головаю. Замечаний нет. Приказ подписан и зачитан присутствующим. И больше ни слова — как будто так всегда и было, ничего особенного.

Так тогда я и не понял, зачем устроил мне Васильев этот экзамен. Не понимали и Скородумов с Назаровым. Правда, по пути в полк Скородумов сказал:

— Ну, Коля, далеко пойдешь! Чувствую — заберут тебя от нас…

Но это была скорее шутка, чем утверждение осведомленного в чем-то человека. А потом размышлять обо всем этом не было времени: мы готовились к налету, потом вели ночной бой в Ленно и Ручьях и в этой схватке почти полностью уничтожили оба гитлеровских гарнизона. Снова испытали мы радость победы и горечь утраты боевых товарищей — много, как много не вернулось опять, из боя! Но это была война, это была наша работа. А потом меня вызвали в штаб бригады.

Выехали вдвоем с моим адъютантом Васей Цветковым. В прошлом техник по авиационному вооружению, он был одним, из слушателей партизанских курсов в Валдае. Когда я получил назначение в полк Скородумова, комиссар школы Александр Петрович Чайка сказал, что адъютанта подберет мне сам. Подобрал и сказал, что лучшего не найдешь. И был абсолютно прав. До сих пор некоторые неосведомленные люди считают, что адъютант — это такой пригревшийся при штабе и не нюхавший пороха человек, вся воинская доблесть которого — подавать

командиру котелок щей или греть воду для бритья. Но адъютант — не денщик. Он самый первый помощник командира, его опора и в бою, и в походе. Впрочем, стоит ли долго объяснять — надо просто заглянуть в словарь и прочесть: «…лицо офицерского состава, состоящее при командире для выполнения служебных поручений или несущее штабные обязанности». Цветков был мне отличным боевым товарищем. Мы прошли с ним рядом весь отпущенный нам военный путь и ранены были в одном бою, одной миной, и в тыл нас отправили одним самолетом… Но до этого было еще далеко, а пока мы катили в розвальнях к штабу бригады, в небе не было ни облачка, солнце светило и настроение у нас обоих было прекрасное.

Погоняя лошадь, Цветков, как обычно, то затягивал песню, то обрывал ее и начинал очередной рассказ о незадачливости кого-то из партизан. Такой «программой» он всегда во время ваших с ним поездок развлекал и меня, и себя причем себя, мне кажется, даже больше, поскольку радовался каждой удачно получившейся у него истории так, будто не сам ее рассказывал, а только что услышал впервые. Словом, дорожная скука нам не грозила.

Вася как раз начал очередную байку — и тут из-за леса вынырнул прямо на нас «мессершмитт», летевший на высоте 30–40 метров. Не сговариваясь, мы схватились за автоматы и открыли по нему огонь. Безрезультатно. А истребитель между тем… не обратил на нас ровным счетом никакого внимания. Видимо, пилоту было не до нас — куда-то он очень спешил.

Досадуя на промах, мы ехали дальше. Я уже говорил о том, что в эти дни многие в крае были охвачены азартом охоты на немецкие самолеты: очень уж стали они нам досаждать. Не избежал этого и я. Помню, появилась у меня тогда такая идея: поскольку летали гитлеровские машины над нами очень низко, в считанных десятках метров от земли, и всегда примерно одним маршрутом, можно попытаться сбивать их наземным взрывом. Я хотел установить несколько фугасов на земле или расположить их на макушках деревьев и взрывать заряды, когда самолет проходит над ними. Взрывной волной машину могло тряхнуть так сильно, что, потеряв на миг управление, она врезалась бы в землю. К сожалению, осуществить эту идею мне так и не удалось: в полку совершенно не было тогда взрывчатки, а когда она появилась, гитлеровские летчики прекратили уже летать над краем так нахально, как раньше.

Разговор в штабе бригады был недолгим, но насыщенным, и — в который уже раз! — круто изменилась моя судьба. Нас было трое: Васильев, Орлов и я. Мне было предложено на следующий же день принять 1-й полк, обеспечить его участие в совместной

операции трех полков бригады против гарнизона противника в деревне Веряжи, а затем выдвинуться на крайний юго-западный участок Партизанского края, в район дальнейших боевых действий.

ПЕРВЫЙ ПОЛК

1942 год, 1–3 апреля

Принимать полк было и трудно, и просто. Дело в том, что «возраст» у него был совсем младенческий — чуть более месяца, — но за это время он успел уже лишиться командира. Полковник М. Я. Юрьев командовал от силы неделю, а потом внезапно заболел и был отправлен в советский тыл. Остальное время обязанности командира исполнял начальник штаба полка Михаил Викторович Степанов, в прошлом старший лейтенант войск ВОСО. И немного вроде бы накопилось дел, а принимать не у кого. Но главная трудность заключалась в том, что на знакомство с моим войском времени почти не оставалось: операция на Веряжи должна была начаться на исходе следующего за моим приездом в полк дня. Впрочем, я решил, что нет худа без добра, — лучше, чем в бою, людей не узнаешь.

Правда, времени даром не терял. Долго беседовал с комиссаром — бывшим секретарем Уторгошского райкома партии Александром Ивановичем Казаковым, с начальником штаба. Оба они приняли меня доброжелательно, добросовестно вводили в курс полковых дел, старались чем могли помочь. Была, правда, за этим и некоторая настороженность, но ведь это естественно: они тоже присматривались ко мне. А я тем временем старался узнать как можно больше о бойцах, о командирах, об отношениях в полку, о сложившихся уже порядках и привычках. В штабную избу заходило множество людей, у всех были какие-то дела, и я мог наблюдать многое из того, что меня интересовало: как одеты партизаны, как вооружены, как они обращаются к командирам, как реагируют на то или иное приказание, какое у них настроение… Словом, интересовало меня все, вплоть до мелочей: ведь и мелочи — поди их знай! — превращаются зачастую в нечто весьма серьезное.

Налетом на Веряжи завершалась серия совместных действий трех полков нашей бригады на южных границах Партизанского края. Эти действия вынудили гитлеровцев отойти в район озера Цевло — 25 километрами восточнее железнодорожной станции Сущево. Враг понес большие потери в живой силе и технике, а главное, еще раз убедился в возросшей активности и мощи партизанских сил, в нашей решимости и способности противостоять карательным акциям, в нашем умении проводить серьезные боевые операции как на территории края, так и за его

пределами.

То, что произошло зимой 1941/42 года на фронтах Великой Отечественной войны — под Тихвином, Ростовом, а особенно, конечно, под Москвой, — аукалось в глубоком немецком тылу, в том числе и в партизанских лесах Псковщины и Новгородчины. Миф о непобедимости гитлеровских армий превращался в прах буквально на глазах. Наши люди обрели удивительную уверенность, мы стали хозяевами отвоеванного у врага района и нигде не давали ему спуску. О гитлеровцах же, а особенно об их приспешниках — полицаях, старостах и других предателях, — можно было сказать прямо обратное: они начали поджимать хвост.

Помню одну из газет того времени, выпускавшихся немцами для жителей оккупированных территорий. Эта газета называлась… «Правда». Не только название, но и внешний вид, даже начертание заголовка украли гитлеровские пропагандисты у нашей самой авторитетной газеты. Делалось это неспроста. Фашисты пытались, используя привычный для читателя облик газеты, которой он безусловно доверял, вызвать тем самым доверие и к своему детищу. Но ребенок подучился весьма ублюдочный. Содержание было настолько бездарным, что могло рассмешить даже очень неискушенного человека. Не припомню, кстати, чтобы гитлеровские пропагандисты хоть раз удивили нас ложью замысловатой: врали они настолько беззастенчиво и нелепо, что можно было просто заменять в их текстах любое утверждение отрицанием и наоборот — и все вставало на свои места. В той газете, которую я вспомнил, иа первой странице был крупный рисунок: немецкий солдат низко склоняется к белоснежному сугробу, бережно поддерживая на ладони пробившийся сквозь толщу снега стебелек травы. В принципе ему не хватало только арфы в свободной руке и крыльев за спиной. Кстати, удивительная слащавость лжи гитлеровских пропагандистов ничего, кроме недоумения, вызвать не могла: до сих пор не понимаю, на какого читателя они рассчитывали. Послушать их — так получалось, например, что и в русские деревни солдаты вермахта входили буквально на цыпочках, чтобы не дай бог не потревожить послеобеденного сна мирного крестьянина. Но кто не знал в те годы правды!

Рисунком, о котором я рассказал, гитлеровцы пытались убедить читателя, что произошедшее зимой объясняется не силой советского солдата, не монолитностью всего нашего народа, а суровостью и жестокостью северной зимы, лютыми холодами, непривычными для немецких войск. Пробьются через толщу снегов миллионы таких вот зеленых стеблей — и тогда…

Не только жителей оккупированной территории — самих себя пытались они убедить в этом. И безуспешно. Да разве могло быть иначе! Сам Геббельс идеолог номер один в фашистской Германии — сделал как раз в те дни, 6 марта 1942 года, такую запись в дневнике: «В донесении СД сообщается о положении в оккупированной России. Оно еще более неустойчиво, чем все предполагали. Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Партизаны безраздельно господствуют над обширными районами оккупированной России…»[21]

Конечно, никто из нас не думал, что враг уже разбит, что победа над ним-дело ближайших дней. Мы понимали, что фашисты еще очень сильны. Они способны еще причинять нашей Родине огромные страдания, их армии хозяйничают еще в Европе, и не так скоро удастся обескровить их, сломить и погнать назад до Берлина. Но в том, что теперь до этого стало гораздо ближе, никто не сомневался.

Кстати, не только военные успехи определяла к тому времени состояние нашего духа. Ведь как много изменений произошло даже в самом укладе нашей жизни! Мы, например, совершенно не чувствовали уже своей оторванности: имели постоянную радиосвязь, получали из-за линии фронта самолетами многое из необходимого и всегда могли отправить в советский тыл по воздуху наших тяжело раненных. Летчики авиаполка, обслуживавшего партизан на Северо-Западном фронте, настолько освоили проложенную в Партизанский край авиатрассу, что мы не реже, чем воевавшие в частях регулярной армии, читали свежие газеты, получали и отправляли письма. Что значит для солдата на войне письмо из дома, понимает, наверное, каждый. Надо ли говорить о цене письма, находившего адресата во вражеском тылу!

…Возвращаясь к налету на гарнизон в Веряжах, скажу, что ничем особенным этот бой отмечен не был: объединенными силами мы легко и быстро выбили гитлеровцев из деревни, изрядно при этом потрепав. Возникла, правда, досадная неурядица — командир одного из отрядов сбился на марше с пути, проплутал со своими людьми по лесу и вышел к Веряжам, когда бой уже кончился. Но, к счастью, на исход операции это не повлияло. Он очень переживал свою оплошность. К тому же мы со Степановым, проведя разбор действий командира на марше, убедились в том, что причина всех бед не стечение обстоятельств, а отсутствие элементарного умения пользоваться компасом и картой — вещь непозволительная. Проштрафившийся командир был строго наказан и, к чести его, принял наше решение без тени обиды или недовольства. Видно было, что он и сам не мог да и не

хотел оправдывать свою неумелость. А главное, сделал правильные выводы, попросил помочь в приобретения нужных навыков.

В целом же от действий полка в этом бою впечатления у меня остались хорошие: люди обстрелянные, действуют грамотно, руководство боем отлажено нормально.

«ОТРЯД РАЗОРУЖИТЬ, КОМАНДИРА АРЕСТОВАТЬ»

1942 год, 4-16 апреля

В апреле заметно потеплело. Снег плавился на весеннем солнце, тяжелел от пропитавшей его талой воды, на дорогах заблестели лужи. И вновь наступила горячая пора для хозяйственников. Очень скоро надо будет переводить полк на летнюю форму одежды, а где ее взять? У всех на ногах валенки, по лужам в них не походишь, а чем заменить — тоже неизвестно. Кстати, именно валенки помешали в те дни провести операцию, успех которой не вызывал сомнений.

Мы жили в деревне Селище, примерно в 10 километрах к северу от озера Цевло — того самого, за которое ушел выбитый из Веряжей гитлеровский гарнизон. Он разместился в большой деревне, называвшейся так же, как и озеро, — Цевло, и чувствовал себя там, судя по данным полковой разведки, очень спокойно. Деревня находилась далеко за пределами Партизанского края, и это, видимо, представлялось гитлеровцам гарантией безопасности. Но нам-то никто не запрещал проводить операции вне территории края! К тому же именно успокоенность противника сулила верную победу. Мы запланировали ночной налет.

В назначенное время отряды пересекли лесной массив и вышли к озеру, по льду которого решено было двигаться дальше. Этот путь был до последнего времени единственно возможным — идти в обход, по берегу мешали заросшие густым кустарником низины и основательно раскисшие уже болота. Ночной морозец только чуть прихватывал их поверхность, тонкий ледок проламывался под ногами, и они сразу же уходили в жидкое месиво воды, грязи и снега. А обувь наша, повторяю, валенки.

Мы вышли на лед озера. И тут оказалось, что этот путь для нас также недоступен: лед был еще крепким, но оттепель покрыла всю его поверхность под снегом толстым слоем воды и буквально через несколько минут ноги у всех нас стали мокрыми насквозь. По озеру надо было пройти километра три, потом вести бой, потом возвращаться тем же путем. Ясно, что в бою возможны потери. Но сколько человек слягут больными после марша по ледяной воде туда и обратно? А если под утро ударит мороз — вещь вполне обычная, — что тогда? Сколько человек поморозит

ноги? И не окажется ли в конце концов, что гитлеровцев в Цевло мы разгоним, но и полк потеряет боеспособность?.. Короче говоря, как это ни досадно было, я дал приказ об отмене операции и возвращении.

Той же ночью состоялась встреча, положившая начало событиям не вполне обычным. Мы вернулись в Селище и стали размещаться по избам — тем, разумеется, в которых жили до выхода на операцию. Отдав последние распоряжения, я вместе с Казаковым и Степановым направился к той избе, где раньше размещался штаб. Вася Цветков ждал нас уже у входа, но вид у него был какой-то озабоченный.

— Заняли нашу избу, товарищ командир, — сказал он, сам удивляясь такой новости. — А кто — ума не приложу.

Мы вошли в дом. Было темно, и я включил карманный фонарь. Его луч запрыгал по полу, повсюду высвечивая тела спящих на подостланной соломе людей — человек двадцать пять, все в одинаковых майках и все, как на подбор: молодые, крепкие, мускулистые. Родившееся в первую минуту возмущение угасло само собой — вид этих ребят, сладко спавших пусть даже на твоем собственном месте, был удивительно приятен. Я подумал еще: «Вот таких бы, да числом побольше, — в полк!» Потом обратил внимание на аккуратно составленное у стен оружие отряда. Оно тоже могло заставить позавидовать любого, поскольку получалось, что на каждых двух бойцов у них приходился один ручной пулемет и один автомат. Сила! Немного смущала, правда, беспечность командира этой группы: разве можно даже на территории края располагаться на ночлег, не выставив охранения? А ну как в деревню вошли бы не мы, а гитлеровцы?

Впрочем, решил отряд не будить и отправился со штабом в соседнюю свободную избу. Цветкову, правда, приказал выяснить, кто у этих ребят старший, и привести его ко мне.

Вскоре передо мной уже стоял такой же крепкий, как все остальные в его группе, парень в армейской форме без знаков различия и хриплым со сна голосом, но четко, по-военному докладывал.

— Командир отряда старший сержант Бучнев, — представился он.

Дальше выяснилось, что отряд скомплектован на Калининском фронте и целиком состоит из военнослужащих сержантского состава. Выполнив задание на оккупированной территории Калининской области, в районе железнодорожной станции Торопец, вышел в Партизанский край. Сейчас после отдыха направляется на задание за пределы края, в Бежаницкий

район. Поинтересовавшись вооружением, я узнал, что действительно в отряде на каждых двух бойцов — ручной пулемет и автомат. Кроме того, отряд располагает таким количеством лошадей и повозок, которое делает его исключительно маневренным и быстрым.

Все это производило впечатление, заставляло задуматься. Нельзя ли перенять такой опыт? Ведь если создать в нашем полку сходные ударные группы, можно получить солидный эффект. Смущало только то, что автоматическое оружие удивительно прожорливо на боеприпасы, с которыми у партизан почти всегда были затруднения.

Ранним утром люди Бучнева расселись по саням и очень быстро растаяли в предрассветной мгле, А в полдень мне принесла радиограмму из штаба бригады за подписью Васильева. Она была адресована всем командирам и комиссарам полков, отрядов и других самостоятельно действовавших в крае подразделений. Это был приказ на случай встречи с отрядом Бучнева о немедленном разоружении всей группы, аресте Бучнева вместе с его комиссаром (фамилию не помню) и доставке под конвоем обоих в штаб бригады.

В голове завертелась масса вопросов. У меня Бучнев не вызвал никаких подозрений, но ведь приказы об аресте просто так не отдают, значит… А что это значит? Почему отряд надо разоружить? Если эти люди опасны, то насколько? Не придется ли, если случай сведет нас вновь, применять против них оружие? Но ни на один из этих вопросов радиограмма ответ не давала. Успокаивало в какой-то мере только то, что об аресте бойцов отряда речи не велось — их надо было только разоружить. Значит?.. Нет, все равно много неясного. Впрочем, немедленно радировал в штаб о недавней встрече с Бучневым и о готовности в случае его появления неукоснительно выполнить приказ.

А через несколько дней отряд Бучнева вновь оказался на контролируемой полком территории. Надо было действовать.

Разведка донесла, что отряд расположился на отдых в деревне Марыни, километрах в пятнадцати от нас. Я приказал уполномоченному особого отдела Алексею Ивановичу Пушкину съездить к Бучневу и предложить ему явиться в штаб полка. Вскоре Бучнев вместе со своим комиссаром был у меня, а отряд его расположился на улице перед штабной избой, ничего толком не зная, но явно подозревая неладное. Бучнев тоже был встревожен, но старался держаться спокойно.

Готовясь к этой встрече, я больше всего опасался прямого вооруженного столкновения — кто знает, за какие грехи подлежал Бучнев аресту, не исключено ведь, что ему и терять-то

нечего! Конечно, противостоять целому полку этот отряд, несмотря на сильное свое вооружение, не сможет, но будут жертвы. Надо постараться решить поставленную задачу, не применяя оружия. И я принял все меры предосторожности.

Разговаривать с Бучневым и его комиссаром я решил с глазу на глаз. Еще до их прихода специально снял с себя все оружие и положил его, как бы невзначай, на виду и подальше от стола, за которым сидел. Правда, приказал Цветкову стоять за дверью с автоматом, а в случае осложнений стрелять по ногам. И вот теперь мы были втроем в комнате. А отряд Бучнева гудел под окнами.

Я сидел за столом, Бучнев же и комиссар стояли шагах в пяти от меня, поскольку сесть я им не предложил. Спокойно, как о чем-то будничном и незначительном, я сказал:

— Мною получен приказ штаба бригады о вашем аресте, — и увидел, как напрягся Бучнев и как рука его легла на автомат.

Повернув голову к окну, я медленно встал, несколько секунд смотрел на улицу, выдерживая паузу, и только после этого перевел взгляд на стоявших передо мной людей. Мне хотелось, чтобы они обратили внимание на то, что я безоружен. Судя по всему, это произошло, — я поймал взгляд Бучнева, брошенный им на мой автомат, стоявший в дальнем углу и на лежавшую рядом с ним на скамье портупею с торчавшей из кобуры рукояткой пистолета. Бучнев несколько успокоился. Я продолжал:

— Ваш отряд приказано разоружить. Вы как человек военный понимаете, конечно, что этот приказ будет выполнен. Предлагаю вам первыми сдать оружие.

В избе повисла тишина, нарушаемая только ходиками на стене, которые мотали маятником с характерными щелчками. Бучнев вдруг взорвался.

— А за что? — почти выкрикнул он. — За что вас арестовывать? Вы-то знаете? Да мы просто…

— Не знаю, — перебил я его. — В приказе об этом ни слова. Только что с того? Кричать все равно не надо. Тут в разговор вступил комиссар.

— Это ошибка какая-то, товарищ командир, — пробасил он. — Мы ведь прямо из боя. Наподдали фрицам — будь здоров! Может, не о нас речь?

Он говорил достаточно убежденно, и все-таки я чувствовал, что оба стоявших передо мной человека знают за собой какую-то вину, вот только какую — этого я не мог даже предположить. Я ответил:

— Ошибки быть не может. Сказано: отряд Бучнева.

Снова возникла пауза. Мне показалось, что тянется она

слишком долго, но «давить» я пока не хотел. Давал Бучневу время на размышления. Видно было, что он не схватится уже за автомат. Но и подчиниться он явно не хотел, что-то в уме прикидывал, хотя и не мог прийти к окончательному решению.

— А если я не подчинюсь? Кто кого арестовал — непонятно, — он кивнул в окно. — Это ведь мои люди! Я пожал плечами:

— Неужели вы думаете, Бучнев, что я такой простачок? Это вы могли помните? — улечься спать, не выставив охранения. Я такого себе не позволяю…

Бучнев смутился: в первую нашу встречу я не заикался о его беспечности, а вот теперь, совершенно неожиданно, ему вроде бы дают урок, причем как раз тогда, когда он встал в независимую позу. Я воспользовался его замешательством и продолжал:

— А потом подумайте: разве вы в силах управиться с целым полком? Несерьезно все это…

И тут мирное течение нашей беседы неожиданно нарушилось. В избу, оттолкнув плечом не успевшего среагировать Цветкова, ворвался здоровенный детина с ручным пулеметом наперевес и гаркнул с порога:

— А ну, что здесь такое?

Это был один из бойцов отряда Бучнева. Атмосфера накалилась. Я почувствовал, что вот сейчас, если не этот парень, так Вася откроет огонь, и тогда пиши пропало. Не повышая голоса, медленно, но очень твердо и раздраженно я сказал Бучневу:

— Товарищ командир, прикажите своему бойцу выйти, и немедленно. И накажите его потом за нарушение устава, да построже. Что это за сержант у вас, который не знает, как надо обращаться к командиру полка? Выполняйте!

— Ну… иди, — буркнул парню Бучнев. — Иди!

И тот, скисший от такого оборота дела, вышел.

— А теперь оружие на стол! — я уже откровенно командовал.

Бучнев посмотрел на своего комиссара и первый сиял с шеи автомат, вынул из кобуры пистолет, а из ножен короткий тесак с широким лезвием и положил все это передо мной. Комиссар последовал его примеру…

Партизана трудно удивить видом оружия. Почти каждый из нас имел помимо того, что всем нам выдавалось, трофейный пистолет, какой-нибудь замысловатый кинжал или что-то еще в этом роде. Но на Бучневе и его комиссаре был целый арсенал: когда Цветков подошел к ним, чтобы обыскать, на свет стали появляться еще пистолеты и ножи — из-за голенища сапога, из кармана брюк, из-за пояса, из кармана полушубка… Вася только

головой качал.

Надо сказать, точно так же были вооружены и все без исключения бойцы отряда и, наверное, поэтому уговорить их сдать оружие было особенно трудно: они не верили, что получат назад все сданное. Когда я объявил об аресте их командира и комиссара и о том, что имею приказ разоружить все подразделение, они долго гудели, как на митинге. Чувствовалось — до стычки дело не дойдет, но и миром кончить было трудно: отряд шумел не только оттого, что его разоружают, но и оттого, что хотят забрать у бойцов добытое ими в бою. Может быть, кому-то это покажется странным, но именно трофейное оружие они как раз и не хотели отдавать: остальное — пожалуйста, а это — ни в какую. В конце концов мне пришлось дать слово командира, что как только в бригаде во всем разберутся и дадут на то разрешение, каждый получит назад все, вплоть до последнего патрона. Каждый увязал свое оружие и боеприпасы в тючок, все это сложили и заперли в летней половине штабной избы и выставили часового. Ключ я забрал себе. Может быть, бойцов отряда успокоило еще и то, что я сказал им о своем намерении ходатайствовать о включении их отряда в полк. Словом, кое-как поладили.

Бучнева и его комиссара отправили в штаб бригады. Мою просьбу относительно дальнейшей судьбы отряда Васильев довольно быстро удовлетворил. А дня три спустя в полк вернулся и сам Бучнев вместе с комиссаром. К этому времени мы уже знали причину их ареста.

Дело в том, что отряд по прибытии в Партизанский край был включен приказом по бригаде в состав одного из полков, базировавшихся севернее нас. Но там Бучневу не понравилось. Он говорил, что все дело в бездействии этого полка, а по-моему, просто не любил подчиняться и хотел самостоятельности. Короче говоря, они с комиссаром самовольно подняли отряд и отправились воевать в Бежаницкий район. Надо сказать, что действовали они там весьма успешно: разгромили две волостные управы, разогнали несколько полицейских отрядов. А потом отряд вернулся в край. Дальнейшее известно.

В штабе бригады Бучневу всыпали по первое число, но в рядовые не разжаловали (это все-таки случилось, но несколько позже), и он вернулся в отряд. Так закончилось происшествие, бывшее для нас несколько дней волнующей загадкой.

Я рассказал о нем не ради красного словца. Понятие «военная дисциплина» известно сегодня многим, но тем, кто не воевал, трудно понять, из чего она в те годы складывалась. Не только из высокой сознательности и самоорганизованности людей.

Дисциплину рождала еще и строгость, доведенная порой до крайних своих проявлений. Пример с Бучневым — не крайность. И все-таки посмотрите: ведь не дезертировал же он, не к теще на блины отправился, а ушел бить врага, но был, тем не менее, арестован. И, согласитесь, действия Васильева были абсолютно правильны. Он терпеть не мог того, что называется партизанщиной, не выносил этакой вольницы и самостийности. И 2-я бригада была поэтому соединением очень организованным. С партизанщиной здесь боролись решительно и энергично.

«АВТОМАТОМ И ВИНТОВКОЙ, ГРАНАТОЙ И ТОПОРОМ, КОСОЙ И ЛОМОМ, КОЛОМ И КАМНЕМ»

1942 год, 17–29 апреля

В середине апреля я получил приказ о передислокации полка на север. Маршрут был указан: через Ухошино, Глотово, Серболово, Нивки, Гнилицы в район деревни Большое Заполье. Переход предстоял длительный и трудный, около 100 километров. Правда, можно было попытаться пройти напрямик, это составило бы всего 30 километров, но болота на пути уже оттаяли, а наши люди были по-прежнему в валенках.

Двигались снять в темноте, только теперь уже не потому, что опасались гитлеровской авиации, — ночами подмораживало, и становилось суше. Дошли на третьи сутки.

Штаб полка расположился в совершенно пустой деревушке Трестянка. Жители оставили ее еще до войны: кто переехал в Ленинград, кто перебрался в другие деревни. Во всей Трестянке к нашему приходу жил один-единственный человек тихая старушка. Рядом, в деревне Городовик, находился штаб 2-го полка. Так что в новом районе у нас были соседи, к тому же хорошо знакомые.

В эти дни бригада заметно выросла. В деревнях довольно много парней хотели уйти в партизаны, и нам разрешили принимать в свои подразделения добровольцев. Мы обживали новое место, принимали пополнение, вели разведку.

Полк все еще был одет по-зимнему, а весна между тем съедала последний снег. Мой заместитель по хозяйственной части Алексей Дмитриевич Сарычев побывал в штабе бригады, и там помогли чем сумели. Самолеты перебрасывали из советского тыла летнее обмундирование и обувь, но на все полки все равно не хватало, и надо было самим искать выход из положения, а он мог быть только один: взять то, что нам нужно, у врага.

Как раз в это время мы готовили операцию против трех располагавшихся рядом гарнизонов противника. Ударить по ним предполагалось одновременно: отряд «Храбрый» атаковал гитлеровцев в деревне Белковой, а отряд Седова — в Дудино и Друсино. На случай отступления вражеских подразделений были организованы две засады: отрядом Бучнева на дороге между Дудино и Белковой и отрядом «Отважный» — на дороге к

Чихачево между Дудино и Спиридонкино.

Эта операция прошла на редкость гладко и принесла быстрый успех. Когда ровно в два часа ночи в Белковой, Дудино и Друсино ударили партизанские винтовки, автоматы и пулеметы, гитлеровцы, застигнутые врасплох, не смогли организовать никаких ответных действий. Все три гарнизона были уничтожены в считанные минуты. А наутро к штабу полка свезли обильные трофеи, в том числе много одежды и обуви.

Несколькими днями позже мы совместно со 2-м полком провели ночной налет на полустанок Плотовец, знакомый мне еще по первому выходу во вражеский тыл летом 1941 года. Вновь наши действия были стремительны и неожиданны, и вновь гитлеровцы не смогли организовать никакого сопротивления. Меньше чем через час после начала налета мы уходили из Плотовца, оставляя полустанок в самом плачевном состоянии: железнодорожное полотно взорвано в нескольких местах, вырезан большой участок линии телефонной и телеграфной связи, взорвано все стрелочное хозяйство, уничтожено здание вокзала, взорван железнодорожный мост. И конечно же, снова трофеи, среди которых, как и прежде, особую ценность представляли обмундирование и обувь.

Приближалось 1 Мая. И, совсем как в мирные дни, у всех поднималось настроение. Приятно было даже просто произнести вслух слово «Первомай». Да это и понятно — любой из нас уносился мыслями назад, в прошлое, и оно виделось всем безоблачным и счастливым: там гремела медь праздничных оркестров, двигались пестрые колонны демонстрации, трепетали на ветру флаги, смеялись радостно люди… Там был мир. И какой дикостью, какой страшной нелепицей начинала казаться война — безумная выдумка дорвавшихся до государственной власти ублюдков, распорядившихся судьбами целых народов так по-первобытному дико. Ненависть к фашизму вошла в сердца людей вместе с этим словом — «война». Ненависть была огромна, но не имела она, видно, предела, потому что росла с каждым часом, росла до того майского дня сорок пятого года, в честь которого гремят сегодня салюты и на пути к которому — холмики могил и гранит монументов.

В предмайские дни наш полк очень вырос. Прежде всего за счет пополнения из местной молодежи, о котором я уже писал. Мы принимали в свои ряды новых товарищей торжественно и по-солдатски строго. Перед строем отрядов звучали слова партизанской клятвы, вот они:

«Я, сын великого советского народа, добровольно

вступая в ряды партизан Ленинградской области, даю перед лицом своей Отчизны, перед трудящимися героического города Ленина свою священную и нерушимую клятву партизана.

Я КЛЯНУСЬ до последнего дыхания быть верным своей Родине, не выпускать из рук оружия, пока последний фашистский захватчик не будет уничтожен на земле моих дедов и отцов.

Мой девиз: видишь врага — убей его!

Я КЛЯНУСЬ свято хранить в своем сердце революционные и боевые традиции ленинградцев и всегда быть храбрым и дисциплинированным партизаном. Презирая опасность и смерть, КЛЯНУСЬ всеми силами, всем своим умением и помыслами беззаветно и мужественно помогать Красной Армии освободить город Ленина от вражеской блокады, очистить все города и села Ленинградской области от немецких захватчиков.

За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом я КЛЯНУСЬ мстить врагу жестоко, беспощадно и неустанно.

Кровь за кровь и смерть за смерть!

Я КЛЯНУСЬ неутомимо объединять в партизанские отряды в тылу врага всех честных советских людей от мала до велика, чтобы без устали бить фашистских гадов всем, чем смогут бить руки патриота, — автоматом и винтовкой, гранатой и топором, косой и ломом, колом и камнем.

Я КЛЯНУСЬ, что умру в жестоком бою с врагами, но не отдам тебя, родной Ленинград, на поругание фашизму.

Если же по своему малодушию, трусости или по злому умыслу я нарушу эту свою клятву и предам интересы трудящихся города Ленина и моей Отчизны, да будет тогда возмездием за это всеобщая ненависть и презрение народа, проклятие моих родных и позорная смерть от руки товарищей!»[22]

Наши новобранцы не знали, что такое «курс молодого бойца»: они сразу попадали в бой, имея парой в руках лишь одну-единственную гранату. И добывали себе оружие в схватке. Это было жестокое для них испытание, но пройти его пришлось многим — оружия на всех не хватало.

И еще по одной причине вырос полк: ему были временно приданы три отряда латышских партизан, прибывших в край для освоения тактики и методов борьбы в тылу врага. Эти отряды, общая численность которых составляла 280 человек, были скомплектованы из хорошо обученных военному делу и побывавших уже на фронте бойцов. Но партизанского опыта у них совершенно не было, вот почему оказались они в крае, считавшемся тогда, как я уже говорил, своего рода «академией».

Латышские отряды прошли в Валдае подготовку на тех самых партизанских курсах, которыми мне довелось руководить. Обучали их при командира из первого выпуска — А. А. Валенцев, Г. М. Журавлев и А. С. Машков. Вместе с отрадами они пришли в край и продолжали учить латышских товарищей в боевой обстановке. Некоторое время спустя Валенцев стал моим заместителем по разведке, а Журавлев — командиром отряда «КИМ».

У руководства латышских отрядов были три видных революционера: Эрнест Америк, Петр Бриедис и Огомар Ошкалн. Это были люди ярких судеб, настоящие революционеры, настоящие патриоты. Каждый из них был личностью незаурядной, интересной, о каждом можно было бы много рассказать.

Больше, чем с другими, я сошелся с Отомаром Петровичем Ошкалном человеком чрезвычайно общительным, добрым. Ему было под сорок, и он знал, что такое аресты и заключение в концлагерь за революционную деятельность. По профессии он был учителем, и можно с уверенностью сказать, что учителем хорошим: об этом свидетельствовали его высокая образованность, умение входить в контакт с людьми, прекрасное мастерство рассказчика, уравновешенность, сильная воля. В боевых операциях он держался так, будто ничем другим, кроме партизанской борьбы, не занимался с самого детства. Он был очень смелым человеком, но никогда не терял головы и в безрассудстве упрекнуть его было невозможно. Все это, вместе взятое, не могло не создать ему крепкого и заслуженного авторитета.

После свержения в 1940 году буржуазного режима в Латвии Ошкалн был депутатом Народного сейма, а затем Верховного Совета республики. Война заставила его взять в (руки оружие и пройти долгий путь партизанской борьбы: он был комиссаром отряда, полка, членом оперативной группы ЦК КП(б) Латвии по организации партизанского движения, комиссаром, а затем командиром партизанской бригады.

В дни нашего знакомства его боевой путь только начинался. И сколько неожиданностей было на этом пути! Помню, например,

с какой душевной болью он рассказывал впоследствии об одном из боев, который вел его отряд уже на границе с Латвией, по пути из Партизанского края на родину. Дело в том, что в числе напавших на отряд полицейских Ошкалн узнал нескольких своих бывших учеников. Как они, такие добрые, отзывчивые и справедливые в детстве, через несколько лет смогли оказаться по ту сторону баррикад, в одном лагере с врагами своего народа, в одном лагере с фашистами, которые у любого нормального человека были в состоянии вызвать единственное чувство ненависть? Как могли они стрелять в своего учителя? Понять это Ошкалн не мог. И вот что меня тогда поразило: закончил он свой рассказ не сетованиями на предательство, не попреками или угрозами. Он вдруг сказал:

— Значит, что-то я не так делал, значит, плохо я их учил.

Это было очень характерно для него: искать прежде всего свою вину — какой бы ничтожной она ни была рядом с виной других.

Эрнест Америк был среди наших гостей самым старшим, ему давно перевалило за сорок. Но выглядел моложаво — энергичен, подтянут, ни грамма лишнего веса. У него было блестящее прошлое профессионального революционера: участие в гражданской войне, годы подполья, каторга, работа в Коминтерне… Обо всем этом он умел рассказывать чрезвычайно интересно, однако почти никогда не говорил о своих личных заслугах или о тех лишениях, которые выпадали на его долю. Это была одна из характернейших его черт — поразительная при такой богатой событиями биографии скромность. В нем не было даже намека на эгоцентризм, самолюбование или себялюбие. Зато была масса искренности, простоты, сердечности. Он легко сходился с людьми, все его знали, все уважали.

Менее общительным, в какой-то мере даже замкнутым человеком запомнился мне Петр Янович Бриедис. Видимо, поэтому знал я его меньше, чем других. Но даже беглого знакомства было достаточно, чтобы угадать в нем твердый характер, большое упорство. Замкнутость же его объяснялась, по-моему, тем, что был Бриедис человеком очень скромным, даже застенчивым. Он тоже был в прошлом партийным работником-революционером, тоже знал, что такое тюрьмы и каторга, почти семь лет продержало его в застенках правительство буржуазной Латвии. После восстановления в республике Советской власти Бриедис занимал пост секретаря райкома партии, был председателем Народного сейма, позже Верховного Совета Латвийской ССР.

Помню, как удивили меня эти три человека буквально на

второй с момента появления в штабе полка день. Мы относились к ним еще как к гостям, поэтому никаких обязанностей ни на кого из них пока не возлагали. И вот Брведис подошел ко мне с просьбой:

— Разрешите, товарищ командир, мы будем нести охрану штаба.

Я уже знал, что это за люди, знал, что настоящее их предназначение куда более серьезно, чем стоять с автоматом у входа в штабную избу, и, наверное, поэтому на какое-то мгновение растерялся и ответил не сразу. А Бриедис, приняв мое молчание за отказ, начал горячо убеждать, что с обязанностями караульных все они смогут справиться прекрасно.

В караул я их не пустил. Вместо этого приказал немедленно включить в активную штабную работу. А мое уважение к этим людям очень укрепилось: заметьте, чем ничтожнее человек, тем чаще бывает он недоволен превратностями судьбы, и наоборот, чем человек достойнее, тем меньше видит он вокруг себя мелких и ненужных дел. Он берется за любое — лишь бы быть полезным.

«СЧИТАЕМ, ЧТО ВРАГ ПОНЕС БОЛЬШИЕ ПОТЕРИ»

1942 год, 30 апреля — 10 мая

Полк контролировал теперь довольно обширную территорию. Один только отряд «Храбрый» занимал сразу несколько деревень: в Белковой размещался его штаб, в Никольском, Дудино и Друсино — основные силы, а на подходах к Чихачево разведывательные группы.

В деревне Большое Заполье размещались три латышских отряда. В Еловце стоял отряд Бучнева. Другие отряды занимали близлежащие деревни. Полк стал значительной силой, в его рядах насчитывалось до 800 человек.

В 1941 и 1942 годах Чихачево было поистине осиным гнездом карателей. Отсюда выходило подавляющее большинство групп и отрядов, действовавших против нас зимой, отсюда же пытались проникать в край гитлеровские шпионы. Теперь Чихачево находилось под постоянным наблюдением наших разведчиков, и любые опасные действия, любые передвижения противника в нашу сторону быстро становились известны штабу полка.

Агентурные данные и сведения, добываемые разведчиками, свидетельствовали о готовящемся нападении на Партизанский край. Все говорило о том, что этого нападения надо ожидать со дня на день.

В те дни мы провели серию акций, которые впоследствии получили название «политическая разведка и разложение сил противника». Наши разведчики стали распространять среди жителей деревень, расположенных за пределами края, слухи о том, что партизаны теперь сильны, как никогда, что они получили очень мощное вооружение и что в Партизанском крае теперь находятся крупные подразделения Красной Армии, оснащенные новейшей военной техникой. Мы рассчитывали, что слухи об этом обязательно докатятся до гитлеровцев, вызовут настороженность, обострят и без того сильное чувство страха перед партизанами.

Наши предположения о том, что нападения надо ждать именно со стороны Чихачево, подтвердились. И это во многом облегчило задачу обороны границ края. Правда, мы несколько ошиблись в сроках: вторая карательная экспедиция была начата несколько позже, чем мы предполагали. Но это объяснялось, судя

по всему, тем, что нам удалось дезинформировать противника. В том же была, кстати, и причина исключительной, совершенно несвойственной карателям ранее осторожности, с которой начали они вторую свою экспедицию.[23]

Гитлеровцы повели наступление на край именно со стороны Чихачево не только потому, что привыкли действовать отсюда. Дело в том, что в этом районе начиналась дорога, ведущая к Старой Руссе, где все еще находилась в «мешке» упорно сопротивлявшаяся демянская группировка вермахта. Снабжение ее осуществлялось воздушным путем, поэтому дорога Чихачево — Старая Русса, хоть и очень тяжелая, могла, окажись она в руках неприятеля, многое изменить в его пользу. Захват «северного шоссе» (так называли эту дорогу немцы), контролировавшегося партизанами, и был по существу дела целью второй карательной экспедиции гитлеровцев.

Доктор исторических наук, профессор Ю. П. Петров пишет об этом так:

> «Вследствие возросшей напряженности боев, которые вела 16-я армия, и желания сохранить и максимально усилить ее… гитлеровское командование, естественно, хотело иметь в тылу этой армии необходимую сеть железнодорожных и шоссейных коммуникаций. Снабжение 16-й армии воздушным путем из-за тяжелых потерь в самолетах не могло продолжаться долго. Поскольку железная и шоссейная дороги Дно — Старая Русса (через Псков и Порхов) не могли справиться с перевозками, гитлеровцы организовали на станции Чихачево (Витебская дорога) перевалочную базу. Отсюда все воинские грузы и пополнения для 16-й армии должны были следовать уже по шоссейной дороге. Дополнительная перевалочная база была создана и на станции Дедовичи, от которой также шла вспомогательная шоссейная дорога к основной дороге Чихачево — Старая Русса… Однако использованию имевшихся коммуникаций и созданию новых решительно препятствовали партизаны, укрепившиеся в Партизанском крае».

Надо сказать, что обстановка в войсках группы армий «Север» к этому времени вновь стабилизировалась. Попытки деблокады Ленинграда, предпринятые войсками Красной Армии, в январе — апреле 1942 года, оказались неудачными. Более того, в районе Новгорода попала в «котел» наша 2-я ударная армия, положение которой с каждым днем ухудшалось. На подступы к Ленинграду

было переброшено несколько свежих дивизий вермахта. Фашисты готовились к новому штурму героически защищавшегося города.

В осуществлении общего плана овладения Ленинградом значительную роль призвана была сыграть и 16-я армия противника. Однако действиям армии постоянно мешало активно развернувшееся в ее тылах партизанское движение. Оно отвлекало на себя все новые и новые силы.

Партизанское движение в тылу группы армий «Север» становилось все более мощным. В Партизанском крае действовала уже не одна 2-я бригада, а целых четыре: 1-я Особая, 2, 4 и 5-я (первого формирования) ЛПБ. Их общая численность составляла на 1 мая 1942 года 2095 человек. Оперативное руководство всеми действовавшими в крае партизанскими силами осуществляло командование 2-й ЛПБ. И наносимые по врагу удары становились все более ощутимыми, а контроль занятой партизанами территории все более жестким. Пример — все то же «северное шоссе».

В конце концов ставка гитлеровского командования передала руководство борьбой с партизанами в руки вермахта. Это повлекло за собой привлечение к действиям против нас полевых и даже специальных войск. Во второй карательной экспедиции, например, помимо охранных подразделений участвовали силы 290-й пехотной дивизии при поддержке артиллерии, танков и авиации.

Пришедший на смену главнокомандующему войсками группы армий «Север» фельдмаршалу фон Леебу генерал-полковник фон Кюхлер (бывший командующий 18-й армией) имел достаточное представление об опасности партизанского движения. Он отличался особенной жестокостью методов подавления народной борьбы. Это по его приказам деревни в зоне действия наших подразделений зверски уничтожались вместе с застигнутыми в них жителями, независимо от их возраста и пола. Он решил уничтожить Партизанский край во что бы то ни стало. И не гнушался ничем.

Для централизованных действий против партизан был создан специальный корпус из 207, 285 и 281-й охранных дивизий с приданным ему еще и специальным 107-м пехотным полком. По указанию фон Кюхлера на территории Ленинградской области создавались все новые и новые карательные части полиции, а также лжепартизанские отряды, формировавшиеся из предателей и отщепенцев. По сути дела это были целые подразделения провокаторов, которые, выдавая себя за партизан, стремились выявлять подпольные организации и группы, добывать сведения о расположении наших баз, о дислокации партизанских сил. Их

«военные действия» сводились, как правило, к массовым расстрелам мирных жителей, сочувствовавших партизанам, издевательствам над их семьями. Там же, где до расстрелов дело не доходило и ограничивалось грабежами и насилием, они восстанавливали жителей против нас — ведь те даже не догадывались о том, что в деревне побывали не партизаны, а замаскировавшийся под них враг.

Погода в начале мая не радовала: 3-го и 5-го числа сыпал снег, было на редкость сыро и холодно. Тем не менее настроение у всех было прекрасным. Первомай мы отметили хорошо и весело. 30 апреля в край возвратилась делегация, сопровождавшая в Ленинград обоз с продовольствием. Ленинградцы прислали нам к празднику много подарков: автоматы, пистолеты, бинокли, гармони, патефоны, фотоаппараты и многое другое. А Политуправление фронта — несколько кинокартин: «Щорс», «Пугачев», «Крестьяне».

В эти дни дошла до меня радостная новость: Указом Президиума Верховного Совета СССР 3 апреля 1942 года моему младшему брату лейтенанту-балтийцу Алексею Ивановичу Афанасьеву, командиру торпедного катера, присвоено звание Героя Советского Союза «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество».

В ночь на 3 мая, теперь уже совместно с 3-м полком, которым командовал Николай Александрович Рачков, мы провели ночной налет на гарнизоны противника, расположенные в деревнях Дорожкино и Суры. В это же время партизаны 1-й бригады под командованием Никиты Петровича Буйнова атаковали вражеские гарнизоны в деревнях Рыси и Дегтярево. Все эти гарнизоны находились на северо-западной границе Партизанского края, и с этого направления, как и с юго-западного, по всем данным, готовилось нападение на нас.

Ночь выдалась темная. Низкие, тяжелые облака затянули небо, скрыли луну, и выход на исходные позиции атаки удалось выполнить незаметно для врага. И все же гитлеровцы, хоть и застигнутые врасплох, смогли организовать оборону и вскоре с хорошо подготовленных позиций повели бешеный ответный огонь: сначала пулеметный, а затем и плотный артиллерийский. Перед нашими полками не ставилась задача захвата атакуемых деревень. Целью налета было нанесение противнику максимального урона. Поэтому мы с Рачковым, видя, что бой превратился постепенно в позиционный, приняли решение о прекращении схватки. С командного пункта взлетели ракеты, сигнализируя о выходе из боя. Наши бойцы медленно отошли к

лесу, и вскоре мы двинулись в обратный путь. Но до самого утра можно было слышать, как немцы поливали огнем подступы к своим позициям, опасаясь повторной атаки.

Этот бой был недолгим, однако противник потерял убитыми и ранеными свыше 100 человек, 3 автоматические пушки и 18 огневых точек. Благодаря своевременному выходу из схватки наши потери оказались незначительными.

В штаб полка приехал Васильев. Он побывал в отрядах, знакомился с штабной работой. Сделал несколько замечаний, но по всему было видно, что полком доволен. Перед отъездом предупредил, что, по данным бригадной разведки, нападения карателей со стороны Чихачево надо ждать уже со дня на день. Полк должен быть в постоянной готовности.

— И не рассчитывайте на помощь, — сказал комбриг. — Действуйте самостоятельно. Сил у вас достаточно.

После отъезда комбрига снялся и ушел в новый район наш сосед — 2-й полк. Ему предстояло занять оборону на северо-западной границе края, откуда тоже ждали удара. Мы же не только готовились к встрече карателей, но и продолжали обычные боевые действия.

Как раз в эти дни две наши диверсионные группы провели первые дневные налеты на железной дороге. 8 мая группа отряда Бучнева уничтожила у деревни Батково ремонтно-восстановительный поезд вместе со всей его командой, насчитывавшей около 50 человек. А на следующий день 26 партизан из отряда «За Родину» примерно в 5 километрах от Чихачево обстреляли движущийся поезд. Вот выписка из боевого донесения:

> «Почти в упор партизаны открыли огонь по вражескому эшелону. Немцы были настолько ошеломлены, что не сделали ни одного выстрела до тех пор, пока не отъехали от места засады на полкилометра… Группа партизан вела огонь в основном по классным вагонам, которые были изрешечены пулеметными очередями. Считаем, что враг понес большие потери».[24]

Это были последние наши диверсии накануне карательной экспедиции. Уже 9 мая силами отряда в 100 человек гитлеровцы провели разведку боем. Они попытались захватить Никольское, но, встреченные нашими заслонами, отошли. Теперь надо было ждать удара основных сил.

ВТОРАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ

1942 год, 11–20 мая

11 мая в семь часов утра в районе расположения отряда «Храбрый» завязалась интенсивная перестрелка. Вели ее наблюдательный пост «Храброго», располагавшийся в деревне Спиридонкино, и неприятельский отряд человек из двадцати пяти — тридцати, сумевший подобраться к посту скрытно, окружить его и неожиданно атаковать. Противник явно стремился добыть «языка».

Пост, попавший в крайне тяжелое положение, яростно отстреливался, однако гитлеровцы своего добились: когда к месту боя подошло подкрепление из «Храброго», все было уже кончено — захватив двух партизан в плен, нападавшие успели отойти в Чихачево. Понятно, что все это было чревато самыми серьезными последствиями.

Приказ на случай нападения карателей был подготовлен давно, еще в апреле, и известен во всех отрядах.

Сейчас надо было срочно корректировать его, считаясь с тем, что от захваченных в плен партизан гитлеровцы могли что-то узнать. Мы это успели. Полк занял оборону. А в три часа дня на подходах к Дудино и Друсино показалась более чем полутысячная войсковая колонна. Вторая карательная экспедиция началась.

Тактика наших действий в начальном периоде определялась следующими соображениями. Долго оказывать эффективное лобовое сопротивление противнику, значительно превосходившему нас в силах, мы не могли. Зато сильные и неожиданные удары по тылам наступающих и одновременно с этим фланговые удары из засад могли принести успех. Штаб полка переместился в деревню Белкову, непосредственно к месту боя. Штаб «Храброго» передвинулся соответственно в район Дудино и Друсино. Латышские отряды заняли оборону Большого Заполья. Отряды Седова и Бучнева изготовились к фланговым атакам. Отряд «За Родину» оставался в резерве.

Первым вступил в бой заслон отряда «Храбрый». Головная часть колонны карателей вынуждена была, задержав движение вперед, развернуться для боя и изготовиться к атаке Дудино и Друсино. Однако в это время одно из подразделений «Храброго» неожиданно и сильно ударило по хвосту колонны. В тылу у немцев началась паника. Одна часть солдат обратилась в бегство в сторону Чихачево, другая же отступила от дороги к западу и

была встречена огнем отряда Седова. И все это немедленно отразилось на действиях авангардных подразделений противника, которые вынуждены были выйти из боя за Дудино и Друсино и двинуться на спасение своих тылов, но к моменту, когда смогли восстановить порядок и начать контратаку, та потеряла всякий смысл: наши люди отошли в лесной массив и на время затаились, гитлеровцы атаковали пустоту.

Была предпринята попытка нанести со стороны Плотовца фланговый удар. Но его отбил сильный заслон отряда Седова.

Так мы вели бой весь день. К концу его, убедившись, что одной пехоте с нами не справиться, каратели вызвали себе в поддержку 8 танков и 3 броневика. Два танка и броневик они потеряли, но все-таки сумели овладеть одной деревней — Дудино. Их потери в живой силе составили около 300 человек.

Ночью вместе с командирами отрядов мы провели детальный разбор прошедших боевых действий. В целом отряды с поставленной задачей справились успешно: не случайно противник, располагавший такими значительными силами и получивший к тому же танковую поддержку, смог занять только одну деревню. И все-таки мы вели бой небезупречно, а в отряде «Храбрый» произошло даже ЧП.

Командир «Храброго» (его фамилию я называть не стану — слишком много с тех пор воды утекло) пытался обмануть штаб полка, донося, что его КП находится на том месте, которое было обусловлено приказом, но расположившись на самом деле чуть не на два километра в сторону, — вдали от боя, зато в полной безопасности. Отряд был лишен таким образом оперативного руководства, и его действия оказались гораздо менее эффективными, чем мы рассчитывали.

Я расценил действия этого командира как преступные, отстранил его от руководства, разжаловал в рядовые и направил в распоряжение командования бригады. Отряд принял бывший начальник его штаба лейтенант Алексей Владимирович Алексеев, а на его место стал Александр Федорович Кармалев.

Мы разработали план боевых действий на следующий день и смогли до утра отдохнуть: по ночам гитлеровцы никогда нас не тревожили — в этом смысле они были «удобным» противником.

* * *

Вопреки нашим ожиданиям, на следующий день немцы боя не начали. То ли ждали подкрепления, то ли вели разведку и корректировали план наступления. Только 13 мая они атаковали

деревню Никольское. На этот раз я наблюдал за их действиями с командного пункта отряда «Храбрый», расположившегося в кустарнике недалеко от деревни. Отсюда было отлично видно поле боя.

Свою наступательную тактику каратели, как правило, строили по одной варварски нехитрой схеме. Не отошли они от нее и на этот раз. Приблизившись к атакуемой деревне примерно на километр, они выкатили на прямую наводку пушки и открыли огонь по крышам домов. В то время дома на Псковщине крыли обычно соломой, и поджечь их было очень просто. Деревня начала гореть. Оставаться в ней становилось невозможно, непригодными оказались и заранее подготовленные близлежащие огневые точки. В это время в бой вступили танки, сопровождаемые несколькими цепями пехоты.

Карателей не интересовали сами деревни: они стремились очистить территорию от партизан, а что на ней оставалось — их не волновало. И в руки к ним попадали не населенные пункты, а брошенные населением пепелища, в которых, как памятники на могилах, высились печи и печные трубы, а уголь, зола и остатки обгоревшего скарба были как могильные холмики.

Что могли мы противопоставить врагу, когда всю артиллерию полка составляли одна малокалиберная пушка без прицела и одно капризное противотанковое ружье! Пока только такие же примерно действия, как и в первый день.

Когда гитлеровцы двинулись к Никольскому, по их тылам в районе Дудино нанес сильный удар отряд «Храбрый». С командного пункта Алексеева было видно, как реагировали на это головные части. Огонь из пушек по Никольскому был приостановлен, орудия развернули и стали обстреливать лес с восточной стороны. К этому времени «Храбрый» из боя уже вышел, но противник, не зная этого, довольно долго вел огонь. Затем орудия вновь повернули в сторону Никольского. Но и на этот раз обстрел был недолгим: из зарослей, теперь уже с западной стороны, во фланг наступавшим ударил отряд «За Родину». И опять движение приостановилось, опять разворачивались пушки.

Наконец, в наступление были введены танки. Но их подстерегала еще одна неожиданность: две машины почти сразу же подорвались на минах, очень удачно поставленных ночью подрывниками отряда Седова. И сразу же с флангов заговорили партизанские пулеметы…

Так и вертелись каратели на месте почти весь этот день. Только к вечеру, сровняв артиллерийским огнем Никольское с землей, им удалось провести оставшимися танками удачную

атаку и занять деревню. Но с наступлением темноты один из латышских отрядов, поддержанный отрядом «За Родину», Никольское отбил, и гитлеровцы вынуждены были отступить к Дудино. За 13 мая они потеряли еще сотню человек и 2 танка.

* * *

На четвертый день противник начал боевые действия несколько позднее обычного. Двигался к Никольскому исключительно осторожно, а танковая поддержка пехоте возросла уже до девяти машин.

Наша единственная пушка была оружием скорее психологическим. Я говорил уже, что прицела у нее не было и наводить орудие приходилось через ствол. Понятно, что таким образом поразить движущуюся цель почти невозможно и наши снаряды не причиняли танкам вреда. А заминированные участки противник на этот раз сумел обезвредить — видимо, как раз поэтому наступление и началось позже, чем всегда.

Этот день для полка складывался неудачно. Мы несли очень большие потери и к исходу дня отступили к Большому Заполью.

Стало известно, что 13 мая гитлеровцы начали наступление и на северной границе Партизанского края, в 35–40 километрах от нас. Они сумели с ходу занять деревни Сосницы, Крутец, Станки, Барановку и продолжали теснить партизан к деревне Тучино.

Обстановка требовала от нас решительных действий. Надо было найти способ изменить ход боев, надо было найти в измотанном полку силы для того, чтобы остановить неприятеля, начинавшего действовать успешнее, чем мы. Но где этот способ и откуда возьмутся силы?

Мы нашли все-таки выход. Я уже писал о том, что гитлеровцы воевали чрезвычайно педантично: днем — бой, ночью — отдых. Мы же решили сломать эту схему. Полк перешел к действию испытанным партизанским методом — ночными налетами.

Воевать решили «в две смены»: каждый отряд разбили на две неравные части, одна из которых, меньшая, но зато достаточно мощно вооруженная, вела боевые действия ночью, а днем отдыхала, другая же действовала наоборот. Правда, к ночи с 14 на 15 мая перейти на такой распорядок всем подразделениям еще не удалось, зато отряд «За Родину», менее других измотанный дневным боем, в полном составе вышел на ночную операцию.

* * *

Перестройка нашей тактики была вызвана еще и тем, что характер местности между Белковой и Большим Запольем затруднял проведение фланговых и тыловых ударов, лишая нас таким образом возможности действовать выгодным для себя способом. Организация ночных налетов окупила все это с лихвой.

Итак, в ночь на 15 мая отряд «За Родину» вышел на задание. Перед ним не ставилась задача отбить у неприятеля занятые им накануне населенные пункты.

Целью была только инсценировка нападения: требовалось вынудить противника вести ночной оборонительный бой и измотать его.

С наступлением темноты на расположившихся в Белковой и Никольском карателей из прилегающих к деревням кустарников обрушился неожиданный и сильный огонь. Реакцию трудно описать. Немцы повели оборону всеми имевшимися огневыми средствами: трещали пулеметы и автоматы, били автоматические и танковые орудия, минометы, одна за другой взлетали осветительные ракеты, разгонявшие ночной мрак над округой. Со стороны могло показаться, что здесь идет кровопролитный, тяжелый и упорный бой. А в действительности боя не было. Вызвав огонь противника, отряд незаметно отошел и расположился в безопасном месте, выжидая.

Около двух часов каратели не могли успокоиться. Наконец огонь стал постепенно стихать и вскоре прекратился. Но минут через тридцать отряд вновь обстрелял деревни, только теперь уже разыгрывая нападение с другой стороны. И все в точности повторилось.

Так продолжалось всю ночь, причем основные силы нашего полка в это время спокойно спали. Когда начался новый день, активных боевых действий со стороны противника не последовало. Причиной, конечно же, была проведенная без сна и в постоянном напряжении ночь. Наши же отряды не давали карателям покоя и в дневное время, то и дело нападая на них или просто обстреливая со всех удобных для этого позиций. Особенно тревожная для врага обстановка была создана в районе Дудино и Друсино, то есть в тылу экспедиции. И так продолжалось теперь до самого конца боев.

В этот день мы получили из штаба бригады сообщение о том, что в непосредственное соседство с нами перебрасывается бригада Н. П. Буйнова, которая будет противодействовать карателям на нашем правом фланге. Уже ночью бригада заняла свой участок, и нашему одиночеству был положен конец.

* * *

16 мая мы вели тяжелые бои за Большое Заполье. Гитлеровцы действовали обычным своим методом: подожгли деревню артиллерийским огнем, а потом двинули вперед танки, атаковавшие нас на этот раз с двух направлений — 12 машин от Белковой и 4 от Плотовца. Кроме того, карателей поддерживала и авиация.

Этот бой по своему характеру и применяемой тактике во многом походил на предыдущие, поэтому описывать его подробно я не стану. Приведу только выдержку из статьи «Весенние удары», опубликованной в партизанской газете «Народный мститель»:

> «…Вся партизанская ненависть и мощь обрушилась на врага в майские весенние дни.
>
> Враг пытался сломить наше сопротивление. 16 мая он бросил на деревню З.[25] 16 танков, бронемашину и 1000 солдат… Но стойкость партизан оказалась сильнее техники…»[26]

Постепенно выдыхаясь, гитлеровцы заканчивали экспедицию. О сопротивлении, которое они встретили, можно судить по примеру хотя бы нашего участка обороны: имея неоспоримое превосходство и в технике, и в вооружении, и в живой силе, каратели продвигались вперед поистине черепашьими, темпами — 1,5–2 километра в день. Чего же они достигли в результате? Да по сути дела ничего, несмотря на то что в ходе боев им удалось овладеть многими деревнями на магистрали Чихачево — Старая Русса. Дело в том, что захват населенных пунктов ничего не решил: использовать дорогу было по-прежнему невозможно.

В монографии «Партизанское движение в Ленинградской области» читаем:

> «Ценой огромных усилий гитлеровцам все же удалось во второй половине мая потеснить партизан и захватить дорогу Чихачево — Старая Русса. Но беспрепятственно пользоваться ею они не могли: партизаны мелкими группами просачивались на дорогу, минировали ее, устраивали засады, нападали на колонны противника, направлявшиеся на фронт к Старой Руссе. Всего в мае партизаны края провели около 100 боев, в которых гитлеровцы потеряли свыше 2000 своих солдат и офицеров, 16 танков и 2 бронемашины».[27]

Так бесславно закончилась вторая карательная экспедиция против Партизанского края. Решив поначалу, что победа на их стороне, оккупанты очень скоро убедились в абсолютной

нелепости такого вывода. Расположив свои гарнизоны в сожженных деревнях вдоль дороги, они добились единственного создали близкие и чрезвычайно удобные мишени для партизанских ударов. Очень красноречиво свидетельствует об этом одно из захваленных партизанами в те дни писем — унтер-офицера Эрнста к своим родным: «Ты себе не можешь представить наше положение. С 21 часа до 8 утра никто не имеет права спать в своей дыре, чтобы предотвратить возможный налет партизан… Говоря честно и открыто, это состояние может кончиться сумасшествием».[28]

«ВИДИШЬ ВРАГА — УБЕЙ ЕГО!»

1942 год, 21–31 мая

Маленькая деревушка Зеленый Клин полностью оправдывала свое название: местность вокруг нее действительно вклинилась зеленью лесов, полей и кустарников в раскинувшееся к западу большое труднопроходимое болото. В этой деревне и обосновался в начале лета 1942 года штаб нашего полка.

Дислокация отрядов была чрезвычайно выгодной и удобной как для отражения возможных атак гитлеровцев на Партизанский край в районе, контролируемом полком, так и для наблюдения за гарнизонами противника, для организации нападений на них. Имели мы в этом районе и «соседей»: в непосредственной близости от отряда «Храбрый», занимавшего наш правый фланг, по-прежнему находилась зона действий 1-й ОПБ.[29]

В этот период мы вели боевые действия в основном против гарнизонов противника, укрепившихся в деревнях на магистрали Чихачево — Старая Русса. В самих населенных пунктах и на подходах к ним оккупанты создали довольно сильные укрепленные позиции с крепкими долговременными огневыми сооружениями. Мы же перешли к довольно простым и в то же время достаточно эффективным методам борьбы, разнообразием которых часто ставили гитлеровцев в тупик.

Я подробно рассказываю о применявшихся нами формах и методах борьбы, о нашей тактике, поскольку считаю это очень важным. Именно это может создать у читателя наиболее верное и полное впечатление о самой партизанской действительности, помочь ему увидеть реальную картину борьбы, шедшей во вражеском тылу. Ведь что греха таить — по прошествии лет эта картина в какой-то своей части стала приукрашенной, взялась откуда-то позолота, родились и преувеличения. Но они вряд ли оправданны. Подвиг советских людей в годы Великой Отечественной войны на любом участке битвы с фашизмом велик настолько, что в розовых красках не нуждается. Надо стремиться как можно более точно рассказать о том, что было на самом деле, — и только об этом.

Нелепы утверждения иных западных историков о том, что гитлеровская армия попросту «увязла в просторах России» или что победу над ней одержал «генерал Мороз». Однако не менее далеки от истины и представления о победе, как следствии единственного фактора: более высокого морального духа, воли и

стойкости одной из воюющих сторон. История свидетельствует: войну выигрывает та страна, которая обладает многими внутренне присущими ее системе преимуществами — экономическими, военными, идеологическими. И в боях местного значения побеждал не тот, кто просто громче кричал «ура». Моральный фактор важен, но он не единственный. Надо было уметь использовать имевшиеся в нашем распоряжении формы и методы борьбы, уметь правильно строить свою тактику.

Мы вели бои с опытным, сильным противником, и побеждать его было совсем не просто. Я писал у же, о том, что гитлеровские подразделения обычно превосходили нас и численностью, и вооружением, и технической оснащенностью, что прямое единоборство с ними поэтому чаще всего было нам не по плечу. Но мы искали и находили все новые и новые формы борьбы, разнообразили тактику и побеждали! В начале лета 1942 года мы не ограничивались испытанными средствами — действиями из засад и ночными налетами на гарнизоны врага в районе магистрали Чихачево — Старая Русса (хотя, как уже отмечалось, сумели этими действиями полностью сковать движение на дороге). В партизанских отрядах и полках постоянно рождалось новое — в тактике, в методах, в средствах, просто в способах применения того или иного вида оружия.

Примерно на это время приходится зарождение в нашем полку движения «охотников», получившего в дальнейшем довольно широкое распространение во всей бригаде. В каждом отряде создавались маленькие группы по 2–3 человека из числа особенно хорошо владевших стрелковым оружием партизан. Эти группы ежедневно выходили на «охоту»: искали врага, а увидев его, подбирались на расстояние действенного огня и поражали цель. Устраивались и мини-засады: партизаны маскировались с ночи на удобной позиции вблизи занятой гитлеровцами деревни, выжидали удобного момента и открывали огонь. Хорошо владевшим ручным пулеметом разрешалась «охота» и с этим оружием.

Мы не считали себя изобретателями нового движения: самые первые «охотники» — то есть снайперы — появились не у нас, а в армейских подразделениях, мы узнали о них из газет. Но в Партизанском крае первыми снайперами стали бойцы именно нашего полка, а точнее — отряда «Храбрый». Вот как это начиналось.

Алексеев, командир «Храброго», в одно из своих посещений штаба полка между делом рассказывал:

— Фрицы в Хлеборадово от скуки прямо бесятся. Цирк себе устроили. Выходят по утрам на выгон — человек по десять, по

двадцать — и развлекаются. У лошадей случка, так эти скачут вокруг, орут, кривляются… Ржут, гады, почище жеребцов! Смотреть противно. Садануть бы по ним!..

— А ты, Леша, и садани, — посоветовал кто-то.

Словом, идея родилась. И ближайшей ночью пять партизан из отряда «Храбрый», выбрав удобную позицию, устроили засаду. Утром, как обычно, гитлеровцы пришли на выгон развлекаться. Их было на этот раз около сорока. И почти никто из них не ушел из-под огня станкового пулемета партизана Минакова и ручного пулемета партизана Рязанова. Это и была первая в крае «охота». А о том, какое распространение она получила, можно судить по политдонесению в Ленинградский штаб партизанского движения за май 1942 года, составленному комиссаром и начальником политотдела бригады:

> «…Большое место… занял вопрос популяризации групп „охотников“, созданных в 1 полку. После того как была разгромлена карательная экспедиция и немцы перешли к обороне, партизаны пошли мелкими группами „охотиться“. Только 2 группы из отряда Седова, численностью 8 чел. за 3 дня с 23 по 26.06 уничтожили 11 фашистов. Сейчас такие группы созданы и действуют от всех отрядов».

И далее там же:

> «…Несмотря на то что враг зарылся в землю и заминировался — „охотников“ так много, что приходится устанавливать очередь в поход на „охоту“ в тыл врага — за линию его обороны. Партизаны стали смелее и беспощаднее. Если раньше стреляли при приближении немцев на 300–400 метров, то теперь „охотники“ подпускают на 100-70 метров и бьют наверняка».[30]

На эти же дни приходится и активизация диверсионных действий бригады на железных дорогах. Здесь нам тоже приходилось подолгу ломать голову, выдумывая все новые и новые способы: гитлеровцы, стремясь максимально обезопасить движение, тоже применяли контрмеры самого разнообразного свойства, значительно затруднявшие наши действия. На особо опасных участках, например, они вырубили по обе стороны от железнодорожного полотна всю растительность больше чем на сотню метров и лишили нас этим возможности скрытного подхода. Скорость движения эшелонов они снизили до минимума

— этим обеспечивался наименьший ущерб в случае диверсии: эшелон останавливался, но под откос не летел. Между Новосокольниками и Дно гитлеровцы всегда пускали на некотором расстоянии перед воинским эшелоном паровоз с одной-двумя груженными камнем платформами впереди. И если под полотном были установлены мины нажимного действия, они срабатывали бесполезно, уничтожая эти платформы.

Мы стали применять управляемые фугасы. Ночью под полотно закладывался заряд, от которого к укрытию, где маскировались подрывники, тянулся длинный шнур — так называемая «удочка». Дальше все было просто. Паровоз с груженными балластом платформами пропускали, когда же появлялся сам эшелон, фугас подрывали точно под его паровозом. Ставили и по нескольку зарядов, взрывая их одновременно под паровозом и двумя-тремя вагонами.

Кроме того, на железных дорогах мы стали устраивать обыкновенные засады. Большая группа партизан, выбрав ночью наиболее удобное место, расстреливала эшелон на ходу. К этому времени в Партизанский край было переброшено много оружия: пулеметов, минометов, противотанковых ружей, винтовок с оптическим прицелом. Из противотанковых ружей наши бойцы вели огонь по паровозам, нанося им серьезные повреждения. Винтовки с оптическим прицелом, естественно, были переданы лучшим «охотникам».

Успех наших действий объяснялся во многом и теснейшей связью, установившейся между партизанами и жителями края. Вот лишь один пример. За первые девять месяцев существования Партизанского края только на территории, управляемой Дедовичской оргтройкой, местными жителями было заготовлено для партизанских отрядов 8730 центнеров различной сельскохозяйственной продукции, в том числе зерна 3370 центнеров, картофеля — 3180, фуража-1500, мяса — 600, овощей — 80 центнеров, молока — 200 тысяч литров, яиц — 30 тысяч штук. Колхозники собрали и передали партизанам 560 полушубков, 700 овчин, 740 пар валенок, более 1000 пар белья, более 2000 пар теплых носков и перчаток, свыше 1500 метров холста. Кроме того, к Новому году, к 24-й годовщине Красной Армии и к 1 Мая они подготовили для нас более 2000 индивидуальных подарков.[31]

Одним из организаторов этой огромной работы была чудесная женщина заместитель председателя Дедовичской оргтройки Екатерина Мартыновна Петрова. Все, кому приходилось сталкиваться с ней в те дни, навсегда запомнили ее энергию, оптимизм, преданность общему делу и еще —

удивительное обаяние, находившее путь к сердцам каждого колхозника и колхозницы, каждого партизана и партизанки. Мыслями, волей, делами таких, как она, людей Партизанский край и был спаян в единую грозную для врага силу.

Прошло два месяца с тех пор, как я принял 1-й полк. Но недаром ведь на войне год засчитывается за три: мне казалось уже, что я здесь очень давно, не припомнить сколько. Я очень полюбил свой полк. Он представлялся мне большим единым организмом — слаженным, сильным и умным. Я ощущал себя частью его и был счастлив этим. Капитан Тушин в «Войне и мире» Толстого видел себя на боевой позиции великаном, с легкостью швырявшим в неприятеля пушечные ядра. Нечто похожее ощущал и я, только великаном представлялся мне весь наш полк, и этот великан протягивал из леса руку к железной дороге и сбрасывал с нее вражеский эшелон, сбивал щелчками автомашины с Чихачевской магистрали, давил, как комаров, десятки солдат в ненавистной форме вермахта. Мне хотелось, чтобы наш полк был самым лучшим и чтобы все о нем знали. Это было чувство, похожее на то, которое испытываешь к своему собственному ребенку: часто оно чрезмерно, часто необъективно, но почти всегда — плодотворно.

Никогда не уйдут из моей памяти прекрасные люди, окружавшие меня: комиссар Александр Иванович Казаков, начальник штаба Михаил Викторович Степанов, уполномоченный особого отдела Алексей Иванович Пушкин, командир отряда «Храбрый» Алексей Владимирович Алексеев, командир Белебелковского отряда Николай Николаевич Седов, командир отряда «За Родину», секретарь Ашевского райкома партии Михаил Александрович Куприянов, врач полка Алексей Иванович Иванов, мой заместитель по разведке Александр Алексеевич Валенцев, командир отряда «КИМ» Георгий Матвеевич Журавлев, командиры и политруки рот и взводов Иван Никитич Львов, Борис Николаевич Титов, Василий Павлович Плохой, Иван Ананьевич Смекалов… Да разве всех перечислишь! Это с их помощью удалось создать в полку удивительно здоровый климат, исключавший всяческую разболтанность и недисциплинированность, так называемую партизанщину, разгульность и вольницу, но в то же время принесший людям нечто значительно большее, чем просто строгая дисциплина. Это была дисциплина сознательная, оправданная, глубоко понятная каждому. И строилась она не на декларациях, а на личном примере командиров, никогда не ловивших себе куска пожирней из общего котла, никогда не считавших себя людьми из особого теста и совершенно естественно живших одной со своими

бойцами жизнью.

Здоровые отношения всегда зависят от руководителя. Они же — одна из важнейших его задач, учитывая, что только здоровый коллектив способен по-настоящему хорошо решать поставленные перед ним задачи. Именно умение моих товарищей создавать вокруг себя атмосферу настоящей жизни, лишенной всякой фальши и надуманности, навсегда оставила в моем сердце благодарность и глубочайшее уважение к ним.

Мы очень хорошо сработались. Не помню случая, чтобы возникавшие вполне естественно, как в любом деле, разногласия по каким-то вопросам влияли на наши отношения. Мы не делали трагедии из чужих ошибок и поэтому умели, хоть это и тяжело, признавать свои. Мы умели советоваться, но в то же время твердо знали, что командир — единственный ответчик за все, что происходит в его подразделении. Мы верили в силу коллективного разума, но знали и другое: формула «ум хорошо, а два лучше» не универсальна — в бою она чаще всего попросту непригодна, поскольку здесь совещаться некогда, здесь командир решает сам.

У руководства полком стояли люди очень разные — сугубо гражданские и военные, имевшие к началу войны боевой опыт и никогда не нюхавшие пороха, совсем молодые и уже пожилые. Но война свела нас и мы стали похожи: отношением к делу, любовью к доверенным нам людям, ненавистью к врагу. Со временем в штабе установилось такое взаимопонимание, что сейчас мне уже трудно вспомнить, в чем могли расходиться наши мнения. В оценке принципиальных вопросов мы всегда были едины, это я помню точно, ну а мелочи — они потому так и называются, потому и забываются, что роли не играют.

Александр Иванович Казаков был в прошлом, как я уже писал, партийным работником — секретарем Уторгошского райкома партии. Он был человеком спокойным, выдержанным, доброжелательным. Никогда не выпячивал своего «я», быстро признавал, если это случалось, свои ошибки. В штабе он не засиживался чаще его можно было встретить в отрядах, среди партизан, которые любили беседовать с ним и очень уважали. И еще был у него нюх, что ли, на инициативу, которую стоило поддержать. В этом, вероятно, сказывался опыт партийного работника.

Александра Ивановича нет уже в живых. Нет в живых и начальника штаба полка Михаила Викторовича Степанова. Но мне кажется, что не я один долго буду помнить этого человека: умного, бесхитростного, общительного, полного оптимизма и уверенно смотревшего вперед, в будущее.

Михаил Викторович был кадровым военным. Окончил Ленинградское училище ВОСО имени М. В. Фрунзе, куда был направлен по комсомольской путевке, имея за плечами среднюю школу и работу кочегаром паровоза. Его военная специальность была тоже железнодорожной. Когда немецкие войска прорвали нашу оборону на Лужском рубеже, Степанов оказался в одном из партизанских отрядов, стал вскоре его командиром, а затем — начальником штаба полка. В начале 1943 года, когда меня, раненного, эвакуировали в советский тыл, он возглавил полк, а затем стал командиром 1-й бригады.

Уполномоченный особого отдела полка Алексей Иванович Пушкин меньше всего походил внешне на контрразведчика. Мне, например, казалось, что он скорее похож на школьного учителя: умного, заботливого, располагающего к себе и вызывающего полное доверие. С первой же минуты знакомства с ним каждому, мне думается, становилось ясно, что этот человек в состоянии все понимать. Он был нетороплив, но и не медлителен. Вдумчив. Все делал обстоятельно, всегда доводил начатое до конца. Его терпеливости можно было только завидовать, И при всем этом Алексей Иванович отличался твердым характером и завидной смелостью не бесшабашной, а разумной и расчетливой. Никогда, даже в безвыходных, казалось бы, положениях мне не приходилось видеть его растерянным. Одним словом, это был («был» потому, что не пощадила его в сорок третьем вражеская пуля) отличный человек, твердый руководитель, преданный и верный товарищ.

Командир отряда «Храбрый» Алексей Владимирович Алексеев был моложе нас, ему исполнилось только 26 лет. 5 мая 1941 года он окончил Сталинградское военное училище связи. Не то 20-го, не то 21 июня выехал вместе со своей воинской частью на учения к западной границе. В пути узнал о войне. В районе Двинска, командуя взводом связи, Алексеев был ранен, попал в госпиталь. По излечении был назначен начальником телеграфной станции в 32-й армии, попал в окружение в районе Вязьмы. Бродя по тылам врага в декабре сорок первого, вышел в районе Поддорья в Партизанский край и стал командиром взвода отряда «Храбрый». Позже он стал начальником штаба отряда, затем его командиром, а еще позже, в 1943 году, командиром 7-й бригады. Отряд Алексеева был одним из лучших в полку. В июне 1942 года он заслужил высокую награду — переходящий вымпел ЦК ВЛКСМ.

Сугубо штатским человеком был командир Белебелковского отряда Николай Николаевич Седов, в прошлом секретарь Белебелковского райкома партии. Но время заставило его изучить военное дело. Будучи в тылу врага с осени 1941 года, он стал

грамотным, знающим партизанским командиром. Почему-то не принято, говоря о хорошем командире, вспоминать его ошибки. Я думаю, что это неверно — ошибки не могут умалить заслуг. Так вот, Седов был как раз тем командиром, который, не умея пользоваться компасом и картой, заблудился с отрядом во время нашего налета на гарнизон в Веряжах. В те дни, о которых я рассказываю сейчас, за плечами Седова были прекрасно проведенные операции в деревнях Ручьи и Черемша, очень грамотно действовал его отряд и во время боев против второй карательной экспедиции. Седов, как и Алексеев, считался у нас одним из самых лучших командиров. Впоследствии он стал комиссаром 2-го полка в знаменитой 3-й бригаде А. В. Германа.

Отряды «Храбрый» и «За Родину» были лидерами развернувшегося в бригаде социалистического соревнования, в котором участвовали все полки и отряды. И пусть не удивляет читателя это слово — соцсоревнование перешло вместе с нами из дней мирных в дни военные; точно так же, как и до войны, оно помогало нашему движению вперед, рождало инициативу, дух здорового соперничества и, как следствие, — успех.

А жизнь в Партизанском крае в это время была очень бурной. На чихачевской магистрали гитлеровцы чувствовали себя загнанными зверями: они зарылись в землю, укрылись за стенами оборонительных сооружений и уже давно не пытались высунуть оттуда нос. По сообщениям «охотников» и постов наблюдения, из гарнизонов не доносились уже не только звуки губных гармошек, не только смех, но даже громкая речь. Оккупанты боялись теперь каждого куста, потому что, говорили они, здесь и кусты стреляют.

В рядах же партизан, напротив, царил высочайший моральный подъем. Успех боевых операций придавал твердую уверенность в своих силах. А устойчивая связь с советским тылом, регулярно получаемые оттуда газеты и письма от родных не давали места чувству оторванности от своих. Хорошо была поставлена и медицинская служба, обеспечивавшая теперь доставку тяжело раненных в госпитали за линию фронта, и лечение здесь, в госпиталях на территории края, раненных легко. Не могла не влиять на моральное состояние людей и постоянная забота жителей края, обеспечивавших нас всем необходимым.

ТРЕТЬЯ КАРАТЕЛЬНАЯ

1942 год, 1 — 10 июня

Май подошел к концу. Горячим и напряженным он был не только для партизан, но и для жителей края. Колхозники тоже вступили в битву — только мирную, за урожай. Могло показаться, что и не идёт здесь война. Люди занимались самым мирным на свете делом: пахали землю, сеяли. И только одно было в их облике непривычным — винтовки за плечами у многих.

Читатели постарше вспомнят, наверное, фотографии, которые можно было видеть на страницах газет и журналов: весенние полевые работы в Партизанском крае, вооруженные колхозники закладывают основу нового урожая. В те дни в Ленинградский обком ВКП(б) вместе с боевыми донесениями высылались сводки о ходе посевной. И — это ли не показатель! — она была проведена организованно и закончилась точно в срок.

А тем временем гитлеровцы вновь появились на границах края, только теперь с северо-запада и с севера. Готовилась третья карательная экспедиция.

Как и перед началом второй экспедиции, намерения противника были разгаданы заблаговременно и довольно точно. Штабу бригады удалось вовремя выдвинуть на направление основного удара карателей значительные силы, обладавшие теперь кроме всего прочего и противотанковыми огневыми средствами. Однако наш полк в число этих сил не вошел: учитывая возможность нападения и с юго-запада, командование бригады оставило нас на прежнем месте.

Начав экспедицию в первых числах июня, противник действовал силами снятых с фронта подразделений 163-й пехотной дивизии и нескольких охранных отрядов, усиленных тремя с лишним десятками танков, несколькими артиллерийскими и минометными батареями. Экспедиция имела поддержку и с воздуха.[32]

Тактикой экспедиции было избрано, по-видимому, расчленение партизанских сил для последующего их уничтожения. Предварив боевые действия интенсивным артиллерийским минометным обстрелом деревень, а также воздушным бомбардировками, каратели двинулись затем в глубь нашей территории. На первых порах они не встретили никакого сопротивления и все дальше уходили по проселочным дорогам в лесные массивы. Надо напомнить что в большинстве районов

края дороги были очень плохие, движение по ним воинских подразделений сопряжено было не только с серьезными трудностями, но опасно: в случае нападения развернуться в боевой порядок на многих участках попросту невозможно. Н каратели не обращали на это внимания, обманутые, по-видимому, тишиной и кажущейся безлюдностью местности. Вскоре им пришлось жестоко поплатиться за это.

Не имеет, наверное, смысла мой подробный рассказ об этих боях: сам я участия в них не принимал, слушал только товарищей, участвовавших в операции. К тому же суть примененной тогда партизанами тактики читателю, вероятно, уже понятна. Заманив подразделения противника в лес, их почти полностью уничтожили, дёйствуя из многочисленных засад, место для которых долго выбирать не было нужды — позаботилась сама природа. К 10 июня третья карательная экспедиция была полностью разбита.

Вот итоги майских и июньских боев партизан с карателями:

> «…уничтожено свыше 2500 фашистских солдат и офицеров, не считая раненых и взятых в плен, подбито 20 вражеских танков, 2 бронемашины, 8 автомашин с боеприпасами и горючим, разрушено 47 дзотов. Партизаны захватили четыре танка, из них один тяжелый, много пулеметов и минометов, сотни артиллерийских снарядов, десятки тысяч патронов, большое количество винтовок и автоматов. Кроме того, во время борьбы с карательными экспедициями группы подрывников пустили под откос бронепоезд и пять воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой, шедших к фронту, а также нарушили телеграфно-телефонную связь между штабом группы армий „Север“ и 16-й немецкой армией в районах Пскова, Порхова, Дно, Старой Руссы, Чихачево, Бежаниц».[33]

А вот мнение, высказанное командующим войсками Северо-Западного фронта П. А. Курочкиным в июне 1942 года:

> «Думаю, что партизанам могут позавидовать некоторые наши войсковые командиры. Потрепать пехотную дивизию, заставить ее убраться восвояси — это свидетельство возросшей зрелости и мощи партизанских сил. Вот что значит сочетание огня и маневра, хорошее использование местности и внезапности! Дерзко, умело дерутся наши партизаны. Надо сообщить об этом в войска, рассказать бойцам и командирам о героизме и

стойкости партизан…»[34]

«ПРИ ПОДДЕРЖКЕ АВИАЦИЕЙ»

1942 год, 11–17 июня

Накопленный на первом этапе Великой Отечественной войны в Партизанском крае опыт требовал широкого распространения. Выше я писал уже о том, что действия 2-й Ленинградской партизанской бригады в конце 1941-го и первой половине 1942 года по многим показателям оставались уникальными: высокая боевая активность зимой, многообразие форм и методов борьбы, само создание Партизанского края — первого в стране! — и возникшее на его территории плодотворнейшее взаимодействие с местным населением, значительность проводимых операций и многое, многое другое. Ленинградский штаб партизанского движения принял решение об использовании накопленного опыта на всей территории области.

С этой целью бригады и самостоятельно действовавшие отряды, находившиеся в крае, перебрасывались в другие районы для их освоения и организации активной партизанской борьбы широким фронтом. Исключение составила только 2-я бригада, оставленная в созданном ею партизанском районе.

Передислокация партизанских сил несколько задержалась из-за второй и третьей карательных экспедиций, но теперь, в середине июня, бригады и отряды начали постепенный выход на освоение новых территорий. Готовились к возвращению на родину и наши латышские товарищи. Мы уже привыкли друг к другу, крепко сдружились. На войне привязанности возникают быстро, а прочность их очень велика — бой плечом к плечу делает их такими. И нелегко было нам расставаться. Но война не только сближала людей, она и разлучала их — надолго, иногда навсегда.

Вторая половина июня была для нашего полка характерна широко развернувшимся движением «охотников» и серией удачных налетов на гарнизоны противника. Вот выписка из приказа по полку, датированного 2 июля 1942 года. Этим приказом подводились итоги действий «охотников» в июне и лучшим из них объявлялась благодарность:

«По отряду Седова:

а) Лебедеву М. Н. и Шуленину С. П. - подбившим бронеавтомобиль и легковую автомашину;

б) Васильеву А. В. - уничтожившему 15 фашистов;

в) Осипову В. О. - уничтожившему 11 фашистов;

г) Лапину В. А. - уничтожившему 8 фашистов;

д) Иванову А. И. - уничтожившему 7 фашистов; е) Котову А. И. и Матюкову В. И. - уничтожившим по 5 фашистов.

По отряду „Храбрый“:

а) Саватееву В. Н. - уничтожившему 16 фашистов;

б) Тимофееву М. М. - уничтожившему 6 фашистов;

в) Кармалеву А. Ф. - уничтожившему 5 фашистов;

г) Мхос Ю. А. и Павлову Д. Н. - уничтожившим по 4 фашиста».[35]

А наиболее запомнившимся налетом была операция против гитлеровского гарнизона в деревне Бродки, проведенная в ночь на 11 июня силами отряда «Храбрый» при поддержке авиацией. Идея этого налета родилась так.

Еще до начала третьей карательной экспедиции в одно из обычных своих посещений штаба бригады — комбриг проводил очередное оперативное совещание — я задержался там допоздна. Васильев предложил мне остаться на ночлег, сказав, что в избе место найдется, а заодно можно будет и поговорить без обычной спешки.

Васильев был прекрасным собеседником — легко создавал атмосферу непринужденности, его остроумие и неожиданность суждений всегда доставляли удовольствие, его знания и кругозор позволяли ему не только свободно чувствовать себя в «светской» части разговора, но и превращали этот разговор в чрезвычайно интересный и полезный для собеседника. Помню, говорили мы с ним в ту ночь не только о партизанских делах, но и о наших семьях, о мирной жизни, о любимых книгах, фильмах и театральных спектаклях, вспоминали хороших и плохих людей, с которыми сводила нас жизнь, говорили «о доблестях и славе», говорили о будущем… И не заметили, как пролетела ночь. Но мы были тогда молоды, обстоятельства приучили нас не очень-то цепляться за «сон в установленное время» (день, вечер, ночь или утро — не все ли равно!), и мы никогда не тяготились ночным разговором, особенно если он был интересным.

Конечно же, больше всего говорили все-таки о деле. Васильева интересовало буквально все, что происходило в полку, — и мельчайшие подробности боевых операций, и наши планы, наши беды и трудности, и люди — они, пожалуй, особенно, причем не только командиры, но и рядовые бойцы. И вот, где-то под утро, когда разговор шел о чем-то совершенно другом, Николай Григорьевич вдруг сказал;

— А что, если опять попробовать вместе с авиацией? Бомбежка, а потом наш налет. Скажем, на Бродки. Ты как?

Я задумался. В памяти всплыла операция на Белебелку 8 марта 1942 года, когда авиация спутала нам все карты. Ведь преждевременная атака самолетов даже навредила нам тогда: неожиданное бегство гитлеровцев из райцентра заставило отряд Медведева вступить в бой на неподготовленных позициях, атаковать с ходу, и в результате этот отряд был почти полностью разбит, а его командир и комиссар погибли. И самое главное — фашистам удалось выйти из нашего окружения, сохранив основные свои силы, причем опять же главной причиной этого была атака с воздуха до срока: мы не успели полностью перекрыть пути отступления противника, и он этим воспользовался. Взаимодействие партизан с авиацией — дело сложное. Где гарантии того, что самолеты выйдут на цель точно в назначенное время? Не столкнемся ли мы с какими-нибудь новыми неожиданностями? Может быть, лучше не усложнять операцию и действовать собственными силами?..

— Ты не уснул часом? — прервал мои размышления Васильев.

— Да нет… Думаю.

— А что думать-то? Я тебе дело говорю. Лихо можно ударить, красиво.

— Ну а Белебелка? — спросил я. — Там ведь не гладко было!..

И я поделился с ним всеми своими сомнениями. Васильев был знаком с этой операцией только в общих чертах. Но, узнав подробности, от своей идеи не отказался, больше того — сделал и меня ее сторонником.

— Всякую неожиданность, — говорил комбриг, — можно предусмотреть. Надо только постараться. А хорошее взаимодействие возможно, в этом и сомневаться не надо. Надо договариваться хорошо. И обо всем. О каждой мелочи, о каждой случайности. Знаешь, как радисты говорят? В рации только две неисправности: или не контачит, где надо, или контачит, где не надо. Так и здесь. Чего нам по сути дела опасаться? Или не начать вовремя, или начать не вовремя. Вот и все. А ведь можно сделать хорошо.

Словом, мы обо всем договорились. А через несколько дней Васильев сообщил, что авиация готова нас поддержать. Были определены точная дата и время начала налета. Я отдал приказ по полку. Мы стали готовиться.

И вот наконец одиннадцатое. Как нарочно, к ночи погода испортилась. Накрапывал мелкий дождь. Темень была для этого

времени совершенно нехарактерная, и придавливали ее сверху низкие черные облака. Наши люди затаились на исходных позициях в ожидании сигнала. Тишина. Мучительная, долгая тишина ожидания. А когда стрелки часов показали назначенное для появления авиации время, по-прежнему слышался только шорох листвы под моросящим мелким дождем.

И снова вспыхнули сомнения. Вот вам факт: время прошло, а самолетов нет. Так стоило ли огород: городить?.. Впрочем, можно еще ждать. Пользуясь такой ночью, налет на гарнизон можно провести и своими силами. Но для этого лучше выждать еще часок…

И в это время вдали послышался все нараставший звук авиационных моторов, который через несколько минут деловито растолкал тишину, заполнив собой все небо над нами. Летчики искали цель.

И началось!..

С наших позиций взлетели ракеты, указавшие направление удара. Одновременно заработали пулеметы и автоматы, протянувшие очереди трассирующих пуль к огневым точкам врага и другим наземным объектам, которые летчикам предстояло бомбить. Самолеты выстроились в круг, они один за другим заходили на цель, и тогда под крыльями у них остро полыхало, и, оставляя огненный след, как маленькие кометы, к земле устремлялись реактивные снаряды, накрывавшие одну цель за другой.

Атаковало Бродки 12 самолетов. Когда же они израсходовали весь свой боезапас, оборона гитлеровцев была перепахана взрывами вдоль и поперек, а полное уничтожение противника вступившими в бой партизанами обусловливалось только фактором времени.

Впрочем, его потребовалось немного. И почти никто из полутора сотен оккупантов не спасся в ту ночь, почти ни один из Бродков не ушел.

Почему же самолеты все-таки опоздали? Как мы и предполагали, всему виной была погода. Она была скверной не только у нас, но и в месте вылета. Аэродром и его окрестности накрыл плотный туман, и ни о каком участии в операции самолетов, казалось, не могло быть и речи. И все же летчики, ведомые одним из самых опытных и умелых пилотов капитаном Богдановым, подняли свои машины в воздух. Выйдя же из боя, они оказали партизанам и другую помощь: в советский тыл самолеты эвакуировали раненых, нуждавшихся в срочной медицинской помощи.

«ИНИЦИАТИВА НАХОДИЛАСЬ У ПАРТИЗАН»

1942 год, 18 июня — 7 августа

18 июня 1942 года — особый в жизни Партизанского края день. Он не был отмечен необычными, надолго запоминающимися боевыми операциями — все они в тот день имели скорее отвлекающий характер и значительностью не отличались. Наш полк, например, произвел налеты сразу на четыре гарнизона противника в деревнях Высокое, Городовик, Бродки (здесь новый гитлеровский гарнизон, будучи хорошо наслышан о нашем недавнем нападении и зная судьбу своих предшественников, бежал после первых же выстрелов) и Луговаста. Но, как и в других местах, это были удары, повторяю, отвлекающие: у нас была единственная цель — не позволить фашистам помешать работе открывшейся в этот день 1-й партийной конференции бригады. Именно этим событием и памятен день 18 июня.

Проводили конференцию в лесу, неподалеку от деревень Найдино и Паревичи.[36]

Залом служила небольшая поляна, крышей — ветви деревьев. В остальном же никаких отклонений от обычного порядка. 56 делегатов аплодисментами встретили объявление о начале работы своего высшего партийного органа, избрали президиум, для которого стоял на поляне стол, накрытый красным полотном, слушали доклад, участвовали в прениях. В повестке дня было два вопроса: итоги боевой и партийно-политической работы за первое полугодие 1942 года и выборы парткомиссии.

Решения конференции по первому вопросу нацеливали нас на повышение эффективности боевых действий: говорилось о необходимости еще лучше овладевать всеми видами оружия, бывшими в нашем распоряжении, шире распространять накопленный в отрядах и полках боевой опыт, лучше организовывать обучение вновь вступающих в отряды, развивать связь с местным населением, еще шире вести агитационно-пропагандистскую и политико-массовую работу, повышать бдительность.

Что же касается второго вопроса — выборов парткомиссии, — то и он был очень интересен. Дело в том, что Политуправление Северо-Западного фронта приняло решение: всем партизанам-

коммунистам края было отныне разрешено иметь при себе партийные документы. Выдать их и должна была избираемая парткомиссия.

Это ли не показательно! Армейский разведчик, уходя на задание, все свои документы сдает командиру. Другие бойцы имеют их при себе. И почему существует такой порядок, не надо, наверное, объяснять. Вот и мы были раньше на положении разведчиков. Теперь же мы — хозяева в немецком тылу. Вот что означал второй вопрос в повестке дня.

От нашего полка на конференции выступал секретарь парторганизации отряда «Храбрый» Алексеев. Но рассказывать о конференции «своими словами» я не стану; в партархиве хранится ее протокол, он и другие принятые конференцией документы неоднократно публиковались и в газетах, и в книгах. Самое лучшее — адресовать читателя к ним.[37]

Переоценить значение партийной конференции 2-й бригады невозможно. Мы как будто переступили какую-то невидимую черту, оставив позади период становления и шагнув в то время, которое правильнее всего определить словами — «пора зрелости». И, подведя итог прошедшему, твердо зная поставленные перед нами цели и задачи, мы без опаски шли вперед.

Как того требовали решения партийной конференции, мы стали больше внимания уделять изучению и освоению новых видов оружия, требовательнее к себе стали командиры и политработники, тщательнее анализировали мы каждую боевую операцию, старались из каждой тактической ошибки или ошибки в методах управления боем извлечь урок. А ошибки были — что греха таить! — и не так уж редко они приключались. Требование повышать бдительность тоже не было нами забыто. Решения партийной конференции претворялись в жизнь самым активным и непосредственным образом. Я не хочу быть голословным и поэтому приведу несколько примеров.

Мы проводили в эти дни операции на железной дороге Новосокольники — Дно, на большаке Сущево — Порхов, организовывали нападения на склады противника, разбросанные за железной дорогой, на гарнизоны, расположенные дальше к западу и, казалось бы, прикрытые от ударов партизан занятой гитлеровцами магистралью Чихачево — Старая Русса. В этих налетах особенно отличался командир разведывательной роты отряда «Храбрый» Василий Павлович Плохой — человек удивительной, а в чем-то даже почти фантастической военной судьбы. Не раз смотрел он смерти в глаза, но всегда побеждал ее. Семь раз был ранен, из них пять — тяжело. Ленинградец, он жив доныне, среди многих его боевых наград Золотая Звезда Героя

Советского Союза.

Плохой пришел в Партизанский край в составе отряда Бучнева. Его отличала дерзкая смелость, решительность, хладнокровие и твердость духа. Вместе со своей ротой он громил гитлеровцев, безнаказанно хозяйничавших раньше в деревнях Дубовая, Грехново, Кузнецове, Кипино, Дорошкино, Заполье… Одновременно он обеспечивал исключительно ценной информацией не только нас, но и части Красной Армии.

Он признавал только один вид личного оружия — ручной пулемет Дегтярева. Знал его до мелочей, всегда содержал в идеальном порядке. На партийной конференции комиссар отряда имени Бундзена Ступаков говорил об обязательстве Героя Советского Союза Михаила Харченко обучить свое подразделение обращению со станковым пулеметом. Так вот, Плохой тоже не терял времени даром. Свое отношение к пулемету он настойчиво прививал бойцам разведроты, и в результате она имела вскоре на своем вооружении столько РПД, сколько в других ротах никогда не было.

Огневая мощь подразделения Плохого была так велика, что позволяла его роте совершать рейды, на которые мог решиться даже не всякий отряд.

Другой пример, прямо противоположный, касается Бучнева, командира одного из наших отрядов. Того самого Бучнева, которого весной я разоружил и арестовал по приказу Васильева в районе озера Цевло.

В дни, о которых я веду сейчас рассказ, Бучнев получил задание атаковать вражеский гарнизон в деревне Городовик и уничтожить его. Проведя впоследствии разбор этой операции, штаб полка обнаружил в руководстве ею массу грубых ошибок: Бучнев не обеспечил тщательной и своевременной разведки, безграмотно распределил силы, неправильно выбрал время начала налета. В ходе боя командир потерял всякую возможность управлять им, отряд понес значительные и совершенно неоправданные потери. И в довершение всего Бучнев доложил штабу полка об успешном выполнении задания.

Может быть, раньше, в первые дни войны, мы бы и лжи не заметили да и вообще не были бы так строги. Но теперь было другое время. Мы не могли позволить себе неудач по вине собственных командиров, мы были уже настолько сильны и опытны, что даже оправдания превосходством противника во внимание почти не принимались. В описанном же случае вывод мог быть только один: командир не соответствует своему месту. И Бучнев был разжалован в рядовые.

О том же, что слова «повышать бдительность» в решении

конференции были наполнены для нас совершенно конкретным смыслом и содержанием, свидетельствует такой эпизод. Как-то в штаб полка были доставлены с одного из наших заслонов два парня, разыскивавших, по их словам, партизан, чтобы вступить в наши ряды. Им было лет по двадцать, здоровьем и ловкостью бог их не обделил, оба производили хорошее впечатление. Но была в их рассказе одна деталь, которая заставила насторожиться. По их словам, шли они из дальних деревень, — мы о них могли и вовсе не слышать. Но в конце марта наш полк находился как раз в том районе, и, по имевшимся у нас сведениям, обе названные деревни были самым настоящим осиным гнездом предателей. Такое тоже бывает. Деревни — как люди: они тоже могут страдать тяжелыми пороками. Чем можно объяснить позорную печать предательства, легшую на села, о которых идет речь, весной сорок второго года, я не знаю, но факт оставался фактом и не обращать на все это внимания было нельзя.

Впрочем, относительно двух пришедших к нам парней можно было и ошибиться. Ведь даже если известно, что из десяти жителей села девять предатели, поднимется ли рука вешать ярлык и на десятого на том лишь основании, что таковы остальные? Мы так поступать не могли. Но и излишней доверчивостью мы не страдали.

Детективные истории — это не тот жанр, в котором я хотел бы попробовать свои силы. Буду поэтому краток. Прошло несколько дней, и Алексей Иванович Пушкин, уполномоченный особого отдела, положил передо мной фотографию: двое новых наших знакомых среди таких же, как они, смеющихся молодых людей. И все в гитлеровской форме. Глупо, конечно, тащить с собой к партизанам такую «визитную карточку». Но мне ли отвечать за оплошности наших врагов!

У них было задание, проникнув в полк, снабжать гитлеровцев информацией о наших силах, вооружении, планах и действиях. Указанный ими «почтовый ящик» Пушкин впоследствии попытался использовать для дезинформации противника, правда, не помню, насколько успешно. А конечной целью заброски к нам двух этих подонков было физическое уничтожение командования полка, а если представится такая возможность, то и командования бригады.

В те дни предательство пресекалось одним способом — пулей.

* * *

Хочу познакомить читателя с документом из числа тех, которые обычно в воспоминаниях партизан не фигурируют, и, на мой взгляд, совершенно напрасно. Это письменное распоряжение, полученное мной из штаба бригады.

«Командиру 1 п. полка. Комбриг приказал:

С получением сего представить сведения о количестве в Вашем полку скота по форме:

1. Крупный рог. скот а) всего коров б) дойных
2. Овец и коз
3. Лошадей

16.07.42.

Пом. нач. штаба Рябов».[38]

Как видите, были у нас не только автоматы и винтовки. В Партизанском крае вопросы хозяйственного обеспечения решались, конечно, намного легче — помощь населения недооценить нельзя. Но и там мы старались не быть иждивенцами и в чем могли обходились собственными силами: отбивали у врага продовольственные склады, отбивали продовольственные обозы, отбивали скот.

Мой заместитель по хозяйственным делам Алексей Дмитриевич Сарычев, человек энергичный, предприимчивый и чрезвычайно запасливый, содержал в одном из укромных уголков довольно солидное стадо. Часть его составлял скот, выделенный нам Дедовичской тройкой, но немало было и живности, отбитой у врага. На том документе, который я процитировал, сохранилась карандашная пометка: овец и коз — 3, лошадей — 43. Относительно коров записи нет, но я точно помню, что их было не менее полусотни.

Лошади ценились особо. Я всегда с благодарностью вспоминаю подарок, который сделал однажды всему штабу полка Василий Павлович Плохой. В деревне Кипино он напал на гитлеровский разъезд, разгромил его, а прекрасных верховых лошадей, доставшихся ему в качестве трофея, пригнал в штаб.

Кобылицу для меня он выбрал сам. Это была молодая, высокая, стройная и грациозная красавица, обладавшая кроме всех прочих своих достоинств поразительным равнодушием к выстрелам. Я приучил ее потом не пугаться даже тогда, когда стрелять из автомата приходилось прямо поверх ее головы, держа ствол между ее чутких к любому шороху, а в эти минуты будто заложенных ватой ушей.

* * *

Отбив третью карательную экспедицию, партизаны края не обольщались относительно намерений гитлеровского командования. Мы были уверены в том, что оккупанты будут продолжать попытки уничтожить советский район в своем тылу, и поэтому заранее готовились. Одной из мер на случай новых нападений на край и возможных наших неудач было создание по приказу штаба бригады сети тайников для сохранения запасов оружия, продовольствия, боеприпасов, обмундирования. Об этих тайниках знали очень и очень немногие, в нашем полку, например, не говоря уже о рядовых партизанах, даже не все работники штаба.

Мы заложили три тайника: в одном — оружие и боеприпасы; в другом — зимнее обмундирование, лыжи, часть оружия и боеприпасов и часть зерна (это был наиболее крупный тайник); и, наконец, в третьем — основную часть зерна. И если первый тайник был относительно прост — густо смазанное и соответствующим образом упакованное оружие и боеприпасы зарыли и тщательно замаскировали в одном из укромных уголков леса, — то два других тайника были значительно хитрее.

В глухом месте, на окраине топкого и труднопроходимого болота стоял заброшенный дом с добротным, сухим и очень вместительным подвалом. Этот подвал и стал вторым нашим тайником. Загрузив его до отказа, мы укрыли спрятанное слоем соломы, затем слоем елового лапника, затем слоем земли, слоем бревен и снова землей. Этот «слоеный пирог» надежно защитил тайник от огня: сам дом мы сожгли. Никому и в голову не могло прийти, что под обгорелыми развалинами скрыт целый партизанский склад.

Подходы как к первому, так и ко второму тайнику мы «заминировали» — в землю были воткнуты колья с табличками, предупреждавшими на немецком и русском языках о несуществовавшем на самом деле минном поле. Если учесть, что как в первом, так и во втором случае местность вокруг тайников не могла представлять для гитлеровцев хоть какого-нибудь интереса, станет ясно, почему они там ни разу и не появились. Забегая вперед, скажу, что на исходе сорок второго, командуя уже 1-м отдельным партизанским полком, я привел своих людей к тайнику в подвале сожженного дома. Мы обносились в походе, сидели на голодном пайке, у нас кончались боеприпасы. И тайник сделал свое дело, вернув полку силы.

А основные наши запасы зерна мы… похоронили. Третий тайник был оборудован на одном из деревенских кладбищ.

Глухой ночью группа партизан под руководством Сарычева вырыла здесь огромную могилу, укрепила ее стенки досками и укрыла в ней обложенное со всех сторон соломой зерно. На поверхности осталось несколько свежих холмиков с деревянными крестами и вымышленными фамилиями на дощечках.

Приближалась еще одна важная для всех нас дата: 1 августа исполнялся год со дня сформирования 2-й Ленинградской партизанской бригады. Этот же день принято считать и днем годовщины Партизанского края — читатель помнит, вероятно, что бригада была сформирована не в советском тылу, а именно здесь, на отвоеванной к этому времени у фашистов территории, путем объединения первых партизанских отрядов Порховского, Дновского, Дедовичского, Пожеревицкого, Славковичского, Сошихинского и других районов. Таким образом, праздник был двойным и готовились к нему как жители края, так и его защитники.

Социалистическое соревнование и среди партизан, и среди колхозников шло в те дни под девизом достойной встречи годовщины. Процитирую несколько документов.

Вот заметка из стенгазеты «За отвагу партизан» колхоза «Красное Мухарево» Дедовичского района:

> «Готовясь к юбилею 1 августа, колхозники колхоза „Кр. Мухарево“ выполняют сдачу молока: на 85 % — Колосова Елена, на 75 %-Иванова Антонина, на 75 % Носова Ольга, на 75 % — Дмитриева Александра. Следуйте их примеру. Это все для фронта, для скорейшего разгрома врага!»[39]

А в эти же примерно дни комиссар нашего полка доносил в штаб бригады:

> «…Все бойцы сейчас горят желанием встретить годовщину партизанской бригады высокими боевыми успехами. Каждые 10 дней в полку, в отрядах, в ротах и взводах подводятся итоги соревнования. За эти 29 дней впереди идет отряд Седова. Подавляющее большинство партизан болеет за боевые дела своего отряда. Многие ежедневно интересуются, а сколько истреблено фашистов его отрядом, его ротой, взводом, отделением. Особенно хорошо развернулось соревнование в отрядах Седова и „Храбрый“. И это вполне понятно. „Храбрый“ в июне месяце получил переходящий вымпел ЦК комсомола, а сейчас его обгоняет отряд Седова.
>
> Командование полка каждые 10 дней отдает приказ

об итогах соревнования… где показаны лучшие бойцы, рота, взвод, отделение и отряд…

…Кроме того, лучшим бойцам выносим благодарность, выдаем подарки…»[40]

В этом политдонесении, как и в других, Казаков указывал фамилии многих отличившихся партизан и среди них Семена Яковлевича Осипова, уничтожившего на «охоте» только за первую половину июля 26 фашистов, Алексея Ивановича Иванова — 20, пулеметчика Алексея Осиповича Минакова-17, политрука Бориса Николаевича Титова, возглавлявшего группу подрывников, пустившую под откос вражеский эшелон.

Титов вышел в ночь с 15 на 16 июля на участок железной дороги, который гитлеровцы считали безопасным: из-за того что характер местности почти начисто исключал возможность скрытного подхода к полотну, здесь партизаны никогда еще не совершали диверсий. Но именно поэтому боевая операция в таком месте сулила успех: эшелоны шли на относительно высоких скоростях, и удачный взрыв мог не просто остановить один из них, а пустить его под откос. И Титов решил рискнуть.

Его группа заложила под полотно сразу три управляемых фугаса, рассчитывая взорвать самый мощный из них под паровозом, а два остальных — под вагонами. Ждали долго. Несколько составов пропустили, видя, что как объекты диверсии они неинтересны. Наконец, когда уже рассвело, партизаны увидели пассажирский поезд, шедший в сторону линии фронта. Он был небольшой — всего 14 вагонов, — и три взрыва превратили его в груду обломков. Как выяснилось впоследствии, под ними нашла себе могилу целая воинская часть — свыше 500 гитлеровских солдат и офицеров.

Борис Николаевич Титов служил до войны в войсках НКВД в Ленинграде. Добровольно ушел в партизаны и уже 7 августа 1941 года оказался на территории края. Стал адъютантом Седова, а немного спустя — политруком одной из рот его отряда. Вот, например, что писала о нем наша бригадная газета «Народный мститель»:

«…Выполняя первомайский приказ товарища Сталина, подразделение тов. А. и К.[41] в мае уничтожило гитлеровцев в два с лишним раза больше, чем в апреле. Рост боевых успехов очевиден. И всему этому в значительной степени способствовала хорошо поставленная устная и печатная агитация. Ею занимаются конкретно и предметно… Один боец робко действовал в бою — и политрук тов. Т.[42] берет его с

собой, показывая, как нужно бесстрашно и умело громить врага».[43]

Обучение личным примером — самое предметное, наглядное и убедительное. Титов мог использовать этот метод каждый день и каждый час: он был одним из лучших «охотников» и подрывников полка и имел полное право требовать — «делай, как я!».

Как много было среди партизан людей, заслуживших не просто упоминания в книжке, а отдельного рассказа! Не вините меня, однополчане, я не в силах назвать каждого из вас поименно. Но ведь вы помните наш полк! Его слава — это ваша слава. Его победы — это часть общей Победы. А она — высшая награда за все, что нами было сделано.

Пусть будет еще одна цитата — большая и подробная. Я хочу все-таки, чтобы люди знали как можно больше фамилий партизан-героев. Итоги боевых действий полка в июле:

«Приказ № 41
03.08.42
Подлупленник.
1

…Полком за июль месяц уничтожено в боях 312 солдат и офицеров, 4 автомашины, 30 лошадей, 7 повозок, 1 пулеметная точка…

В результате проведенных четырех крушений воинских эшелонов противника уничтожено 878 солдат и офицеров, 4 паровоза, 20 пассажирских вагонов, 5 платформ (из них три платформы, груженные автомашинами), 6 груженых товарных вагонов. Повреждено 600 метров железнодорожного полотна и более 50 товарных вагонов…

…В результате двух крушений воинских эшелонов, произведенных группой Титова в составе Фалдина А. Д., Сергушева П. Н., Осипова С. Я. и группой Смекалова в составе Иванова А. И., Балабаненко В. П. и Чулкова А. А., уничтожено 876 солдат и офицеров, 2 паровоза, 20 пассажирских вагонов, повреждено до 40 товарных вагонов и до 400 м железнодорожного полотна…

2
В итоге:
I место присуждено отряду Седова,
II место — отряду „Храбрый“,
III место — отряду „Отважный“,
IV место — отряду „КИМ“.

Лучшим бойцом в полку является боец партизанского отряда тов. Седова Иванов Алексей Иванович, уничтоживший в июле месяце 42 фашиста и принимавший активное участие в организации крушения воинского эшелона.

Лучшим отделением в полку является отделение партизанского отряда тов. Седова. Командир отделения — Фалдин Арсений Дмитриевич. За июль месяц отделение уничтожило 261 фашиста, принимало участие в организации крушений двух вражеских эшелонов.

Лучший взвод в полку — взвод партизанского отряда тов. Седова. Командир взвода — Никитин Николай Сидорович. Его взвод в июле месяце уничтожил 320 фашистов, пустил под откос воинский эшелон противника.

Лучшей ротой в полку является рота партизанского отряда тов. Седова. Командир роты Львов Иван Никитич. Рота в июле месяце уничтожила 554 фашиста, пустила под откос один воинский эшелон противника, уничтожила одну автомашину, 10 лошадей, имеет трофеи…

…2. За отличное выполнение боевых заданий командования (организация крушений воинских эшелонов противника) объявляю благодарность и ходатайствую перед командованием 2-й партизанской бригады о представлении к правительственным наградам политрука Смекалова Ивана Ананьевича, политрука Титова Бориса Николаевича, Фалдина Арсения Дмитриевича, Сергу-шова Павла Никитича, Осипова Семена Яковлевича, Иванова Алексея Ивановича, Чулкова Александра Алексеевича, Балабаненко Вячеслава Павловича (партизанский отряд тов. Седова); командира отделения разведки Волкова Павла Степановича, Никандрова Анатолия Ивановича (партизанский отряд „Храбрый“); командира взвода Цветкова Александра Васильевича, Курочкина Ивана Алексеевича, Иванова Ивана Петровича (партизанский отряд „Отважный“).

3. Командиру роты партизанского отряда тов. Седова Львову. Ивану Никитичу и командиру взвода того же отряда Никитину Николаю Сидоровичу… (в оригинале неразборчиво)… воспитание своих бойцов и умелое… (неразборчиво)… ими подразделениями объявляю

благодарность.

4. Отмечаю хорошую боевую работу по уничтожению немецких оккупантов пулеметчика партизанского отряда „Храбрый“ Минакова Алексея Осиповича, уничтожившего за июль месяц 20 солдат и офицеров. Отмечаю также хорошую боевую работу и умелое воспитание своих бойцов командира взвода партизанского отряда „Храбрый“ Захарова Андрея Ивановича, взвод которого за месяц уничтожил 46 фашистов, на минах взорваны 6 повозок, 6 лошадей и одна автомашина…»[44]

В конце июля отряд Н. Н. Седова ушел на выполнение задания особой важности. В существо дела были тогда посвящены очень немногие, боевую задачу Седову ставил и разъяснял сам комбриг, соблюдалась особая секретность. Отряду предстояло совершить марш к намеченному штабом бригады участку Киевского шоссе между Лугой и Псковом, взять под контроль все проходящие по нему легковые автомашины и попытаться захватить изменника Родины Власова — бывшего командующего 2-й ударной армией, попавшего вместе с ней под Новгородом в окружение, перешедшего на сторону врага и ставшего впоследствии организатором печально прославившейся РОА — армии таких же, как Власов, изменников и предателей.

Эта операция разрабатывалась даже не в штабе бригады — руководил ею Ленинградский штаб партизанского движения, и участие в ней принимал не один отряд Седова. Однако успеха операция не имела: в те дни захватить Власова не удалось. Возмездие настигло его позже: в мае 1945 года на территории Чехословакии остатки РОА были разбиты, сам Власов захвачен в плен советскими военными разведчиками, предан суду и 1 августа 1946 года казнен.

Но отряд Седова не потратил все-таки времени даром. Было организовано несколько удачных засад на шоссе, на многих участках нарушена телеграфно-телефонная связь, при переходе железной дороги на участках Кебь Порхов и Плотовец — Судома подорвано железнодорожное полотно, уничтожено несколько складов с военным имуществом.

* * *

18 июля полк получил пополнение. Нам был придан небольшой (52 человека) отряд горьковских комсомольцев,

только что прибывший в край из Валдая. Командир отряда Константин Александрович Котельников и еще четверо успели к этому времени повоевать — в партизанской группе, созданной из бойцов горьковских истребительных батальонов на Западном фронте в начале 1942 года. За успешные боевые действия в тылу врага все они имели правительственные награды: К. А. Котельников, П. Д. Кутырев и А. Ф. Нюханов — ордена Красной Звезды, В. П. Пресняков — медаль «За отвагу» и М. И. Козлов — медаль «За боевые заслуги». Остальные 47 человек боевого опыта не имели, прошли только кратковременную подготовку в партизанской школе во Владимирской области. Возраст бойцов отряда колебался между восемнадцатью и двадцатью годами, и только Котельников был «стариком»: ему уже исполнилось двадцать шесть. Отряд был направлен на Северо-Западный фронт Центральным штабом партизанского движения и Центральным Комитетом ВЛКСМ.

Мы разместили вновь прибывших в деревне Хижи, невдалеке от отряда «Храбрый». Соседство с одним из лучших подразделений полка должно было, по нашему мнению, пойти новичкам на пользу. Горьковчане почти сразу были включены в активные боевые действия. Времени на раскачку тогда не было. Мы ожидали новой карательной экспедиции, готовились к упорным боям и хотели поэтому дать нашим новым товарищам возможность «нюхнуть пороху» заранее, в обстановке менее тяжелой, чем та, которой ожидали в будущем.

В одну из не занятых нами деревень на участке отряда «Храбрый» пришел пилот сбитого над краем немецкого самолета. Он пробирался к своим и был почти у цели, — рядом, в деревнях Хлебородово и Чернецово, стояли гитлеровские гарнизоны.

Конечно же, колхозники сразу сообщили об этом партизанам. Несколько женщин прибежали к Алексееву и рассказали о госте и о том, что он сейчас спит в одной из деревенских изб. Алексеев послал группу своих людей. Но захватить летчика в плен им не удалось: он заметил приближение партизан, открыл огонь из автомата, отстреливался, сколько позволял его боезапас, а последнюю пулю пустил себе в лоб.

Этот случай колхозники долго вспоминали. Ведь не приди летчик в деревню и почти наверняка он добрался бы до своих. Значит, надо быть внимательнее и в лесу, и в поле, надо зорче смотреть по сторонам. Кто знает, может быть, и еще кто-то скрывается поблизости. Вскоре в лесу колхозницы и впрямь обнаружили еще одного летчика. И летчик этот вполне мог погибнуть от рук партизан или точно так, как тот, первый, застрелиться. Но это была бы уже беда, потому что скрывался в

лесу стрелок-радист из экипажа сгоревшего советского бомбардировщика.

А дело было так.

Поздним вечером 21 июля мы с Казаковым, Степановым, Валенцевым и Цветковым сидели около штабной избы. Когда выдавалась такая возможность, мы всегда собирались перед сном где-нибудь на завалинке и подолгу беседовали, курили, вспоминали прошлое, думали о будущем. Тот вечер я запомнил совершенно точно потому, что, во-первых, исполнялся ровно год и месяц с начала войны и об этом мы тоже говорили, а во-вторых, потому, что мы проводили в Зеленом Клине последние часы — назавтра штабу предстояло перебираться в другую деревню, Подлупленник.

Вечер был теплый и очень темный. С юго-запада надвинулись густые грозовые тучи, и по всему чувствовалось приближение грозы. В небе уже изредка ворчал далекий гром, полыхали зарницы. Мы решили дождаться начала ливня и тогда ложиться спать, а пока тихо разговаривали, поглядывая время от времени на небо и предвкушая облегчающее ощущение того момента, когда тяжелая предгрозовая атмосфера разрядится в грохоте, вспышках, потоках дождя.

Сначала тихо, а потом все более и более мощно где-то за облаками загудели авиационные моторы. Густой гул накатывался на нас волнами и уходил к западу. Судя по всему, это были наши дальние бомбардировщики — из газет мы знали, что советские летчики совершают ночами налеты на объекты в глубоком немецком тылу. Самолеты шли эшелонами; в густой темноте, за тучами их не было видно, но гул моторов свидетельствовал о том, что их много.

Вновь полыхнула молния и ударил близкий уже гром.

— Смотрите! — вскрикнул кто-то.

Но и без того все мы повернули уже головы в одну сторону: из черного брюха грозовой тучи вывалился огненный сгусток, катившийся, как по невидимому горному склону. От него отделялись щупальца пламени, образуя короткий, но широкий светящийся след.

Самолет упал, по нашим предположениям, где-то в районе Гнилиц. Оглушительный взрыв толкнул землю, выбросил в небо рваное облако огня, и все стихло. Слышался только угасавший постепенно звук моторов уходивших на запад машин.

К месту падения самолета поскакал связной. По обломкам машины удалось определить, что это действительно был советский бомбардировщик. Судя по всему, в момент удара о землю на борту оставался только один человек, но установить,

кто именно, было невозможно: очень сильный взрыв. Остальные, вероятно, спаслись на парашютах.

А наутро колхозники нашли в поле тело летчика. Купол его парашюта сгорел в воздухе, это было видно по стропам, обуглившимся на концах. Стрелки часов, остановившихся в момент удара о землю, показывали последний час, минуту и секунду жизни погибшего. У него были при себе документы. Мы узнали, что это штурман, а фамилию его я тогда не запомнил и почему-то нигде не записал. Видимо, это сделал комиссар.

Уже все было готово к захоронению останков погибших летчиков, когда из отряда «Храбрый» поступили сведения, заставившие похороны отложить.

Километрах в восьми от Гнилиц колхозницы, собирая ягоду, заметили человека, прятавшегося от них на болоте. Они прошли мимо, будто ничего не видели, но, вернувшись домой, сразу же рассказали о неизвестном командиру все того же партизанского отряда «Храбрый» Алексееву. Надо полагать, что свежесть воспоминаний о недавней встрече с немецким летчиком сыграла тут свою роль, потому что ни Алексеев, ни партизаны из посланной им группы захвата даже не подумали о том, что на болоте может скрываться кто-то из экипажа сгоревшего советского самолета. И шла по лесу цепь партизан, направляя изготовленные к стрельбе автоматы в ту сторону, где за большой кочкой лежал с пистолетом в руке бортстрелок Селезнев, а в нескольких шагах от него — командир экипажа Каинов, уже мертвый. Его пистолет тоже был у Селезнева. Бортстрелок готовился отдать свою жизнь подороже…

…В их самолет ударила молния, машина загорелась и резко пошла к земле. Что-то взорвалось в ней, и потерявшего на секунду сознание Селезнева выбросило из хвостового отсека наружу. Но он сразу пришел в себя, раскрыл парашют и тут же заметил неподалеку другой купол: это опускался кто-то из их экипажа. Подтянув стропы, Селезнев приблизился к товарищу и стал окликать его. Безуспешно. Он узнал своего командира Каинова. Но тот, по-видимому, был без сознания.

Приземлились они в болоте. Селезнев подбежал к командиру и увидел, что тот мертв. Из самолета он выбрасывался, вероятно, тяжело раненным, сумел раскрыть парашют, а потом потерял сознание и еще в воздухе умер. Селезнев собрал парашюты, замаскировал их в кочках, забросав мхом, и стал думать о том, что делать дальше. Незаметно он заснул. А когда открыл глаза, ярко светило солнце и неподалеку раздавались женские голоса. Ему показалось, что никто его не заметил, сам же он выйти к людям побоялся, зная, что самолет потерпел аварию над занятой

врагом территорией.

Вскоре женщины ушли. Селезнев решил похоронить командира. Выбрал место для могилы, начал раскидывать мох. И, не успев довести работу до конца, заметил идущую по лесу цепь вооруженных людей.

Он не рассчитывал на встречу с партизанами, а те не предполагали, что перед ними может оказаться советский летчик. Даже услышав русскую речь, бортстрелок не опустил пистолета, полагая, что перед ним полицаи.

К счастью, все закончилось благополучно. Один из партизан сумел незаметно подобраться к Селезневу сзади почти вплотную и неожиданно бросился на него, уже прицелившегося в кого-то из цепи и готового нажать спуск. Огонь не был открыт…

…Погибших летчиков мы похоронили со всеми воинскими почестями 23 июля близ деревеньки Мартыниха. А Селезнев, пока не представилась возможность переправить его в советский тыл, находился при штабе полка. Они очень сдружились с Цветковым — один был бортстрелком, а второй, как я уже говорил, в прошлом техником по авиационному вооружению. Вскоре их стараниями заговорил снятый с погибшего самолета мощный и скорострельный авиационный пулемет. Селезнев с Цветковым привели его в образцовое состояние, научили пользоваться им одного из пулеметчиков отряда «Храбрый», и ожила частичка разбившегося бомбардировщика. А потом Селезнев улетел за линию фронта и снова занял привычное свое место в кабине боевого самолета. Каждый день на войне происходило что-то похожее. Гибли советские самолеты, танки, корабли, но, пока оставалась возможность, стреляли их пушки и пулеметы, а если кто-то из членов экипажей оставался жив, он возвращался в строй и продолжал биться с врагом. Советского солдата можно было убить, но не победить.[45]

* * *

Не только огнем из пушек и автоматов пытались гитлеровцы сломить партизан. Как и на фронте, они применяли против нас идеологическое оружие: продукция геббельсовского министерства пропаганды в виде листовок, брошюр, газет, а иногда и целых книг дождем сыпалась на нас с самолетов.

После войны стал широко известен термин «большая ложь», которым фашистские пропагандисты цинично обозначали саму суть своей работы. Идея «большой лжи» принадлежит Гитлеру и в его формулировке выглядит примерно так:

Большой лжи всегда присуща определенная доля правдоподобия, потому что широкие массы народа… в своем примитивном простодушии скорее готовы пасть жертвами большой лжи, нежели лжи маленькой, поскольку они сами часто врут по мелочам, но устыдились бы прибегнуть к большой лжи. Им никогда не пришло бы в голову фабриковать колоссальные измышления, и они не могут даже подумать, что другие могут иметь наглость искажать истину столь бессовестно. И если даже им ясно доказать это на фактах, они все же будут сомневаться, колебаться и продолжать выискивать какие-то другие объяснения. Ибо от наглейшей лжи всегда что-то остается, даже после того, как она разоблачена, — это факт, известный всем лжецам на земле и всем конспираторам по части лжи.[46]

Сейчас, когда весь мир знает о преступлениях нацизма, о бесчинствах гитлеровских палачей на оккупированных территориях, абсурдом и чудовищной нелепостью, не способной никого ввести в заблуждение, кажутся пропагандистские трюки гитлеровцев. Но ведь сумели же они оболванить почти целый народ — свой! Многие немцы, например, позже свято верили в жестокость советских солдат, миф о которой был рожден в канцеляриях фашистского министерства пропаганды. «…Геббельс открыто заявлял на своих инструктажах, что здесь, допустимы любые преувеличения и фальсификации. Нормой стало появление фальшивых фотографий засеченных немецких женщин и детей, обезображенных трупов и т. п.».[47]

Нам, конечно, гитлеровцы об этом не рассказывали. Они забрасывали на нашу территорию листовки, в которых то угрожали применением против партизан отравляющих газов, то врали о своих блестящих успехах на фронте, то пытались доказать, будто войну развязала не Германия, а Советский Союз.

Лет уже тридцать назад, оказавшись после войны на несколько дней на Псковщине, я увидел в одном из деревенских сараев несколько пачек этой продукции. Хозяйка использовала листовки самым лучшим образом — для растопки печи. Я взял несколько штук и поэтому сейчас имею возможность не просто вспоминать, а цитировать.

Вот одна из них. На лицевой стороне рисунок. В верхней части колосящееся хлебное поле, уютный домик вдали. Цветущий мужчина с ребенком на руках и рядом пышущая здоровьем женщина, его жена. Коса и грабли на плечах — видимо, идут на работу. И все смеются, надо полагать, от счастья и благополучия.

Внизу нищий. Сидит на земле. Протез, костыли, протянутая рука, лохмотья. Крупно: «Стать хозяином или калекой? Что лучше? Выбирай!»

И текст на обороте, полный демагогии и лживых деклараций, которыми уже обманули к тому моменту тысячи людей в Германии, а теперь пытались обмануть нас:

> «Бойцы и командиры!
>
> Безысходная тоска и уныние царят в вашем тылу. Изнуренные, отупевшие от голода и усталости рабочие… обречены на гибель, на медленное умирание от голода, от истощения…
>
> …Все думают лишь об одном — когда конец войне? А конца войны не видно…
>
> Трудящимся не нужна война — им нужны мир и жизнь!
>
> Война нужна Сталину, большевикам, английским и американским капиталистам; они полны решимости принести в жертву весь народ. Это поняли уже миллионы людей, находящихся здесь.
>
> Поймите это и вы!
>
> Спасайте себя и свой народ!
>
> Переходите на сторону освободительных отрядов, борющихся против большевиков, за свои народы, за мир и свободу!..»

В конце каждой листовки призыв: «Переходите к нам! Мы хорошо обращаемся с пленными и особенно с перешедшими на нашу сторону добровольно!»

Для вящей убедительности — в рамочке пропуск на русском и немецком языках: «Пропуск действителен для неограниченного числа командиров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону…» и т. д.

С педантичной предусмотрительностью ниже: «Переходить можно и без пропуска: достаточно поднять обе руки и крикнуть: „Сталин капут“ или „Штыки в землю!“».

И эмблемка с изображением воткнутой штыком в землю винтовки и с буквами «Ш. В. З.» — штыки в землю.

Нужны ли здесь комментарии! Агрессор, завоеватель печется о мире… Хладнокровный и расчетливый убийца выдавливает слезу над трупами собственных жертв… Чудовищный цинизм!

До конца войны было еще почти три года. И три с лишним года было до начала Нюрнбергского процесса — Международного военного трибунала, судом которого завершилась страшная история гитлеровского фашизма. После войны я читал документы, предъявленные трибуналу обвинением. Читал и вспоминал об этих листовках, призывавших советских солдат сдаваться в плен и обещавших им чуть ли не райские блага.

«Из приказа по 60-й немецкой мотопехотной дивизии за № 166/41:

…Русские солдаты и командиры очень храбры в бою. Даже отдельная маленькая часть всегда принимает атаку. В связи с этим нельзя допускать человеческого отношения к пленным. Уничтожение противника огнем или холодным оружием должно продолжаться до тех пор, пока противник не станет безопасным… Фанатизм и презрение к смерти делают русских противниками, уничтожение которых обязательно…»[48]

«Из приказа по 203-му немецкому пехотному полку от 2 ноября 1941 г. № 109:

…Верховный главнокомандующий армией генерал-фельдмаршал Рунштедт приказал, чтобы вне боевых действий, в целях сохранения германской крови, поиски мин и очистка минных полей производились русскими военнопленными. Это относится также и к германским минам».[49]

«Из указаний главнокомандующего войск группы армий „Юг“ генерал-фельдмаршала фон Рейхенау „О поведении войск на востоке“:

…Снабжение питанием мирных жителей и военнопленных является ненужной гуманностью…»[50]

Я читал и думал не только о чудовищной лживости гитлеровской пропаганды. Ведь не потому же не шли мы с поднятыми руками из леса, что противник скомпрометировал свою правдивость. В начале войны мы ничего не знали о зверствах фашистов в лагерях для военнопленных, не знали о лагерях смерти, не знали о том, что относительно партизан существовало уже указание, согласно которому любого из нас надлежало в случае пленения, как бандита, попросту уничтожить на месте — невзирая на звание, возраст и пол.

И все-таки не было среди нас желающих воспользоваться отпечатанным на листовках пропуском…

* * *

Конец июня — начало июля стали переломным периодом в действиях партизан 2-й бригады на железнодорожных коммуникациях, В начале года активность диверсионных действий всех партизан Ленинградской области была

относительно невысокой. Это видно и на примере нашей бригады, совершившей за январь апрель только 4 диверсии. Однако в последующий период, выполняя распоряжение Ленинградского штаба партизанского движения, бригада заметно активизировалась. Итогом июля стала 21 диверсия на железных дорогах Дно — Старая Русса и Дно Новосокольники, причем из строя были выведены 16 паровозов и 481 вагон, из которых почти половина с живой силой, а четвертая часть — с вооружением и боеприпасами.

Требуя усиления диверсионных действий, штаб партизанского движения указывал, что враг в результате даже одного железнодорожного крушения теряет порой больше, чем в многодневных боях с партизанами. И это действительно было так. Выше я цитировал приказ об итогах боевых действий нашего полка в июле. Приведенные в нем цифры достаточно красноречивы: 878 гитлеровских солдат и офицеров уничтожено в результате четырех диверсий на железной дороге, а в результате всех остальных боевых операций — 312.

Успеху этих операций предшествовал длительный и упорный поиск наиболее благоприятных форм и методов их организации. В политдонесении Ленинградскому штабу партизанского движения за июнь, например, штаб нашей бригады сообщал:

> «…Специально созданная при бригаде подрывная группа пустила под откос 5 поездов и взорвала 2 ж.-д. моста. Создание такой группы целиком себя оправдало. Ибо стало возможным централизовать руководство, планировать работу, обобщать опыт, воспитывать кадры, распределять участки между подрывниками. Когда это дело было в ведении полков, то был разнобой в работе, ходили на диверсии разные люди, на один участок выходили люди разных полков, мешали друг другу и работа в целом тормозилась…»[51]

Однако к июлю стало ясно, что одной диверсионной группы на всю бригаду явно недостаточно. Не нарушая централизации в руководстве диверсиями, Васильев принял решение о создании диверсионных отрядов и групп в каждом полку. На проведенном специально по этому поводу оперативном совещании комбриг, как всегда, четко, лаконично и предельно ясно поставил перед нами задачу. Вкратце она сводилась к следующему.

В каждом полку создавалось по одному специальному диверсионному отряду численностью от 80 до 100 (но не больше) человек. Эти отряды должны были иметь по 10–12 групп, специализирующихся на подрыве эшелонов, и до 10 групп,

специализирующихся на уничтожении телеграфно-телефонных линий связи. Численность бойцов этих групп не должна была превышать пяти человек. В отряды следовало зачислять только добровольцев и только из числа лучших, отличившихся в стычках с врагом партизан. Весь личный состав диверсионных отрядов должен был пройти курс специального обучения по программе, которую всем нам выдали, Категорически запрещалось направление диверсионных отрядов на другие, не связанные с их прямым назначением задания.

Целью всей бригады было парализовать движение вражеских эшелонов по железным дорогам на участках Псков — Порхов — Старая Русса и Локня Дно-Сольцы. При этом за каждым полком были закреплены определенные зоны боевых действий: нам, например, отводился участок между станциями Локня и Плотовец.

Формирование отрядов и обучение диверсантов следовало завершить к 1 августа. В ночь с 3 на 4 августа диверсионным группам предстояло выйти в соответствии с графином в свои районы и начать активные действия. Интересно отметить, что ровно год спустя началась знаменитая «рельсовая война» массированная операция советских партизан, руководимая Центральным штабом партизанского движения, развернутая одновременно на всей оккупированной врагом советской территории и вошедшая в историю советского партизанского движения одной из ярчайших страниц.

* * *

28 июля диверсионный отряд в нашем полку был создан. Командиром его я назначил Василия Павловича Плохого, а комиссаром — Ивана Ананьевича Смекалова, о которых рассказывал уже выше. Это были люди, лучше которых справиться с организацией действий спецотряда вряд ли кто-либо мог. Однако у руководства оба они пробыли меньше двух недель — трагическая и нелепая случайность оборвала жизнь Смекалова, а Плохой, получив тяжелейшее ранение, был эвакуирован в советский тыл, причем никто из нас не сомневался в том, что в строй вернуться ему никогда уже не удастся. Но об этом позже.

Неподалеку от штаба полка, в густом лесу рядом с Подлупленником, разместился временный лагерь диверсионного отряда, оборудованный специально для обучения партизан. Организацию занятий взял на себя Михаил Викторович Степанов, начальник штаба полка, в прошлом, как я уже говорил, военный

инженер-железнодорожник. На одной из полян был оборудован целый учебный полигон — с макетами участков железнодорожного полотна в натуральную величину, стрелочного хозяйства, другими необходимыми приспособлениями. Оказалось, что Степанов обладает отличными преподавательскими способностями, а глубокие его знания и увлеченность, с которой проводил он занятия со своими подопечными, обеспечивали высокий уровень и теоретической, и практической подготовки бойцов. Дело быстро продвигалось.

А тем временем наступил день юбилея края.

1 августа в деревню Серболово были приглашены все командиры и комиссары полков, наиболее отличившиеся в боях партизаны, работники оргтроек, председатели сельских Советов, колхозники. Начальники полковых штабов, командиры или комиссары большинства отрядов оставались на своих местах, обеспечивая боевую готовность подразделений.

Для проведения торжеств было избрано весьма своеобразное помещение. В стороне от деревни на лугу лежала готовая крыша для большого коровника, строительство которого начали до войны, а закончить не успели. Кругом были разбросаны остатки дранки, бревна, обломки досок, все это потемнело уже от дождей и снега, а общий вид царящего беспорядка и запущенности не оставлял никаких сомнений в абсолютной безлюдности бывшей стройплощадки. Под этой-то крышей, как в громадном шалаше, и собрались представители партизан и населения на свой праздник.

Если бы в воздухе появились самолеты противника, никому из летчиков даже в голову не пришло бы атаковать такой «объект». Впрочем, воздушного нападения можно было и не бояться: в тот день погода была нелетной — сыпал мелкий беспрерывный дождь, сплошная пелена темно-серых облаков окутала землю, было сыро и холодно. Но мы ничего этого не замечали.

Под просторными сводами импровизированного «актового зала» царило оживление, сопутствующее каждому юбилею. Был длинный стол, сколоченный накануне из подвернувшихся под руку досок, а теперь заставленный, как и положено, угощением, произносились речи, звучали тосты. Нынче стало хорошим тоном стыдливо обходить острые углы застолья военной поры. Но партизанская бригада — не пионерский лагерь, и не бутылки лимонада стояли, конечно, на скатерти, сделанной из парашютных куполов. Война — безусловно не похожее ни на что время. Однако вряд ли есть необходимость прибавлять, рисуя его, нежно-розовую краску приторной монашеской трезвости: были в войну застолья, и ничуть не реже, чем в мирное время. Мы

праздновали победы и поминали павших, а еще были знаменитые «наркомовские 100 граммов», — все было, не надо лукавить. Вот разве что тосты отличались от нынешних: в них обязательно звучали слова «за победу!», в них обязательно говорилось о прошедших и будущих боях.

Открывал праздник Николай Григорьевич Васильев. Затем выступал Орлов, а за ним — Алексей Алексеевич Тужиков, представитель Военного совета Северо-Западного фронта, прекрасно знавший нашу бригаду, часто посещавший Партизанский край. Он говорил о том, какое большое значение придает Военный совет фронта краю, как высоко оценивается деятельность 2-й ЛПБ, назвал бригаду ведущим партизанским соединением не только в полосе Северо-Западного фронта, но и во всей Ленинградской области.

Много добрых слов сказал Алексей Алексеевич о боевых делах отрядов и полков, в том числе отметил и наш 1-й.

Бригаде было чем гордиться. По самым скромным подсчетам, мы уничтожили около 9500 гитлеровских солдат и офицеров, причем был на нашем боевом счету и разгром целой немецкой дивизии-163-й пехотной, практически полностью уничтоженной в ходе второй и третьей карательных экспедиций. Нет, наверное, нужды вновь обращаться к цифрам, перечисляя количество пущенных под откос воинских эшелонов, подбитых и сожженных танков, самолетов, другой техники, захваченного оружия и боеприпасов. Мы вели очень строгий учет — в дневниках боевых действий отрядов, полков и бригад сохранены для истории сведения о каждой нашей операции, о каждом прожитом во вражеском тылу дне. Но не меньший интерес представляют сегодня и те итоги, которые подводил наш противник. Вот, например, что пишет бывший офицер вермахта, историк второй мировой войны Г. Теске, автор множества книг и статей по истории советского партизанского движения:

> «…Первая битва, которую проиграл вермахт во второй мировой войне, была битва против советских партизан зимой 1941/42 года. Затем последовали дальнейшие поражения в этой борьбе… В основном они состояли в том, что с самого начала инициатива находилась у партизан и осталась у них до конца войны».[52]

Но не только о победах говорилось на празднике. Мы знали, что уже почти полтора месяца гитлеровское командование готовит новую карательную экспедицию. Потрепанные партизанами воинские части и подразделения заменялись более

боеспособными, к границам края стягивались все новые и новые силы, начала боев можно было ожидать со дня на день. Поэтому на юбилее говорили мы и о предстоящей схватке.

А в заключение была оглашена новость: большая группа партизан бригады, особо отличившихся в боях, награждена орденами и медалями. На днях состоится торжественное вручение наград.

* * *

Правительственные награды вручал Тужиков. День выдался солнечный, жаркий. Строй партизан застыл на небольшой поляне в молодом леске на берегу Полисти. Это было то самое памятное мне по 1941 году место, где располагался тогда лагерь отряда В. Б. Савченко.

Мне выпала честь нести бригадное знамя. Я сжимал в руках древко и вспоминал, как пришел на эту землю во главе потрепанного батальона, а точнее его остатков, едва насчитывавших четыре десятка человек. Сейчас в моем полку даже после ухода латышских отрядов более четырех сотен партизан. И рядом другие полки — тоже многочисленные и тоже хорошо вооруженные. Но не только в количестве дело. Мы сами стали другими, Ничто не прошло даром: ни победы, ни поражения. Из ошибок наших погибших товарищей, из собственных успехов и неудач, из просчетов и достижений тех, кто воевал в тылу врага плечом к плечу с нами, складывались тот самый опыт и та самая сила, которые накопили мы к нынешнему дню.

Между стволами двух деревьев был натянут кусок кумача с лозунгом: «Привет народным мстителям!» Столом, на котором раскладывают награды перед вручением, служила простая телега. Один за другим выходят вперед и встают перед строем партизаны:

— Служу Советскому Союзу!

— Смерть немецким оккупантам!

Среди награжденных — бойцы и командиры нашего полка: А. И. Казаков, А. И. Пушкин, разведчица Маша Дмитриева, политрук Б. Н. Титов, пулеметчик С. Я. Осипов, В, П. Плохой, Н. Н. Седов, другие партизаны. Мне в тот день был вручен орден Красного Знамени. Мой первый.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРАТЕЛЬНАЯ

1942 год, 8 августа — 7 сентября

> «В ночь с 7 на 8 августа 1942 г. противник на участке Гористая, Перекрасная, Дровяная сосредоточия 16-й карательный отряд, части 218-й дивизии, придав им танки, артиллерию, авиацию, и 8.VIII 1942 года перешел в наступление. К исходу дня враг вышел на рубеж: Мосиха, Алексине, Шушелово, т. е. продвинулся на 8 км. Бой доходил до рукопашных схваток. Наши отряды предпринимали контратаки. За день боев противник потерял около 500 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 3 танка, 1 самолет Х-126, 1 батальонный миномет, 2 пулемета».[53]

Эти строки из политдонесения С. А. Орлова Ленинградскому штабу партизанского движения зафиксировали самое начало тяжелейшей и упорнейшей битвы, продолжавшейся более месяца. Она громыхала над Партизанским краем, то разгораясь, казалось, до предела, то затихая ненадолго, чтобы затем взорваться вновь. Сколько жизней она унесла! Скольких людей искалечила, скольких мирных жителей обездолила, лишила крова, заставила долгие месяцы скрываться в лесах и болотах… Это была четвертая карательная экспедиция гитлеровцев против Партизанского края.

Противник не считался с потерями. Он вводил в бой все новые и новые подразделения, не жалел ни своих солдат, ни техники, вгрызаясь в нашу территорию. На своем пути он уничтожал все живое, сжигал дотла деревни, глумился над мирными жителями.

Как выяснилось впоследствии, враг на этот раз бросил против партизан значительно больше сил, чем когда-либо. К экспедиции были привлечены 218-я пехотная дивизия, 4-й заградительный полк СС, 16-й карательный отряд, специальное бронетанковое подразделение 3-АА, различные части и подразделения, стянутые от Старой Руссы, Пскова, Дно, Великих Лук, Холма, а также части 8-й танковой дивизии, введенные в бой несколько позднее. По существу, гитлеровцы двинули против нас весь свой 39-й армейский корпус.[54]

К этому времени общая обстановка на фронтах Великой Отечественной войны вновь начала складываться не в пользу

Красной Армии. Летом 1942 года на советско-германском фронте было сосредоточено 266 вражеских дивизий, из них 193 немецкие — почти в полтора раза больше, чем в 1941 году. Не решившись вести наступление на всем фронте, гитлеровское командование сосредоточило свои войска на южном крыле, создав здесь перевес сил. Пал Севастополь. Советские войска потерпели поражение под Харьковом. Обстановка на юге становилась угрожающей: противник овладел здесь инициативой, его ударные группировки рвались к Волге и Кавказу.[55]

Главной стратегической задачей, решение которой, по замыслу немецко-фашистского командования, должно было обеспечить разгром советских войск и победное завершение войны, для противника стало: «…на севере добиться падения Ленинграда; в дальнейшем намечалось нанести главный удар на юге, уничтожить советские войска западнее р. Дона, овладеть нефтяными районами Кавказа и перевалами через Кавказский хребет, а захватом Сталинграда перерезать советские коммуникации на Волге. Успешное проведение этих операций должно было создать условия для последующего удара на Москву».[56]

Сегодня мы знаем, что советские войска завершили битву на юге блестящими победами под Сталинградом, на черноморском побережье, в горах Кавказа. Но должны были до этого пройти месяцы тяжелейших боев; не вдруг всеобщее ликование и победный звон литавр в стане врага сменились всеобщим же трауром, ознаменовавшим начало второго периода Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

К осени на всех фронтах разгорелась упорная, страшная, кровопролитная битва. Ведь активность советских войск на любом участке театра военных действий лишала гитлеровцев возможности свободного маневрирования силами, переброски их на направление главного удара.

Возвращаясь к боям, вспыхнувшим в это время на территории Партизанского края, я далек, конечно, от стремления сравнивать их с великой битвой, развернувшейся на юге. Наши масштабы по сравнению с ней были мизерны, рассматривать то и другое в одном ряду нелепо. Но приказ Верховного Главнокомандующего № 227 от 28 июля 1942 года прямо касался и каждого из нас. А суть этого приказа укладывалась в три железных слова: «Ни шагу назад!»

К началу боев в крае сосредоточились значительные партизанские силы: возвратились из рейдов под Псков и Порхов и с ходу вступили в бой 1-я и 4-я бригады, пришла 3-я бригада. Таким образом, вместе с нашей их стало четыре. Военный совет

Северо-Западного фронта стремился регулярно снабжать нас оружием и боеприпасами. Но бои были так тяжелы, что доставленных из советского тыла 500 тысяч патронов хватило лишь на три дня, а заброска их в край с каждым днем усложнялась из-за того, что наши лесные аэродромы переходили постепенно в руки врага.

Надо сказать, что на участке моего полка довольно долгое время гитлеровцы даже не пытались начать боевые действия. Они напали на край суеверного направления, затем повели наступление с востока и, наконец, с юга. Но на нашем участке все было тихо. И это несмотря на активные действия наших диверсионных групп, полностью блокировавших железную дорогу на участке Локня — Дно и наносивших врагу ощутимый урон. Вот записи из «Журнала боевых действий полка»:

> …В ночь на 20.7 группа ком. взвода отр. «Храбрый» Волкова на участке ж.-д. Дедовичи — Дно взорвала в 5.00 воинский эшелон — 3 платформы с автомаш., остальные крытые вагоны. После взрыва большой пожар. Значит, было горючее…
>
> …В ночь с 21 на 22.7 группа Смекалова (10 чел.) в р-не д. Межник, Смородовка, Клинок на участке ж.-д. Дедовичи — Чихачево взорвала в 14.00 эшелон в 50–60 вагонов… Взрыв произвел Смекалов… Уничтожено: паровоз (16 кг взрывчатки), 6 вагонов пассажирских и теплушек, 316 солдат и офицеров. Повреждено ок. 30 ваг., 600 м полотна. Трое суток движения не было…
>
> …30.7 Группа ком. взвода Цветаева из отряда «Отважный» (5 чел.) на ж.-д. Чихачево — Ашево (д. Канино) подорвала эшелон — 6 товарных вагонов. 5 платформ…
>
> …8.8…Группа Титова… в 2-х км севернее д. Железна утром около 10.00 подорвала эшелон в сост. 1 пасс, вагона, 2-х платформ с танками, 11 товары, вагонов, шедший со стороны Ашево… Уничтожен паровоз, две платформы, 9 товарных вагонов, один пассажирский и до 45 солд. и офицеров…
>
> …11.8 в 1 км южнее разъезда Лозовицы заложен фугас 16 кг группой спецотряда под команд. Евстратова… В 8.00 со стороны Сущево шел ремонтный поезд, состоявший из паровоза и двух платформ, на кот.

находилось до 20 солдат. Взрывом уничтожены солдаты, выведен из строя паровоз…[57]

Кроме того, проводили мы в то время и другие боевые операции. 11 августа, например, отряд «Храбрый» разогнал двигавшееся от Подсобляева на Круглово подразделение гитлеровцев из шестидесяти человек, уничтожив около сорока. 16 августа 9 партизан из отряда «Отважный» во главе с командиром отряда Петровым произвели огневой налет на Городовик. Одним словом, полк не сидел сложа руки.

Рассказывая о тех днях, не могу не вспомнить и о нелепейшем случае, лишившем нас в одно мгновенье и командира, и комиссара диверсионного отряда.

6 августа Плохой и Смекалов, сидя в своем шалаше, вели разговор о недавно доставленных в край новых противопехотных минах. Смекалов был уже знаком с их устройством, он что-то объяснял своему командиру, а потом, устав «показывать на пальцах», сбегал за «наглядным пособием»: принес мину в шалаш и положил себе на колени. И Плохой, и Смекалов были опытными подрывниками, они знали в своем деле толк. И все-таки Смекалов что-то сделал не так, в чем-то ошибся…

Когда мы подбежали к тому месту, где только что стоял их шалаш, нашим глазам открылось страшное зрелище. Смекалову взрывом вырвало мышцы внутренней стороны бедер и весь низ живота, но он был еще жив, мы смогли положить его на телегу и отправить в госпиталь. В дороге он умер. А Плохой, который в момент взрыва сидел, склонившись к мине, был отброшен ударной волной в сторону, сильно обожжен, потерял зрение и слух и тоже находился между жизнью и смертью, причем к смерти гораздо ближе.

Это фантастика, но он остался жив. Больше того — вернулся из госпиталя в строй, снова ушел во вражеский тыл и воевал до последнего дня партизанских боев в Ленинградской области. Только на всю жизнь остались на его лице синеющие следы глубоко вошедших пороховых брызг.

* * *

В середине августа я был вновь вызван в штаб бригады. Думал, что на обычное оперативное совещание, однако, приехав, не встретил там никого из командиров полков. Оказалось, что Васильев вызвал для какого-то разговора.

Он встретил меня, как обычно, по-дружески, и, хоть я и ломал

себе вначале голову над тем, для чего мог понадобиться комбригу, разговор начался легко и просто. Должен заметить, что в штабе бригады вообще всегда существовала атмосфера удивительной доброжелательности. Здесь никогда и не пахло чинушеством, начальничеством; здесь старший по должности всегда был старшим твоим товарищем, но не «высшим чином», перед которым надо «трепетать»; пришедшие сюда люди чувствовали интерес к себе и к своему мнению, чувствовали к себе уважение. Словом, это был штаб Васильева — по моему понятию, образцовое руководящее звено. В этом смысле для меня он до сих пор остается одним из лучших примеров, хоть повидать на своем веку пришлось мне немало.

Итак, мы беседовали, но по всему было видно, что Васильев не торопится пока перейти к главному. Он расспрашивал о делах в полку, рассказывал о какой-то недавней боевой операции, проведенной, кажется, полком Рачкова, конечно же, о том, как идут бои с карателями, о чем-то еще мы говорили. Но я понимал, конечно, что нахожусь здесь неспроста. Наконец я не выдержал:

— Зачем вызывал-то, Николай Григорьевич? Не томи…

— Ну, поговорить хотел… — улыбнулся Васильев. А потом сказал уже серьезно: — Есть у меня к тебе дело. Только скажи прежде: кто может в полку тебя заменить? Мы тут советовались, но единого мнения пока нет. Как думаешь, Степанов справится?

Много лет прошло с той поры, и я не могу уже, конечно, вспомнить этот разговор дословно. И возможно, читателю покажется странным, что я разволновался. Но я просто похолодел. Я подумал почему-то, что меня снимают. Но за что?

Я смотрел на свои лежащие на столе руки, чувствовал, что изменился в лице, и не находил сил хоть что-нибудь сказать. Видимо, Васильев почувствовал мое состояние. Он рассмеялся:

— Ну-ну… Ты о чем подумал-то? С чего бы это вдруг мы на тебя нападать стали? Или есть за что?

Мне стало легче, и я вымученно улыбнулся. А комбриг продолжал:

— Хочу тебя, Николай Иванович, забрать в штаб. Как ты на это смотришь? Только скажи сначала все-таки о Степанове. Но объективно, принципиально. И без неопределенностей.

Я не мог дать Михаилу Викторовичу плохой характеристики. Точно так же, как не мог говорить о нем расплывчато. Всеми своими делами он заслуживал только добрых слов, причем это было не только мое мнение — любой, наверное, в нашем полку думал так же.

Я говорил долго. О том, как Степанов работает, о том, какой у него характер, об уважении к нему в полку, о том, что он

кадровый военный, а это при наличии всего остального немаловажный плюс, если говорить о его назначении на мое место.

— Есть у него, конечно, и недостатки, но кто из нас без них? Словом, лучшей замены нет, Николай Григорьевич, — заключил я.

Васильев слушал меня очень внимательно. Когда я закончил, некоторое время молчал, а потом сказал:

— Стало быть, так, наверное, и решим. А теперь слушай…

Примерно за неделю до нашего разговора в крае было начато строительство линий оборонительных сооружений. Работая над этой книгой, я нашел в одном из архивных документов точную дату — 9 августа: «…командование 2-й партизанской бригады принимает решение создать укрепленный рубеж на участке Серболово, Починок, используя водную преграду р. Полнеть…»[58] И это был не единственный участок, работы начались и на Шелони, и в других местах. По замыслу Васильева, создание линий оборонительных сооружений должно было позволить нам вести бои меньшей кровью, сохранить жизни и партизан, и мирного населения края, сдерживая рвущихся на нашу территорию со всех сторон карателей. На этот раз нам было явно не уйти и от позиционных боев, значит, к ним следовало серьезно готовиться.

В первые дни строительством оборонительных линий руководил Леонид Васильевич Цинченко, временно отозванный из своего полка.[59]

Васильев знал, что в финскую войну я был начальником инженерной службы стрелкового полка и поэтому обладал тем опытом, который сейчас стал необходим. С моим приходом в штаб бригады я должен был первое время заниматься именно строительством оборонительных сооружений.

Я понимал, что отказываться от предложения комбрига нельзя: важность начатого дела совершенно очевидна, его обязательно надо довести до конца, и при этом не просто абы как нарыть окопов, а провести серьезные инженерные работы. Об их масштабе свидетельствуют хотя бы такие цифры: только на линиях оборонительных сооружений, создаваемых на реке Шелони, помимо многочисленных окопов и ячеек охранения предстояло построить 39 огневых точек: 10 одноамбразурных, 14 двухамбразурных, 13 трехамбразурных и 2 четырехамбразурные. Все это требовало опыта и знаний, я обладал ими, значит, отказываться не имел права. Но ведь за прошедшее время я стал боевым командиром! Мне совсем не хотелось идти в тыл, пусть даже на работу особой важности. А мой полк? Я не мог уже даже

в мыслях допустить, что когда-то с ним расстанусь. Что же делать?

Короче говоря, я вымучил в конце концов такое предложение: из полка меня отзывают временно, для выполнения задания штаба бригады. Обязанности командира временно исполняет Степанов. Ну, а дальше видно будет. Я пытался хоть как-то выиграть время, Васильеву же мое предложение понравилось потому, что он мог, ничем практически не рискуя, проверить свой выбор. На том и порешили.

* * *

Вместе с адъютантом, все тем же незаменимым Цветковым, имея на руках полученную в штабе схему оборонительных линий, я выехал на место. Времени в моем распоряжении было очень мало. Даже небольшой крюк в 14 километров, чтобы побывать в своем полку, я сделать не мог. В полк полетела радиограмма, а мы с Цветковым, проскакав по лесным дорогам километров пятнадцать, побывав по пути у председателя Дедовичской оргтройки А. Г. Поруценко в Круглово и договорившись с ним о взаимодействии, буквально едва сойдя с лошадей, включились в работу.

Почти трое суток ушло только на знакомство с сооружаемыми линиями укреплений. Я старался получить детальное представление о каждом даже самом малом участке, осмотрел каждую строящуюся огневую точку, каждый окоп, каждую ячейку охранения. По ходу дела рождались все новые и новые идеи. Например, несколько огневых точек, строительство которых было уже начато, я решил превратить в ложные, выбрав для настоящих более удобные места. Кое-где пришлось скорректировать задачи, поставленные перед работавшими на строительстве колхозниками, не имевшими, конечно, представления о том, как строят доты и дзоты: они умели пахать землю, умели срубить прекрасную избу, но таким делом, как теперь, занимались впервые. Подъем или углубление, расширение или переделка амбразур, усиление настилов, укрепление стен, расчистка секторов обстрела, тщательная маскировка огневых точек, обеспечение длительной их жизнестойкости… Все это требовало уймы времени, для сна оставалось его очень мало.

Мне хотелось помимо того, что предусматривалось штабным планом, построить несколько таких огневых точек, о которых в крае мало кто тогда знал. Я сам встречал их не часто, но зато

изучил добросовестно: в финскую войну я должен был заниматься их уничтожением и убедился в том, насколько это трудно. Их называли тоже дзотами, но это не совсем верно. Дзот — это деревоземляная огневая точка. Эти же были дерево-земельно-каменные. Строить их просто, но они исключительно устойчивы, их трудно уничтожить даже артиллерийским огнем прямой наводкой.

Из самых крупных бревен рубятся стены. Отступя примерно метр-полтора, ставится второй, внешний сруб. Пропиливаются отверстия амбразур, лазы для выхода. Затем оба сруба незначительно углубляются в землю. Промежуток между внешней и внутренней стенами забивают доверху камнями вперемешку с землей. Затем сооружается потолок — настил в несколько накатов, и все это снаружи прикрывается вновь камнями и землей. Получается сооружение, внешне очень похожее на громадный муравейник. Остается прорыть ход сообщения, расчистить секторы обстрела, провести маскировку — и дзот готов. Попробуй уничтожить!

Если такое сооружение устанавливается на краю леса, что обеспечивает хорошую его маскировку, если оно подкрепляется специальными огневыми точками, обеспечивающими его прикрытие с флангов, то неуязвимость и долговременность участка обороны становятся очевидными.

И несколько таких огневых точек было создано. Одна из них стояла, например, около деревни Нивки — той самой, откуда 5 марта 1942 года начинал свой путь обоз с продовольствием для ленинградцев.

Все работавшие на строительстве прекрасно понимали, насколько важно то, что мы делали. Трудились с утра и до позднего вечера, причем я не помню, чтобы приходилось кого-то подгонять, говорить о чьей-то недобросовестности. Каждый старался сделать все, что было в его силах, поэтому работы велись быстро и качественно. Об их результатах можно судить по такому, например, маленькому эпизоду.

Как-то в гости ко мне заехали Степанов и Казаков, Мы поговорили о делах, о жизни, а потом оба они стали просить меня показать, что такое здесь строится. Я согласился, мы сели на лошадей и поехали к Мухареву.

До деревни оставалось уже метров двести, когда Степанов, которому, видимо, не терпелось увидеть дзот, спросил:

— Ну так где же твоя крепость?

Признаться, я решил показать им огневые точки не только для того, чтобы удовлетворить любопытство своих товарищей, но и чтобы лишний раз проверить, насколько хорошо удалась

маскировка объектов. Поэтому я ответил Степанову неопределенно:

— А ты найди, Михаил Викторович, — и указал рукой примерное направление.

Лошадей мы пустили шагом, и времени для того, чтобы хорошенько приглядеться к местности, было достаточно. Но ни Степанов, ни Казаков дзота не увидели. Мы подъезжали к нему все ближе и ближе: вот уже 100 метров осталось, вот уже 50…

Когда Степанов наконец увидел то, что искал, он был поражен — дзот стоял на совершенно открытом месте, в одном из деревенских огородов, и все-таки обнаружить его можно было только с очень небольшого расстояния. Все в точности повторилось и перед дзотом-«муравейником» в Нивках. Я смог еще раз порадоваться хорошо сделанной работе.

А через несколько дней принимать готовые объекты приехал Васильев. Он и раньше приезжал к нам несколько раз, смотрел, как продвигается работа, обычно хвалил. Мы ждали приезда комбрига с радостью — все было сделано на совесть, ничего, кроме похвал, ждать не приходилось. Иными словами, наступал час нашего триумфа.

Но триумфа не получилось. И дело не в том, что Васильев остался недоволен — напротив, понравилось ему все, и он не скрывал этого. Но то, о чем он рассказал после того, как принял объекты, места для радости по поводу собственных успехов не оставляло. А рассказал Николай Григорьевич о той обстановке, которая сложилась к концу августа в крае. Я и не предполагал, что наши дела настолько плохи.

Противник ввел в бой к этому времени такие крупные силы, что противостоять им с каждым часом становилось все труднее и труднее. Наши подразделения отходили постепенно под ударами врага в глубь края. В руки гитлеровцев попали почти все наши аэродромы, доставка с Большой земли оружия и боеприпасов прекратилась. Невозможно стало и эвакуировать тяжело раненных. Мы несли большие потери. И хоть противнику был нанесен серьезный урон — за три недели августа каратели потеряли свыше 3 тысяч солдат и офицеров только убитыми, — это дела не меняло. Гитлеровцы могли, восполняя потери, вводить в бой все новые подразделения, мы же такой возможности были лишены.

Надо было готовиться к самому последнему, самому нежелательному исходу, при котором край — на время, конечно — партизанами мог быть оставлен. Такой исход еще не предрешен, еще ведутся ожесточенные схватки, но оргтройкам дано уже указание об организации лесных лагерей, в которых

могли бы укрыться от врага местные жители.

Васильев не был растерян. Как всегда, он был спокоен и тверд, как всегда, трезво анализировал и оценивал обстановку. Мучительно и настойчиво он искал наиболее верный выход из положения, которое ухудшалось буквально на глазах. Но что он мог предпринять! Соотношение сил было слишком неравным…

Я решил, что никаких сомнений относительно того, где сейчас мое место, быть не может, и тут же стал просить Николая Григорьевича отпустить меня в полк. Некоторое время он не соглашался. Но потом, задержав взгляд на сверкавшем у меня на груди новеньком ордене, широко улыбнулся и сказал:

— Ладно, уговорил. Езжай! — И, кивнув на орден, прибавил: — Жди другой.

…Так я снова оказался в 1-м полку.

* * *

Полк мой к тому времени имел далеко не такой вид, как раньше… Нет, он не был обескровлен боями. Выше я писал уже о том, что обстановка на юго-западной границе края оставалась долгое время очень спокойной, Полк таким образом не участвовал пока в боевых действиях. Но именно это стало причиной заметного уменьшения его численности: командование бригады, учитывая затишье на этом участке, отзывало из полка одно подразделение за другим. Было приказано перебросить отряд «КИМ» в направлении озера Цевло, к Холму, отряд «Отважный» на охрану колхозников, убиравших урожай. Вот несколько радиограмм из штаба бригады:

> «28.7.42… По распоряжению комбрига откомандировать группу залучских партизан в 1 ОПБ — 30 чел.».
>
> «8.8.42… Отряд к-ве 50 чел. направить немедленно Паревичи распоряжение Головая…»
>
> «28.8.42… Дополнительно направьте 2 группы…»[60]

А вот выписка из «Журнала боевых действий полка»:

> «…9.8. — Отряд Котельникова убыл из состава полка на время боевых действий и разместился в н/п Никитине…»[61]

Короче говоря, полк некоторое время состоял практически из единственного отряда «Храбрый». Все это оставляло не так уж много места для оптимизма, но потом, 15 августа, вернулся из-под Пскова Седов со своим отрядом, а к 25 августа возвратился «Отважный». Был еще, правда, диверсионный отряд, но брать его в расчет, готовясь к боям с карателями, не приходилось: он использовался только по прямому своему назначению и все время находился за пределами края. Таким образом, в моем распоряжении оставались только три отряда: Н. Н. Седова, «Храбрый» и «Отважный». Не густо, но воевать можно.

Не прошло и трех дней после моего возвращения в полк, как мы получили приказ сняться с занимаемых позиций и выдвинуться в лесной массив в районе деревень Нивки — Мухарево. Нашей задачей стало прикрытие остававшейся единственной в распоряжении бригады маленькой посадочной площадки для приема самолетов около деревни Татинец. А еще через несколько дней, в самом конце августа, полк был выдвинут на одну из главных южных боевых позиций с задачей противостоять подразделениям 8-й танковой дивизии гитлеровцев, наступавшей на Партизанский край от озера Цевло.

Не успели мы еще как следует осмотреться на новом месте, как меня вызвали в штаб бригады. Располагался он тогда неподалеку, и добрался я быстро. В большом шалаше находились Васильев, Орлов, Майоров и еще два человека, которых я видел впервые. Это были заместитель начальника Ленинградского штаба партизанского движения Н. А. Алмазов и начальник оперативного отдела ЛШПД М. Ф. Алексеев. Лица собравшихся были серьезны и сосредоточенны, разговор состоялся недолгий, но насыщенный чрезвычайно.

К этому времени обстановка в крае обострилась еще более. Каратели добились успеха практически на всех участках, они стремительно продвигались в глубь нашей территории. Кругом шли тяжелые бои. На северном участке в очень трудном положении оказался полк Ефимова, он нуждался в немедленной поддержке. Мне было приказано срочно направить туда отряд «Храбрый». Но в штаб меня вызвали не за тем: такое распоряжение можно было отдать и радиограммой. Я опять получил новое назначение.

На этот раз оно не меняло резко моей судьбы, но ответственность возлагало большую: мне было поручено возглавить все партизанские силы, сосредоточенные на южном участке. В моем подчинении оказались три полка и два самостоятельных отряда: мой полк, 2-й полк нашей бригады, 6-й полк 3-й бригады, отряд Артемьева и отряд «Защитник Родины».

— Бои веди до последней возможности, — спокойно, но твердо говорил мне комбриг. — И, сам понимаешь, помощи не жди. Резервов у нас нет. Отступать нам уже некуда, но людей береги. А Алексеева направь к Ефимову как можно быстрее.

И тут же, заметив, что я хочу что-то сказать, продолжил напористо:

— Понимаю отлично — жалко. Но что поделать? Помолчал секунду, улыбнулся и обнял крепко:

— Ну, ни пуха…

* * *

Прощаясь с Алексеевым, я не знал, что никогда уже не вернется в полк ни он сам, ни его отряд. Нет-нет, не погибнет он, и отряд останется цел, однако война разметет нас, и до самой весны сорок четвертого, до Окончания партизанских боев под Ленинградом, будем мы хоть и в одном общем партизанском строю, но не вместе. Не знал я, конечно, и того, что всего через год станет Алексеев командовать уже не отрядом, а бригадой-7-й ЛПБ.

Итак, «Храбрый» ушел на север, а мы начали готовиться к боям. Как оказалось впоследствии, времени на это нам было отпущено около суток: назначение я получил 3 сентября, а уже 4-го мы отражали первые атаки карателей.

Вместе с командирами подчиненных мне полков и отрядов мы продумали тактику первой встречи с противником. Было решено не встречать вражеские части в лоб основными силами, а выставить на их пути небольшие, но хорошо оснащенные автоматическим оружием заслоны, задачей которых было дезориентировать неприятеля. Они должны были создать только видимость сопротивления, завязать бой, а потом отойти, пропустив наступающих в деревню Глотова. Противник должен решить, что легко справился с нашей обороной. По моим предположениям, гитлеровцы не будут даже разворачиваться в боевой порядок и колоннами пойдут дальше. На выходе же из Глотовы эти колонны попадут под удары наших главных сил с флангов и с тыла.

Мы определили места и порядок действий каждого из подразделений, уточнили детали предстоящей схватки, договорились о том, как действовать, если события начнут разворачиваться не так, как мы предполагали. Оставалось только ждать.

Надо сказать, что наш план удалось осуществить в точности.

Наступавших карателей встретил огонь заслона в деревне Лебешево, затем в деревне Красный Борок и, наконец, в Глотове. Эти стычки, как и предполагалось, создали у гитлеровцев полную уверенность в успешном подавлении основных партизанских сил на нашем участке. Они заняли Глотову. Мы ждали начала их дальнейшего движения, чтобы ударить из засад. Но вот странность: уходить из деревни каратели почему-то не спешили. Шло время, и мы стали подумывать даже о том, не останутся ли они здесь на ночь. И тут выяснилось, что причина задержки в деревне проста и прозаична — солдаты занялись вылавливанием гусей, оставленных ушедшими из деревни в один из лесных лагерей жителями. А надо сказать, что птицы этой в деревне было великое множество.

Но в конце концов гуси были переловлены, колонны пехоты показались на дороге и широкой серой лентой потекли в сторону деревень Перстова, Папоротно, Вязовка. Наступил решающий момент.

…Мы выиграли этот бой. Противник бежал, оставляя на земле десятки убитых и раненых. Укрепившись в Глотове, гитлеровцы и после того, как наши подразделения из схватки вышли, долго вели огонь — наобум, для собственного успокоения. Когда же настала ночь, мы применили ту тактику, которую опробовали еще в ходе боев со второй карательной экспедицией: небольшие группы партизан обстреливали время от времени деревню, вызывая сильный ответный огонь противника, всякий раз предполагавшего, что мы начинаем ночной налет. На сон и отдых времени ему мы не дали.

Видимо, поэтому в «Журнале боевых действий» полка запись, касающаяся 5 сентября, выглядит кратко и буднично: «День прошел относительно спокойно». Зато следующая запись другая:

> «6.9. — Противник, в 7.00 форсировав реку в районе Глотовы, потеснил отряды 2-го партизанского полка, которые отошли на 400–500 метров. Уточнив обстановку, командование 1-го полка приняло решение двумя отрядами сковывать противника с фронта, третьим отрядом обойти и ударить противнику во фланг. В результате проведения операции противник, неся потери, стал отступать за реку и под прикрытием танка и минометного огня отошел. К 12 часам положение восстановлено».[62]

Тем временем каратели начали решительное наступление на других направлениях. Они стремились нанести заключительный сильный удар из района озера Полисто и одновременно пошли

наконец со стороны Чихачево, через оголенный с уходом нашего полка юго-западный участок границы Партизанского края. Правда, как стало известно, двигались гитлеровцы с большой осторожностью, опасаясь, видимо, партизанских ловушек. Но это мало что меняло. Наш полк сражался на южном участке, путь от Чихачево был открыт.

Создавалась угроза захвата всех партизанских сил в плотное кольцо. Теснимые превосходящими силами противника, полки нашей бригады, измотанные месячным боем, понесшие невосполнимые потери, медленно отходили со всех сторон к деревне Татинец. Танки 8-й танковой дивизии немцев, используя пригодные для их продвижения дороги, стали обтекать вырисовывавшееся кольцо окружения, создавая дополнительное, бронированное кольцо, противостоять которому мы уже не могли. Наступала кульминация схватки.

7 сентября каратели заняли Малую Слободу, Гнияицы, Зеленый Клин, Нивки, Круглово, Серболово, Вязовку, Папоротно, Перстову, Ухошино. Таким образом, кольцо окружения почти сомкнулось. Оставался незанятым только шестикилометровый участок между деревнями Глотова и Перстова, но он не мог играть уже никакой роли. Я получил приказ сосредоточить все подразделения южного оборонительного участка в районе Татинца. В двадцать два часа приказ был выполнен.

А около часа ночи меня вызвал к себе комбриг.

— Обстановка требует прорыва твоего полка на запад, под Порхов, — печально, но твердо говорил Васильев. — Если под Порховом будет не закрепиться, иди дальше, под Струги Красные. Возможно, встретишься там с Германом.[63]

Он с бригадой ушел в те районы.

Задание на прорыв из кольца получили и другие подразделения нашей бригады. В крае оставался только штаб с 3-м полком. Наш же полк начал рейдовать.

Часть третья
В юго-западных районах

Партизан, перелетная птица,
Посидим у лесного костра…
Полечи мои раны, сестрица,
Собираться в поход нам пора.

Из партизанской песни

РЕЙДУЮЩИЙ ПОЛК

1942 год, 8 сентября — 6 ноября

Нам надлежало двинуться в путь этой же ночью, с 7 на 8 сентября. Никакого времени на сборы. Впрочем, последние дни полк и так был все время в движении, так что «паковать чемоданы» не было нужды. Да и какой у партизан багаж? Оружие и вещмешок, который каждый старался набить в основном боеприпасами. И тяжесть его была одинакова как у рядовых, так и у командиров.

Помню, пришлось нам расстаться с нашими лошадьми. В предстоявшем рейде они могли стать помехой, и я приказал их уничтожить, чтобы не достались врагу. Больно, но что поделать!

Чтобы хоть как-то укрепить обескровленный полк, Васильев придал нам отряд Д. В. Худякова, входивший в состав 3-й бригады, но оторванный от нее боями за край. Этот отряд оказался в полку самым крупным. Вот силы, которыми я тогда располагал: отряд Седова (92 человека), отряд Худякова (157 человек), отряд Журавлева (87 человек) и штабное подразделение. Всего в момент выхода из края нас было 392 человека.

Мы миновали за остаток ночи лесной лагерь жителей деревни Гнилицы и углубились в глухой лесной массив. С рассветом расположились на отдых. Надо было вновь перестраиваться: ночью — марш, днем — сон. Но это было не ново.

Над краем полыхало зарево многочисленных пожаров. Мы шли знакомыми до мельчайших подробностей местами, где каждый куст, каждая тропка известны и кажутся родными, где нет необходимости смотреть на компас и карту. И убеждались, что повсюду, даже в самых маленьких деревушках, обосновался враг. На редкость плотным и широким кольцом обложили каратели все еще продолжавшие сопротивляться подразделения 2-й партизанской бригады.

Нам нельзя было теперь вступать в стычки с врагом, поэтому двигались чрезвычайно осторожно, пытаясь нащупать участок, на котором выход из кольца удалось бы осуществить бескровно. Решили переходить железную дорогу на участке Чихачево — Дно, почти вплотную к Дедовичам, рассчитав, что здесь из-за близости крупного гарнизона наименее вероятны вражеские засады. Надо сказать, что оккупанты, испытав на себе губительную силу этого

нашего метода организации боя — засад — тоже взяли его на вооружение. Нам приходилось быть вдвойне осторожными.

Железную дорогу и речку Судому удалось пересечь незаметно, без приключений. Хоть и в тревожном ожидании, но тихо прошла дневка у деревни Шубино. Здесь я принял решение двигаться дальше поотрядно. Нет, я не забыл, конечно, печального опыта лета 1941 года и судьбы полка Петрова. Но не в том была тогда наша беда, что к Лютым Болотам мы пошли побатальонно. Мы были неопытны, мы не знали обстановки, да что говорить — партизанами тогда мы еще только-только становились. Сейчас мы были уже совершенно другими. И такой маневр для полка не представлял былой опасности. Назначив местом сбора лесной массив в районе хутора Хариж, я приказал командирам отрядов вести подразделения разработанными штабом маршрутами.

В штабном подразделении, куда входили и диверсионные группы, нас было 56 человек. Мы тоже двигались отдельно. Прошли Грамулинские леса, незабываемо красивые места Судомской возвышенности. Шли теперь по дорогам, через деревни, зная, что гитлеровцы здесь — редкие гости, но имея тем не менее впереди разведку. Занимались по пути и заготовкой продуктов, которыми нас охотно снабжало население.

Это делалось всегда организованно. Старосте деревни давалось задание собрать определенное количество мяса, молока, хлеба и других продуктов в счет государственных поставок. Когда это задание выполнялось, староста получал расписку, которую должен был предъявить впоследствии, когда гитлеровцы будут с нашей земли изгнаны, органам Советской власти.

Надо сказать, что среди старост встречались зачастую люди весьма порядочные. Жители деревень, выдвигая их, стремились, чтобы у власти оказался человек хороший и надежный. Уговаривали такого, объясняли, что не для службы врагу, а для пользы жителей деревни должен он взвалить на себя этот крест. И становился человек старостой — фигурой, которую сегодня многие готовы огульно считать позорной, но бывшей на самом деле далеко не всегда такой. Жизнь сложнее любых слепков с нее, и судить торопливо не следует никогда. Идет ли речь о героическом или будничном, о возвышенном или низменном — поспешные суждения не рождают ничего, кроме мертвой схемы.

Надо было видеть, с какой радостью брались эти наши расписки, как тщательно их прятали, как бережно хранили. Ведь были они не наивной игрой, не формальностью и уж никак не цинизмом — мол, давай сюда мясо, а себе возьми эту бумажку. Партизанский командир был представителем Советской власти,

ее именем он распоряжался, а поскольку должно было настать время, когда он передаст свои полномочия другим людям, мирным, оставлялась расписка. Проявлением незыблемой нашей уверенности в победе, передававшейся и жителям деревень, были эти листки бумаги с нашими подписями.

Кто-то скажет, что это неосторожно: по распискам можно проследить маршрут партизанского подразделения, определить примерную его численность. Был некоторый риск, конечно. Но повторяю: слова «староста» и «предатель» — не синонимы. К тому же если староста действительно мог быть для нас опасен, жители, как правило, предупреждали об этом.

Одной из деревень, в которой заготавливали мы продукты по пути к Харижу, была Красуха — очень красивая: наверное, потому так и называвшаяся. Никто не мог знать тогда, что и она войдет в список кровавых жертв гитлеризма, став вечным памятником народному горю. Оккупанты сожгут ее дотла вместе со всеми жителями-женщинами, детьми, беспомощными стариками и старухами. 280 человек погибнут в огне. За то, что неподалеку от деревни подорвется на мине немецкая автомашина…

* * *

Сбор отрядов у Харижа произошел точно в намеченный срок и без всяких происшествий. Это было 13 сентября, и до 14-го мы оставались на месте, отдыхая. Надо сказать, что, несмотря на имевшуюся у полка единственную задачу — выход в новый район, мы продолжали и в это время наносить удары по врагу. Делалось это силами наших диверсионных групп. Так, например, в ночь с 9 на 10 сентября группа Корюкина на участке железной дороги Дно — Локня пустила между Клюкино и Рогалево под откос вражеский эшелон, уничтожив паровоз и 8 вагонов. Эта же группа на большаке Дедовичи — Ясски уничтожила 3 автомашины и 16 гитлеровцев. На том же участке железной дороги действовала и группа Балабаненко, подорвавшая 10 сентября дрезину.

От Харижа недалеко было до конечной цели нашего пути. Перейдя железную дорогу Псков — Порхов — Дно, мы выходили к лесным и болотистым массивам западнее Порхова и в районе деревни Лезеница — месту, определенному приказом Васильева. 14 сентября мы начали марш к железной дороге. Пошли, не дождавшись темноты, часов в шесть вечера. И совершенно неожиданно нарвались на вражескую засаду.

К счастью для нас, организована она была безграмотно: то ли по недостатку опыта, то ли по другим каким-то причинам — не

знаю. Нападавшие начали слишком рано. Они открыли огонь, когда в зону засады вошло лишь наше головное охранение, и поэтому сами вскоре попали под сильнейший фланговый огонь сначала бокового охранения, а затем и других наших подразделений. Бой закончился быстро и гораздо благополучнее для нас, чем мог бы. Однако у нас появились раненые, а это осложняло переход. Впрочем, было их немного.

Помню, после этой схватки повстречался мне на дороге шедший навстречу красавец парень: высокий, широкоплечий, энергичный, веселый, уверенный. По всему было видно, что он только что из боя: разгорячен еще, еще не освободился от остатков нервного и физического напряжения. Но доволен. Шагает размашисто и, кажется, даже жалеет, что стычка была такой короткой. Мне показалось, что я видел этого человека раньше, но в какой-то другой обстановке, а в какой именно — вспомнить не мог. Я окликнул его и, когда он подошел, узнал:

— Неужели Михайлов?

— Да, товарищ командир, партизан Михайлов! — весело отрапортовал он.

Я смотрел на него и невольно улыбался. Было совсем неудивительно, что я не сразу его узнал. Можно было смело сказать, что я знал теперь двух Михайловых: того, который стоял сейчас передо мной, и другого, с которым познакомился весной, во время боев против второй карательной экспедиции. С огромным удовольствием отмечал я про себя, что от «того» Михайлова сейчас ничего уже не осталось. Вот что это была за история.

Он пришел в полк вместе с пополнением, которое мы приняли весной 1942 года. И в первом же бою пропал без вести. Такое случалось не часто, но не так уж и редко. Поэтому, а главным образом еще и потому, что пробыл парень у нас недолго, о нем быстро забыли. Но у истории этой было продолжение, притом весьма драматичное.

Через несколько дней в штабе полка появился неказистого вида старик маленького роста, щуплый, явно не блещущий здоровьем и сильно взволнованный. Но держаться старался молодцом: грудь его украшали два Георгиевских креста знак былой доблести и славы, — он как будто хотел сказать, что когда-то был совсем не таким, как сейчас, тоже дрался за Родину, и ничуть не хуже, чем мы теперь, может быть даже и лучше. Он говорил со мной так, как говорят при постороннем, штатском человеке двое военных, понимающих друг друга с полуслова, а штатскому при этом лучше помолчать, послушать, набраться ума-разума. «Посторонним» в этом разговоре был тот самый партизан

Михайлов. Его старик привел с собой. А трагизм ситуации заключался в том, что стояли передо мной отец и сын и по всем действовавшим в то время законам я должен был отдать приказ об аресте и расстреле сына.

Дело в том, что из боя Михайлов бежал. Бой меньше всего похож на ту игру, в которую играют во дворах мальчишки: он беспощаден, он жесток, он страшен — и не важно, первый это твой бой или сотый. Я знаю, что и до меня об этом говорили, но все-таки всегда при случае повторяю: людей, не боящихся смерти, нет, боятся все — и трусы, и герои, — неизвестно даже, кстати, кто больше. Ведь бой — это всегда смертельная опасность, а человеческая природа такова, что в минуты риска для жизни она обязательно щелкает какой-то своей кнопкой на пульте внутри каждого из нас, включая инстинкт самосохранения. Это сильнейший из инстинктов, и не считаться с ним не может никто. Природа предусмотрела полную его безотказность. Герой в этом плане отличается от труса только тем, что направляет свой страх в то русло, где это чувство не в состоянии разрастись до бесконечных пределов и поглотить человека целиком. Герой вступает со страхом в схватку и побеждает. Не надо думать, конечно, что эта схватка длится часами, бывает, что для преодоления слабости нужен всего только миг, но это не значит, что страха не было вовсе. Иными словами, каждый бой вмещает в себя всегда как бы два боя: один — с врагом, другой — с собственным страхом.

Но может быть и так, что два боя не получаются, что сразу же побеждает страх, парализует волю, подавляет все и человек испытывает тогда что-то вроде помешательства. Он не может управлять собой, он не помнит себя, он бежит…

Мальчишка, вчерашний школьник, Михайлов попал в первый свой бой. И бежал из него. Он не помнил, как оказался где-то далеко в стороне, без оружия, в каком-то глухом болоте. А когда пришел в себя, перестрелки не было уже слышно, и он понял, что случилось непоправимое: струсил, бросил товарищей в опасности, нет ему теперь прощения. Помните у Толстого описание того боя, в котором Николенька Ростов бежит, струсив, от французского гренадера? Ведь как понятно все, что с ним тогда произошло! А знаете, что было бы, случись все это не в 1805 году под Шенграбеном, а в 1942 году под Ленинградом? Ростова расстреляли бы. И не потому, что не читали «Войну и мир» и, следовательно, не поняли бы этого человека, а потому, что трусость в той битве, которую вели мы, была преступлением, не могущим иметь оправданий.

Но знал ли об этом старик, который, увидев у себя дома

сына-дезертира, оказался способным только на это: повесить на грудь старые свои боевые награды, взять жалкого в своей растерянности и в своем страхе сына за руку, привести его в полк и сказать: «Судите труса, и построже». Нет, этого старик не знал. Он знал, что сына накажут, но так…

Надо было видеть, что стало с ним, когда он понял все. И нельзя было не восхититься этим человеком, видя, как, стиснутый страшной душевной болью, он держал себя в руках и не молил о пощаде для сына. Не молил словами, не молил взглядом, не молил жестом. Но он сам был — мольба.

Нет, не могли мы поставить Михайлова к стенке. Он стал исключением. Оправдало ли это себя? Ответ стоял передо мной на лесной дороге около хутора Хариж.

В суровой школе войны удивительно быстро становились мальчишки мужчинами. Не в двадцать пять, не в двадцать, не в восемнадцать. Поэт Юрий Воронов написал об этом так:

> В блокадных днях мы так и не узнали,
> Меж юностью и детством где черта.
> Нам в сорок третьем выдали медали
> И в сорок пятом только — паспорта.

Пусть читающие эту книгу молодые люди не воспримут сказанное как упрек. Военная взрослость — это взрослость дорогой ценой, и я такой никому не желаю. Но для того чтобы мальчик знал, когда наступает пора становиться ему мужчиной, надо, чтобы не искал он абсолютных цифр: если потребует время — надо быть готовым и в пятнадцать, и раньше.

* * *

Железную дорогу перешли удачно. Углубились в лесные и болотистые массивы. Но вскоре убедились, что находиться в этом районе — значит вести непрерывные бои с карателями, которых и здесь мы встречали чуть не на каждом шагу. На следующий же день после стычки у Харижа, 15 сентября, вновь попали в засаду в районе деревни Рассадники. Напавших на нас гитлеровцев разогнали, понеся незначительные потери. 16 сентября — бой в районе деревни Лезеница, 17 сентября — бой в районе деревни Богово, а затем в течение всего дня периодические стычки с преследовавшим противником… Стало ясно, что здесь нам не зацепиться. Район полностью контролировался карателями. Помня приказание Васильева на этот случай, я решил двинуться

на север, в те места, куда ушла 3-я бригада.

Чтобы оторваться от преследования, мы оставили в районе Богова прикрытие отряд Седова. Остальные же отряды, перейдя ночью обширное болото и довольно крупный лесной массив, вышли на шоссейную магистраль Псков — Сольцы — Шимск. Дальше наш путь лежал в леса южнее Струг Красных. Но в районе шоссе чуть не случилось непоправимое.

Пересекая магистраль, мы не могли, конечно, удержаться от простейшей диверсии: нарушения телеграфно-телефонной связи. В быстро наступавшем рассвете наши люди повалили на довольно значительном участке телеграфные столбы, перерезали провода, утащили в лес десятки метров кабеля линии связи. Честно сказать, мы и сами не подозревали о том, куда нанесли удар и какого следует ждать на него ответа. Поэтому дальнейшие наши действия можно расценить теперь как беспечные; углубились незначительно в лес и расположились на дневку. Мы не думали, конечно, что гитлеровцы не станут ремонтировать разрушенную линию связи. Станут обязательно. Но не сию же минуту!

Несколько позже я узнал, что мы нарушили «сгоряча» связь штаба группы армий «Север» с фронтом. Такое, конечно, не могло остаться безнаказанным.

Не помню сейчас точно, но, по-моему, не прошло и часа после того, как полк расположился на отдых, когда со стороны Пскова на шоссе послышался шум моторов, который сначала нарастал, а затем стих — как раз в том месте, где была произведена диверсия. И не успели мы еще поднять людей, как на полк обрушился шквал огня. Налет был настолько стремительным и сильным, а мы настолько не готовы к бою, что судьба полка, казалось, повисла на волоске.

Разбуженные выстрелами люди, не понимая еще, что происходит, бросались в глубь леса, увлекая за собой и тех, кто попытался было отвечать противнику огнем. Отряды стали неуправляемы. Полк бежал. Название этому — паника.

Чтобы судить о таком, явно недостаточно, конечно, даже самых ярких описаний. Страшна массовость охватывающего в такие минуты людей ужаса, страшна собственная беспомощность, страшно сознание позора происходящего… И еще: поддавшись панике, человек редко действует рационально, чаще он только ухудшает свое положение, причем до самой последней крайности.

Что можно было сделать? Ничего, только бежать вместе со всеми. И я бежал. Рядом со мной бежал комиссар, бежал начальник штаба. Только мы были не впереди, а сзади всех, и еще я успевал смотреть иногда на компас: смешно, конечно, но ведь должен же командир представлять, куда в конце концов увлекут

его бегущие сломя голову и ничего не понимающие бойцы.

Все это продолжалось не так долго, считанные минуты, но мне они показались очень и очень длинными. Наконец, заметив, что кое-кто из бегущих приходит постепенно в себя, я решил рискнуть. Остановился, приложил ладони рупором ко рту и изо всех сил крикнул:

— Спокойно! Спокойно! Прикрываю отход!

Лег за дерево и выпустил очередь из автомата, не целясь, в ту сторону, откуда слышался шум погони.

Немедленно рядом со мной оказались комиссар, оба наших адъютанта и начальник штаба. Адъютантов мы послали назад. Оба они прекрасно поняли, что пытался я сделать, на что рассчитывал. Буквально через несколько секунд стал слышен голос Цветкова, яростно кричавшего о том, что командир с комиссаром и начальником штаба отстреливаются одни, что их бросили, что… Думаю, нет нужды говорить, в каком все это было выдержано стиле. Понятно, наверное, что совсем не парфюмерными эпитетами пользовался Вася. А мы тем временем, подпустив преследователей поближе, ударили из трех автоматов.

Вернутся наши люди или нет? Может быть, понапрасну поставил я на карту так много — жизни всего своего штаба? Сколько времени сможем мы втроем продержаться: пять минут? Десять?..

Неподалеку вдруг затрещал партизанский автомат. Потом еще один. Еще… еще… еще!.. Вернулись!

Дальше все было просто. Порядок восстановился так же быстро, как и нарушился. Отряды вступили в бой, и не так много времени понадобилось, чтобы закончить его нашей победой. Наступавших солдат рассеяли несколькими фланговыми ударами, поднялись в контратаку, враг бежал. Но этот урок я запомнил на всю жизнь.

* * *

19 сентября полк вышел в район Радиловского озера и встретился с бригадой А. В. Германа. Численность ее была в то время невелика — наш полк, выходя из Партизанского края, имел в своем составе больше бойцов. Однако это соотношение должно было измениться: ниже я расскажу, почему.

Лагерь бригады был разбит в красивом и чистом сосновом бору, примерно в 15–20 километрах от Струг Красных, западнее деревень Сапирино и Кашино. Жили в добротных, сухих и чистых землянках, территория содержалась в образцовом порядке, и все

это очень напоминало воинский лагерный сбор в мирное время. Лагерь имел настолько добротный и спокойный вид, что казалось, будто и не во вражеском тылу он находится, будто не может угрожать здесь людям никакая опасность.

С Александром Викторовичем Германом мне доводилось встречаться и раньше, в Партизанском крае. Но встречи эти были так мимолетны, что временем нашего настоящего знакомства я считаю все-таки середину сентября сорок второго года, а местом — только что описанный лесной партизанский лагерь.

О Германе много написано. Редкая книга о ленинградских партизанах не содержит упоминания об этом человеке, прожившем короткую, но удивительно яркую жизнь, оставившем глубокий след в памяти тех, кому довелось воевать рядом с ним. Имя Германа увековечено. Его носят пионерские дружины, отряды «красных следопытов», оно было присвоено после гибели комбрига его бригаде, им названа одна из улиц Ленинграда… И все-таки, несмотря на широчайшую известность Александра Викторовича, я считаю своим долгом присоединить к многочисленным рассказам о нем и свои воспоминания. Ведь я хорошо знал его: не в одном бою побывали мы вместе, встречались и в тылу врага, и в советском тылу, и в последний рейд я его провожал из Валдая… А пистолет, из которого выпустил он последнюю в своей жизни пулю, был подарком от меня: печальная подробность, лучше бы ее не было вовсе!

Мы очень быстро сошлись — с первой же встречи, с первого же вечера, который провели вместе, беседуя о том, что больше всего волновало тогда; о судьбе Партизанского края. Не во всем одинаковы были наши мнения, какие-то частности оценивали мы по-разному, но это не мешало взаимопониманию, не нарушало, а только, по-моему, укрепляло быстро возникшее чувство взаимной симпатии.

Мне трудно теперь вспомнить, на какие именно качества Александра Викторовича обратил я внимание в тот далекий день. Не мог я тогда, например, знать, каков Герман в бою, — надо было оказаться рядом под пулями, надо было своими глазами увидеть его смелость, его хладнокровие, его умение пойти, когда надо, на риск и выйти победителем, его умение руководить боем, всегда удерживать в руках инициативу, принимать неожиданные решения, ведущие к победе. Это, повторяю, я узнал позже. Но с первой же встречи с Александром Викторовичем любой мог увидеть в нем человека твердого, волевого, решительного. Он был прям, но не резок в обращении с людьми, не терпел грубости, ненавидел хамство и наглость. Не переносил подхалимов. Не признавал догм: был постоянно в поиске новых форм и методов

ведения партизанской борьбы.

И внешностью своей впечатление он оставлял у всех только хорошее: строен, всегда подтянут, бодр, в движениях уверен, мужествен. Я не побоюсь сказать, что был Герман красив — это слово редко может быть с толком использовано для характеристики мужчины, но в данном случае обойтись мне без него трудно. И красив Александр Викторович был не только внешне: он жил красиво, воевал красиво. Таким и остался он в моей памяти навечно. Кстати, фотографию Германа, переходящую из одной книжки в другую, я считаю не самой удачной.

В тот вечер мы говорили о боях против четвертой карательной экспедиции. Герман был активнейшим сторонником использования нашими подразделениями только такой тактики, только тех форм и методов борьбы, которые можно было бы назвать сугубо партизанскими. И в этом трудно было с ним не согласиться.

Однако я стал горячо спорить, видя, что Герман осуждает Васильева за применение им в боях с карателями и тактики позиционного боя. Я говорил, что сугубо партизанскую тактику можно в данном случае представить примерно так: не препятствовать карателям в захвате территории края, нанося в то же время по врагу удары. Для партизан сам по себе факт владения большими территориями не так уж и важен, скорее это даже обременительно, поскольку занятую территорию надо охранять, — куда проще не заниматься этим! Места для того, чтобы жить, предостаточно в любом почти лесу; нападай оттуда на гарнизоны, устраивай диверсии на железных дорогах, маневрируй, а борьбу за территории оставь частям регулярной армии… Но все это было бы верно при одном условии: Партизанского края в том виде, какой он имел, в природе не должно было бы существовать. Но он существовал! Были мирные жители края, были отношения между ними и партизанами. И священной нашей обязанностью становилась в этой связи защита всеми имеющимися средствами этих людей и этой земли. А в таком случае приходится действовать, и не только партизанскими методами.

Мы спорили долго, в чем-то мне удалось Германа убедить, в чем-то нет, но, повторяю, все это вовсе не привело к неприязни.

К сожалению, в тот вечер мы не только теоретизировали. Была и практическая часть разговора. И слова «к сожалению» я написал вот почему.

Дело в том, что, как я уже говорил, в состав нашего полка входил и временно приданный отряд Худякова из бригады Германа, численностью в полтораста человек. И теперь настало

время с этим отрядом прощаться. Отряд Седова оставался в районе Богова. Забегая вперед, скажу, что связь с ним прервалась и до самого выхода в советский тыл мы так уже и не встретились. В полку оставалось только 120 человек: один отрядик и штабные. Таким лилипутом полк никогда еще не был.

Впрочем, многие бригады, полки и отряды имели в те дни поразительно малую численность: шли упорные бои, наши подразделения таяли на глазах. 1-я Особая партизанская бригада, например, состояла в октябре из 136 человек, 3-я бригада — из 228.[64] Ну как тут можно было сопротивляться передаче отряда Худякова.

Казалось, бригада Германа прочно обосновалась в этом районе. Лесной лагерь был удобен; и на первый взгляд вполне безопасен, поддерживалась радиосвязь с советским тылом, и самое необходимое доставлялось оттуда в бригаду по воздуху. Через день примерно после нашего прихода в условленном месте по сигналу с земли был сброшен ночью с тяжелого бомбардировщика груз — в основном оружие и боеприпасы. Этот же самолет сбросил парашютиста: оперативного работника ЛШПД А. Ф. Катачигова, имевшего специальное задание.

И все-таки впечатление о прочном положении бригады в этом районе было обманчивым. Об этом сразу же предупредил меня Герман, об этом же говорила вся обстановка, стоило присмотреться к ней повнимательней.

Каратели все время рыскали по лесам, и то одна, то другая партизанская группа наталкивалась на них, причем уклониться от боя удавалось не всегда, хоть стычки для нас тогда были совершенно нежелательны. Рано или поздно гитлеровцы должны были обнаружить наш лагерь. Надо ли говорить о том, что в этом случае обжитые места придется оставить? Слишком мало у нас сил, чтобы сопротивляться.

Но тем не менее как бригада Германа, так и наш полк не прекращали боевых действий. На железную дорогу, на автомобильные магистрали выходили группы подрывников, устраивали засады. Пусть не так эффективно, как с территории Партизанского края, но мы все-таки наносили удары по врагу.

Так прошло десять дней. А 28 сентября примерно в час дня сначала на дальних, а затем и на ближних подступах к лесному лагерю завязалась перестрелка, переросшая довольно быстро в солидный бой. Мы были обнаружены и атакованы крупным подразделением карателей, имевших, судя по всему, достаточный опыт борьбы с партизанами. Наступление велось смело, уверенно, гитлеровцы не боялись леса, как это часто бывало в других случаях, словом, возникла угроза больших потерь с нашей

стороны. Потрепанной бригаде и не менее потрепанному полку не было никакого смысла биться, отстаивая лагерь. Так или иначе гитлеровцы займут его, мы же только обескровим свои подразделения. Было принято решение начать отход в сторону Радиловского озера.

Так начались наши скитания, которые продолжались затем более месяца.

Первые дни мы шли вместе с бригадой. Потом решили разойтись и действовать дальше врозь. Герман считал, что в районах севернее железной дороги Псков Дно оставаться нецелесообразно. Он решил двигаться к югу, изучить обстановку тех мест, попытаться пополнить подразделения бригады, катастрофически редевшие день ото дня, и уже позднее решать, как действовать дальше. Мне он советовал поступить аналогично. Это было верное решение, и я не возражал. Если же кого-то из читателей удивляет то, что мы разошлись, заметно уменьшив тем самым и без того небольшие свои силы, напомню: мы были разными подразделениями, имели разные задачи, наша встреча не означала соединения.

Полк вновь оказался в болотах неподалеку от деревни Лезеница. Почти ежедневно мы теряли в коротких стычках людей, полк буквально таял на глазах, и теперь уже запись в «Журнале боевых действий» о том, что в какой-то стычке погиб один партизан, означала нанесенный нам ощутимый урон. Трудно стало к тому же и добывать продовольствие, люди голодали.

Но и в этих условиях полк не прекращал нападений на врага. Все тот же «Журнал боевых действий» содержит записи о том, что 5 октября нами были высланы три диверсионные группы на железную дорогу Псков — Порхов и Псков Плюсса, что 7 октября на задание ушли еще три группы, что еще четыре группы под командованием Титова и Никитина действовали на вражеских коммуникациях с более раннего времени. И все это принесло свои плоды: 11 октября группа Рудакова пустила на железной дороге Псков — Порхов под откос эшелон из 7 пассажирских вагонов, 3 платформ с техникой и 4 крытых товарных вагонов; в ночь с 15 на 16 октября группа Объедкова между разъездами Тригорша и Роща подорвала эшелон с живой силой и техникой. Короче говоря, полк не просто искал новых районов для базирования — он действовал.

* * *

Мы уходили все дальше и дальше к югу. Упорно я настойчиво

искали пригодное для базирования место и никак не могли его нащупать. Повсюду мы встречали подразделения карателей и полицаев, пусть не такие активные и многочисленные, как в районе Струг Красных, но представлявшие для нас с каждым днем все большую и большую угрозу: полк угасал, он не способен уже был на серьезное сопротивление. Ведь нас оставалось уже меньше 100 человек! Приходилось маневрировать, уклоняться от стычек, двигаться все дальше и дальше на юг. А в довершение всех бед в одной из перестрелок была начисто выведена из строя рация и связь с советским тылом мы утратили.

Наше положение было тяжелым еще и потому, что сугубо необходимое теперь пополнение своих рядов мы не могли провести, не рискуя при этом потерять все. Ведь постоянно кочуя, мы не имели тесной связи с местным населением, а поэтому не могли быть уверены в том, что среди желающих пойти в партизаны не окажется предателя. А такой человек, пусть даже один-единственный, в нынешних условиях и при мизерной нашей численности очень легко мог стать причиной гибели всего полка. Короче говоря, положение становилось критическим: с одной стороны, принять пополнение необходимо; с другой — слишком опасно. И нет времени на раздумья: с каждым днем нас становится все меньше и меньше, угроза гибели полка превратилась в ясно ощутимую реальность.

Но мы по-прежнему двигались на юг, по-прежнему искали подходящий район, по-прежнему устраивали диверсии. И места, за которые можно было бы зацепиться, мы все-таки нашли. Правда, воспользоваться ими тогда не удалось — просто потому, что полк к этому времени уже только назывался полком: нас осталось всего 66 человек, причем добрую половину составляли больные и раненые. Единственно правильным было решение о выходе в советский тыл. Но, забегая вперед, скажу, что в разведанные тогда районы мы вернулись очень быстро: возродившийся 1-й полк развернул здесь вскоре активные боевые действия. Пока же из Ругодев-ского леса, расположенного в южной части Судомской возвышенности, мы двинулись сначала к югу, а затем к востоку — к линии фронта.

Казалось бы, ни о каких боях, ни о каких диверсиях нам нельзя уже было даже мечтать. И все-таки факты остаются фактами: в Ленинградском партийном архиве, например, хранится один из документов тех дней — донесение на мое имя командира диверсионной группы А. Ф. Степанова:

> «…С 29 на 30 октября 1942 г. мною получено задание от вас группой в составе:

1. Степанов Анатолий Федорович,
2. Смирнов Михаил Иванович,
3. Думский Владимир Степанович,
4. Скородумов Константин Иванович,
5. Гоношенко Степан Лукьянович,
6. Алексеев Селиверст Емельянович,
7. Федоров Иван Григорьевич …уничтожить склад с зерном в селе Михалкино.

29-го я с группой выбыл вечером с места дневки полка…»[65]

Я отлично помню этот день. Группа Степанова вышла на задание, а мы, уже 59 человек, двинулись к шоссе Новоржев — Сущево. Степанов должен был догнать нас в районе деревни Кудиверь.

Мы уходили все дальше и дальше от того места, где наши товарищи должны были вскоре начать бой, и время от времени то один из нас, то другой оглядывался, надеясь увидеть хоть какой-нибудь знак оттуда. И вот далеко на северо-востоке, слева от нас и чуть-чуть сзади, возник отблеск пожара, очень быстро превратившийся в огромное зарево. Мы проходили в это время по возвышенности и могли поэтому отлично видеть полыхание далекого огня, ярким цветком вспыхнувшего в черноте октябрьской ночи. Значит, удалось!..

Но о том, как прошла операция, и о точных ее результатах я узнал, к сожалению, не у деревни Кудиверь, а только в советском тылу: группа догнала нас только за линией фронта.

Сняв часовых, они подожгли склады, а дальше, как это и было намечено, расстреляли из пулеметов и автоматов подразделение гитлеровцев, охранявшее склад. Но потом немцы подтянули силы, организовали поиск, Степанов вынужден был петлять, ушел километров на десять к северу, а когда вывел группу к назначенному для встречи месту, нас там уже не было. Дело в том, что нас обнаружил не то полицейский, не то жандармский отряд, и мы, отстреливаясь (а патронов уже почти не оставалось), отошли на восток, причем раньше назначенного Степанову времени.

* * *

Наступил ноябрь. Было холодно, а обувь наша и одежда истрепались до предела. Вообще внешний вид мы имели страшный: оборванные, грязные, заросшие, усталые… Ведь за два

месяца по болотам, лесным тропам, по бездорожью и грязи, часто под проливными дождями, по пояс в мокрой траве мы прошли с боями свыше 350 километров. И это — измеряя по карте прямыми отрезками. А ведь мы нередко петляли. И весь путь — с оружием, боеприпасами, вещевыми мешками, словом, в полной боевой выкладке. А у партизана, не имеющего тыла, но зато всегда находящегося в тяжелейших фронтовых условиях, чего только с собой нет! Достаточно сказать, что ни один солдат регулярной армии не таскал, наверное, на себе никогда столько патронов, сколько мы: ведь где их брать, как не в собственном вещмешке!

Помню, вышли мы к лесной речке. Она была неширокая — метров пятнадцать двадцать, но глубокая. С трудом нашли брод. Чтобы не сушить одежду на том берегу, разделись донага. Дальше — все свое снаряжение на голову, и — вперед, в воду. Но какую! Ведь заморозки стали уже обычным явлением. А вода доходила до шеи. Вот тут-то и почувствовали мы, как много на себе несем, привыкнув и почти не замечая тяжести… Оказалось, что за один раз на тот берег всего не перетащить, Ходили в ледяной воде дважды.

А потом была еще одна переправа, только на этот раз нам пришлось строить плот. И бревна для него были заготовлены из поваленных непогодой деревьев не пилами, не топорами — где их было взять! — а финскими ножами.

Многое пережили мы на этом пути: холод и голод (одно время питались почти исключительно подмороженной клюквой, которую находили в болотах), и усталость невероятную, и болезни, и боль потери товарищей, и тоску полной оторванности от своих. Но все-таки полк оставался боевым подразделением! Мы вернулись в советский тыл не изломанными людьми, а просто бесконечно усталыми. И буквально через день-два каждый думал уже о том, как побыстрее добраться до врага, как снова вступить с ним в бой.

Мы вышли к своим 6 ноября. А 13 декабря полк вновь пересек линию фронта, только в обратном направлении. И назывался он уже 1-м отдельным.

ПЕРВЫЙ ОТДЕЛЬНЫЙ

1942 год, ноябрь

Наш отдых в Валдае был недолгим. Буквально на следующий после нашего возвращения день я был вызван в оперативную группу Ленинградского штаба партизанского движения на Северо-Западном фронте. Группой руководил партийный работник, заместитель заведующего военным отделом обкома ВКП(б) Василий Порфирьевич Гордин. Он подробно рассказал мне о судьбе 2-й партизанской бригады, штаб которой вместе с остатками 3-го и 5-го полков вышел в советский тыл 22 сентября. 2-й полк пересек линию фронта в середине октября. Вырваться из кольца окружения в новые районы помимо нашего полка сумели 4-й — в Пожеревицкий район и часть 5-го — в Дновский район. Подразделения, находящиеся в советском тылу, сейчас переформировываются, и уже скоро пополнившая силы 2-я бригада вновь отправится за линию фронта.

Рассказывал Гордин и о рейде бригады Германа, которая, как и мы, ушла на юг, причем параллельно нашему маршруту, только немного западнее. Узнал я и о судьбе 1-й особой бригады, 4-й бригады и других партизанских подразделений. Все они находились в это время в трудных условиях и не могли пока твердо закрепиться в назначенных Ленинградским партизанским штабом районах. Обстановка, таким образом, была чрезвычайно сложной.

Слушая Гордина, я ни минуты не сомневался в дальнейшей судьбе своего полка. Мне казалось, что после пополнения (правильнее, конечно, было бы называть это формированием нового полка, — слишком мало нас вернулось) нам предложат выехать в деревню Марево на соединение со своей бригадой, находившейся сейчас там. А поскольку район действия 2-й ЛПБ оставался прежним, я был твердо уверен в том, что вскоре вновь окажусь в Партизанском крае. Однако на этот раз ошибся.

Когда речь зашла о судьбе полка, Василий Порфирьевич неожиданно для меня сказал:

— Ленинградский штаб предполагает создать на базе твоего полка новую бригаду. Как ты к этому относишься?

Честно сказать, такой поворот дела был неожиданным. Создавать бригаду на базе нормального полка — это куда ни шло, но ведь наш полк нормальным мог назвать разве что очень легкомысленный человек: после того как раненые и больные

оказались в госпиталях, в строю остался, по сути дела, один штаб. При таком положении хотя бы полк-то возродить — и то хорошо, а тут бригада… С другой стороны, я понимал, конечно, относительность названий: выше были приведены некоторые цифры, характеризующие численность бригад того времени, она ведь зачастую была меньшей, чем численность нашего полка. И такое положение, кстати, было связано не только с боями за Партизанский край, в ходе которых мы несли очень большие потери (бригада Германа, например, потеряла тогда свыше четверти своего состава). В более поздние времена бригады тоже имели иногда катастрофически малую численность: 1-я особая бригада, например, весной 1943 года насчитывала в своих рядах лишь 50 человек.[66] Так что само название «бригада» в этом плане ни о чем вроде бы не говорит: вряд ли и полк будет сформирован меньшей численностью. Остается единственное самостоятельность действий.

Я был, повторяю, не готов к такому разговору. И главное — мне почему-то до боли жаль стало своего полка: ведь получалось, что он должен был прекратить свое существование. А все мы — и оставшиеся в строю бойцы, и командиры — свой полк любили, все мы не лишены были доли честолюбия и хотели, чтобы наш полк обязательно вошел в историю партизанского движения.

Может быть, кто-то усмотрит в этом нелогичность. Не стану спорить, сейчас я и сам ее вижу. Но тогда я принялся рьяно защищать право полка сохранить свое имя. Не думаю, что Василий Порфирьевич проникся моими идеями, высказанными к тому же, насколько я помню, в достаточно путаной форме. Кроме слов «не в названии дело», я сейчас, пожалуй, ничего уже из своих доводов и не припомню. Но в конце концов он пожал плечами и сказал, что подумает, посоветуется с Никитиным, и тогда мы продолжим разговор.

А на следующий день я уже читал радиограмму из Ленинграда, смысл которой заключался в следующем. Наш полк переименовывается в 1-й отдельный. Таким образом, он становится самостоятельно действующим. На формирование отводится десять дней. Район боевых действий и дата выхода в немецкий тыл будут указаны после согласования. Командовать полком поручено мне.

Теперь оставалось только сказать «есть!» и выполнять приказ. Так в числе действовавших на территории Ленинградской области партизанских соединений и подразделений появился отдельный полк. Первый и единственный.

Началась горячка комплектования и подготовки к выходу во вражеский тыл. Состав штаба полка не претерпел почти никаких

изменений, зато среди командиров, комиссаров и начальников штабов отрядов оказалось довольно много людей, с которыми раньше ни я, ни Казаков, ни Степанов не встречались. А времени на знакомство почти не было. Достаточно сказать, что уже к концу ноября формирование полка было в основном завершено. А ведь из немецкого тыла мы вышли 6-го.

Когда настало время обсуждать возможные районы базирования, я оказался подготовленным к разговору с Гординым гораздо лучше, чем в первый раз. Я имел на этот счет твердое и обоснованное мнение, а не одни эмоции, и отстаивал его. Василий Порфирьевич предложил район в лесах западнее Порхова, который, судя по карте, мало чем уступал Партизанскому краю. Но я-то, пройдя только что от Струг Красных до Сущево и дальше, прекрасно знал, что это впечатление обманчиво, и поэтому попросил разрешения обосноваться в районах, прилегающих к Новоржеву, Пушкинским Горам и Сошихину.

— Да там же и лесов-то приличных нет! — удивился Гордин.

— Ну так что? — сказал я. — Это меня не смущает.

— А размещаться где будешь?

— В деревнях, Василий Порфирьевич. Там можно, я знаю. Видел.

Много лет спустя будет сделано обобщение. «Своеобразие и сложность борьбы в юго-западной части области заключались в том, что многие ее районы были безлесными. Это создавало большие трудности для действий партизанских отрядов, а тем более для их базирования. Во всех крупных населенных пунктах враг держал сильные гарнизоны. Но в то же время общая концентрация вражеских войск в юго-западной части области была значительно меньшей, чем в центральных, западных, а также в юго-восточных ее районах. При искусстве и опыте командиров это открывало возможность для широких маневренных действий партизан».[67] Это правильная характеристика. Однако слова «возможность для широких маневренных действий» в те дни, когда мы с Гординым обсуждали вопрос о базировании полка, с уверенностью произносить было еще рано: требовались доказательства того, что эта возможность существует. Я был в этом уверен. Гордин сомневался. Последнее слово оставалось за Ленинградским штабом.

* * *

Главными задачами, которые ставились перед полком, были диверсионная работа на коммуникациях противника и ведение разведки. Это, однако, не исключало возможных налетов на гарнизоны противника, не исключало и ведения прямых боев против карательных подразделений, которые гитлеровцы, конечно же, будут против нас направлять. Исходя из всего этого, мы стремились укомплектовать подразделения достаточным количеством огневых средств, при отборе личного состава стремились найти хороших специалистов-подрывников, опытных разведчиков. Желающих воевать в тылу врага было много, и поэтому мы имели возможность выбирать. Этим занимались все в штабе: и я, и Казаков, и Степанов. Предпочтение оказывалось, конечно, тем бойцам и командирам, которые уже имели партизанский опыт.

Наконец полк укомплектован полностью. В его составе теперь 4 отряда и взвод полковой разведки. Численный состав — 310 человек, среди которых. 66 коммунистов и 98 комсомольцев. Мы были хорошо вооружены: 15 пулеметов, 163 автомата, 132 винтовки, 3 миномета. Радиостанции — в каждом отряде.

Когда в опергруппе Северо-Западного фронта обсуждался вопрос о вооружении полка, было высказано предложение обеспечить весь личный состав автоматами. Однако я наотрез отказался. И вот почему.

Автоматы хороши только в том случае, когда имеется возможность беспрепятственно пополнять запас патронов. А это нам, к сожалению, не всегда было доступно. Что, например, делать, если погода выдастся нелетная? Или если полк надолго оторвется от своей базы? Или в случае длительного преследования противником? Кроме того, в неопытных руках автомат превращается в самое настоящее бедствие: он способен безо всякого толку пожирать в считанные минуты такую уйму патронов, что их и при регулярном снабжении не всегда хватает. Из опыта я знал, что необстрелянные бойцы, получив автомат, расходуют боезапас, как правило, моментально и остаются затем фактически безоружными. А ведь в составе полка были и люди, не нюхавшие пороха.

Винтовка в этом плане куда лучше. Она не только экономнее, но и гораздо дальнобойнее автомата, из нее легче поражать цель. Здесь надо, наверное, напомнить, что автоматы, бывшие на вооружении Красной Армии в Великую Отечественную войну, имели на самом деле точное название «пистолет-пулемет»: ППД — пистолет-пулемет Дегтярева, ППШ — пистолет-пулемет Шпагина. И означало это не что иное, как указание на малую длину ствола — по сути дела, пистолетную. Кстати, патроны к

автоматам шли тоже пистолетные. Отсюда не такая хорошая, как у винтовки, дальность боя и точность. Все это, вместе взятое, заставляло нас автоматами не очень-то увлекаться.

Я уже писал о том, что командование полка осталось в основном неизменным добавились только начальник особого отдела Г. Н. Пяткин и командир взвода разведки лейтенант Лазарев. В штабах же отрядов было много новых людей.

Первым отрядом командовал Ф. А. Алексеев, комиссаром у него был В. В. Ермолин, начальником штаба — А. Н. Тыркалов. Во втором отряде — соответственно В. Н. Андреев, А. И. Попов, З. А. Ларионов. В третьем — П. А. Климов, В. И. Павлов, В. И. Ващенко. Руководство четвертым, диверсионным отрядом было поручено Герою Советского Союза М. С. Харченко. Все командиры, комиссары и начальники штабов имели крепкую закалку и большой партизанский опыт. Это были проверенные в многомесячных боях товарищи, прошедшие трудный, полный неожиданностей и лишений боевой путь. Все они воевали в Партизанском крае, и уже одно это сближало нас очень сильно.

«БРИГАДА ДЕЙСТВУЕТ!»

1942 год, декабрь

Переход полком линии фронта планировался на том же примерно участке, где мы пересекали ее с полком Скородумова в феврале 1942 года на пути в Партизанский край: между Старой Руссой и Холмом. Этот участок, как наиболее благоприятный, партизаны использовали часто. Здесь шел обоз с продовольствием для ленинградцев, здесь линию фронта пересекали три отряда латышей, отряд горьковских комсомольцев К. А. Котельникова, бригада А. В. Германа и многие, многие другие. Здесь же 22 сентября вышла в советский тыл часть бригады Васильева, здесь же проходили многочисленные партизанские группы, рассеянные карателями. Это, с одной стороны, облегчало переход (место достаточно хорошо изучено), а с другой — усложняло его. Противник не мог не отметить частого нашего движения здесь и, следовательно, должен был принять контрмеры.

Но как бы ни расценивали мы обстановку на участке перехода, а он был уже определен и полку надлежало выйти к деревне Каменка и приготовиться к броску во вражеский тыл. Путь наш лежал через промежуточную базу, созданную в деревне Марево, примерно в 150 километрах от Валдая и в 60 — от линии фронта. Сейчас там находилась бригада Васильева, которой предстояло уйти в немецкий тыл неделей раньше нас. Зная о моем желании встретиться с Васильевым и Орловым, Тужиков предложил мне поручить переброску полка в Марево комиссару и начальнику штаба, а самому лететь туда на самолете: иначе бригаду там я уже не застану. Я с радостью согласился.

Тужиков отвез меня на полевой аэродром в Выползово, я был посажен в У-2, самолет вырулил на старт, а потом я даже не заметил, в какой момент оторвались мы от земли. Она плавно ушла вниз, и все оставшееся на ней стало походить на игрушки — миниатюрные, аккуратные и очень чистенькие, будто только что из магазина. Я смотрел по сторонам, затаив дыхание.

Дело в том, что это был первый в моей жизни полет, а мечтал я о нем очень долго.

Когда-то, еще мальчишкой, увидев впервые сразу три самолета, летевших, судя по всему, от Москвы к Петрограду, я твердо решил стать летчиком. Да и какой мальчишка не грезил тогда этим! На смену мечте о капитанском мостике шла в первые десятилетия нынешнего века мечта о пилотской кабине. И это

было вполне понятно. Но точно так же, как и раньше, когда капитанских мостиков было явно меньше, чем желавших стать их хозяевами, осуществление детской мечты было суждено далеко не всем. Моя, например, не сбылась. Но с тех самых лет и доныне, где бы я ни был и чем бы ни занимался, я старался как можно больше знать об авиации: о самолетах, о летчиках, обо всем новом, что было связано с покорением бескрайнего пятого океана. И с самого детства преследовало меня неотступное сильнейшее желание полететь. Всякий раз, когда видел я самолет, оно вспыхивало с новой силой, и я, взрослый уже человек, отчаянно и по-мальчишески завидовал не только пилотам — об этом уже и говорить не приходится, — но даже просто пассажирам, И вот теперь я впервые лечу!

Мне было тогда уже тридцать пять, и я многое успел повидать в жизни вторую войну как-никак проходил, а это, согласитесь, не шутка. И все-таки до сих пор помню я чувство, которое испытал во время коротенького, в общем-то, перелета на У-2 из Выползово в Марево.

Это была ни с чем не сравнимая радость, заполнившая всего меня до отказа. Каждый, кто летал когда-нибудь на У-2, знает, что легонькую эту машину ветер мог бросать, как ему вздумается. В тот день болтало нас прилично, но я не обращал на это внимания. Я наслаждался полетом. И поэтому, когда самолет, сделав круг, пошел на посадку, мне показалось, что пролетели мы не 150 километров, а раз в десять меньше.

* * *

Я шагал по тихой и удивительно малолюдной деревеньке, разыскивая штаб бригады. Собирался уже спросить у кого-нибудь дорогу, как вдруг увидел в окне одной избы стучавшего изнутри по стеклу радостно улыбавшегося и делавшего руками замысловатые жесты Орлова. Бросился к крыльцу и столкнулся с выбежавшим навстречу Сергеем Алексеевичем. Мы крепко обнялись, расцеловались.

Зашли в избу. Орлов был один и тут же принялся щедро угощать расставленной на столе едой. Я заметил стоявшую у него под рукой початую бутылку спирта и про себя удивился: неужели пил один? Раньше за ним этого не водилось. А Орлов тем временем уже разлил спирт в стаканы, мы чокнулись, выпили за встречу и долго рассказывали друг другу о том, что произошло с нами за три месяца, минувшие с памятной ночи 7 сентября, когда мы простились в окруженном карателями лесу под Татинцем. Я

заметил, что в рассказах Орлова звучит какая-то скрытая обида. Что-то угнетало его, но прямо он об этом не говорил.

Еще в Валдае я был несколько удивлен сдержанностью, с которой там говорили о Васильеве и Орлове. Это было непривычно, поскольку очевидные их заслуги никогда и ни у кого не вызывали раньше сомнений и авторитет их был очень прочным — не только в бригаде, но и в штабе Северо-Западного фронта, в опергруппе ЛШПД. Теперь же что-то изменилось. И дело было не в том, что перестал существовать Партизанский край, — неравенство сил в борьбе за него было видно всем, винить Васильева и Орлова не в чем. Да и решение о передислокации бригад и полков в другие районы было санкционировано Ленинградским штабом партизанского движения. Тогда в чем же дело? Прямо об этом никто не говорил, но можно было понять, что выход командования бригады в советский тыл кое-кто посчитал совершенно беспричинным, а оттого чуть ли не преступным. Помню, я решил тогда, что все это — досужая болтовня, сплетня и не более. Но при встрече с Орловым я увидел, что все не так просто. Во всяком случае бутылка спирта на его столе явно свидетельствовала о каком-то неблагополучии. Узнав, что Васильев расположился в одном из соседних домов, я поспешил к нему.

Комбриг, помначштаба Рябов и еще два или три человека из штаба бригады обсуждали какие-то детали предстоявшего назавтра марша. Увидев меня, Николай Григорьевич порывисто встал, шагнул навстречу, крепко обнял и долго стоял, не ослабляя рук. Он рад был встрече не меньше, чем я. Попросил подождать несколько минут, а когда все разошлись, мы устроились поудобнее и проговорили до самого утра. Васильев и слышать не хотел о том, чтобы лечь спать, хотя с рассветом ему предстоял дальний путь.

Выглядел он очень неважно. Я слышал, что комбригу нездоровится, но никак не предполагал, что застану его таким больным. Николай Григорьевич часто надсадно кашлял, дышал трудно, глаза его были воспалены и блестели в свете керосиновой лампы болезненно и, мне показалось, тревожно. Хотя никакой тревоги — это можно сказать совершенно точно — сам Васильев явно не испытывал. Он привык уже к своей болезни, считал себя здоровым, а этот кашель, температурка, тревожный сон — ерунда. Скоро пройдет.

— Да и не могу я сейчас по госпиталям валяться, — сказал он. — В другое время, может, и пошел бы по врачам, а сейчас не могу. Так по-дурацки все сложилось — хоть кричи.

И он рассказал мне о том, как пытались остатки бригады

закрепиться в крае, как были заблокированы карателями в болоте, как незаметно подкрался голод и как пришло решение о неизбежности временного выхода в советский тыл.

— Ну ладно, остались бы мы в болоте. А что там делать? Деревни в округе все пожжены, жителей угнали, кругом немцы. Жрать нечего, одежка обтрепалась, холодно, люди болеют… Каратели нас гоняли, как зайцев: все время на хвосте у нас сидели. Много так навоюешь? Погубил бы людей — и конец…

У них была рация. Васильев запросил разрешения на выход в советский тыл. Запретили. Видимо, в опергруппе не могли еще поверить, что дела настолько плохи. Потом еще несколько дней скитаний. Потом сели батареи к рации и связи не стало. И тогда Васильев решил уйти через линию фронта к своим, вопреки запрету.

— И знаешь, что мне в Валдае сказали? — тут уже в голосе комбрига явственно звучала обида. — Напомнили про двести двадцать седьмой приказ Верховного. Вот дикобразы! Для всех, говорят, «ни шагу назад», а вы, мол, что — исключение? Будто мы — армейская часть в обороне!..

Он разволновался и ходил по комнате, жестикулируя и горячась так, будто перед ним сидел не я, а кто-то другой, кто обвинял его чуть ли не в трусости, кто сам не понимает элементарного, но берется судить, а доказательств никаких не слушает. Таким я Васильева еще не видел.

Словом, я понял, что руководит сейчас комбригом сильнейшая обида.

Надо сказать, что к этому времени изменился состав руководства партизанским движением в полосе Северо-Западного фронта. Был назначен на более высокую должность и уехал из Валдая Алексей Никитович Асмолов, бывший начальник партизанского отдела при Политуправлении фронта. Позже в книге своих воспоминаний он писал:

«…Рассказывают, кто-то из новых штабных работников, не знавших хорошо Васильева, спросил его:

— Это верно, что бригада, которой вы командовали, распалась, перестала существовать?

— Бригада действует. Ее отряды бьют врага под Псковом и Карамышевом. Часть партизан, которые вышли со мной, тоже готова в поход.

— Значит, вы готовы вести бригаду обратно в тыл врага?

— Готов…»[68]

Вот, собственно, и вся история. Васильев был болен, и, как узнали позже, смертельно. Ему не следовало, конечно, идти за линию фронта. Но ему казалось, что, обратись он сейчас к

врачам, и вовек не доказать будет, что не слабость духа, не страх заставили его нарушить приказ и увести остатки бригады в советский тыл.

А. Н. Асмолов пишет: «В конце ноября 1942 года бригада пересекла линию фронта и направилась к прежнему месту действия — в Серболовский лес.

Снова полная лишений партизанская жизнь, снова почти беспрерывные бои. Не успела бригада ступить на землю бывшего Партизанского края, как гитлеровцы встретили ее карательной экспедицией. Партизаны отразили атаки врага. Но, учитывая его многократное превосходство, Васильев решил вывести бригаду из Дедовичского района в Новоржевский.

„Болезнь комбрига быстро прогрессировала, — вспоминает в очерке о комбриге Н. Г. Васильеве бывший партизанский журналист И. В. Виноградов. — Какие только меры не принимала фельдшер Нина Романовна Щербакова! Ничто не помогало. Васильеву становилось все хуже…

— Ты же совсем болен! — убеждал его Орлов.

— Чепуха! Все пройдет.

Васильев продолжал отдавать распоряжения, хотя временами голос его снижался до шепота. Выход был один: немедленно вывезти комбрига на самолете в советский тыл. Но, как назло, все застилала вьюга. Не было у партизан и подходящей площадки, чтобы принять самолет: лед на озере оказался тонким, ровной полянки тоже не находилось. Николай Григорьевич терял последние силы. Во время переходов его несли на носилках…“

11 декабря в Валдай была подана тревожная радиограмма: „Васильев тяжело болен. Немедленно шлите самолет озеро Сусельница. Вылет самолета радируйте. Орлов“.

В тяжелом состоянии, с резкой одышкой вывезли комбрига на Большую землю и положили в госпиталь. 26 марта 1943 года Николай Григорьевич умер от скоротечного туберкулеза легких». [69]

НЕОБИТАЕМЫЙ КРАЙ

1942 год, 12–16 декабря

Мы переходили линию фронта примерно неделей, позже бригады Васильева и почти на том же самом участке. Несколько дней и ночей полковая разведка тщательно изучала обстановку в районе деревни Каменка, и наконец 12 декабря южнее ее скрытно сосредоточился полк. Ждали наступления ночи.

Для меня это был девятый переход линии фронта,[70] дело, казалось бы, не новое, но я готовился к нему очень тщательно, без скидок на имеющийся опыт.

Да их и нельзя никогда делать, поскольку даже при самых благоприятных обстоятельствах и даже на таких участках, где почти нет вражеских войск, эта операция таит в себе смертельную опасность. Если противник обнаружит полк в своем прифронтовом тылу, он всегда будет в состоянии подтянуть достаточное количество сил, чтобы нас уничтожить. Вот почему разведчики буквально прощупали за несколько дней каждый сантиметр участка перехода.

В двадцать три часа все подразделения заняли исходные позиции. И в это время, то ли обнаружив наше передвижение, то ли стреляя наугад, для острастки, гитлеровцы накрыли нас артиллерийским огнем. Обстрел был недолгим и не причинил никакого вреда, однако сильно обеспокоил. Было еще не поздно изменить маршрут: я знал, что как севернее, так и южнее Каменки имелись другие подходящие участки, и все-таки решил идти именно здесь. Если нас и в самом деле обнаружили, подумал я, противник почти наверняка посчитает, что в том месте, где был произведен артналет, мы действовать не станем.

Я знал, что в последние месяцы никто, в том числе и армейские разведчики, ни разу не пересекал линию фронта позже часа ночи. Решил начать движение в четыре. В предутренние часы тревога ночной настороженности неизбежно угасает, делает свое дело и физическая потребность сна, который, если кругом тихо, буквально валит с ног. А насколько предутренний сон крепок, знает, я думаю, каждый. Может быть, и немецкие наблюдатели будут дремать.

Еще раз обговорив с командиром воинской части, занимавшей позиции в районе Каменки, детали возможного взаимодействия — они касались в основном поддержки нас артиллерийским и пулеметным огнем в случае обнаружения

противником, — ровно в четыре дал команду начинать движение.

Ночь выдалась самая подходящая: низкие, черные облака, видимости почти никакой. Впереди двигалась группа разведчиков, прокладывая три параллельные лыжни. В голове основной колонны находился Степанов, ближе к середине — я, дальше — Казаков, а в арьергарде — Алексеев с группой минеров.

Отойдя в сторону, прислушался. Только заглушенный шорох, напоминающий шум тихого ветра в верхушках деревьев, доносился с лыжни. Люди сосредоточенны, осторожны — недавний артналет заставил каждого собраться, отбросить ненужную удаль. Пока все хорошо. Только бы пройти без выстрелов!

Справа и слева от нас два немецких дота. Между ними метров триста, и доты сейчас не видны, но мы в зоне огня. Только бы не заметили! Как тени, медленно и неслышно скользят и скользят тремя бесконечными цепочками партизаны. Тихо вокруг. Тихо…

Наконец, около семи утра, заминировав промятый тремя сотнями лыжников след, мы углубились в Рдейские болота. Там на лесистых островках можно найти укрытие для дневного отдыха, а если потребуется, то и удобные для обороны позиции.

С рассветом противник наверняка обнаружит наш след и бросится в погоню. Значит, сейчас задача одна — успеть уйти как можно дальше. А времени на это не так уж много: светает в декабре хоть и довольно поздно, после девяти, но сейчас уже семь, надо торопиться. Двигаемся без привалов.

Идти было трудно. За ночь мороз сменился оттепелью, снег стал мокрым и рыхлым, он налипал на лыжи, затруднял движение. Тяжелее всего приходилось разведчикам, прокладывавшим лыжню, и хозяйственникам, тащившим на специальных санях-волокушах все наши запасы взрывчатки. И все-таки нам везло. Когда наступил рассвет, мы обнаружили, что движемся в густом тумане, который сменился затем мелким и нудным дождем, сыпавшим из нависших над самыми верхушками деревьев плотных облаков. Значит, вражеских самолетов можно не опасаться. Я решил воспользоваться этим, и мы продолжали движение днем. Заставляло торопиться и то, что сзади, в той стороне, откуда мы пришли, раздалось несколько характерных взрывов — судя по всему, на наших минах подорвались вышедшие на след гитлеровцы.

Однако нам становилось все труднее и труднее. Люди устали, все чаще приходилось делать привалы. К тому же дождь принес с собою еще одну, совершенно неожиданную, неприятность. Выяснилось, что многим достались полушубки из плохо выделанной овчины. Намокнув под дождем, они стали

вытягиваться в длину, и через некоторое время в колонне было немало совершенно комичных фигур: полы до земли, рукава ниже колен… И грустно, и смешно. А чего ждать от этих полушубков, когда они высохнут?

К исходу дня погода немного улучшилась. Дождь перестал. Мы углубились в болота километров на тридцать и расположились наконец на длительный отдых. В наступившей темноте стало заметно, что небо над участком нашего перехода линии фронта освещается беспрерывно запускаемыми ракетами. Вероятно, противник принял нас за крупную воинскую группировку, зашедшую ему в тыл, и опасался теперь одновременного удара с двух сторон. Значит, преследования можно не опасаться. Да и ушли мы довольно далеко.

На следующий день с утра в небе опять висели облака, сыпал мелкий дождь, и мы, не боясь нападения с воздуха, совершили большой переход и вышли к западной окраине Рдейских болот.

К вечеру горизонт на северо-западе очистился от облаков, температура стала стремительно падать, начало подмораживать. Очень быстро мокрый снег превратился в наст, наши полушубки — в ледяные панцири, а валенки — в самые настоящие колодки. Возникла опасность поморозить людей. Единственный выход разводить костры.

Это было рискованно — мы ведь не знали нынешнего расположения гарнизонов противника, — но другого выхода не оставалось. В небольшом лесу между деревнями Хвалютина и Глотова устроились на отдых. И сразу же в лесу запылали десятки костров. Одновременно во все окрестные населенные пункты были высланы группы разведчиков.

К счастью, гитлеровских гарнизонов в ближайшей округе не было, и мы провели эту ночь спокойно. Все смогли обсушиться, согреться и выспаться, так что наутро выступили в путь бодро. Впрочем, если бы противник и был поблизости, он вряд ли решился бы напасть на нас. И вот почему.

Когда рассвело, я отошел от нашего лагеря в сторону метров на двести и заметил, что дымки костров, поднимаясь верх и переплетаясь между собой, образовали такой чудовищный столб, глядя на который, можно было бы предположить, что в лесу находится не полк, а целая дивизия. А какими силами могли бы располагать гарнизоны противника, если бы они и были поблизости? В таких условиях гитлеровцы всегда предпочитали не торопиться: они сначала подтягивали крупные силы, создавая численное превосходство, и только затем вступали в бой. И еще одно. Когда полк двинулся в путь, я вновь отошел в сторону и прислушался. Триста пар лыж скребли жесткий наст, издавая

такие звуки, услышав которые, можно было думать о чем угодно — даже о движении по лесу мощной колонны техники совершенно неизвестного типа. Впрочем, все это только предположения, и хорошо, что они в конце концов предположениями и остались.

В этот день я вел полк к той самой деревне Зеленый Клин, где летом располагался мой штаб. Я хотел выйти к одному из тайников, о которых уже писал, чтобы забрать полушубки взамен пришедших в негодность.

Знакомые до мельчайших подробностей места. Кажется, что каждая тропка, каждая лесная дорожка встречает нас, как родных. Удивительно быстро привязывается человек к той земле, которую защищал, на которой терпел лишения и боль, на которой и сам находил прибежище и защиту. «В своем доме и стены помогают…» Я заметил, что кочевая наша жизнь приучила каждого видеть дом под любым деревом — лишь бы ветви его были способны укрыть в случае чего от ветра и дождя. И вот странность: то дерево, под которым провел ты ночь, кажется наутро настолько своим, что уходить из-под его кроны почти так же грустно, как грустно уходить из дома, под крышей которого прожил ты долгое время.

Мы шли по земле, ставшей для каждого, кто бывал уже здесь, родной. Шли через леса, через болота, через деревни, в которых знали раньше каждый дом. Грустный это был марш.

Почти все деревни на нашем пути стояли заброшенные. Да и что это были за деревни?! Пепелища, торчащие тут и там обгорелые печные трубы, почерневшие от огня деревья. И кое-где собаки, не понимающие, куда делись люди, но ждущие их, продолжая привычное свое и никому уже не нужное дело: сторожить. Что сторожить? От кого?..

Деревни Зеленый Клин тоже не было. Но тайник на окраине болота уцелел, никто не приходил к нему раньше нас. Вскрыв его, мы смогли заменить полушубки и валенки всем, кто в этом нуждался. Тем, кто сломал в походе лыжи, выдали новые, а поскольку продовольствия в вещевых мешках к этому времени почти не осталось, наполнили их прекрасно сохранившимся зерном. На всякий случай забрали из тайника и почти все хранившиеся в нем боеприпасы — до них, как я уже говорил, любой из нас был особенно жаден.

Двинулись дальше, а когда стало уже смеркаться, услышали над головами знакомый звук трудяги У-2, деловито ковылявшего откуда-то к линии фронта. Через несколько часов, в лесу возле Витебской железной дороги, я узнал, что на этом самолете был вывезен в советский тыл тяжело больной Васильев.

Узнал я об этом от того самого Сарычева, который был когда-то моим заместителем по хозяйственной части, а теперь занимал эту должность в штабе 2-й бригады. Вместе с группой разведчиков, которым было поручено разыскать наш полк, он пришел ко мне с запиской от Орлова. Сергей Алексеевич предлагал мне изменить маршрут, соединиться с бригадой и принять командование ею. Но как я мог согласиться на это, не имея указаний из Ленинграда или Валдая? Поэтому написал в ответ, что принять командование бригадой считаю за высочайшую для себя честь и, если на это будет приказ Никитина или Гордина, последую ему с радостью. Пока же продолжаю выход в заданный район.

Никогда больше не встречал я Орлова и не знаю, чем руководствовался он, посылая мне ту записку. Некоторое время спустя в командование бригадой вступил Николай Александрович Рачков, бывший командир 3-го полка.

Вдоль Витебской железной дороги гитлеровцы расположили по деревням довольно густую сеть своих гарнизонов, поэтому двигаться дальше общей колонной стало небезопасно. Решили выходить к цели поотрядно. Штаб полка шел со вторым отрядом, которым командовал Андреев.

Ночью мы пересекли железную дорогу и, отойдя немного в сторону от нее, расположились на отдых в деревне Пригон — впервые за много дней в теплых деревенских избах. Рядом, в Чихачево и Сорокине, — крупные вражеские гарнизоны. До Чихачево пять с половиной километров, до Сорокине — четыре. Выставили усиленные заслоны, предупредили людей о том, что возможен бой, что надо быть в полной готовности.

Утро опять выдалось туманным. Как и после перехода линии фронта, видимость не более 100 метров. Не использовать такую погоду нельзя, поэтому, учитывая, что люди уже успели немного отдохнуть, я дал команду готовиться к маршу. И в это время, видимо обнаружив у железной дороги наш след и выйдя по нему к деревне, нас атаковало подразделение гитлеровцев.

Они залегли на кладбище, расположенном на холме перед деревней, и открыли пулеметный огонь. Однако в завязавшейся перестрелке мы довольно быстро выкурили их с удобных позиций и погнали в сторону Чихачево. Но у нас появились раненые: трое, и все тяжело. К тому же почти наверняка на выстрелы уже спешат солдаты из гарнизона в Сорокине, и надо теперь готовиться к тому, чтобы отбить атаку с — другой стороны. Минут через двадцать наш заслон почти в упор расстрелял отряд полицаев человек в сорок, шедший от Сорокино. Теперь надо было уходить. Форсированным маршем двинулись на север и, пройдя

километров пять — семь, пересекли большак Бежаницы — Порхов. Здесь нас догнала группа, преследовавшая гитлеровцев, напавших со стороны Чихачево. Наши люди гнали фашистов километра два и уничтожили 15 человек. На кладбище, с которого немцы нас атаковали, было обнаружено еще 7 убитых. Значит, вместе с теми 40, которых расстреляли на пути из Сорокине, получается 62.

Когда мы переходили большак, туман стал рассеиваться, и видимость вскоре сделалась нормальной. Со стороны Бежаниц по дороге двигалось несколько автофургонов, которые, заметив нашу колонну, остановились в отдалении и наблюдали за нашим движением. Я приказал двигаться на северо-запад, а не так, как было намечено ранее. Выйдя из зоны наблюдения, мы вернулись на нужный курс. Теперь перед нами лежали знакомые по осенним скитаниям холмы Судомской возвышенности.

«ПОХОРОНЕНЫ ЮГО-ЗАПАДНЕЕ ШУБИНО МЕСТНЫМИ ЖИТЕЛЯМИ»

1942 год, 18–31 декабря

Через двое суток, на рассвете, мы вышли в назначенный для сбора и временного базирования полка район — в Ругодевский лес. Взвод разведки на трофейных лошадях, которые были захвачены в бою под Сорокино, все время пути по Судомской возвышенности оперативно обеспечивал нас надежной информацией, поэтому двигались быстро и без приключений. Подошли к цели раньше других отрядов. Лошади появились, кстати, и в штабе полка, и в отряде Андреева, — без них мы вряд ли смогли бы дойти так скоро.

Войдя в Ругодевский лес, тщательно обследовали его (благо площадь он занимал относительно небольшую: примерно 6 на 6 километров) и выбрали для организации временного лагеря отличное место.

На вершине самой высокой в лесу горушки, крутые склоны которой густо заросли деревьями и кустарником, разместился наблюдательный пункт. Вся округа просматривалась с него как нельзя лучше. В бинокль были прекрасно видны даже отдельные дома деревень Никулино, Выбор, Веска и других. На юге вьется река Сороть. До Выбора, где стоял крупный вражеский гарнизон, по прямой километров десять, до Вески, в которой находилась волостная управа, — семь, до Никулино три. Как на ладони и все дороги, занесенные теперь толстым слоем снега. Расчищена из них только одна, ведущая к Выбору от разъезда Русаки на участке железной дороги между Псковом и Опочкой. Словом, лучшего наблюдательного пункта и желать было нельзя.

У подножия горушки на широкой плоской возвышенности разместился лагерь. Эта возвышенность тоже имела довольно крутые склоны, что делало ее чрезвычайно выгодной для оборонительного боя. Исключение составлял только подход с юго-востока — достаточно пологий. В лесу, поросшем вековыми соснами и елями, были быстро построены добротные шалаши, надежно укрывшие людей и свет костров от наблюдения с воздуха.

Потянулись дни ожидания подхода остальных отрядов полка. Сумеют ли Алексеев, Климов и Харченко избежать на марше столкновения с противником? Дойдут ли без потерь?

* * *

Район боевых действий полка, определенный Ленинградским штабом партизанского движения, выглядел так. Он ограничивался участками железной дороги Псков — Остров с запада, Псков — Дно — с севера и Дно — Сущево — с востока. Южная граница проходила через населенные пункты Ашево, Новоржев, Пушкинские Горы. Таким образом, действовать нам предстояло на территории четырех районов Ленинградской и Калининской областей.

Проходившие здесь железные дороги активно использовались гитлеровцами для подвоза живой силы, техники и боеприпасов к фронту, а также для отправки в свой тыл раненых и вывоза в Германию награбленных ценностей. Особенно оживленным было движение на участке Псков — Остров.

Юго-западные районы Ленинградской области зимой 1942/43 года стали местом чрезвычайно широких и активных действий партизан. Рядом с нами, несколько севернее, обосновалась бригада А. В. Германа, сюда же впоследствии передислоцировалась 2-я бригада и несколько отдельных отрядов. Вместе с нашим полком общая численность партизанских сил составила на юго-западе около полутора тысяч человек, то есть три четверти всех партизанских сил области, имевших в то время связь с Ленинградским штабом.[71]

Для успешной диверсионной работы полка на коммуникациях противника необходимо было выявить систему охраны дорог: размещение немецких гарнизонов, порядок патрулирования в дневное и ночное время, темп суточного движения поездов и т. п. Поэтому первые дни мы занимались только разведкой. Одновременно приходилось думать и о создании агентурной сети. Этим занималась опергруппа, руководимая Георгием Ивановичем Пяткиным. Для работы в Пскове, Ашево, Острове, Новоржеве, Порхове и других населенных пунктах подбирались люди, для них разрабатывались легенды. Исходя из наших возможностей и условий в том или ином месте, определялись методы работы. Изыскивались пути устройства наших людей в немецкие учреждения, а особенно на железнодорожные станции. Начиналась вербовка уже работающих у гитлеровцев. Принимались меры и против попыток неприятеля забросить свою агентуру к нам, — будущее показало, что это было совсем не лишним.

* * *

Выхода к месту сбора отрядов Климова и Алексеева пришлось ждать недолго: оба они совершили вполне удачные марши, стычек с врагом избежали, потерь не имели. А за отряд Харченко я беспокоился меньше всего, хоть и отделился он от общей колонны раньше других. Это ведь были диверсанты: привычные к скитаниям вдали от основных сил, чрезвычайно опытные, не раз испытанные в трудных операциях. Недаром самое большое число награжденных орденами и медалями было именно в этом отряде.

И вдруг радиограмма. Харченко погиб.

В сборнике «Непокоренная земля псковская» приводится текст политдонесения комиссара нашего полка Александра Ивановича Казакова в Ленинградский штаб партизанского движения. В нем Казаков сообщал и подробности гибели Харченко.

> «…12 декабря 1942 года,[72] после перехода железной дороги Дно — Локня, между дд. Шубине и Ямок, геройски погиб командир 4-го отряда М. Харченко с бойцами Краснонос К. С., Ивановым И. Ф. и медсестрою Юлкиной З. К. На рассвете [отряд пересек] железную дорогу.
>
> Через некоторое время были замечены ехавшие по дороге на Шубино немцы. Отряд залег, а командир с бойцами Краснонос К. С., Ивановым И. Ф. и Юлкиной З. К., перейдя дорогу, по которой ехали немцы, продолжал движение. Вскоре в направлении дер. Ямок, куда пошел М. Харченко, послышалась автоматная стрельба. Высланная разведка командира отряда не нашла.
>
> По сведениям, полученным от жителей дер. Кашино Васильева и Светлова, стало известно, что Герой Советского Союза с тремя бойцами между дд. Шубино и Ямок вел бой с численно превосходящими силами противника и в этом бою погиб. Противник надругался над погибшими, раздел их наголо. Похоронены они на высоте, что в 1,5 км юго-западнее Шубино, местными жителями…»[73]

Не было в то время среди партизан человека, не знавшего Мишу лично или хотя бы не слышавшего о нем: одним из первых в Партизанском крае удостоенный звания Героя Советского Союза,[74] он был живой легендой — про него пели песни, о его удивительной храбрости ходило множество рассказов. И общительности он был легендарной: всех знал и его всё знали.

…Много месяцев спустя партизанами нашего полка будет убит полицай, из рук которого вынут именной автомат,

подаренный Герою Советского Союза М. С. Харченко рабочими Ленинграда. Так станет известно, что свой последний бой Миша вел с отрядом полицаев. Его убийца не ушел от расплаты.

К БОЮ!

1943 год, 1-16 января

Наступил Новый год. 1943-й. В ожидании подхода отряда Харченко мы оставались в Ругодевском лесу, принимая все меры к тому, чтобы не быть обнаруженными. Лагерь покидали только разведчики, заготовители и отдельные диверсионные группы, которым были строго определены места для выхода из леса и входа в него. Это, а также то, что действовали они на значительном от лагеря удалении, должно было обеспечить его безопасность. И все-таки, наблюдая за движением гитлеровцев по округе, можно было предположить, что о чем-то они пронюхали: с подозрительной последовательностью посещали они одну за другой все деревни подряд, подолгу расспрашивая о чем-то жителей, А наши разведчики рассказывали, что среди населения деревень ходит слух о крупном десанте Красной Армии, высадившемся будто бы где-то поблизости. Значит, надо быть еще более осторожными.

Благодаря успешным действиям разведчиков мы довольно быстро накопили необходимые сведения об обстановке в районе дислокации полка. Понимая важность железнодорожной ветки Остров — Псков, противник организовал усиленную ее охрану. На железнодорожных станциях, в близлежащих населенных пунктах располагались гарнизоны численностью от 50 до 200 человек. Самые крупные из них, имевшие на вооружении автоматические пушки, минометы, бронемашины и танкетки, размещались в деревнях Лопатино, Соловьи, Доловка, Коровье Село и других. Таким же примерно образом охранялась и шоссейная дорога Остров Порхов, пересекавшая наш район с юго-запада на северо-восток. Смешанные гарнизоны, состоявшие из полицаев и немецких солдат, располагались в Славковичах, Лютых Болотах, Ключихе, Шмолово, Верхнем Мосту. На большаке Остров — Новоржев также имелись гарнизоны в населенных пунктах Шики, Маршевицы, Скуратове, Соболицы и других.

Мероприятия гитлеровцев по охране коммуникаций не ограничивались, разумеется, размещением гарнизонов. Участки дорог, проходившие через лесные массивы, были защищены расчищенными от леса и заминированными в наиболее опасных местах полосами шириной от 100 до 150 метров. На железных дорогах велось круглосуточное патрулирование. Угрожая смертной казнью, гитлеровцы требовали от населения

прилегающих к дорогам деревень немедленно сообщать властям о появлении партизан.

Выше уже говорилось о том, что район наших боевых действий отличался отсутствием больших лесных массивов и мы предполагали базирование полка в основном по деревням. А это требовало установления самой тесной связи с местным, населением. Без нее, как показал опыт, успешная партизанская война немыслима. Постепенно мы начали проводить в деревнях политическую работу: наши люди рассказывали о положении на фронтах и в советском тылу, о нашей борьбе в тылу врага, договаривались об оказании партизанам посильной помощи.

Начали мы и подготовку к приему самолетов с Большой земли. В 15–20 километрах от базы был избран район, в который направилась специальная, хорошо вооруженная группа. Ей было поручено найти пригодное для посадки самолетов место.

Первую попытку принять груз, который должны были сбросить нам на парашютах, мы предприняли ночью 3 января. Но она была неудачной. За час до прибытия самолетов начался такой снегопад, что они, покружив над местом сброса и не увидев зажженных костров, вынуждены были возвратиться, не выполнив задачи. Однако вскоре погода улучшилась и дело пошло хорошо. А потом была подготовлена хоть и примитивная, но вполне пригодная для посадки У-2 полоса, и снабжение полка наладилось блестяще. Мы стали получать все необходимое, вплоть до газет и писем.

Освоившись на новом месте, начали готовить первую крупную операцию — налет на гарнизон в деревне Выбор, после которого собирались сменить место дислокации. Провести операцию решили сразу после прихода диверсионного отряда.

Все чаще поднимался я на пост наблюдения и часами рассматривал в бинокль, что происходит в Выборе. Составил необходимую для управления боем схему. Прикинул возможные варианты атаки. В успехе операции не сомневался. Заметил, правда, что в один из дней в гарнизон прибыло пополнение. Это несколько насторожило: не собираются ли гитлеровцы напасть на нас раньше, чем мы на них? Приказал усилить наблюдение.

Погода в эти дни настолько испортилась, что держать на нашем аэродроме группу приема самолетов стало бессмысленным. Отозвали ее в полк.

Наконец 16 января, примерно в шесть утра, появился диверсионный отряд. Но не радость принес его приход, а сильнейшую тревогу. Дело в том, что ни о каких мерах предосторожности наши диверсанты не позаботились. Раздобыв где-то в пути целый санный обоз, нисколько не маскируясь,

открыто, чуть ли не с песнями двигались они к месту встречи с нами. Так же лихо въехали они и в Никулино, разбудив буквально всех жителей деревни. Подкрепившись там едой, а кое-кто и самогоном, они двинулись прямиком в Ругодевский лес по единственной, ведущей только в нашу сторону, дороге. О том, что по их следу в лагерь легко могут прийти немцы, никто даже не подумал. А между тем именно это и произошло. Мы не успели даже отчитать этих ухарей за беспечность.

С наблюдательного поста прибежал связной и доложил, что в Никулино на подводах приехало человек 200–250 гитлеровцев. Не прошло и получаса, как последовало новое сообщение: противник появился в деревне Хахалево. Со стороны Новоржева сюда подошел отряд численностью до 150 человек. Стало ясно, что противник готовится к бою. Вряд ли он предполагает встретить в лесу полк скорее всего, гитлеровцы рассчитывают блокировать и подавить всего лишь подошедший только что отряд, который наделал столько шума. Но столкновения все равно уже не избежать. Мы решили занять оборону, продержаться до темноты, а затем вырваться из окружения, в которое нас неизбежно возьмут, и уйти в новый район.

ШАЛЬНОЙ МИНОЙ

1943 год, 16–17 января

Примерно к девяти часам гитлеровцы завершили подготовку к атаке и, окружив лагерь, начали боем прощупывать нашу оборону. Вскоре на всех направлениях завязалась упорная перестрелка.

Учитывая, что впереди целый день, я приказал экономить боеприпасы: вести огонь из автоматов только одиночными выстрелами и лишь в исключительных случаях — короткими очередями; пулеметный и минометный огонь — только по скоплениям врага.

Чувствовалось, что гитлеровцы никак не могут определить нашу численность. Несколько раз они пытались провести фланговый маневр, заход в тыл, однако повсюду встречали ответные удары, приносившие им ощутимый урон. Наши позиции были настолько хороши, что в течение двух первых часов боя мы не имели никаких потерь. И это несмотря на то, что интенсивность огня противника постоянно увеличивалась: атакующие вызвали подкрепление.

Но вот поступило донесение, что гитлеровцам удалось несколько потеснить отряд Алексеева. В зоне между новыми позициями отряда и неприятелем остался раненный в живот и в левую руку командир группы Мельников. Немцы попытались захватить его в плен, однако Мельников отчаянно отстреливался из автомата.

Партизаны тоже пробовали пробиться к нему — хотели помочь выйти из-под огня, — но безуспешно. Вместе с Цветковым я направился к отряду Алексеева.

Мы отошли от штаба всего метров на тридцать — сорок. И в это время я почувствовал сильный удар по голени правой ноги и услышал оглушительный взрыв. Еще не осознав, что произошло, я оглянулся и увидел медленно оседавшего в снег Цветкова и вздыбившуюся на привязи у дерева метрах в тридцати мою лошадь. Мина, выпущенная противником, вероятнее всего, наугад, разорвалась примерно в метре справа и сзади от меня и в трех-четырех метрах перед Цветковым, шедшим за мной.

Никогда — ни на финской, ни на этой войне — не покидала меня уверенность в том, что ни пуля, ни осколок тронуть меня не могут. Чем эту уверенность объяснить, я не знаю, но была она так велика, в стольких, боях крепла, что, даже увидев собственную

кровь, я подумал, что это кровь Васи. Не ощущая еще боли, бросился к нему. Он лежал неподвижно, и из шеи его пульсирующими толчками выбивался красный ручеек, окрашивающий снег в розовый, густеющий на глазах до темно-алого цвет; брюки у колена потемнели крупным, стремительно расплывающимся пятном. Цветков был очень бледен, но в сознании.

Подбежали люди. Васю понесли к шалашу, в котором размещался наш лазарет. И только тут я почувствовал боль и увидел, что мой правый валенок набух от крови. Рядом оказался Степанов. Кто-то помог ему вести меня вслед за Цветковым. До сих пор отчетливо вижу свою лошадь. Грудь ее была вся в крови, а правая передняя нога, перебитая осколком, висела на клочке кожи. Успел приказать пристрелить ее. А у шалаша санчасти — какая-то суета. Почему? Тут я заметил, что одежда на мне изодрана осколками, из нее торчат клочья ваты, так что можно предположить, будто меня продырявило раз двадцать.

Ранение Цветкова оказалось серьезным. Большой осколок повредил кость чуть ниже коленного сустава, второй же, чудом не порвав сонную артерию, прошел рядом с ней, оставив на шее крупную рваную рану. Взрывом этой мины были ранены еще четверо — от нас с Васей метрах в двадцати. Один из партизан сидел в, это время в окопчике, положив руки на бруствер. Ему оторвало пальцы. Одним словом, все пострадали гораздо сильнее меня, несмотря на то что к мине я был гораздо ближе других. Мне повезло: всего два осколка. Один, пробив ахиллово сухожилие, слегка повредил пяточную кость, а другой вошел 13 мышцу ниже коленного сустава.

После перевязки я вновь вернулся на командный пункт. Узнал, что Мельникова все-таки удалось вытащить из-под огня. У него кончились патроны, и он отбивался от фашистов уже одними гранатами. Сейчас ему оказывают медицинскую помощь.

Бой шел до темноты. Потом немцы отошли. В нашем лазарете — девять раненых. Один убит.

* * *

Выходить из окружения мы решили по пути, которым ходили заготовители и группа приема самолетов. Дальше идти сначала на юг, к берегу Сороти, затем вверх по ее течению на восток, а потом на север, в район деревни Сево. На озере, расположенном неподалеку от нее, мы рассчитывали принять самолеты с боеприпасами, а обратным рейсом отправить на них в советский

тыл раненых.

На нашем пути имелся только один опасный участок: предстояло пройти совсем рядом с небольшой деревушкой, занятой карателями. Они пережидали здесь ночь, чтобы наутро вновь атаковать наш лагерь. Мы располагали достаточным количеством сил, чтобы ночным налетом уничтожить засевших в деревне гитлеровцев, однако я решил попробовать пройти незаметно: пусть думают, что мы остались в лесу. Это даст нам время для отрыва от неизбежного преследования.

Нам опять повезло с погодой. Уже в третий раз после перехода линии фронта. Всю ночь, сводя до минимума видимость и заметая следы, сыпал крупными хлопьями снег. В такую погоду под носом у немцев можно было бы пройти даже днем. Полк, располагавший большим количеством верховых лошадей и санных упряжек, легко и быстро двигался вперед. Отойдя за ночь от Ругодевского леса на вполне безопасное расстояние, мы расположились на дневку в большой деревне. Все складывалось удачно. И только ноющая боль в ноге, усиливавшаяся с каждым часом, портила мне настроение.

В деревне впервые после выхода из Марево мы получили возможность вымыться в бане. Было выставлено усиленное боевое охранение, и поэтому неожиданного нападения опасаться не приходилось. Над деревенскими баньками закурились дымки.

Надо, наверное, побывать в нашей шкуре, чтобы понять, что это была за радость — баня. Впрочем, радости такой ценой я не желаю никому. Через лишения можно привить любовь к самым малозначащим вещам, — только зачем это нужно! От пожилых людей очень часто можно слышать упрек в адрес молодежи: мы, мол, в войну в рваных ватниках ходили, а вам теперь какие-то джинсы подавай, да и то не всякие… Я не разделяю этой точки зрения. Ведь все правильно, в войну и надо было ходить в таких ватниках, только не для того же, чтобы в них и остаться! Наша радость от той деревенской бани — это не повод для умиления и не назидательный урок. Это просто маленький штрих к портрету войны — явления нелепого, противоестественного, и если дарящего вдруг какое-то подобие удовольствия, то таким же нелепым и противоестественным путем.

Впрочем, об этом в то время никто не думал. Наслаждались баней. Правда, для меня она стала мучением? нога разболелась невероятно, и возвратиться в избу самостоятельно я уже не смог.

Еще на рассвете, когда пришли в деревню, хозяин избы — старик лет восьмидесяти, неразговорчивый и не очень-то приветливый с виду, — ушел в холодную летнюю половину дома и что-то там мастерил. Я думал, что он просто продолжил

прерванные нашим приходом занятия. Оказалось — нет. Заметив мою хромоту, он ушел делать мне костыли. И вот теперь, улыбаясь, стукнул ими об пол, как бы демонстрируя прочность изделия своих рук:

— На, сынок, глядишь — легче станет…

Сколько таких стариков встретил каждый из нас за войну! А мальчишек дорогих наших мальчишек, которые буквально липли к партизанам! А женщин, а старух, мужья и сыновья которых бились насмерть с врагом вдали от дома! В народе ходило тогда присловье! «Ты поможешь — твоим помогут». Старики, женщины, дети — все помогали нам, чем могли. Помогали продовольствием, помогали одеждой, бельем, скрывали и лечили раненых, сообщали ценные разведывательные сведения. А где-то далеко другие люди делали то же самое для их родных и близких. И все вместе это и означало понятие «народная война»…

Фельдшер хутора Гришаново Семен Ефимович Леников был расстрелян оккупантами за то, что скрывал и лечил раненых партизан, давал приют нашим разведчикам и связным. Крестьянин Василий Дмитриевич Холтаков, отлично зная, что рискует жизнью, собирал для нас продовольствие, обувь и одежду, укрывал партизан в трудную минуту, узнавал, что мог, о враге. Его тоже расстреляли фашисты. 65-летний Егор Павлович Павлов вывел из окруженной гитлеровцами деревни Островки Новоржевского района крупный партизанский отряд и помог ему укрыться в лесу. Таких примеров сотни. Можно ли забыть мужество этих людей, можно ли забыть постигшую их суровую участь, можно ли не оставить в сердце места для вечной им благодарности! За любую помощь — куском хлеба, парой белья, сведениями о враге, местом для ночлега в избе у жарко натопленной печи, парой костылей для раненого…

С самого рассвета со стороны Ругодевского леса доносились звуки пулеметной стрельбы, глухих разрывов мин, пушечных выстрелов: гитлеровцы штурмовали оставленный нами лагерь. Битва с пустым местом продолжалась несколько часов. Видимо, опасаясь новых людских потерь, каратели решили перед атакой перепахать смертоносным железом всю округу. А через пару дней от захваченных нашими разведчиками в плен немецкого солдата и полицая мы узнали, что гитлеровцы доложили своему командованию об уничтожении в Ругодевском лесу крупного партизанского подразделения.

Если подсчитать по докладам карателей, сколько раз уничтожали они наши отряды и какую те имели численность, получится, наверное, цифра, превышающая общее количество воевавших партизан в несколько раз.

«ЭВАКУИРОВАНЫ В СОВЕТСКИЙ ТЫЛ»

1943 год, 17–25 января

Всего около двух с половиной месяцев прошло с тех дней, когда я вел по этим местам вырвавшийся из окружения в Партизанском крае полк. Срок невелик, но как сильно изменилась вся обстановка! Грандиозный успех Красной Армии под Сталинградом наполнил сердца всех советских людей крепкой верой в скорую уже победу, а среди оккупантов посеял сильнейшую тревогу, окончательно подорвал слепую убежденность в непобедимости армий третьего рейха. Бывший командир испанской фашиетской «голубой дивизии», стоявшей в те дни под Ленинградом, Эстебан Инфантес в своих воспоминаниях пишет: «Мы жили в то время ожиданием предстоящего наступления на Ленинград. Уверенные в победе, мы с нетерпением ожидали начала предстоящей операции, но вдруг поступили первые сообщения о сражении под Сталинградом!.. Как только мы осознали поражение немцев… и увидели, что германские войска уходят с нашего участка фронта на юг, мы поняли, что ход войны изменился и мы наступать не будем… Сперва ушли подразделения тяжелой артиллерии, затем пехотные дивизии, транспортные средства и др. С неизвестной задачей они направлялись на Южный фронт. На нашем участке фронта оставались только дивизии, предназначенные для обороны».[75]

Этим дивизиям вскоре пришлось испытать сильнейший удар Красной Армии: 12 января началась и через шесть дней, 18 января, завершилась блестящим успехом крупнейшая под Ленинградом с начала войны операция — было прорвано блокадное кольцо. Оккупанты все меньше и меньше думали о новых победах, главной их заботой становилось удержать в руках захваченное. С них слетала былая уверенность и наглость. Они теряли инициативу.

Произошел сдвиг и в сознании тех русских, которые оказались в услужении врагу, — полицаев, солдат-власовцев, всех, кто так или иначе пособничал фашистскому режиму. Сотни из них искали теперь партизан не для того, чтобы бороться с нами, а в надежде получить шанс на искупление своей вины. Попытки гитлеровцев заткнуть образовавшуюся с уходом части своих соединений на Южный фронт брешь «восточными подразделениями» и войсками РОА, в которые велась усиленная вербовка, терпели крах. Секретарь Ленинградского обкома партии

М. Н. Никитин в докладной записке в ЦК ВКП(б) писал:

> «…Развернутая фашистами широкая кампания по созданию „Русской освободительной армии“ во главе с изменником Власовым провалилась.
>
> После выступления Власова на митинге в Дедовичах граждане высказывались между собой: „Будь он проклят со своей армией добровольцев“. Добровольцев не нашлось, за исключением единиц. Мобилизуют насильно. Многие бегут в партизаны и в леса.
>
> В Плюсском районе, сообщает руководитель Лужского центра, из вызванных в призывную комиссию в Заплюсской волости 100 человек не нашлось ни одного добровольца.
>
> О таком же отношении „К созданию „власовской“ армии“ сообщают и другие руководители партийных центров и партизанских бригад (Псковский, Стругокрасненский, Гдовский, Порховский).
>
> Поэтому немцы и Власов приказом объявляют военнопленных „добровольцами“, зачисляя их в свою армию. Один из перебежчиков рассказывает: „Приехали в наш лагерь власовские офицеры, выстроили нас и объявили, что всех зачисляют в „Русскую освободительную армию“. Кто не желает, предложили поднять руки. Поднявших руки здесь же перед строем расстреляли“.
>
> По сообщению наших товарищей, из „добровольческой армии“ многие солдаты дезертируют, и у большинства настроение такое: при первой же возможности перейти к Красной Армии».[76]

И еще характерная деталь. Гитлеровским прихвостням приходилось теперь бояться не только возвращения Красной Армии, не только партизан, но и своих же односельчан, которые все чаще и чаще сами карали предателей. Вот только один пример.

В районе Сороти осенью 1942 года мы завербовали одного из гитлеровских приспешников, имевшего довольно крупный чин — волостного старосты. Условились с ним о пароле, предупредили, что не будем церемониться, если увидим, что он поведет двойную игру. Видно было, что этот человек очень труслив, боится как нас, так и немцев. Мы на него особенно не рассчитывали — знали, что люди такого сорта принимают сторону только того, кто в данный момент сильнее. А враг осенью сорок второго силен был еще очень.

Но, оказавшись в Ругодевском лесу вновь, я все-таки приказал нашим разведчикам отыскать этого человека. И совершенно неожиданно мы стали получать от него информацию такой ценности, о какой трудно было даже мечтать. А ларчик просто открывался. В один из заходов к нему наших связных этот человек, имевший все основания рассчитывать на особое покровительство гитлеровцев, рассказал, что часто ночует… в стогу сена. Каждую ночь изощрялся он в изобретении все новых и новых способов спрятаться от людей, которых теперь смертельно боялся. Его пытались убить уже несколько раз, и не было минуты, когда он чувствовал бы себя в безопасности.

Все это не означало, конечно, что для нас наступили легкие дни. Их не было до самого конца войны. И все-таки мы наблюдали важные изменения. Они отражали те особенности, которые будут отмечены впоследствии как характерные для времени перехода ко второму периоду Великой Отечественной войны. В битве с гитлеровским фашизмом наступал решительный перелом.

Настало время разобраться в делах, которые натворил диверсионный отряд, почти месяц пробродивший где-то после гибели своего командира, разболтавшийся в этих скитаниях, потерявший и бдительность, и дисциплину. Его милостью полку пришлось принимать неожиданный бой, а затем покинуть Ругодевский лес, уже и не помышляя о нападении на гарнизон в Выборе. А ведь подготовка к этой операции отняла у нас значительное количество и времени, и сил. К тому же во время боя с карателями наши диверсанты проявили совершенно неожиданную скромность. Их действия были настолько вялы, безынициативны и осторожны, что мне пришлось на некоторое время оставить командный пункт и самому руководить боем на этом участке.

Казаков предлагал отряд расформировать, распределив диверсионные группы равномерно по другим подразделениям полка. Степанов считал, что отряд лучше сохранить. Он говорил, что разболтанность и недисциплинированность — следствие потери командира и что, назначив в отряд хороших руководителей, мы добьемся гораздо большего, сохранив при этом крупную боевую единицу, имеющую бесспорную ценность. Это мнение в конце концов и победило. Правда, из воспитательных соображений мы немного схитрили.

Приказав построить отряд, я, уже на костылях, вышел к нему и устроил разнос по полной форме. Говорил резко, не стесняясь в выражениях, назвал все их художества своими именами. Партизаны стояли молча, понурив головы. Боевые награды,

блестевшие на груди почти каждого, были сейчас как укор: совсем еще недавно все говорили о мужестве и отваге этих людей, а вот теперь им нечего сказать, когда их отчитывают, как мальчишек. Они чувствовали свою вину и были готовы к наказанию. И все-таки, когда я сказал, решив припугнуть посильнее, что штаб полка принял решение о расформировании отряда, в строю послышался ропот, а затем — после традиционного «есть вопросы?» — партизаны один за другим стали просить о сохранении их подразделения. Они обещали искупить вину кровью, просили о любом другом наказании. Я почувствовал, что больше четвертый отряд хлопот нам не доставит.

* * *

Придя в деревню Сево, мы попытались, как это и было задумано раньше, организовать на озере рядом с ней прием самолетов. Однако из-за нелетной погоды в течение нескольких дней это никак не удавалось. Раненые мучились. Особенно плох был, пожалуй, Цветков — похудевший, бледный, совершенно не похожий на себя. Больно было на него смотреть. А ведь какой красавец парень был всего несколько дней назад! Не знал еще Вася, что навсегда останется калекой, что не ходить ему больше по партизанским тропам, не бегать на лыжах, не плясать лихо на вечеринках. По излечении в госпитале признают его негодным к строевой службе, демобилизуют, уедет он на родину. И все-таки не выдержит, вернется в Валдай, отыщет меня в штабе партизанского движения, где я к тому времени буду работать, и попросит найти для него дело. Так мы снова окажемся вместе. Уже до конца войны. А пока он лежал в жарко натопленной избе и бредил. Когда же приходил в себя, молчал, смотрел в потолок, о чем-то думал.

Совсем плохи стали и мои дела. От сильнейшей боли в ноге я не мог заснуть уже несколько ночей. Стопа начала чернеть. Я просил врача вскрыть и прочистить рану, но тут вмешался комиссар, запретивший операцию, для которой, говоря по справедливости, совершенно не было условий.

Наконец в ночь с 24 на 25 января летчикам удалось посадить два самолета Р-5 на Невережское озеро. Все раненые, в том числе и я, были эвакуированы в советский тыл. С моим отлетом командование полком принял Михаил Викторович Степанов.

Впервые пересекал я линию фронта не пешком, не, как обычно, шагая по глухим лесным тропам, меся болота, форсируя, как придется, водные преграды, уходя от преследования, петляя

по лесу, чтобы сбить врага со следа и проходя таким образом десятки лишних, а оттого особенно длинных километров. Нельзя, конечно, сказать, что воздушная дорога через фронт лишена риска; по самолетам открывали огонь с земли, их подкарауливали «мессершмитты». И все-таки у меня появилось ощущение, что я в безопасности, уже когда носилки, на которых я лежал, погрузили в самолет.

Мерно рокотал мотор, темно было в кабине, я лежал и думал о том, что успел сделать наш полк за 43 дня, проведенные в тылу врага. Получалось, не так уж мало. По пути в новый район и в первые дни, на новом месте мы уничтожили в боях свыше 180 гитлеровцев; пустили под откос воинский эшелон, состоявший из 5 пассажирских вагонов и 9 платформ с танками;[77] взорвали 2 моста на шоссейной дороге Порхов — Сорокине; вырезали свыше 300 метров линий связи; сожгли 110 тонн сена и 30 тонн соломы, заготовленных гитлеровцами; захватили 8 тонн риса, овса, ячменя и гороха; ликвидировали управу Ругодевской волости, захватив в ней все документы.

Кроме того, среди местного населения был организован сбор средств на постройку танковой колонны «Ленинградский партизан». Колхозники передали нам 26 тысяч рублей, которые мы переправили в советский тыл.

…Самолет пошел на посадку. Когда открылась дверь, я прежде других увидел Алексея Алексеевича Тужикова, стоявшего совсем рядом, впереди приехавших встречать нас товарищей. Он крепко обнял меня, расцеловал, проводил от самолета к санитарной машине. Но мы успели обменяться лишь несколькими фразами: дверца захлопнулась, и машина покатила к Едровскому госпиталю.

БОЕВОЙ САЛЮТ У МОГИЛЫ КОМБРИГА

1943 год, 26 января — 26 марта

Большой прифронтовой госпиталь в Едрово неподалеку от Валдая, куда привезли нас с аэродрома, гудел. Во всех палатах говорили об одном — о победе Красной Армии под Сталинградом. На все лады обсуждались цифры, известные из сводок Совинформбюро. А они были поистине грандиозны: только в плен под Сталинградом попала 91 тысяча гитлеровцев, в их числе 24 генерала во главе с фельдмаршалом Ф. Паулюсом и 2500 офицеров.

Военный госпиталь — не дом отдыха. Многие из лежавших здесь были искалечены войной на всю жизнь. И не только физические страдания испытывали они, — человека, ставшего вдруг инвалидом, мучат страдания нравственные, вызванные сознанием собственной своей неполноценности. Вчерашние мальчишки, не успевшие еще набегаться, натанцеваться, только раз неумело обнявшие своих подруг — да и то на прощанье, на прощанье! — их тела кромсали осколки, в переполненных полевых лазаретах над ними склонялись врачи, которые и рады бы помочь, да не могут, а потом из операционных прифронтовых госпиталей их везли на каталках — кого без рук, кого без ног… Они стыдились своих обрубков, они становились раздражительны и нетерпимы, они мучились сами и мучением для окружающих было видеть, как они страдают.

Думаю, нет необходимости продолжать эту тему: военные госпитали были местом концентрированной боли, концентрированных физических и нравственных мучений людей, и мне кажется, что в подробном рассказе обо всем этом всегда кроется изрядная доля садистской жестокости, извращенности, даже святотатства. Я заговорил о страданиях раненых, только чтобы подчеркнуть следующую мысль: даже самые тяжелые из них, узнав о Сталинградской победе, забывали о своей боли — так велика была значимость произошедшего.

Сколько дней, ночей, недель и месяцев — тяжелых, мучительных — ждали мы этого дня! В изнурительной битве с врагом произошел коренной перелом. Он не означал еще, разумеется, конца войны. Но всему миру стало ясно: гитлеровский фашизм не выдержит схватки с Советским Союзом. И мы гордились своей страной, первой и единственной нанесшей такой сокрушительный удар по ненавистному гитлеризму,

военная машина которого подавила почти всю Европу, ни в одном из других государств не встретив достойного отпора. Нет, никого из нас не могла в те дни поглотить собственная боль. Жадно ловили мы каждое сообщение Совинформбюро. Узнавали, что враг потерял под Сталинградом 1,5 миллиона человек, свыше 10 тысяч орудий и минометов, до 2 тысяч танков и штурмовых орудий, около 2 тысяч самолетов. Затаив дыхание следили мы за тем, как по приказу Ставки Верховного Главнокомандования разворачивались активные боевые действия Красной Армии на всем тысячекилометровом протяжении линии фронта от блокированного Ленинграда до Черного моря и Кавказа.

С 24 ноября 1942 года по 20 января 1943 года была осуществлена Великолукская и почти одновременно с ней (с 25 ноября по 20 декабря 1942 года) Ржевско-Сычевская наступательные операции. В январе — феврале 1943. года наши войска овладели Ворошиловградом, Краматорском и Ростовом. В то же время значительные силы гитлеровцев были разгромлены в Нальчико-Ставропольской и Краснодарской операциях, в ходе которых была освобождена большая часть Северного Кавказа, а враг отброшен на 500–600 километров. В январе — феврале силами Воронежского и Брянского фронтов были полностью разбиты острогожско-россошанская и воронежско-касторненская группировки войск неприятеля. 8 февраля советские войска освободили Курск, 9-го — Белгород, 19-го — Харьков.

Январь 1943 года принес с собой радость и осажденному Ленинграду. Кольцо вражеской блокады удалось наконец разорвать, город принимал первые железнодорожные эшелоны с продовольствием. А вскоре всем нам, находившимся в Едровском госпитале, стало ясно, что на нашем Северо-Западном фронте назревают новые события.

Мы пробыли в Едрово лишь несколько дней, а затем неожиданно и спешно нас перевели сначала в госпиталь, располагавшийся в полусотне примерно километров восточнее станции Бологое, а оттуда так же скоро погрузили в санитарный поезд и повезли дальше на восток. Каждому стало понятно, что прифронтовые госпитали освобождают для приема новых значительных партий раненых, которые могут быть только при крупном наступлении. Значит, оно планируется и начнется совсем скоро.

О наступлении на Северо-Западном фронте мы узнали, когда санитарный поезд все дальше и дальше увозил нас к Уралу. В феврале — марте наши войска разгромили демянскую группировку 16-й гитлеровской армии.

* * *

Санитарный поезд уходил на восток. В один из вечеров он остановился на станции Котельнич, и все мы, привыкшие за два почти года войны к тщательной светомаскировке, были совершенно поражены видом ярко светивших фонарей на платформе и окон домов, из которых лился на улицу свет электрических ламп. Небольшая станция не могла, конечно, освещаться как-то по особенному, однако всем нам показалось, что мы видим самое настоящее море огня. Как это было прекрасно!

Война, присутствие которой мы ощущали всегда и повсюду, стала казаться вдруг давно ушедшим в прошлое делом, к которому никогда уже не будет возврата. Тяготы и страдания, лишения и потери, смерть и увечья, холод и голод, ощущение постоянной опасности и постоянное напряжение нервов — все это будто растаяло в ярком электрическом свете. Это ощущение можно сравнить только с тем, которое приходит в момент исчезновения долгой и острой боли. Человек уже привык к ней, знает, что она уйдет не скоро, старается думать о ней как можно меньше, и вдруг — нет ее. Покой. И он понимает, что вот оно, счастье: особое, приносящее душе удивительное наслаждение, счастье утихшей боли.

Может быть, не все находившиеся в нашем эшелоне люди испытали именно это чувство. Но я совершенно отчетливо видел, что сама атмосфера нашего вагона стала иной. Даже тяжело раненные перестали стонать. Даже искалеченные войной стали спокойнее. Даже утомленные бессонными ночами и бесконечными заботами медсестры и санитарки стали казаться не такими усталыми.

А потом — потом вагоны стали постепенно освобождаться. Раненых размещали в госпиталях, расположенных на пути следования эшелона. Наконец в городе Кирове вынесли из вагона и меня.

Тогда, путешествуя из госпиталя в госпиталь, удаляясь все глубже на восток, я потерял всякую связь со своими товарищами. Я ничего не знал ни о том, как идут дела в моем полку, ни вообще о том, как воюют ленинградские партизаны. Текли бесконечной чередой госпитальные будни. Еще в Едрово мне сделали операцию: оказалось, что у меня была повреждена пяточная кость. Перевязки. Процедуры. Потом выяснилось, что операция была неудачной. Меня оперировали вторично. И вновь перевязки, вновь надо было учиться ходить сначала опираясь на костыли, а потом, преодолевая боль, без них… Одним словом, в

Валдай я возвратился лишь в двадцатых числах марта. Нога еще болела, я ходил с палкой. Получил поэтому приказ отдыхать.

И как раз в эти дни, вдруг, совершенно неожиданно для всех нас, — тяжелая весть: 25 марта 1943 года в Вышневолоцком военном госпитале скончался Николай Григорьевич Васильев.

Гроб с его телом привезли в Валдай, и все бывшие в это время здесь партизаны вышли проводить комбрига в последний путь. Похоронили его в самом центре города, перед зданием Дома культуры. Был траурный митинг. Один за другим поднимались на трибуну люди, говорили о том вкладе в партизанскую борьбу с гитлеровским фашизмом, который внес Николай Григорьевич. С первого дня войны в тылу врага он не выпускал оружия из рук, смело, честно и беззаветно служил народу, который это оружие ему доверил. Мы не скрывали слез. Мы поклялись навсегда сохранить в своих сердцах память об этом человеке стойком солдате Родины, отдавшем за нее свою жизнь и никогда не помышлявшем ни о каких для себя привилегиях, кроме безусловного права бороться против ее врагов.

Сохранились и были впоследствии опубликованы некоторые из писем Васильева к семье. Вот одно из них, к жене, написанное 10 октября 1942 года — как раз в те дни, о которых я писал выше: у Николая Григорьевича были тогда огромные неприятности. Но он ни словом не обмолвился о несправедливости, яд которой отравлял ему душу.

«Здравствуй, Нина!

Сообщаю тебе о том, что я жив и здоров.

За последние два месяца мною и моими товарищами много прожито и вряд ли может повториться в жизни… Только русский народ в борьбе за Родину-мать в состоянии драться и переносить такие тяжести и нечеловеческие лишения. Мы дрались с фашистскими гадами до последнего патрона, до последнего вздоха, но мы вышли победителями.

Я отдыхаю вместе с товарищами. Как только встану на ноги и окрепну, приеду к тебе. Прошу тебя, мать и отца не волноваться за мое здоровье. Ничего страшного не произошло — несколько недель находились в тяжелых условиях, но фашистов били без устали. Немного истощал и простудился, как только поднимусь и окрепну, так скоро буду у тебя.

Температура у меня нормальная, потихоньку начинаю ходить, ноги окрепли. Еще раз прошу тебя, мать и отца не беспокоиться за мое здоровье, силы

восстановлю быстро.

Скоро настанет час, когда мы будем вместе.

Твое письмо получил, спасибо.

Ну вот, кажется, все. Ждите! Скоро буду в Оринах. [78]

Целую, Коля».[79]

Приехать к жене, работавшей в одном из военных госпиталей, он так и не смог. Не успев излечиться от той болезни, о которой писал, Васильев снова повел свою бригаду в тыл врага…

На траурном митинге была зачитана радиограмма:

«26 марта 1943 г. Мы не имеем возможности сегодня своими руками увить венками и обложить цветами могилу своего замечательного командира, но придет время, эта могила будет святым местом для нас.

Клянемся перед прахом друга и боевого товарища высоко держать честь Второй партизанской бригады. Наш грозный удар по врагу, уничтоживший 608 фашистов в последнем бою, — это боевой салют у могилы нашего любимого Николая Григорьевича Васильева.

По поручению партизан и партизанок 2-й бригады

Рачков, Орлов».[80]

Николай Григорьевич ушел из жизни очень рано. Я уверен, что, доживи он до конца войны, — и не было бы среди, ленинградских партизан человека более заслуженного, уважаемого, известного и любимого всеми.

Он не узнал, что Родина отметила его заслуги высшей наградой — званием Героя Советского Союза. Какое безжалостное слово — «посмертно». Пусть же вечно живой будет память о нашем комбриге!

В КОНТРОЛИРУЕМОМ ПАРТИЗАНАМИ РАЙОНЕ

1943 год, февраль — июнь

Ежедневно приходил я в опергруппу, чтобы узнать новости о своем полку. За его действиями я следил очень внимательно. А дела там шли, судя по всему, неплохо. Несмотря на потери в частых боях, полк постоянно рос, принимая в свои ряды добровольцев из местных жителей и бывших военнопленных, бежавших из лагерей. В те дни в партизанские полки и отряды стали принимать (разумеется, со всей осторожностью) даже бывших власовцев и полицаев, уже десятками переходивших к партизанам в стремлении искупить свою вину перед Родиной. Отряды стали крупными, численность их доходила до 200–250 человек. Был сформирован еще один, пятый отряд, командование которым принял прибывший из советского тыла П. Н. Новиков. Этот отряд прошел курс обучения, вооружился, а затем был направлен, как говорили в полку, «на практику» — в рейд вдоль железной и шоссейной дорог Псков — Остров. Партизаны разрушали путь, взрывали мосты, нарушали телефонно-телеграфную связь.

Полк вел активные боевые действия. Наши люди громили комендатуры, взрывали склады, устраивали диверсии на коммуникациях. Движение по шоссейным дорогам Новоржев — Выбор — Остров и Порхов — Остров систематически нарушалось. Вражеские автоколонны двигались здесь только под усиленной охраной.

Одной из особенно интересных операций тех дней был налет на вражеский гарнизон в деревне Морозы. Он был произведен в начале февраля и заслуживает, на мой взгляд, отдельного рассказа.

Этому налету предшествовали следующие события. Полк располагался тогда в районе все той же деревни Сево, где я его оставил. Он вел активную диверсионную работу на участке железной дороги Псков — Остров. Одна за другой уходили на задания небольшие спецгруппы, которые по пути к железной дороге пересекали большак на участке между деревнями Морозы и Маршовицы. Вскоре, однако, наши диверсанты стали бесследно исчезать либо несли большие потери: в районе Морозов они часто попадали в устраивавшиеся гитлеровцами засады. Было решено

разгромить гарнизон этой деревни ночным налетом.

Несколько суток велась тщательная разведка. Было установлено, что гарнизон состоит примерно из 150 человек, в числе которых 20 кавалеристов; что он имеет на вооружении два или три станковых пулемета и столько же легких минометов; что гарнизон состоит не только из немецких солдат, но и в значительной мере из полицаев.

Каждое утро группа из 15–20 человек, как правило полицаев, выходила из деревни и устраивала в лесу засаду — каждый раз в новом месте. Если днем на эту засаду не натыкались партизаны, ее сменяла в позднее вечернее время другая группа такой же численности. В течение нескольких суток, как правило, кто-то из партизан в ловушку попадал.

Один из разведчиков, Саша Мальцев, предложил дерзкий, но чрезвычайно интересный план — рискованный, однако суливший минимальные потери при максимальных результатах. После обстоятельного обсуждения в штабе полка его приняли к исполнению.

Производить налет было поручено отряду П. А. Климова, усиленному двумя станковыми пулеметами и взводом минометчиков, Ночью отряд подошел к деревне и расположился на опушке леса метрах в пятистах от околицы в ожидании сигнала.

Несколько раньше группа разведчиков из 20 человек во главе с Мальцевым в 2 километрах от деревни обосновалась в «засаде на засаду» — они поджидали ту группу полицаев, которая выйдет на смену находившейся в лесу с утра.

Операцию удалось провести в полном соответствии с принятым планом. Когда полицаи вышли из деревни, разведчики пропустили их мимо себя, а затем, выждав некоторое время и оставив заслон из пяти вооруженных ручным пулеметом и автоматами человек, двинулись в сторону вражеского гарнизона. Шли, не строго соблюдая порядок строя, открыто, громко разговаривая. В сгустившейся темноте трудно было понять, кто идет, — на это и рассчитывали при разработке плана. Когда группа оказалась метрах в двухстах от деревни, послышался окрик часового:

— Стой, кто идет?

Не задумываясь и не останавливая строй, Мальцев крикнул в ответ:

— Свои. Смена.

Часовой успокоился. Однако, когда разведчики подошли к нему метров на пятьдесят, он вновь подал голос:

— Стой, пароль!

Пароля партизаны не знали. Мальцев, однако, не растерялся. Он громко подал группе команду остановиться, а сам решительным шагом пошел к часовому, стоявшему у крайней избы рядом с пулеметом. Видимо, уверенность и развязность старшего группы не оставили у полицая никаких сомнений в том, что идут действительно свои. Он спокойно смотрел, как Мальцев подходит, а когда тот выхватил неожиданно кинжал, не успел даже вскрикнуть.

Забрав пулемет и оставив двух бойцов для прикрытия, разведчики строем, не маскируясь, вошли в деревню. Двух патрульных и часового на противоположном конце села сняли так же бесшумно. Замигали электрические фонарики. Отряд Климова беззвучно вошел в Морозы.

На улице было совершенно темно. Свет горел только в нескольких домах. Партизаны заняли указанные каждому заранее позиции, еще несколько мгновений и в окна полетели гранаты, загромыхали глухие взрывы, а за ними послышались резкие пулеметные и автоматные очереди. Мало кому из гарнизона удалось спастись бегством. Трофеи же, доставшиеся партизанам в этом бою, едва-едва уместились на десяти санных повозках, захваченных здесь же. Это было оружие, боеприпасы, продовольствие, одежда и обувь, другое имущество. Кроме десяти лошадей, тащивших сани, было захвачено еще двадцать — верховых. Это был настоящий обоз, прибытие которого в полк встретили с огромной радостью.

Хочу, кстати, сказать несколько слов о партизанских трофеях отдельно. Читая описание нашей военной жизни в художественной литературе, я обратил внимание на то, что иные авторы как будто состязаются друг с другом в стремлении посильнее поразить читателя цифрами. Когда речь заходит о трофеях, их исчисляют нередко «десятками», а чаще — «сотнями винтовок, автоматов и пулеметов». Что ж, такое тоже бывало, но далеко не всякий раз. Захват трофеев — это большой труд и большая удача. Мы ведь радовались каждому автомату, каждой винтовке, каждому пистолету, добытым в бою. А в беллетристике сплошь да рядом многозначные цифры. Но ведь этим отнюдь не обогащается, а только запутывается и даже в известном смысле обедняется действительная картина. Если бы мы и в самом деле могли захватывать такие трофеи, разве появилась бы в документах опергруппы ЛШПД на Северо-Западном фронте в январе 1943 года запись: «Общая численность вновь созданных (в 3-й ЛПБ. — И. А.) отрядов достигает 1500 человек. Созданные партизанские отряды в настоящее время пока не действуют из-за отсутствия вооружения и боеприпасов»?[81] Перелистайте также

сборник документов «Непокоренная земля псковская» (я часто ссылаюсь в этих записках на него), и вы найдете гораздо более скромные, чем в художественной литературе, цифры. Однако они не становятся от этого менее значимыми.

В свете сказанного трофеи, захваченные в Морозах, были довольно велики. Помимо 30 лошадей — 2 пулемета, 80 винтовок, 10 автоматов, боеприпасы и прочее.

Спустя пять дней участь разгромленного вражеского гарнизона разделили и два других — в деревнях Горушки и Рысцово. Отряд гитлеровцев, стоявший в деревне Погорелка, снялся с места и сам ушел в Славковичи, В ближайшей округе врага больше не оставалось.

Все это не могло не взбесить оккупантов. Они предприняли попытку уничтожить полк. 9 февраля в район Сево было брошено свыше 500 карателей. Полк дал бой, а затем, ночью, стремительным броском ушел на 30 километров в сторону, к деревне Владимирец. О том же, что произошло дальше, лучше меня расскажет документ:

> «Акт о зверствах фашистского карательного отряда в деревне Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района Ленинградской области.
>
> 16 февраля 1943 г.
>
> Составлен в присутствии: Иванова Александра Ивановича, Якушева Василия Кирилловича, гражданки М.[82] из деревни Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района о нижеследующем:
>
> 10 февраля 1943 года немецкий карательный отряд ворвался в деревню Сево Навережского сельсовета Пожеревицкого района Ленинградской области и сразу же начал производить расправу над мирным населением. Гитлеровские палачи сожгли шестнадцать домов из семнадцати со всеми надворными постройками. В огне погибло все имущество колхозников. Мирных жителей, пытавшихся выходить из горевших домов, каратели расстреливали в упор, невзирая ни на пол, ни на возраст, или же бросали живьем в огонь. В результате такой дикой расправы было убито и сожжено восемьдесят шесть человек мирных жителей, в том числе семьдесят восемь человек из деревни Сево и восемь человек из других деревень.
>
> Из числа погибших шестьдесят один человек были расстреляны и двадцать пять сожжены живыми. Здесь были четырнадцать мужчин, двадцать семь женщин,

сорок пять детей в возрасте от 8 месяцев до 15 лет. Спаслось от расправы девятнадцать человек, которым удалось выбраться из деревни под прикрытием дыма от горящих построек.

О чем и составлен настоящий акт.

Подписи: А. Иванов, Якушев.

За неграмотную гражданку М. расписался С.[83] (проживающий в Кустовском сельсовете Пожеревицкого района)».[84]

Я пробыл в Сево лишь несколько дней, причем самых тяжелых с момента ранения. Безумно болела нога, и я почти все время лежал в одной из изб. Не помню, как ввали хозяйку и ее детей. Даже лиц их не запомнил, они расплывались, как в тумане. И все-таки известие о разыгравшейся там трагедии отозвалось болью в сердце. Ведь это за нас, партизан, приняли смерть безоружные и беззащитные люди! Они дали нам кров, обогрели, накормили, ухаживали за ранеными. За мной ухаживали… А потом в деревню ворвались вражеские солдаты. Да разве солдаты — палачи! Хотелось в бой, хотелось стрелять в этих подонков, для которых самая страшная кара — и та слишком мягка. Но это было невозможно. Из госпиталя не отпускали. Говорили, что еще не время, что надо оправиться от ранения. Несколькими днями позже меня отправили в отпуск.

Я выехал в Пермь, где в это время находилась в эвакуации моя семья. Почти два года не видел я жены и дочерей, надо ли говорить о том, что это была за радость — встреча с ними. Когда же вернулся в Валдай, ждала меня радость другая: мне были вручены сразу две правительственные награды — орден Великой Отечественной войны II степени и медаль «За оборону Ленинграда».

В эти дни угнетало меня одно: никак не проходившая хромота. По-прежнему болело поврежденное сухожилие. Приходилось ежедневно подолгу разрабатывать подвижность стопы специальными гимнастическими упражнениями. И все-таки ходил, как и раньше, опираясь на палку.

Получил наконец назначение: временно, до окончательного излечения, был включен в оперативную группу ЛШПД на Северо-Западном фронте. Я не знал еще тогда, что слово «временно» совсем не означало последующей моей отправки во вражеский тыл, не знал, что в моей военной судьбе опять ожидается крутой поворот. Работал с постоянной мыслью о скором уже возвращении в свой полк, внимательно следил за его делами.

Полк по-прежнему действовал в том районе, где я его оставил. Сюда же вышла и 3-я бригада А. В. Германа. Эта территория, находившаяся в тылу 16-й гитлеровской армии, несмотря на все сложности, была чрезвычайно выгодна для партизанских действий: здесь проходили важнейшие коммуникации группы армий «Север», диверсии на которых срывали доставку военных грузов. К тому же контролируемый партизанами район непосредственно примыкал к Пскову, где находился штаб группы армий «Север», Это позволяло засылать диверсантов и туда, будоража время от времени самую верхушку командования войск неприятеля.

Все это не могло, конечно, не вызвать ответной реакции. И в мае 1943 года гитлеровцы организовали крупную карательную экспедицию, перед которой стояла задача уничтожить партизан и полностью обезопасить стратегически важный район. В экспедиции принимало участие до 12 тысяч солдат и офицеров, авиация, артиллерия, танки.

В течение двух почти месяцев, начиная с 11 мая 1943 года, полк практически не выходил из боев. Днем, заняв выгодные оборонительные позиции, партизаны вступали с карателями в схватку, а с наступлением темноты стремительным броском уходили на 25–30 километров в сторону и занимали новый участок обороны, готовясь к очередному нападению. Когда удавалось, принимали сбрасываемый с самолетов на парашютах груз — боеприпасы. В них ощущался недостаток почти всегда. И беспрерывно направляли на железнодорожные магистрали группы диверсантов: главная задача и в эти дни оставалась неизменной.

Пятнадцать тяжелых боев выдержал полк в мае и июне. Крупный бой каждые четыре дня — это, поверьте, для партизан чрезвычайно нелегко. Гитлеровцы потеряли в этих схватках свыше 550 солдат и офицеров, 16 автомашин, несколько танков и артиллерийских орудий. Кроме того, была разгромлена одна волостная управа, пущено под откос 5 воинских эшелонов. А полк… вырос численно. Это не означало, конечно, что он не имел потерь — они были, и очень тяжелые, но приток добровольцев эти потери покрывал с лихвой.

Гитлеровцы стремились к тому, чтобы подавить всякое сопротивление в своем тылу, но добивались прямо противоположного результата. Именно в этот период на территории Ленинградской области, захваченной оккупантами, шло вызревание народного вооруженного восстания, которое, вспыхнув несколько месяцев спустя, коренным образом изменило обстановку, окончательно парализован весь тыл группы армий

«Север». А признаки того, что скоро уже в борьбу с захватчиками включится самым активным образом все население оккупированных территорий, можно было заметить, анализируя почти любое донесение из бригад. Все чаще и чаще оккупационные власти сталкивались с массовым саботажем планируемых мероприятий. Железнодорожные станции, промышленные предприятия, мастерские становились центрами активного противодействия любым начинаниям гитлеровцев, причем часто саботаж перерастал в диверсии. Псковский железнодорожный узел, например, через который шла основная масса грузов для группы армий «Север», стал местом столь сильного сопротивления работавших здесь советских людей, что оккупанты вынуждены были заменить всех русских рабочих службы пути и службы движения — от стрелочников до машинистов — своими военными железнодорожниками. А вскоре такие же меры им пришлось предпринять в Дновском, Батецком, Лужском и других железнодорожных узлах и на крупных станциях.

Начавшись в городах, рабочих поселках и на железнодорожных станциях (где, как правило, существовало сплоченное, активно действовавшее подполье), массовое движение против оккупантов перекинулось в сельские районы — особенно западные, центральные и юго-западные, ставшие впоследствии центрами восстания. Для заготовки сельскохозяйственных продуктов, привлечения населения к работам, набора рабочей силы, отправляемой в Германию, гитлеровцы посылали в деревни уже не отдельные хозяйственные команды, а целые экспедиции, включавшие в себя воинские подразделения, а иногда даже части.[85]

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ В ВАЛДАЕ

1943 год, июль

В июле я вновь встретился с Германом. Он прилетел в Валдай из Ленинграда, куда был вызван для уточнения поставленных в этот период перед бригадой задач, и теперь готовился к возвращению во вражеский тыл. Я был очень рад этой встрече. Александр Викторович подробно рассказывал обо всем, что происходило в те дни на территории южных районов области, об особенностях сложившейся там обстановки, о тактике и методах борьбы, применяемых партизанами. К этому времени 3-я бригада стала общепризнанным лидером партизанского движения в Ленинградской области, она действовала уверенно, дерзко, эффективно, и поэтому все, о чем говорил Герман, было чрезвычайно интересно. Кроме того, он был хорошо осведомлен и о делах моего полка, подробно рассказывал о жизни боевых товарищей, которых я не видел вот уже полгода. Александр Викторович был весел, энергичен, подтянут. Он рвался к бригаде и очень досадовал на обстоятельства, заставлявшие его задерживаться в Валдае. Вскоре, однако, был назначен его отлет.

Мы устроили проводы. Допоздна засиделись на квартире у Гордина. Было и весело, и немного грустно, но в общем хорошо. Тогда-то и подарил я Герману трофейный маузер — что еще могли мы дарить друг другу на войне!.. Он уехал на аэродром. И никто из нас, провожавших, живым его больше не увидел. До последнего боя комбрига оставалось меньше двух месяцев.

* * *

20 июля 1943 года произошел последний поворот в моей военной судьбе. Я получил приказ М. Н. Никитина выехать в Хвойную и приступить к исполнению обязанностей заместителя начальника опергруппы ЛШПД на Волховском фронте. Работавший в этой должности Панкратий Романович Шевердалкин отзывался в Ленинград для работы в аппарате обкома партии, я должен был срочно принять у него дела.

Часть четвертая
Координаты — Ленинградская область

Когда мы идем вперед — это идет суд народа над презренной гитлеровской бандой.

Из газеты 2-й ЛПБ «Народный мститель»

В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ

1943 год, июль

Начальником опергруппы ЛШПД на Волховском фронте был Андрей Алексеевич Гузеев. Эту фамилию я слышал множество раз, но почему-то совершенно не предполагал, что говорят о том самом Гузееве, которого я хорошо знал еще до финской войны по совместной работе в аппарате Ленинградского комитета по физической культуре и спорту. Он заведовал тогда отделом кадров, а я — отделом учебных заведений. После финской Андрей Алексеевич стал инструктором Ленинградского обкома ВКП(б), а с начала Великой Отечественной работал в Ленинградском штабе партизанского движения. В октябре 1941 года он возглавил только что созданную опергруппу при военных советах армий Ленинградского фронта, действовавших вне блокадного кольца, а впоследствии, с созданием Волховского фронта, стал начальником Волховской опергруппы.

Ожидая прибытия своего нового заместителя, он так же, как и я, не ожидал увидеть давно знакомого человека: знал, что к нему едет бывший командир партизанского полка Афанасьев, — и только. Таким образом, наша встреча при всей своей запланированности оказалась еще и неожиданной. Мы оба порадовались обстоятельствам, сведшим нас, хотя не очень им удивлялись: война не только разбрасывала людей по свету, бывали на ней и удивительные встречи, порой даже с теми, кого никогда уже не думал увидеть. И к этому мы тоже привыкли.

Я начал знакомиться с делами, с новыми своими товарищами, с новым местом. Хвойнинская партизанская база своей солидностью, основательностью и отличной материальной обеспеченностью впечатляла сразу же. В 2–3 километрах от поселка, в сухом сосновом бору, невдалеке от речки Песь располагался большой лагерь с добротными землянками, столовой, складскими помещениями и несколькими хорошо замаскированными от наблюдения с воздуха домами. В километре от базы был полевой аэродром. Он имел многоцелевое назначение и обслуживал не только партизан: здесь, например, совершали промежуточную посадку самолеты, летавшие и? Москвы в Ленинград или из Ленинграда в Москву. Но хозяевами на аэродроме считались наши, «партизанские» летчики из авиаполка, которым командовал Николай Антонович Гриценко.

В непосредственной близости с линией фронта, — в 40

километрах северо-восточнее занятого немцами Новгорода — в селе Александровское размещалась промежуточная база, также имевшая полевой аэродром. Руководил ею опытный партизан, бывший командир Всеволожского отряда Дмитрий Иванович Власов. На аэродроме базировались легкие самолеты У-2 и Р-5, входившие в состав полка Гриценко.

Одним словом, хозяйство Волховской опергруппы было большим. На территории базы помимо всего прочего имелась даже мастерская художников. Здесь работали профессионалы, ушедшие в войну партизанить, а теперь получившие возможность вернуться к своему делу. Александр Александрович Блинков, Тимофей Тимофеевич Шевченко, Лука Николаевич Барбаш, знакомые мне еще по Партизанскому краю, работали здесь кистью и резцом, уже сейчас заботясь о том, чтобы на будущих выставках, посвященных годовщинам победы над гитлеровским фашизмом, среди других скульптур и полотен люди могли увидеть произведения, посвященные ленинградским партизанам. Мастерская была, правда, довольно необычной огромная землянка, крышей которой служили парниковые рамы, — но в те дни радовались и такому сооружению. Художники работали с утра до ночи, у них было весело и интересно.

Опергруппы ЛШПД занимались не только руководством и обеспечением партизанских подразделений, воевавших на участках их фронтов. Они помогали и работе подпольных межрайонных партийных центров, координировали их совместные с партизанами действия. Межрайонные центры были созданы решением бюро Ленинградского обкома ВКП(б) от 8 октября 1942 года.

8 ходе войны обком партии постоянно совершенствовал формы и методы подпольной партийной работы во вражеском тылу — создание межрайонных центров было еще одним шагом на этом пути.

Уже осенью 1942 года в связи с активизацией народной борьбы на оккупированной врагом территории области стала очевидной насущная необходимость значительного усиления партийной работы в захваченных гитлеровцами районах. За пока еще разрозненным и неорганизованным противодействием населения фашистскому режиму угадывались контуры будущего народного восстания. Однако совершенно очевидным было то, что его успех окажется в полной зависимости от организованности, единства действий всех, кто будет участвовать в борьбе. Иными словами, назревавшему восстанию был необходим руководитель.

Летом 1942 года на оккупированной гитлеровцами

территории Ленинградской области была создана сеть районных партийных групп. Но врагу удалось нанести по этим группам серию жесточайших ударов. Уже к осени большинство их участников либо погибло, либо потеряло связь с обкомом. Тогда-то и было принято решение о создании межрайонных партийных центров.

К весне 1943 года по решению обкома ВКП(б) в тыл врага было заброшено 11 центров: Псковский, Островский, Гдовский, Стругокрасненский, Порховский, Дедовичский, Дновский, Лужский, Оредежский, Новгородский и Кингисеппский. Наделенные полномочиями представителей обкома партии, располагая опытными кадрами и гораздо большими материальными возможностями, чем районные партийные группы, центры уверенно взяли на себя руководство народной борьбой во вражеском тылу. Они организовывали подпольные ячейки, вели пропаганду и агитацию среди населения, организовывали саботаж политических и экономических мероприятий гитлеровцев, создавали резервы для пополнения рядов партизан и формировали новые отряды, организовывали диверсионные группы, внедряли на службу в органы местного управления своих людей, уничтожали изменников и предателей, создавали базы продовольствия и обмундирования для партизан.

«Принципиально новых задач перед центрами не ставилось, — писал руководитель Луженого центра И. Д. Дмитриев. — Они должны были делать то, чем занимались в прошлом подпольные райкомы. Важная роль отводилась активизации борьбы населения с гитлеровской армией и оккупационными властями: не давать фашистам зерна, срывать лесозаготовки, дорожные и оборонительные работы, портить машины и сырье на предприятиях, уничтожать фашистских генералов и крупных чиновников».[86]

Для работы в тылу врага межрайонные центры располагали всем необходимым — радиостанциями, портативными типографиями «Лилипут», пригодными для печатания не только листовок, но и газет, диверсионной техникой, хорошим вооружением и экипировкой. Об активности их деятельности дает представление уже такой факт: количество газет и листовок, издававшихся в тылу врага, увеличилось в это время в несколько раз. Газеты «Псковский колхозник», «Новосельская правда», «Путь социализма», «Звезда», «Колхозная жизнь», «Колхозная стройка», «Красный партизан», «Партизанская месть», «Патриот Родины», «Народный мститель», «За Ленинград» и многие другие регулярно появлялись в деревнях и селах, в городах и рабочих поселках области.[87]

Создание межрайонных партийных центров не являлось, однако, конечной целью организационных мероприятий обкома. Это была лишь подготовительная ступень к восстановлению районных партийных органов, которые в последующем возглавили вооруженное народное восстание в своих районах.

Я начинал работу в Волховской опергруппе в сложное время. Несмотря на уменьшившуюся в связи с событиями под Сталинградом, на Курской дуге и на других фронтах концентрацию гитлеровских войск в Ленинградской области, командование группы армий «Север» по-прежнему бросало против партизан значительное количество сил. В карательных действиях, начатых еще в мае и продолжавшихся до сих пор, участвовало свыше 40 тысяч солдат и офицеров войск полевой жандармерии и регулярных частей, отозванных с фронта. Против 2-й партизанской бригады имени Н. Г. Васильева были двинуты войска общей численностью до 20 тысяч человек. 12 тысяч карателей вели бои с 3-й, 4-й бригадами и 1-м отдельным полком. Превосходство гитлеровцев в живой силе было десятикратным.

Трудным было и положение межрайонных партийных центров. В докладной записке Центральному Комитету ВКП(б) М. Н. Никитин 1 июля 1943 года писал:

> «…Следует отметить, что партцентрам приходится работать в труднейших условиях. В районах действуют многочисленные карательные отряды, в силу чего товарищи вынуждены жить в лесах, соблюдая строжайшую конспирацию, а нередко вступать в бой с врагом, неся при этом потери.
>
> За период с января по 1 июня 1943 г, несколько товарищей погибло в борьбе с оккупантами. Убиты секретарь Лядского РК ВКП(б) тов. Федотов, Пожеревнцкого РК ВКП(б) по кадрам тов. Карпов, председатель Лядского исполкома райсовета тов. Феоктистов, секретарь РК ВЛКСМ — тов. Семенов…»[88]

И все же подпольные центры не снижали активности своей работы. Цитированную записку М. Н. Никитин заключает выводом: «Создание подпольных межрайонных партийных центров себя оправдало».

Гдовский, Стругокрасненский, Лужский, Оредежский, Новгородский и Кингисеппский центры действовали на территории, контролируемой Волховской опергруппой.

Надо отметить, что до августа 1943 года партизанская борьба особенно активно велась в полосе Северо-Западного фронта.

Именно здесь находился Партизанский край — арена самой напряженной борьбы на оккупированной территории Ленинградской области в первый период войны. Здесь действовала 2-я ЛПБ, сыгравшая в борьбе с немецкими оккупантами столь заметную роль. С 1943 года наиболее активным партизанским соединением стала 3-я бригада А. В. Германа. Но и она так же, как и 2-я бригада, сражалась южнее железной дороги Псков — Старая Русса. Севернее же этой магистрали развернуть партизанские действия тех же масштабов долгое время не удавалось. Понятно, что чем ближе к Ленинграду, тем выше была концентрация вражеских войск, а это значительно усложняло ведение партизанской борьбы.

Время, однако, требовало расширения границ активных партизанских действий. Я писал уже, что еще летом 1942 года обком ВКП(б) поставил задачу превратить всю оккупированную территорию Ленинградской области фактически в сплошной Партизанский край.

Это решение, несмотря ни на какие карательные мероприятия гитлеровцев, не отменялось, напротив, к середине 1943 года оно требовало скорейшего претворения в жизнь в связи с вызреванием народного вооруженного восстания в тылу врага. Ленинградский штаб партизанского движения, не ослабляя действий в южных районах, продолжал перебрасывать подразделения народных мстителей на север.

В феврале на базе отрядов И. И. Грозного (218 человек) и А. П. Нестерова (72 человека) была воссоздана 5-я ЛПБ, командиром которой стал Константин, Дионисьевич Карицкий, воевавший еще в Партизанском, крае во главе батальона 1-й бригады, а комиссаром — Иван Иванович Сергунин. Оба они были кадровыми военными, оба имели большой партизанский опыт.

Бригада быстро росла. В конце апреля, имея численность порядка 600 Человек, она начала перебазирование из Пожеревицкого района в Стругокрасненский — ближе к Ленинграду. В июне она уже активно действовала на участках, определенных Ленинградским штабом и охватывавших Лужский, Плюсский, Дновский, Порховский, Солецкий, Уторгошский и Батецкий районы области.

В апреле на территории Лядского, Сланцевского, Осьминского, Стругокрасненского и Полновского районов развернули борьбу партизаны 2-й бригады имени Н. Г. Васильева. Численность 2-й ЛПБ в это время составляла 850 человек.

А в конце марта в район озера Черное самолетами была переброшена вновь созданная 11-я (Волховская) партизанская бригада, Командиром ее был назначен Алексей Петрович Лучин,

в прошлом секретарь Старорусского райкома партии, а комиссаром — Федор Иванович Сазанов, также партийный работник, бывший до войны секретарем Оредежского РК ВКП(б). Весной 1943 года бригада состояла из 9 отрядов общей численностью 528 человек. Ей предстояло, базируясь в Оредежском районе, действовать и в районах смежных — Красногвардейском, Тосненском, Лужском, Новгородском, Причем в сферу контроля партизан попадала густая сеть вражеских коммуникаций: Варшавская дорога, Киевское шоссе, дороги Ленинград Новгород, Ленинград — Батецкая, Луга — Батецкая — Новгород. Ближе к Ленинграду, чем 11-я, с начала войны не располагалась ни одна партизанская бригада.

Пусть, однако, не сложится у читателя впечатление о том, что произвести передислокацию было легко я просто. Немецкий тыл был в это время взбудоражен действиями партизан до небывалой степени, немецкое командование посылало против них одну карательную экспедицию за другой, причем соотношение сил складывалось всегда в пользу оккупантов. О трудностях, которые пришлось в эти дни преодолеть нашим людям, красноречиво свидетельствует пример 5-й бригады: за время перехода в новый район она потеряла почти треть своей численности — в июне в ее рядах оставалось лишь 337 человек.

И все-таки главная задача была решена: на близких подступах к Ленинграду, севернее Железной дорога Псков — Старая Русса, удалось сконцентрировать значительные партизанские силы. При этом численность бригад теперь постоянно и бурно росла. За лето и осень количество бойцов в той же 5-й бригаде, например, увеличилось до 7000 человек. Местом активных партизанских действий становилась практически вся оккупированная часть области. Центр партизанского движения начал перемещаться в сторону Ленинграда.

«ВТОРОЙ ФРОНТ В ТЫЛУ ГЛАВНОЙ ЛИНИИ ОБОРОНЫ»

1943 год, июль — август

Буквально через несколько дней после приезда в Хвойную я оказался в одиночестве: Гузеев вылетел в 11-ю бригаду. К описываемому времени у руководителей Ленинградского партизанского штаба сложилось мнение об ошибочности принятой в этой бригаде тактики: эффективность ее боевых действий оставалась значительно ниже ожидаемой. Гузеев должен был провести инспекцию, результаты которой предполагалось обсудить на специальном заседании Ленинградского штаба, посвященном 11-й ЛПБ. Рассчитывали, что эта командировка продлится несколько дней, но обстоятельства резко изменились, под ударами противника бригада начала рейдовать, и Гузеев застрял во вражеском тылу почти на два месяца. А я оказался в положении человека, которому приходится учиться плавать на глубоком месте.

Одиночество мое было, конечно, относительным. Рядом работали опытные, знающие люди, освоиться в новой должности помогали и довольно частые посещения Хвойной оперативными работниками ЛШПД. Помню, в то время у нас нередко бывал секретарь Ленинградского обкома ВКП(б), начальник Ленинградского партизанского штаба Михаил Никитич Никитин, его заместитель по оперативной работе Михаил Федорович Алексеев, начальник отдела радиосвязи Александр Михайлович Шатунов. Всегда можно было посоветоваться, всегда можно было рассчитывать на помощь и поддержку начальника Хвойнинской базы Николая Александровича Сухова. Не могу не вспомнить добрым словом и летчиков «партизанского» авиаполка — их командира Николая Антоновича Гриценко, замполита Виктора Павловича Легостина, начальника штаба Якова Григорьевича Жигалева, летчиков Михаила Михайловича Лобанкова, Владимира Васильевича Сиротина, Василия Михайловича Александрова, ответственного за парашютно-десантную службу Григория Антоновича Толярчика.

По роду новых своих обязанностей я должен был поддерживать постоянную связь со штабом Волховского фронта. Здесь состоялось мое знакомство с командующим фронтом Кириллом Афанасьевичем Мерецковым и членом Военного

совета, секретарем Ленинградского обкома ВКП(6) Терентием Фомичом Штыковым. Оба они многое сделали для партизан, оба относились к нам чрезвычайно серьезно и заинтересованно. Понятно, что забота о партизанах не была для штаба фронта главным делом, и все-таки на недостаток внимания мы жаловаться не могли. Наши просьбы, как правило, очень быстро удовлетворялись; если же была нужда в том, наши проблемы обсуждались и на Военном совете фронта. Это приносило свои плоды: боевые действия партизан удачно сочетались с ударами войск Волховского фронта. Уже после войны в книге своих воспоминаний «На службе народу» К. А. Мерецков писал: «Полагаю, что историки обратят на это взаимодействие партизан с войсками Красной Армии особое внимание».

Эта особенность партизанского движения в годы Великой Отечественной войны действительно не могла остаться незамеченной. Историки отмечают ее как одну из важнейших. О том же, что думали на этот счет представители командования гитлеровских войск, свидетельствуют слова бывшего генерала вермахта Л. Рендулича: «Централизованность руководства отрядами была очевидна, ибо при подготовке и проведении какого-либо значительного наступления немецких или русских войск партизаны… немедленно активизировали свои действий с целью дезорганизации снабжения и срыва связи между частями немецкой армии, захвата и ликвидации складов с боеприпасами и нападения на места расквартирования войск. Эти действия стали тяжелым бременем для армии и представляли собой немалую опасность. Ни на одном другом театре военных действий не было такого тесного взаимодействия между партизанами и регулярной армией, как на русском».[89]

Главной заботой опергрупп в конце июля была подготовка к разработанной Центральным штабом партизанского движения операции «рельсовая война». Это была одна из крупнейших партизанских акций, в которой одновременно должны были принять участие ленинградские, белорусские, калининские, смоленские, орловские и украинские партизаны. Впоследствии в нее включились и партизаны Прибалтики. На громадной территории, протянувшейся на 1000 километров по фронту и 750 километров в глубину тыла вражеских войск, подразделениям народных мстителей предстояло выходить на железнодорожные магистрали, захватывать многокилометровые участки пути и разрушать их на максимально возможном протяжении. Название «рельсовая война» подчеркивало существенное отличие операции от ранее проводимых диверсий: если до сих пор их объектом были, как правило, вражеские эшелоны, то теперь нападению

подвергался сам железнодорожный путь, каждый рельс на нем. В дело должны были включиться не отдельные малочисленные диверсионные группы, а все практически партизанские силы, дислоцировавшиеся вблизи железнодорожных магистралей.

Длина каждого рельса составляет 12,5 метра. Нетрудно подсчитать, что каждые 80 рельсов — это километр. Перебив взрывами специальных головых шашек каждый рельс на две-три части, партизаны должны были превращать полотно в свалку металлического лома, совершенно непригодного к восстановлению.

Ставка Верховного Главнокомандования советских войск связывала операцию «рельсовая война» со своими планами завершения разгрома гитлеровцев в Курской битве, проведения Смоленской операции и освобождения Левобережной Украины.

В Хвойной состоялось совещание, на которое были вызваны командиры бригад, полков и отдельно действующих отрядов. Проводил его Михаил Никитич Никитин, специально для этого прилетевший из Ленинграда, Секретаря Ленинградского обкома ВКП(б), возглавлявшего областной штаб партизанского движения, знали не только партизаны, но и многие жители оккупированных районов. Среди воевавших в тылу врага имя Никитина имело огромную популярность. Я тоже много слышал о Михаиле Никитиче, но видел его сейчас впервые. В дальнейшем — и в войну, и после нее — мне приходилось встречаться с Никитиным довольно часто, а одно время и работать под непосредственным его руководством. В моей памяти остались самые добрые воспоминания о нем.

Несмотря на занимаемый высокий пост, Михаил Никитич держался всегда удивительно просто, быстро создавал вокруг себя обстановку ничем не стесняемого свободного общения. Он был человеком очень доброжелательным, быстро располагал к себе. С ним легко было говорить прямо, откровенно, правдиво. Да иначе попросту и не получалось. Стеснительность и неуверенность собеседника, говорившего с Никитиным впервые, очень быстро и, казалось, сама собой исчезала. Но никогда Михаил Никитич не заигрывал с людьми, никогда и ни под кого не подстраивался. Те его качества, о которых я только что написал, вовсе не мешали ему быть человеком волевым, решительным, твердым, а порой даже жестким. Он никогда не отказывался до принятия какого-то решения обсуждать его со всеми заинтересованными лицами. Однако, когда решение было уже принято, никакой говорильни не допускал, требовал самого точного исполнения. Именно от него я впервые услышал слова о том, что желающий работать всегда находит способ осуществления задуманного, а нежелающий —

причину, на которую можно будет потом сослаться.

…Совещание продолжалось до позднего вечера. Были определены задачи каждого из подразделений, участки их действий, названо время начала операции ночь с 31 июля на 1 августа. Мы обсудили тактику и методы боевых действий, вопросы материального обеспечения, договорились о связи. Поставленная задача стала ясна во всех подробностях. Той же ночью командиры были переброшены самолетами в свои соединения и подразделения.

Начался заключительный этап подготовки. Завершалось обучение всех партизан умению пользоваться взрывчаткой: специально для «рельсовой войны» изготовленными головыми шашками, имевшими форму куриного яйца, удобными для транспортировки и обладавшими достаточной взрывной силой. В бригадах, полках и отрядах уточнялись мельчайшие детали операции, — ее масштабы требовали предельной точности, слаженности действий всех, даже самых небольших групп.

Огромную работу провела в эти дни партизанская авиация. В тыл врага было переброшено громадное количество груза — взрывчатка, бикфордов шнур, взрыватели, оружие, боеприпасы. Летчики полка Гриценко, работники баз в Хвойной и в Александровской покоя не знали. Каждый самолет совершал по несколько вылетов за ночь.

Чтобы проверить, нет ли в тщательно разработанном плане операции недочетов, могущих повлиять на успех дела, штаб партизанского движения решил провести в ночь с 24 на 25 июля своего рода «генеральную репетицию»: 1-му отдельному полку поручили нанести пробный удар.

В операции участвовало четыре отряда полка. Скрытно сосредоточившись в заданном районе, они развернулись трехкилометровым фронтом, захватили участок железной дороги между Островом и Псковом в районе деревни Стремутка и точно в назначенное время начали взрывать полотно. В результате весь трехкилометровый участок пути был разрушен: на обеих колеях не осталось ни одного неповрежденного рельса. Кроме того, был разрушен мост, уничтожено более 2 километров телеграфно-телефонной связи, убито 50 гитлеровцев. Этот налет подтвердил правильность разработанного плана, а полученный в его ходе опыт штаб использовал в подготовке к операции. И вот наступило 31 июля 1943 года.

* * *

В первую же ночь три действовавшие в полосе Волховского фронта бригады вывели из строя 1032 рельса. На Витебской дороге между станциями Чолово и Торковичи отряды 11-й бригады взорвали 436 рельсов. Около станции Плюсса Варшавской железной дороги отряды 5-й бригады уничтожили 286 рельсов. А отряды 2-й бригады в районе Заречья взорвали мост и 310 рельсов.

Надо сказать, что первый массированный удар по железнодорожным магистралям ленинградские партизаны нанесли вслед за орловскими и на несколько дней раньше основных сил, принявших участие в «рельсовой войне», — на территории других областей эту операцию начали в ночь с 3 на 4 августа. К этому времени сила ударов по вражеским: коммуникациям под Ленинградом заметно возросла, «рельсовая война» стала не краткосрочной кампанией, а постоянной формой борьбы с врагом. Диверсии организовывали не только партизанские подразделения, но и межрайонные подпольные партийные центры. Например, Кингисеппский центр провел серию ударов по Балтийской дороге, которую гитлеровцы считали до этого «спокойной», а Псковский — по дороге Псков — Веймарн, Южнее зоны действий 2-й ЛПБ, Несмотря на все принимавшиеся меры, обезопасить свои железнодорожные коммуникации гитлеровцы уже не могли.

Одну из диверсий «рельсовой войны» мне довелось наблюдать с воздуха.

Пасмурной осенней ночью я летел в обычную при моей теперешней должности командировку — во вражеский тыл. Мне предстояло провести несколько дней в бригаде К. Д. Карицкого.

Наш У-2 будто подвесили на нитке в погребе: холодно, сыро и абсолютно темно. Звезды и луну скрывали плотные облака, на земле же, понятно, свет всегда тщательно маскировали. Мы летели на километровой примерно высоте и скоро уже должны были подойти к месту посадки. Я стал всматриваться вниз, чтобы заметить световой сигнал. И вдруг на земле впереди и справа по курсу ярко полыхнул взрыв, который будто бы потянул за собой целую ленту других, таких же самых. Эта лента растянулась вмиг километра на два или на три и отдаленно напоминала мигающую елочную гирлянду, огоньки которой, хоть и вспыхивали довольно беспорядочно, вырисовывали тем не менее строго определенный контур. Он сохранялся, может быть, минуту, а затем пульсирующая крохотными точками взрывов лента стала разрываться на части, которые в свою очередь тоже дробились, угасая, и вскоре под нами опять была непроглядная темень. Когда самолет совершил посадку, я узнал, что видел диверсию,

проведенную на Витебской дороге полком А. Ф. Тараканова из 5-й ЛПБ.

О масштабах «рельсовой войны» под Ленинградом говорят такие цифры: в августе партизаны подорвали свыше 11 тысяч рельсов (это равносильно полному, уничтожению железнодорожного полотна на всем протяжении дороги от Ленинграда до Луги), уничтожили 20 железнодорожных мостов, 34 километра телеграфно-телефонной связи, пустили под откос 21 вражеский поезд. На станциях образовывались гигантские пробки, Эшелоны, ожидавшие восстановления пути, становились прекрасной мишенью для ударов нашей авиации. В конце месяца в Пскове, например, воздушной атаке подверглись сразу 50 застрявших на станции составов. А битва на рельсах между тем еще только разгоралась. К середине ноября общее количество уничтоженных ленинградскими партизанами рельсов перевалило за 52,5 тысячи. Это значит, что из строя был выведен путь общим протяжением более чем 650 километров.

В первых числах ноября партизаны перехватили у деревни Зрячая Гора[90] Карамышевского района большую партию писем гитлеровских солдат к своим родственникам и знакомым.

Часть этих писем была опубликована в декабре партизанской газетой «За Советскую Родину». Почти в каждом из них содержится упоминание о диверсиях на железной дороге, думаю, что читателю будет небезынтересно узнать, как воспринимали «рельсовую войну», те, против кого она велась.

Старший ефрейтор Иозеф Мюллер — своей невесте Анне Грейф:

> «Вот я уже три дня сижу в чужой части на расстоянии более чем 100 километров от моего отделения. Очень хотел бы вернуться поездом, но, к сожалению, путь прерван, ибо русские каждую ночь взрывают рельсы».

Старший ефрейтор Руберт Код — своей невесте:

> «Вчера партизаны совершили нападение недалеко от нас. Они взорвали поезд с отпускниками, а потом завязали бой. Можешь себе представить, что осталось после этого. Не чувствуешь себя в безопасности даже тогда, когда идешь в уборную. Нигде ни проехать, ни пройти. Эти партизаны орудуют совсем близко от нас. Их силы исчисляются тысячами…»

Старший ефрейтор Курт Лангер — своей жене Хени Лангер:

> «Вчера русские опять напали на поезд с отпускниками, при этом были сильные бои, и, конечно, не обошлось без жертв. Теперь… не очень-то приятно ехать в отпуск, ибо только немногие добираются здоровыми до границы государства…»

Ефрейтор Эрнст Трейнер — своей жене: «Почту ты, должно быть, иногда получаешь от меня нерегулярно, ибо партизаны во многих местах взрывают рельсы, так что иногда 2–3 дня нет железнодорожного сообщения…»

И, как резюме, звучат слова, адресованные Вальтеру Торнебруку его отцом:

> «Отход наших войск в конце концов обусловлен действиями партизан. Размеры их операций можно себе представить из разговоров с людьми, участвовавшими в их подавлении. Недавно здесь был один из военных, проживающий в нашем квартале. Он… был ранен во время такой операции. Так он описывает это, как второй фронт в тылу главной линии обороны…»

ВОЗДУШНЫЙ МОСТ

1943 год, август

В конце августа Никитин вызвал меня в Ленинград. Как выяснилось уже на месте, для получения инструкций и участия в разработке документов, касавшихся продолжения «рельсовой войны». Михаил Никитич познакомил меня с общим планом, который выглядел пока очень схематично. Моя задача заключалась в том, чтобы совместно с оперативными работниками штаба по возможности детализировать этот план в той его части, которая касалась действий в полосе Волховского фронта. Времени отводилось немного: я прилетел в Ленинград ночью, а черновик проекта должен был быть представлен Никитину уже наутро. Следующий день отводился на доработку документа, а вечером — в обратный путь, в Хвойную.

Работы было много, и поэтому свободного времени у меня почти не осталось. И все-таки мне удалось побродить недолго по городу, встречи с которым я ждал уже более двух лет, посетить знакомых.

Он страшно изменился, наш Ленинград. Разрушенные бесчисленными бомбежками и артналетами дома, безлюдные улицы… Нет смысла писать обо всем этом подробно. Я вряд ли сумею добавить что-то существенное к уже созданной рассказами очевидцев, трудом писателей, художников, драматургов, кинематографистов картине трагедии и подвига блокированного Ленинграда. Я увидел немногое. Но и этого мне с лихвой хватило до нынешних дней, хватит и до самой смерти…

Напряженный ритм работы Хвойнинской и Александровской баз, установившийся в период подготовки к «рельсовой войне», сохранялся и в дальнейшем. Нескончаемым потоком шли через линию фронта грузы. Их количество не только не уменьшалось, но неуклонно возрастало. Наши бригады стремительно росли, им требовалось все больше и больше оружия, все больше и больше боеприпасов. Авиационный полк Гриценко, работая уже на последнем пределе своих возможностей, оказался не в состоянии полностью обеспечить снабжение партизан. Недостаток самолетов ощущался с каждым днем все острее, и, наконец, мы вынуждены были обратиться за помощью в Военный совет фронта. Опергруппа просила об откомандировании в ее распоряжение нескольких военно-транспортных самолетов с экипажами и получила их. Стало немного легче. Но все-таки

потребности бригад в связи с переходом войны в тылу врага в новую фазу росли значительно быстрее, чем наши возможности.

Самолеты доставляли во вражеский тыл не только грузы. Не менее часто перевозили они и партизан, вышедших из госпиталей и возвращавшихся в свои подразделения. Часто условия не позволяли самолетам садиться, и тогда приходилось наскоро обучать людей простейшим приемам обращения с парашютом. Даже самым кратким курсом парашютной подготовки назвать это сейчас трудно. Утром на аэродром приходила группа партизан, многие из которых никогда и вблизи до этого не видели не только парашюта, но даже самолета. А уже к вечеру они деловито размещались в пассажирском отсеке транспортной машины, которая уносила их к месту сброса, и первый в своей жизни прыжок им приходилось совершать никак не в порядке тренировки.

Я никогда не переставал удивляться чудесам, которые творил до фанатизма влюбленный в свое, дело руководитель парашютно-десантной службы Григорий Антонович Толярчик. Мизерность сроков, отводимых ему для подготовки людей к прыжкам, была совершенно очевидной. И тем не менее я не помню ни одного случая неудачного десантирования. Все его ученики удивительно быстро и неизменно успешно осваивали парашют и улетали во вражеский тыл, нисколько не сомневаясь в достаточности своей подготовки. Через руки Толярчика прошли командиры полков П. Ф. Скородумов и Н. А. Волобуев, командиры отрядов В. Д. Шапошников, Б. И. Эрен-Прейс и многие, многие другие. А ведь Григории Антонович должен был успевать еще готовить для сброса на парашютах весь направляемый в бригады груз.

Однако он успевал делать все и никогда не жаловался на недостаток времени.

Вообще о наших «партизанских» летчиках можно было бы рассказать чрезвычайно много интересного. И мне очень жаль, что в военной литературе их жизнь не нашла пока достойного отражения. Она была не менее яркой, не менее героической, чем жизнь летчиков других родов военной авиации. Если же говорить о том, что значила их боевая работа для каждого воевавшего во вражеском тылу, можно не опасаться впасть в крайность: переоценить факт существования воздушного моста, накрепко связывавшего партизан с советским тылом, попросту невозможно.

Я писал уже о том, что самолеты доставляли нам и оружие, и боеприпасы, и продовольствие, и обмундирование. Писал, как много значила возможность получать почту — свежие советские газеты, письма от родных, Окруженные врагом, мы не чувствовали себя оторванными от Родины, и это было самое

главное. А сколько партизан обязаны летчикам жизнями! Ведь пока не появилась возможность отправлять наших раненых в советский тыл, сколько людей погибло даже не от тяжелых — от средней тяжести рая! Но уже осенью 1941 года летчик 3-го авиаполка[91] А. З. Шелест первым посадил свой самолет на подготовленную партизанами площадку.

И вслед за ним пошли другие летчики — сначала в Партизанский край, потом во все районы области.

Я сам был свидетелем того, как начальник штаба 4-го авиаполка[92] Я. Г. Жигалев, летчики Н. В. Алексеев и другие буквально из-под носа карателей вывезли летом 1943 года из 11-й бригады более 70 раненых.

Немногим раньше столько же раненых было эвакуировано из 5-й бригады, причем погода в те дни стояла нелетная, но каждый участвовавший в этой операции совершил за ночь по несколько вылетов во вражеский тыл. Последние самолеты возвращались на базу уже с рассветом. В январе 1944 года из той же 5-й бригады летчики эвакуировали за ночь 105 раненых. Это — подвиг. Без всяких преувеличений.

Я знал многих летчиков и 3-го и 4-го авиаполков. Не могу не говорить о них с глубочайшим уважением, с глубочайшею признательностью. Я. Г. Жигалев, М. А, Никифоров, М. М. Лобанков, С, Н. Рыбаков, В. М. Александров, В. В. Сиротин, Н. В. Алексеев, А. И. Передери, И. Д. Черкашин, Н. И. Синицын, И. И. Рышков, Е. И, Реут, Н. П. Сабуров, Б. И. Соколов, Их и их товарищей по оружию знали и любили, им были обязаны, им радовались в каждом отряде.

Не могу не рассказать подробнее о Якове Григорьевиче Жигалеве. Начальник штаба полка. Летал при этом ничуть не меньше других, причем часто в самое пекло, предпочитая рисковать собой, а не своими подчиненными. Так вот, был он инвалидом. В 1933 году, будучи летчиком-инструктором, потерпел аварию и лишился левой ноги. С полетами ему пришлось, конечно, расстаться. Но когда началась война, он добился права встать в строй. И воевал до победы. Среди его боевых наград три ордена Красного Знамени.

Ходил Жигалев, заметно прихрамывая, но никакой ущербности не чувствовал, а над протезом своим только посмеивался. Вот, например, как он рассказывал об одном из своих боевых вылетов зимой сорок второго года. Летел он тогда на У-2, не имевшем, как известно, никакой броневой защиты, и попал под сильный вражеский огонь.

— Представь себе, как саданет рядом — изрешетило всю кабину, приборы вдребезги, а пара осколков — в протез! Только

клочья полетели! Теперь смотри: если бы своя нога — госпиталь, а то и хуже. Мог бы и не долететь. А так хоть бы что. Вернулся, протез отстегнул и в ремонт. Ни тебе операций, ни перевязок…

Историю эту он, правда, рассказал не до конца. Наверное, потому, что конец был не такой развеселый.

Выйдя из-под огня, он тянул потрепанную машину к линии фронта, и здесь его снова обстреляли. На этот раз везенья не было: осколки попали и в правую ногу, и в руку, и в лицо. Самолет перестал слушаться, упал в лес. Но Жигалев добрался все-таки до какой-то нашей части, оттуда его отвезли в госпиталь, выходили, и он опять оказался в строю.

Интересной была судьба самого молодого из командиров тяжелых по тем временам транспортных машин ЛИ-2 Владимира Васильевича Сиротина. Он и доныне живет в Ленинграде, после войны стал летчиком Аэрофлота, удостоен звания «Заслуженный пилот СССР».

В мае 1943 года Сиротин летал еще на У-2. Во время одного из полетов во вражеский тыл был сбит, но сумел при падении смягчить удар и остался жив. Место аварии его машины заметил пилот другого самолета У-2, летевшего на это же задание, С. Гвоздев. Совершив посадку на партизанском аэродроме, Гвоздев забрал раненых и благополучно вернулся на базу. Но тут же взлетел снова: вместе со штурманом Ф… Бондаренко он спешил на помощь Сиротину. И… был сбит на том же самом месте. К счастью, и на этот раз падение оказалось благополучным — и летчик, и штурман остались живы. А дальше все трое оказались в одном из отрядов 6-й бригады. Обстановка была сложной, и отправить их в советский тыл долго не могли. Летчики превратились на время в партизан, воевали на земле.

Были в практике наших авиаторов и такие полеты, которые вполне могли бы дать пищу для сценария остросюжетного фильма. Вот один из них.

Ленинградский штаб партизанского движения приказал доставить в советский тыл руководителя Псковского межрайонного партийного центра В. Ф. Михайлова. Партизанских аэродромов поблизости не было, и подпольщики решили организовать посадку нашего самолета на вражеский аэродром недалеко от Пскова. Этот аэродром немцами временно не использовался, на нем был оставлен только взвод охраны.

Операцию подготовили тщательно. Жители соседней деревни запасли солидное количество самогона, а 14 сентября, зная, что у одного ефрейтора из охраны аэродрома день рождения, сделали так, что самогон этот попал к немцам. Те устроили на радостях перворазрядную попойку и веселились до того самозабвенно, что

не слышали ничего вокруг. А тем временем летчик В. Л. Семенов посадил свой У-2 на аэродром, забрал Михайлова и преспокойно взлетел. Охранники догадались, что у них под носом что-то ночью произошло, лишь на следующий день, когда, протрезвев, обнаружили на снежной целине следы самолетных лыж.

157 вылетов к партизанам совершил летчик И. И. Рышков, 138 — Е. И. Реут, 117 — командир звена Н. И. Синицын. О них и многих других хотел бы я рассказать, но объем книги не позволяет. Приведу поэтому только выдержку из приказа начальника ЛШПД М. Н. Никитина об итогах боевой деятельности 4-го авиаполка:

«28 июня 1944 г.

Ленинградские партизаны в своей беспримерной, героической борьбе с фашистскими разбойниками получили значительную помощь и поддержку от 4-го отдельного авиационного полка Гражданского воздушного флота, обслуживавшего в период с августа 1942 года по май 1944 г. нужды партизанского движения в Ленинградской области. За это время благодаря хорошей работе летно-технического состава полка было заброшено в тыл противника 2762 командира и бойца партизанских отрядов и подпольных партийных работников.

В апреле 1943 года менее чем за 7 дней в тыл врага для боевой работы на важнейших коммуникациях противника на самолетах У-2 и Р-5 была переброшена партизанская бригада тов. Бредникова в количестве 450 человек со всем боевым снаряжением и необходимым запасом продовольствия…

…Полком доставлено в тыл противника действующим партизанским бригадам и отрядам свыше 15 тысяч винтовок и автоматов, 16 млн. различных патронов, 170 тонн взрывчатки, 180 тонн продовольствия, свыше 5 млн. экземпляров газет и листовок, а также медикаменты, инженерное и другое имущество. Из тыла противника вывезено около 2000 раненых партизан. Всего полком сделано 3038 боевых ночных вылетов, из них 629 с посадкой в тыл противника.

…За образцовое выполнение боевых заданий Ленинградского штаба партизанского движения 198 человек летно-технического состава полка награждены орденами и медалями СССР и 68 человек — медалями

„Партизану Отечественной войны“…»[93]

«БРИГАДА ВЫШЛА ИЗ КОЛЬЦА ЭКСПЕДИЦИИ В РАЙОН РУГОДЕВСКИХ ЛЕСОВ…»

1943 год, 5–6 сентября

С напряженным вниманием следили мы за положением на фронтах войны. Лето 1943 года было богато событиями, которых после победы под Сталинградом с нетерпением ожидали все. Мы верили, что по гитлеровским войскам будет нанесен новый мощный удар, и жили его ожиданием. Но первые сообщения о развернувшейся гигантской битве были для нас, не знавших, конечно, замыслов советского командования, тревожными.

5 июля гитлеровцы из районов Орла и Белгорода начали мощное наступление на Курск. Стремясь расчленить советские войска у основания выступа, вклинившегося на многие километры в оборону войск вермахта, гитлеровские генералы рассчитывали отсечь этот выступ, изолировать его, окружить, а затем уничтожить бившиеся на этом участке фронта части Красной Армии. Планировалось по сути дела то же самое, что было осуществлено под Сталинградом. Только на этот раз в «котле» должны были оказаться наши армий.

Однако планам гитлеровцев не дано было осуществиться. Советское командование ждало этого удара, хорошо было подготовлено к нему, располагало достаточным количеством сил для ответных действий. Наступление было остановлено, неприятеля вынудили перейти к обороне, а затем по нему ударили сначала Западный и Брянский фронты, перешедшие 12 июля в решительное контрнаступление против орловской группировки врага, а затем, 15 июля, Центральный фронт, К 18 августа после яростных многодневных боев окончательно потерявшие инициативу гитлеровцы были отброшены на рубеж юго-восточнее Брянска. 3 августа началось контрнаступление Воронежского и Степного фронтов против белградско-харьковской группировки войск противника. 5 августа были освобождены Орел а Белгород, а 28 августа — Харьков.

За 50 дней непрерывных ожесточенных сражений войска Красной Армии начисто разгромили 30 гитлеровских дивизий, 7 из которых были танковыми. Враг потерял свыше 500 тысяч своих солдат и офицеров. Курская битва положила конец наступательной стратегии гитлеровского командования.

Коренной перелом в Великой Отечественной войне был завершен. Стратегическая инициатива, захваченная Красной Армией под Сталинградом, окончательно закрепилась за ней.

Все это отзывалось унынием в рядах гитлеровских армий и новым подъемом вооруженной народной борьбы во вражеском тылу. На наших глазах развивался тот самый процесс, который в последствии был описан в «Истории КПСС» следующими словами: «…партизанское движение в 1943 году стало массовым, превратилось в грозную силу для врага… Широкий размах партизанское движение получило в оккупированных областях РСФСР — Ленинградской, Орловской, Смоленской и Калининской, на Украине, в Белоруссии и в Крыму, Оно быстро нарастало в Латвии, Литве, Эстонии, Молдавии. К концу 1943 года насчитывалось свыше миллиона вооруженных партизан…»[94]

* * *

На моем столе лежала радиограмма. Я смотрел на только что принесенный дежурным радистом бланк, в голове прыгали какие-то мысли, вспыхивали и тут же исчезали обрывки воспоминаний, образуя несусветную сумятицу, и сквозь все это проступали написанные карандашом слова: в ночь с 5 на 6 сентября погиб Герман.

Как-то особенно долго не мог я сосредоточиться. Все мы понимали, конечно, самую что ни на есть реальную возможность гибели любого из нас. Мы давно привыкли к этой мысли и, наверное, поэтому редко к ней возвращались. Когда вокруг тихо, незачем омрачать себе существование размышлениями о смерти, а в бою, в минуты реальной угрозы, думать об этом попросту некогда. И каждая смерть больно ударяла по сердцу.

Сколько погибло моих боевых товарищей! Пикарчук, Савченко, Кныш, Гусев, Курбит, Харченко, Глебов, Пушкин, Пахомов, Васильев… И вот теперь Герман. Казалось бы, ко всему должны были мы привыкнуть. Но сознание упорно отказывалось в первые минуты приникать эту страшную весть — погиб. Я никак не мог поверить в то, что Саши Германа уже нет, что осталась о нем только наша память в теперь самое большее из того, что можем мы для него сделать, передать эту память людям и заботиться о том, чтобы была она вечной.

Под некрологом, опубликованным 14 сентября 1943 года в газете «За Советскую Родину», стоит и моя подпись. Но еще и тогда, помню, все во мне сопротивлялось жестокости

произошедшего. Позже, будучи вызван в Ленинград, я прочел в штабе партизанского движения донесение начальника политотдела 3-й бригады М. Л. Воскресенского. Этот документ дает наиболее точное представление об обстоятельствах гибели Александра Викторовича.

«В первых числах сентября немцы начали крупную карательную экспедицию, направленную главным образом против партизан 3-й бригады.

5 сентября 1943 года бригада стояла в районе деревень Шариха и Станки Новоржевского района Калининской области. Стянув в этот район крупные силы, немцы еще в первой половине дня завязали бой на участках 2-го и 1-го полков, и к вечеру дислокация бригады была обложена со всех сторон. Весь день над расположением отрядов кружились немецкие самолеты и сбрасывали листовки. В этих листовках было написано: „Вы окружены 6000 немецких солдат. Ваше сопротивление бессмысленно. Сдавайтесь в плен. Со всеми сдавшимися в плен партизанами будут обращаться так же, как с пленными красноармейцами“. Листовка подтвердила еще раз, что мы имеем дело с организованной карательной экспедицией. Командование бригады приняло решение выйти из зоны действия экспедиции на юго-восток.

Бригада выступила с наступлением темноты. Для ликвидации засад противника, которые должны были встретиться в пути нашего движения, Александр Викторович приказал выделить боевой отряд. У дер. Житница идущий впереди колонны полк тов. Худякова был обстрелян засадой немцев, расположенной на высотах и в самой деревне. Позднее было установлено, что в Житнице находилась не засада, а стоял гарнизон, численностью в 500 человек, и располагался штаб группировки карательной экспедиций.

Выход был один — разгромить этот гарнизон и с боем выйти из вражеского кольца.

Ленинградский полк Худякова прорвал немецкую оборону, ворвался в деревню и с боем прошел. В этом бою пали героической смертью начальник штаба полка тов. Бойков и начальник санитарной службы полка тов. Добрягин. Командир полка тов. Худяков был тяжело ранен. Шедший в это время вслед за полком Худякова 4-й полк тов. Ефимова был значительно слабее в боевом

отношении, так как личный состав его в основном состоял из людей, недавно вступивших в отряды и еще не обстрелянных в достаточной степени. Поэтому 4-й полк не сумел воспользоваться прорывом и пройти вслед за полком Худякова. Враг сразу же снова закрыл проход.

Тов. Герман, видя замешательство 4-го полка, отдал приказ отряду № 11, который двигался со штабом бригады за 4-м полком, выдвинуться вперед и сам повел отряд на штурм высоты, занимаемой противником, С маузером в руке, с криком: „Вперед! За Родину!“ — Александр Викторович бросился на немцев. Бойцы устремились вслед за Александром Викторовичем. Каратели с высоты были сбиты. Вместе с тов. Германом шли его адъютант тов. Лемешко и начальник штаба бригады тов. Крылов. Лемешко ранило, Александр Викторович отправил его назад.

Продолжая идти вперед, Александр Викторович сказал мне; „Я ранен“. Когда ему предложили идти в санитарную часть, он резко отказался. Так же резко он отказался от перевязки, когда к нему подошла медицинская сестра.

Уже раненный, Александр Викторович крикнул: „Друзья, вперед, на деревню!“ Отряд ворвался в Житницу. Фашисты отчаянно сопротивлялись. Они бросали из-за углов гранаты, стреляли из пулеметов и автоматов, но партизаны, предводительствуемые своим любимым комбригом, громили немцев до тех пор, пока не выбили их из деревни. Тов. Герман вместе с отрядом вбежал в деревню. Рядом с ним был раненый начальник штаба бригады тов. Крылов и его адъютант тов. Синельников. Синельников рассказывает: „Александра Викторовича ранило в голову. Он вскрикнул и упал“… Имея на руках раненого Крылова, Синельников снял с убитого снаряжение. В это время немцы открыли ураганный огонь по деревне, и все попытки вынести тело командира потерпели неудачу.

Тов. Ломовцев с группой разведчиков через день пробрался на место боя. Умело скрываясь, минуя вражеские гарнизоны и засады, разведчики проникли в дер. Житница, нашли тело Александра Викторовича, вынесли его, положили на подводу и днем, с большим риском наткнуться на немцев, привезли его в бригаду за 30 км (от места боя).

Немецкий гарнизон в дер. Житница был разгромлен.

На улицах деревни и на ее подступах валялось 370 вражеских трупов, 8 сожженных автомашин, 1 орудие, 1 миномет, 33 лошади и 5 повозок с боеприпасами.

Бригада вышла из кольца экспедиции в район Ругодевских лесов…»[95]

…Тело Германа было переправлено на самолете в советский тыл. Похоронили Александра Викторовича на площади Свободы в Валдае, рядом с Николаем Григорьевичем Васильевым.

НАКАНУНЕ РЕШАЮЩИХ ПЕРЕМЕН

1943 год, сентябрь

Прошел уже год с того дня, когда, выполняя приказ Васильева, я вывел из окружения в Партизанском крае свой полк и ушел с ним на юг. Это было тяжелое время. Под напором многократно превосходивших нас сил мы были вынуждены оставить обжитой район и уйти на поиски и освоение новых мест. В истории партизанского движения на территории Ленинградской области произошел тогда крутой поворот.

Хочу отметить здесь существование пробела — и, на мой взгляд, весьма досадного — в исследованиях, посвященных партизанской войне на территории нашей области. Ни в одном из них не нашел я конкретной периодизации, ни один из историков не сказал: вот это первый этап, он характерен тем-то и тем-то, а вот это — второй, третий… А ведь для правильного понимания развития того или иного исторического процесса такой подход просто необходим.

Единственный автор, который подошел к решению названной задачи почти вплотную, -Ю. П. Петров, чрезвычайно добросовестную и ценную монографию которого я неоднократно упоминал уже в своих записках. Но и он четкой периодизации все-таки не дал. Считаю поэтому необходимым высказать свое мнение, заранее, впрочем, оговорив, что на строгую научность, подетальную разработанность оно не претендует.

В первый, начальный период шел процесс становления: вооруженная борьба во вражеском тылу обретала свои формы, вырабатывались также и формы централизованного руководства ею. Этот процесс закончился в основном уже к сентябрю — октябрю 1941 года. Главной ареной борьбы с оккупантами в их тылу стал Партизанский край.

Именно постоянность места базирования основных партизанских сил составляет отличительную черту второго периода борьбы в тылу врага под Ленинградом. Формы и методы этой борьбы, формы и методы руководства движением не претерпели уже практически до самого освобождения области от захватчиков существенных изменений-они только совершенствовались, В зависимости от обстоятельств изменялась только тактика. Этот период охватывает время с октября 1941 года по август 1942 года.

Третий период характерен тактикой рейдов. Партизанский

край удержать не удалось. Создать новый в каком-то другом месте — тоже. Наши подразделения были вынуждены действовать, не имея постоянных мест базирования.

Четвертый, заключительный период начался осенью 1943 года. Его характерной особенностью стало превращение партизанского движения во всенародное — на базе создания новых, полностью очищенных партизанами от оккупантов районов. Вспыхнуло народное вооруженное восстание. Вся оккупированная территория Ленинградской области превратилась по сути дела в сплошной Партизанский край.

Я хотел бы в этой связи поделиться с читателями некоторыми своими соображениями по поводу сравнения обозначенных мною второго периода с третьим. Дело в том, что здесь имеются до сих пор разночтения и нет-нет да приходится выслушивать суждения довольно странного толка.

Есть такая формулировка: «ликвидация Партизанского края». Она по сути верна — в самом деле, раз края не стало, значит, мы вправе сказать, что он был ликвидирован. Но вот как раз это слово — «ликвидация» — и дало почву для кривотолков.

Кто ликвидировал Партизанский край? Если немцы, значит, это было поражение. Если советское командование — значит, это признание ненужности края. Рассуждение простое и подкупающе доходчивое. Добавьте к этому явно негативный характер самого слова «ликвидация» (ликвидируют ведь всегда то, что не нужно, что мешает) — и… все запутается окончательно.

О том, что четвертая карательная экспедиция не привела оккупантов к победе, а партизан к поражению, я писал уже выше. Задачей карателей было уничтожение наших бригад, но это им не удалось. Интенсивность наших боевых действий не стала в тот период меньшей, изменился только их район.

Значит, край был ликвидирован советским командованием? Значит, сама его идея оказалась несостоятельной? Тоже неверно. Выход из края был мерой вынужденной, общая установка оставалась прежней: вся Ленинградская область должна быть превращена в Партизанский край. Так оно и стало впоследствии.

Но откуда же тогда кривотолки? Дело здесь, по-моему, вот в чем.

Еще в 1942 году, в самый активный, плодотворный и устойчивый период существования Партизанского края, как среди некоторых руководителей, так и среди участников борьбы во вражеском тылу получило распространение довольно странное, на мой взгляд, мнение: создание краев, в особенности же оборона их от карателей — дело слишком трудное, неперспективное, а поэтому и ненужное. Оно не только заранее обречено на провал,

но еще и отвлекает партизан от выполнения основных задач, Выше я писал уже о том, что такой точки зрения придерживался, в частности, Александр Викторович Герман, считавший действия рейдующих партизанских подразделений гораздо более эффективными и относившийся поэтому к самой идее края довольно скептически. Впоследствии на такую позицию встали и некоторые историки, упоминающие стыдливо о каких-то «ошибках», допущенных якобы в крае, но ни слова, однако, не говорящие о том, что же это за ошибки были. Мне кажется, что и здесь причина заблуждения все в той же формулировке: «ликвидация Партизанского края». Если же вернуться к практикам, я назову еще только одну, но хорошо известную фамилию: К. Д. Карицкий, командир 5-й ЛГШ.

Константин Дионисьевич, как и Герман, всегда был сторонником действий стремительными и неожиданными рейдами, доказал на практике их высочайшую эффективность. Если бы весной сорок третьего у него спросили, что он предпочитает, рейдовать или создать новый Партизанский край и действовать с его территории, — он, безусловно, ответил бы: «Только рейдовать!» И осенью 1943 года первым в Ленинградской области… создал фактически новый Партизанский край. Это особенно интересно еще и в той связи, что именно в то время и именно 5-я бригада стала наиболее активной среди воевавших на оккупированной территории Ленинградской области.

Наблюдая за боевыми действиями в немецком тылу, я все время ожидал услышать из официальных источников такие слова: «Поставленная обкомом ВКП(б) летом 1942 года задача расширения границ Партизанского края успешно рыполняется». По сути дела, мы видели именно это. Но размах происходившего требовал обозначения другими словами: «вооруженное народное восстание». Рядом с ним понятие «Партизанский край» — пусть даже самый огромный — блекло. И его «сняли с вооружения».

Суть же, конечно, не в словах, не в названиях. Я возвращаюсь к термину «Партизанский край» только потому, что стремлюсь избежать путаницы, обязательно возникающей тогда, когда смешиваются разные понятия и забывается перспектива описываемых событий. Восстание — это форма действия, Партизанский край — форма организации, так что одно другого не исключает. Что же касается перспективы, то она выглядела только так: в 1942 году Ленинградский обком партии нацелил партизан на расширение границ края и, пережив трудности конца 1942-го и начала 1943 годов, временно взяв на вооружение как основную тактическую форму действия рейдами, партизанские бригады осенью 1943 года в основном именно эту задачу и

выполнили. Абсолютно прав доктор исторических наук Н. И. Макаров, пишущий: «…безусловно неверной считаем мы ту точку зрения, будто бы партизанские края и борьба за их сохранение лишь затрудняли и осложняли дело, тормозили развитие партизанской борьбы, приносили малый эффект… Рейды и партизанские края, как показывает опыт, нельзя противопоставлять друг другу, умалять значение одних и отдавать предпочтение другим. Создание партизанских краев не было самоцелью. Они возникали лишь тогда, когда для этого складывались достаточные предпосылки, и ликвидировались, когда изменялась обстановка и удержание краев становилось трудным и нецелесообразным».[96] Осенью 1943 года все предпосылки для превращения оккупированной территории Ленинградской области в сплошной Партизанский край были созданы. Оставалось только воспользоваться ими. Как раз об этом я и хочу повести дальше речь. Однако здесь необходима некоторая оговорка. К настоящему времени боевая деятельность партизан, воевавших в тылу врага в полосе Волховского фронта, получила уже довольно подробное освещение в печати. Рассказы о ней можно найти в сборниках,[97] ей посвящались отдельно вышедшие книги и брошюры.[98] Особое место в этом ряду занимают работы ленинградских историков Панкратия Романовича Шевердалкина[99] и Василия Петровича Самухина.[100] Оба они — непосредственные участники борьбы в тылу врага. П. Р. Шевердалкина я уже упоминал выше — это его сменил я летом 1943 года в должности заместителя начальника Волховской оперативной группы Ленинградского штаба партизанского движения.

А В. П. Самухин командовал в годы войны партизанским отрядом, затем воевал в составе 11-й ЛПБ, в 1944 году был помощником начальника штаба бригады. В работах П. Р. Шевердалкина и В. П. Самухина действия основных партизанских сил в полосе Волховского фронта — 5-й и 11 — и бригад — освещены весьма широко.

Памятуя обо всех этих публикациях, я не ставил перед собой задачу подробного описания действий бригад. Остановлюсь только на важнейших, по моему мнению, моментах в их жизни, а также на событиях, свидетелем или участником которых был я сам. В этой связи считаю необходимым подчеркнуть, что написанное мною ни в коем случае не претендует на право называться полным описанием. Читатель держит в руках воспоминания бывшего партизанского командира, знакомится с его размышлениями о том или ином событии — не более.

* * *

Я писал уже о том, что севернее железной дороги Псков — Старая Русса находились районы, освоить которые партизанам длительное время не удавалось. Чрезвычайно заманчиво было сосредоточить здесь силы еще в самом начале войны: железные и шоссейные дороги, пересекавшие эти места, имели важное стратегическое значение. Именно по ним перебрасывалась большая часть грузов для гитлеровских войск, противостоявших войскам Ленинградского и Волховского фронтов. Однако немецкое командование тоже понимало значение района и расположило здесь десятки крупных гарнизонов. Пожалуй, нигде в области не было сосредоточено столько охранных войск: до шести дивизий. Вот почему история освоения этих районов партизанами была в первой своей части трагической.

Еще в двадцатых числах июля 1941 года здесь попытался развернуть боевые действия 5-й Ленинградский партизанский полк вод командованием К. Н. Валовича. В сентябре под непрерывными ударами врага он был рассеян и фактически прекратил свое существование. Полк понес огромные потери, только немногим из партизан удалось, объединившись в маленькие группы, просочиться через линию фронта. Примерно в то же время здесь были разгромлены партизанские отряды Плюсского, Уторгошского и Стругокрасненского районов.

Зимой 1941/42 года район пыталась освоить 1-я Волховская партизанская бригада. Но ее судьба по сути дела очень мало чем отличалась от судьбы полка Валовича.

Созданный в конце 1942 года Оредежский межрайонный подпольный партийный центр был полностью уничтожен карателями. И этим список наших неудач не исчерпывался. Мне, например, довелось на собственном опыте убедиться в полной почти невозможности освоения этих районов, когда осенью 1942 года я привел сюда из Партизанского края остатки своего полка. Вместе с бригадой А. В. Германа мы пытались зацепиться здесь и не смогли, вынуждены были уйти на юг.

К лету 1943 года, когда на север вышла бригада К. Д. Карицкого, обстановка здесь отнюдь не стала более благоприятной. Достаточно назвать только соотношение сил: 337 партизан бригады (численность на 30 июня 1943 года) против 5000 карателей, поддержанных танками, артиллерией и авиацией. В июне положение бригады было критическим. В многодневных боях и во время труднейшего перехода в новый район боевых действий она потеряла, казалось, все силы. Не было возможности принимать самолеты из советского тыла,

постоянные бои и маневрирование затрудняли заготовку продуктов. Возникла острая нехватка патронов, люди голодали, многочисленные раненые сковывали движение.

И все-таки бригаде Карицкого удалось выстоять. Больше того, она не только укрепилась в новом районе, но с конца лета начала стремительно расти. Что же касается активности ее боевых действий, то о ней дает представление хотя бы такая вот краткая хроника середины июля:

ночь на 14.07.43 — на шоссе Уторгош — Николаеве взорван мост через реку Черная;

ночь на 15.07.43 — на шоссе Уторгош — Николаеве уничтожен штабной автобус с 18 офицерами;

16.07.43 — в лесном бою около деревни Николаево убито и ранено более 80 гитлеровцев;

ночь на 18.07.43 — сожжен льнозавод в деревне Хредино, разгромлены Павская и Всинская волостные управы, взорван мост на Киевском шоссе;

24.07.43 — уничтожена охрана лагеря военнопленных в деревне Уторгош, заключенные освобождены, большинство из них влилось в состав бригады.

Нельзя не отметить и успешной работы партизан бригады с местным населением. Отлично понимая, что это и есть одно из главных звеньев, держась за которое, можно, по ленинскому определению, «вытянуть всю цепь», командование 5-й ЛПБ придавало работе с населением особое значение. Ее вели постоянно и всеми имеющимися силами: каждый отряд, каждая диверсионная группа, отправляясь на задания, обязывались вести пропаганду и агитацию среди местных жителей. Таким образом зона политического воздействия бригады распространялась и на районы, находившиеся в значительном удалении.

Политотдел бригады, возглавляемый опытным партизаном, в прошлом секретарем Оредежского райкома партии, Иваном Ивановичем Исаковым, организовал выпуск и постоянно распространял на значительной территории многочисленные листовки, обращения к населению, бригадную газету «Партизанская месть».[101]

Они несли жителям оккупированных районов правду о событиях на фронтах войны, ориентировали советских граждан в складывавшейся обстановке, звали к активным действиям против оккупантов.

Все это приносило свои плоды. Сотни и сотни крестьян, представителей местной интеллигенции становились активными помощниками партизан. В ряды борцов вставали даже священнослужители. Помню одного из них — Ф. А. Пузанова. Он

был впоследствии награжден медалью «Партизану Великой Отечественной войны». Благодаря активной работе среди населения бригада получила надежную опору во всех своих делах, прочный резерв для своего пополнения.

Чтобы читатель яснее представил себе, насколько стремительно пополнялась бригада, приведу несколько цифр. В начале сентября в связи с наметившимся притоком свежих сил 5-я ЛПБ произвела реорганизацию своей структуры. На смену отрядам пришли полки: П. Ф. Скородумова, А. Ф. Тараканова и С. Н Чебыкина. Численность бригады составляла 438 человек. Но уже к началу октября, всего только через месяц, в бригаде было 3500 бойцов, был организован еще один полк — В. В. Егорова, бригада стала крупнейшей в области и продолжала стремительно расти. Думаю, что комментарии здесь не нужны.

Создание полков и предоставление им большей, чем отрядам, самостоятельности и инициативы потребовали закрепления за ними определенных зон базирования и боевых действий. Полку Скородумова была отведена зона между Плюссой и Стругами Красными, полку Тараканова — между Плюссой и Лугой, полку Чебыкина — между Уторгошем и Батецкой, полку Егорова — между Уторгошем и Сольцами. Таким образом, на огромной территории протяженностью о севера на юг до 100 и с востока на запад до 75 километров все участки Варшавской и Витебской железных дорог, все шоссейные дороги оказались под контролем партизан. 5-я бригада, действуя с каждым днем все увереннее и масштабнее, становилась фактически хозяином нового, ничуть не уступавшего первому, а во многом и превосходившего его Партизанского края. Для того чтобы район ее боевых действий получил право так называться, оставался один шаг; уничтожить волостные и местные управы и создать органы нашей власти.

«К ОРУЖИЮ, ТОВАРИЩИ!»

1943 год, сентябрь — октябрь

Победы давались нам нелегко. И не только в том дело, что воевали мы с противником очень сильным. Были и наши просчеты. Не по злому умыслу они совершались, не по глупости, не по трусости или неспособности действовать здесь тоже нельзя упрощать. Шла борьба, участвовали в ней тысячи людей, все они стремились к победе. Но пути к ней выбирали не всегда одинаковые и не всегда, к сожалению, безошибочно.

* * *

23 сентября в Хвойную возвратился наконец из затянувшейся своей командировки в 11-ю бригаду Гузеев, Прилетел усталым, похудевшим, обросшим и обносившимся. Почти два месяца пробыл он в немецком тылу, причем на них пришлась особая активность карателей. Впрочем, времени на отдых ему не дали вызвали в штаб. Вместе с ним вылетел в Ленинград и я.

О причине такой поспешности я узнал только в штабе. Бригада, из которой Гузеев только что вернулся, вопреки решениям ЛШПД покинула район боевых действий и двинулась на юго-запад. С точки зрения работников штаба (да и можно ли было иметь иную!), это было ЧП. Впрочем, обратимся к рассказу участника событий — автора книги «Волховские партизаны» В. П. Самухина: он, как я уже писал, сам воевал в 11-й бригаде.

В конце сентября активность карателей пошла на убыль. Бригада, рассредоточившая до этого свои силы для отрыва от преследования, вновь собрала отряды. И вот что за этим последовало:

«Сразу же устроили совещание командно-политического состава… Надвигалась осень, а в бригаде плохо было с обувью, обмундированием, продуктами. Кругом рыскали карательные отряды. Большинство командиров считало, что бригада не сможет действовать здесь в зимних условиях, и предложило перейти в западные районы. Гузеев поддержал это предложение.

Были разработаны три маршрута движения бригады на юго-запад к новым местам действий. 23 сентября в советский тыл на самолетах отправили раненых и начальника Волховской оперативной группы. Через некоторое время бригада тремя

колоннами двинулась в путь…»[102]

Помню, первое, что сказал Никитин, выслушав доклад Гузеева, было:

— Значит, совещание провели… Да кто же давал право командирам отрядов решать такие вопросы! Что у них там — партизанская бригада или колхоз? Опять совещаниями заболели…

Надо сказать, что в начале войны многие партизанские отряды действительно пережили «болезнь совещаний». Митинговали по любому поводу, иногда даже в боевой обстановке. И Ленинградский штаб приложил много сил к тому, чтобы руководство партизанскими подразделениями велось так же, как армейскими. Это было трудно: все-таки партизаны — не армия. Но так или иначе, а порядок был наведен. В этой связи рецидив старой «болезни» в 11-й бригаде выглядел какой-то нелепицей. Причем для иллюстрации порочности подобного метода руководства лучшего примера, пожалуй, не сыскать. Судите сами: Ленинградский штаб выдвигает как одну из важнейших задач освоение партизанами северных районов области, а командиры отрядов 11-й бригады, посовещавшись, решают, что воевать надо вовсе не здесь, и бригада уходит на юго-запад…

Свидетелем того, какой нагоняй получил за все это Гузеев, был я сам. О том же, что произошло в бригаде, читаем у В. П. Самухина:

«Далеко уйти не успели. 29 сентября из Ленинграда получили радиограмму. Штаб требовал немедленно прекратить поход и собрать все отряды в прежнем районе.

Ночью 8 октября самолеты доставили в бригаду начальника отдела кадров партизанского штаба П. Г. Матвеева, руководителя разведотдела подполковника К. Т. Василенко и А. А. Гузеева. Сразу же был собран командно-политический состав бригады, которому зачитали приказ Ленинградского штаба об отстранении комбрига А. П. Лучина и начальника штаба С. М. Беляева от занимаемых должностей. Комиссар бригады получил в приказе серьезное предупреждение.

Новым командиром бригады назначался Н. А. Бредников, начальником штаба А. И. Сотников…»[103]

Отстранение от должности командира и начальника штаба бригады — событие, конечно же, нешуточное, и в Ленинграде не вдруг пошли на такой шаг. При этом никто не ставил под сомнение личную храбрость и личные боевые заслуги Лучина и Беляева: штаб констатировал только многочисленные их просчеты в руководстве бригадой и на этом основании отстранил

обоих от руководства ею.

Хочу подчеркнуть еще раз, что рассказал обо всем этом подробно вовсе не для того, чтобы попытаться принизить роль 11-й бригады в борьбе с оккупантами, не для того, чтобы занимательности ради поворошить былью ошибки — благо не свои. В. П. Самухин безусловно прав, когда пишет: «Теперь об этом легко судить. А тогда, в пекле фашистского тыла, никто не был застрахован от ошибок». И ошибки действительно совершались, действительно не одними удачами вымощен путь ленинградских партизан к победе. Только о чем это свидетельствует? Да прежде всего об огромной сложности борьбы.

А 11-й бригаде суждено было еще немало славных дел. И о них я тоже расскажу.

В оккупированных районах Ленинградской области октябрь сорок третьего года стал месяцем начала всеобщего народного вооруженного восстания. В эти дни события развивались настолько стремительно, что за ними трудно было уследить. Накапливавшаяся в течение двух с лишним лет ненависть советских людей к захватчикам выплеснулась мощной волной, в очень короткое время разрушив все то, что именовалось гитлеровцами «новым порядком». Враг удерживал еще фронт, но контролировать положение в собственном тылу уже не мог. Начинался заключительный этап борьбы в тылу врага под Ленинградом. Ее размах, массовость, масштабность и по прошествии многих лет будут в состоянии поражать воображение.

В те дни мы, работники опергруппы, покоя не имели. Создавшиеся условия позволяли планировать и осуществлять все более крупные боевые акции. Многократно возросла активность партизанских действий, а это требовало от работников штаба четкого и безошибочного руководства, точной координации движения всех тех огромных сил, которые оказались в нашем подчинении. Бурный рост численности партизанских бригад требовал кроме всего прочего еще и материальной поддержки. Радиограммы из вражеского тыла были похожи, как патроны в обойме: все реже упоминалось в них продовольствие — просили винтовок, автоматов, боеприпасов.

Базы в Хвойной и Александровской опять работали на пределе. Летчики, как мне казалось, не выходили из своих самолетов. И этого было все-таки мало. Наши возможности никак не поспевали за событиями.

Мы находили все новые и новые резервы. Делали все, что могли, и даже то, чего в принципе не могли. Но, чтобы читатель яснее представил себе картину происходившего, я должен прежде

хоть вкратце рассказать о том, что представляло из себя восстание в тылу гитлеровцев вообще.

Оно вспыхнуло именно в октябре не случайно. К этому времени ленинградские партизаны перестали укрываться в лесах, они вышли в деревни, демонстрируя тем самым населению свою возросшую мощь, свое презрение к врагу, свою способность давать ему решительный отпор. В народе резко активизировались силы сопротивления захватчикам, временно подавленные жестокостью оккупантов, но никогда не иссякавшие. Чаша ненависти к врагу давно уже была полна. Теперь требовалась только капля, чтобы народному долготерпению пришел конец. И этой каплей стал очередной приказ немецкого командования — о создании в прифронтовой полосе так называемой «мертвой зоны».

Зная, что без опоры на местное население партизаны становятся многократно слабей, понимая опасность разраставшейся народной борьбы в своем тылу и не находя для ее подавления иных средств, командование группы армий «Север» приняло решение: выселить жителей всех прифронтовых районов на запад, их имущество конфисковать, а населенные пункты уничтожить. Партизаны должны были лишиться в результате базы, а Германия — получить даровую рабочую силу, которую предполагалось использовать на строительстве оборонительных сооружений и на других работах, имевших военное значение. Конфискованные имущество, скот, сельскохозяйственные продукты должны были заткнуть брешь, образовавшуюся в результате массового саботажа, практически сорвавшего летом сорок третьего года планы оккупантов, касавшиеся заготовок под Ленинградом.

К непосредственному осуществлению задуманного гитлеровцы приступили в конце сентября. И тут же столкнулись с непреодолимым сопротивлением, которое возрастало день ото дня и не поддавалось даже частичному ослаблению ни силой, ни хитростью. Гдовская полевая комендатура, например, прибегла к такой уловке. В выпущенном ею обращении к населению говорилось: «Германская армия хочет решительно покончить с партизанами в ее тылу. Чтобы мирное население не пострадало от решительных действий, которые будут применены к партизанам и их укрывателям, приказывается вашу местность эвакуировать».[104] Но ведь народ знал истинную цену «заботе» оккупантов! Эвакуироваться добровольно не хотел никто. И тогда гитлеровцы стали действовать силой оружия: врывались в деревни, выгоняли жителей из домов, всех сопротивлявшихся расстреливали на месте, остальных гнали под вооруженным конвоем на запад. Дома сжигали. Имущество крестьян, скот, хлеб

конфисковывали и отправляли в Германию.

Посеявший ветер пожнет бурю, гласит древняя поговорка. И буря разыгралась. Весь народ поднялся на открытую вооруженную борьбу. В считанные дни восстание охватило все оккупированные районы области. Вот несколько дат и цифр.

21 сентября гитлеровское командование издало приказ о немедленной эвакуации населения «с использованием всех средств и возможностей».[105]

24 сентября Ленинградский обком ВКП(б) обратился к населению оккупированных районов области с воззванием: не подчиняться немецким властям, срывать все их планы, подниматься на борьбу.[106]

27 сентября газета «За Советскую Родину» опубликовала обращение Ленинградского штаба партизанского Движения к партизанам Ленинградской области. В нем говорилось о необходимости усилить удары по захватчикам, взять мирное население под свою защиту, возглавить все расширяющуюся народную борьбу.[107]

И за первые десять дней октября партизанские формирования приняли в свои ряды около 3000 человек — то есть почти столько же, сколько всего насчитывалось партизан в области в начале 1943 года.

В многочисленных газетах и листовках, распространявшихся партизанами в те дни, политотделы бригад призывали население не подчиняться гитлеровскому приказу, уходить в леса, брать в руки оружие и вступать в борьбу. Газета 5-й ЛПБ «Партизанская месть» 17 октября писала:

> «Спасение тысяч людей от фашистского плена — в вооруженной борьбе с немецкими бандитами. К оружию, товарищи! Поднимайтесь на всенародную борьбу с фашистами!.. Партизан! Народный мститель! Защита советских граждан и их имущества от немцев лежит на твоей совести».[108]

Я писал уже о том, что 5-я бригада к началу зимы насчитывала в своих рядах до семи тысяч человек (а ведь начиналась-то всего с трехсот!). Аналогичным было положение и в других районах.

Опергруппу лихорадило от становившейся с каждым днем все более ощутимой нехватки самолетов и горючего. Оружия и боеприпасов тоже не всегда было в достатке, но с этими нуждами мы могли обращаться в штаб Волховского фронта и почти всегда находили там поддержку и помощь. К. А. Мерецков и Т. Ф. Штыков, как я уже писал, очень внимательно относились к нашим

просьбам я, как могли, удовлетворяли их. Однако помочь нам в переброске выделяемого вооружения во вражеский тыл они были не в силах. В это время Волховский фронт считался «тихим» и поэтому получал горючее в самых минимальных количествах. Командующий авиацией генерал-лейтенант И. П. Журавлев сам был примерно в таком же положении, что и мы, — на учете каждый вылет каждого самолета. И все-таки он приказал легким бомбардировщикам летать к партизанам даже в дневное время.

Мы выкручивались, как могли. Упросили, например, выделить нам ненадолго несколько самолетов ЛИ-2 Валентину Степановну Гризодубову, командовавшую авиаполком, которым базировался неподалеку. Уговорить ее было нелегко, но в конце концов она пошла нам навстречу и здорово этим выручила. Немного позже по приказу Никитина я был командирован в Москву, к генералу Кормилицыну, ведавшему в Ставке Верховного Главнокомандующего снабжением войск горючим. Я был уполномочен обкомом партии просить о выделения дополнительного фонда, прямо предназначенного нашему, «партизанскому» авиаполку.

В этот период Красная Армия вела активные боевые действия на южных фронтах и в центре. Форсировав Днепр. Вот-вот будет взят Киев… А на наших фронтах пока тихо. На ближайшее время здесь явно не планировались никакие наступательные операции. В этой связи надежды получить горючее сверх установленных норм, понятно, почти не было. Я и получил отказ во всех инстанциях, которые вынужден был обойти, прежде чем попал на прием к Кормилицыну. Он тоже вначале отнесся к нашей просьбе точно так, как и его подчиненные, но потом, выслушав (и, надо сказать, очень внимательно) мой рассказ о положении во вражеском тылу под Ленинградом — о росте партизанской армии, о народном восстании, о том, что его успех зависит сегодня от того, как сумеем мы поддержать восставших оружием, а стало быть, и от того, найдем ли горючее для самолетов — генерал вдруг улыбнулся в сказал:

— Ладно, майор, убедил. Еще просьбы будут?

Он не только распорядился о немедленном удовлетворении нашей заявки, но еще и связался тут же по телефону с маршалом авиации Астаховым и походатайствовал о выделении в наше распоряжение временно нескольких транспортных самолетов. Об этом мы могли только мечтать.

* * *

Список основных партизанских сил, действовавших к этому времени в Ленинградской области, выглядел так: 1-й отдельный полк, 2, 3, 4, 5 и 11-я бригады. Итого шесть крупных соединений. Все они стремительно росли, и 27 октября Ленинградский штаб принял решение о реорганизации. На базе 2-й ЛПБ были созданы 2, 6, 7 и 9-я бригады, а на базе 1-го отдельного полка — 1-я и 8-я бригады. Примерно в это же время на базе одного из полков 3-й бригады была сформирована еще одна бригада — 10-я. Таким образом количество крупных партизанских соединений в Ленинградской области почти удвоилось.

Хочу в этой связи еще раз обратить внимание читателя на ту роль, которую сыграла в партизанской борьбе 2-я Ленинградская партизанская бригада имени Николая Григорьевича Васильева. Как вы помните, 1-й отдельный полк выделился в свое время именно из нее. Следовательно, шесть из одиннадцати бригад — прямое продолжение бригады Васильева. Она была нашей академией в первый год войны, она была кузницей командирских кадров, она же стала и матерью основных партизанских сил на заключительном этапе.

ПЯТАЯ ПАРТИЗАНСКАЯ

1943 год, октябрь — декабрь

Чрезвычайно богатой событиями была в те дни жизнь 5-й ЛПБ. Такой насыщенности, такого разнообразия боевых акций, вспоминая о которых можно было бы перечислить практически весь арсенал партизанской тактики того периода, не мог, пожалуй, записать в свой актив никто другой.

Помню, в одну из командировок я оказался в бригаде как раз в то время, когда она завершила одну из ярких своих операций и приступила к серии других, снискавших ей большую славу и глубочайшую народную благодарность.

Первая операция — это 50-километровый марш 5-й ЛПБ, совершенный ею в полном составе, многотысячной колонной, в открытую, на глазах населения и трусливо разбегавшихся вражеских гарнизонов. Бригада вышла из района между озерами Врево и Святейское, миновала деревни Красные Горки, Хвошино, Святье, Невежицы, Конозерье и заняла в конце пути район, прилегающий к деревне Киевец. Это была демонстрация партизанской силы. Сотни людей воочию убедились в том, что представляет собой армия народных мстителей — высокоорганизованная, дисциплинированная, хорошо вооруженная, не боящаяся врага.

Ничего подобного не могли мы позволить себе раньше. Однако время изменилось и такой поход стал не только возможен, но и принес не меньше пользы, чем диверсии на дорогах или схватки с врагом. Не только в том дело, что на пути бригады были уничтожены все органы оккупационной власти и на значительной территории установлена власть народа. Ничуть не менее важным было то, что весть об открытом выступлении партизан немедленно разнеслась на многие километры вокруг, вызвав новую волну народного сопротивления захватчикам. Именно это К. Д. Карицкий назвал в радиограмме «результатом разгрома и нашего влияния», которые привели к прекращению деятельности оккупационных властей в 14 волостях. Марш 5-й ЛПБ стал лучшей организующей акцией, лучшим толчком для народного восстания в центральном районе области. Центральный повстанческий край начал складываться именно в это время.

А упомянутая мной серия операций — это освобождение советских граждан от угона в фашистское рабство, В середине

октября партизаны Карицкого остановили в течение нескольких дней три немецких эшелона, увозивших население прифронтовой зоны в Германию. Это были первые операции подобного рода под Ленинградом. А первопроходцем стал полк Владимира Васильевича Егорова — тогда просто Володи Егорова, поскольку был он одним из самых молодых партизанских командиров: полком в 1200 бойцов командовал в девятнадцать лет. 23 тысячи человек обязаны своей свободой его полку. За выдающиеся боевые заслуги Егоров был удостоен впоследствии звания Героя Советского Союза. Всего же 5-я ЛПБ спасла от угона в Германию свыше 40 тысяч человек.

Интересная подробность. Когда партизаны Егорова остановили первый эшелон и взяли освобожденное мирное население под защиту своего полка, никто в бригаде, несмотря на явную необычность проведенной операции, не воспринял ее как нечто из ряда вон выходящее, Не собирались даже радировать об этом отдельно в Ленинград — хотели просто включить в очередной отчет. Только по моему настоятельному совету Карицкий отправил радиограмму. И почти тут же получил ответную от Никитина:

> «Моим приказом от 16.10.43 г. Вашей бригаде за спасение мирных жителей, которых немцы пытались тремя эшелонами увезти в фашистское рабство, присуждено знамя Ленинградского штаба. Вы представлены к награде орденом „Богдан Хмельницкий“ 2-й степени.
>
> Представьте к награде бойцов и командиров. Крепче удары по врагу, срывайте его планы по угону мирных граждан на каторгу.
>
> …Приказ объявите всему личному составу отрядов, полков вверенной Вам бригады».[109]

Пишу об этом для того, чтобы лишний раз подчеркнуть: в те дни, воюя, мало думали о наградах; главной заботой было дело, которому люди отдавали себя без остатка.

* * *

На новом этапе борьбы с врагом новыми стали и партизанская тактика, и методика боя. Можно сказать, что изменилось само содержание боевых действий, поскольку в подавляющем большинстве случаев совершенно новой стала их цель. Если, например, раньше при налетах на вражеские склады

мы старались уничтожать все, что на них хранилось, то теперь отбитое у врага укрывалось по деревням или в лесу — ждали прихода своих, стремились сберечь народное добро. На железных дорогах поезда все чаще не пускали под откос, а останавливали, взрывая перед ними путь. Это диктовалось тем, что в вагонах могли находиться советские люди, угоняемые в Германию. Что же касается непосредственных боевых столкновений с врагом, то они все чаще приобретали откровенно наступательный характер.

К этому времени выросла и целая плеяда партизанских командиров нового типа — впитавших в себя весь богатейший боевой опыт, накопленный народными мстителями с начала войны.

Первым среди них я, нисколько не колеблясь, назову комбрига Константина Дионисьевича Карицкого. Я помню его еще по Партизанскому краю, где он командовал одним из батальонов 1-й бригады. Нелегкий боевой путь пришлось пройти этому человеку, он и победы знал, и поражения, и в атаку людей водил, и отступал, и товарищей хоронил, — все было.

Человек большой личной смелости, отваги, хладнокровный в бою, изобретательный тактик, остро чувствовавший каждое изменение боевой обстановки и умевший безошибочно на все реагировать, Карицкий обладал еще и талантом руководить людьми. Пожалуй, всего было в нем в меру: требовательности и в то же время чуткости к людям, командирской властности и умения уважать чужое мнение, бесстрашия и осторожности, принципиальности и способности понять другого. И отношение партизан к своему командиру было прекрасным. Его любили, ему доверяли безоглядно.

Помню, в одно из посещений бригады застал я Карицкого за таким делом: вечер, полная изба партизан, а в середине — комбриг, и читает он на память Есенина. Декламация, конечно, не бог весть какая — не профессионал, где было искусству учиться! — а видели бы вы, как слушали его партизаны… Он знал стихи и делился ими с людьми, только и всего. Не позировал, не подделывался под артиста: просто вспоминал вслух. И ему были за это благодарны.

Это был не жест, не «махорочного» авторитета искал комбриг. Сейчас я объясню, что называю таким словом.

Был у нас в 1-м полку один человек, политработник, про которого партизаны всегда вспоминали, если по какой-то причине долго не видели. Помню, заинтересовало меня — с чего такая популярность? И когда в очередной раз один из бойцов спросил меня, почему это (такого-то) не видно, я поинтересовался:

— Что, поговорить надо?

— Нет, не надо, — отвечает.

— Заскучали, наверное, без него?

— Да как сказать…

— Может, политинформацию ждете? Мнется.

— Так что же все-таки? — не отстаю я.

— Да махорка вот кончилась, а он как придет — обязательно угостит…

Вот и вся причина. А мы-то удивлялись, почему его кисет пустел самым первым и почему, сколько мы с ним ни делились, все ему не хватало.

Махорки, конечно, не жаль. Я совсем не собираюсь проповедовать мудрость куркуля: мол, «дружба дружбой, а табачок врозь». Но, согласитесь, худо дело, если весь интерес людей к тебе умещается в твой собственный кисет махры.

Так вот, авторитет Карицкого никогда «махорочным» не был. Комбрига уважали прежде всего за боевые его заслуги, то есть за дело. А он в деле был мастером. И еще — за умение хорошо понимать своих людей.

Надо сказать, что руководство бригадой вообще было подобрано чрезвычайно удачно. Комиссар Иван Иванович Сергунин, начальник политотдела Иван Иванович Исаков, начальник штаба Тимофей Антипович Новиков, командиры полков Владимир Васильевич Егоров, Павел Фадеевич Скородумов, Алексей Федорович Тараканов, Сергей Никитич Чебыкин — все это были прекрасные люди, умелые командиры, сделавшие для победы над врагом очень многое. Не случайно в списке ленинградских партизан, удостоенных звания Героя Советского Союза, пять из двадцати — представители 5-й ЛПБ: К. Д. Карицкий, И. И. Сергунин, В. В. Егоров, А. Ф. Тараканов, Д. И. Соколов.

* * *

С 28 октября по 9 ноября бригада вела тяжелые бои против крупной карательной экспедиции. По указанию командующего группой армий «Север» Кюхлера 18-я немецкая армия направила в район действий 5-й ЛПБ несколько охранных полков и батальонов, подразделения и части 190-й пехотной и 13-й авиаполевой дивизий. Наступление поддерживалось танками, бронемашинами, артиллерией, минометами, авиацией. Эту операцию гитлеровцы назвали «Волчья охота». Предполагалось, разумеется, что в роли охотников выступят они сами. Вышло

наоборот… Комендант тылового района 18-й армии генерал-лейтенант Гинкель сообщил своему командованию: «Операция севернее Уторгоша прервана в связи с тем, что были исчерпаны силы».[110] Это — весьма скромная формулировка. Правильнее писать: карательная экспедиция была разгромлена.

Это время характерно активнейшей помощью партизанам со стороны населения. Комиссар 5-й ЛПБ докладывал Ленинградскому штабу:

> «…Народ чувствовал и осознавал, что партизаны стеной встали на его защиту, и помогал партизанам всем, чем только возможно. Девушки, женщины, старики вели разведку не только по заданиям командования, но и по собственной инициативе.
>
> 1 ноября, когда немцы были в деревне Сторонье и готовились к наступлению, из этой деревни прибежали к командиру полка Егорову девушки Каланчина Екатерина и Дмитриева Лидия. Они сообщили о численности врага, о его намерениях.
>
> В трудные минуты боев с немцами, когда партизаны ощущали острый недостаток патронов, жители дер. Вшели, обороняемой полком т. Егорова, собирали патроны по 5 -10 штук и приносили партизанам. Такой же сбор патронов провели по своей инициативе жители дер. Покровское. Отец партизана, житель деревни Новоселье Уторгошского района Волков И. И., узнав, что у партизан нет патронов, с помощью жителя деревни Рямешка Спиридонова Н. М. доставил в отряд 17 ящиков патронов, хранившихся в лесу с 1941 года.
>
> В тяжелые дни боев люди, способные носить оружие, пополняли партизанские отряды.
>
> В деревнях возникали боевые группы из местного населения, они сами вооружались, доставали боеприпасы, ставили своей задачей помочь партизанам в спасении мирных граждан от угона в фашистский плен. Так возникли боевые группы в деревнях Бараново, Вшели, Болотско, Стобольск, Дертины, Хредино, Боротно, Никольско, Лазуни и других…»[111]

Можно ли было победить партизан, имевших такую поддержку?

И еще о двух интереснейших операциях 5-й бригады хочу я рассказать в этой связи.

Первая была проведена полком П. Ф. Скородумова совместно с жителями близлежащих деревень на Киевском шоссе в ночь на

16 ноября 1943 года. Был захвачен большой участок дороги — 10 километров! — между, Маяково и Новосельем. И под охраной полка местные жители устроили на ней грандиозный завал из спиленных телеграфных столбов и деревьев. Все это было опутано сорванными с линии передачи проводами и во многих местах заминировано. Кроме того, на всем участке были взорваны мосты — восемь, все до единого. А потому когда с рассветом закончившие работу люди покинула шоссе, партизаны приготовились к бою. Они удерживали дорогу два дня. И только под ударами танков и бронемашин, которые гитлеровцы ввели в бой в середине дня 17 ноября, полк отступил в лес. Но потребовалось еще довольно много времени, чтобы расчистить заминированные завалы. А ведь шоссе имело для гитлеровцев чрезвычайное значение. Диверсий такого размаха никогда не проводили ранее.

Несколько позже 5-я бригада аналогичным образом полностью блокировала шоссе Уторгош — Николаеве. На всем его протяжении.

Это шоссе тоже было очень важным для немцев, как наиболее удобное для снабжения новгородской и старой русской войсковых группировок. В устройстве завалов на нем принимало участие фактически все население округи. А затем партизаны пресекли все попытки гитлеровцев расчистить дорогу и восстановить на ней движение. Оно было полностью прервано вплоть до подхода частей Красной Армии.

* * *

На стыке сорок третьего и сорок четвертого годов армия ленинградских партизан состояла уже из 13 бригад. В декабре из отрядов, созданных Кингисеппским межрайонным партийным центром и части отрядов 9-й бригады (еще одна ветвь от бригады Васильева!) была сформирована 12-я Приморская бригада. И почти одновременно на территории первого Партизанского края начала боевые действия 13-я ЛПБ. Общая численность бригад достигла 35 тысяч человек.

Приближался новый, 1944 год. Близилось время решительного наступления наших войск под Ленинградом. И партизанам была суждена в нем нелегкая, но славная роль.

ОРЕДЕЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

1944 год, январь

Ленинградский штаб партизанского движения еще в начале декабря 1943 года принял «План дальнейшего расширения партизанского движения и обеспечения боевой деятельности партизанских бригад, отрядов и групп на оккупированной территории Ленинградской области на зимне-весенний период 1943/44 г.». Этим планом был предусмотрен целый ряд важных задач, которые предстояло решать с переходом Красной Армии в наступление. Имелся и специальный раздел «Мобилизационные мероприятия партизанских бригад и отрядов при переходе в наступление советских войск», посвященный взаимодействию с армиями Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов.

В дни, предшествовавшие наступлению, потребовалось активизировать партизанскую разведку. Расположение наших бригад позволяло собирать информацию на очень обширной территории, И партизанские разведданные непрерывным потоком поступали к советскому командованию, благодаря нм план наступательной операции был во многом уточнен, детализирован.

12 января перед областным партизанским штабом были поставлены конкретные задачи в связи с близким уже началом боевых действий. В тот же день штаб отдал приказ, согласно которому все бригады, действовавшие в полосе Ленинградского, и Волховского фронтов должны были на второй день наступления резко активизировать свою деятельность, «сорвать оперативные перевозки войск и техники противника, а также полностью прервать и уничтожить связь немецких войск».[112]

На первом этапе наступления взаимодействие партизан с войсками Красной Армии имело оперативный характер: те и другие действовали на относительно большом удалении друг от друга, решали разные задачи. Однако впоследствии характер взаимодействия должен был измениться, оно должно было с продвижением наших войск в глубь немецкой обороны перерасти в тактическое — то есть в прямые совместные операции. Готовясь к этому, Ленинградский партизанский штаб установил еще более тесную связь с командованием фронтов. Наша опергруппа, например, разделилась: Гузеев оставался в Хвойной, я же перебрался на новый командный пункт Мерецкова, выдвинутый в непосредственную близость с линией фронта, под Новгород,

находившийся пока в руках врага.

Точно по плану, 14 января 1944 года, наступление наших войск началось. На фланги 18-й гитлеровской армии обрушили свою мощь войска 2-й ударной и 42-й армий Ленинградского фронта и 59-й армии Волховского фронта. Развивая наступление при содействии других сил в центре, они должны были, разгромив 18-ю армию, сокрушить тем самым все северное крыло гитлеровской линии обороны. Войска 2-го Прибалтийского фронта в это же время повели наступление на позиции 16-й немецкой армии.

Вот лишь краткий перечень того, что было сделано в эти дни ленинградскими партизанами.

В ночь с 14 на 15 января 11-я бригада произвела налет на станцию и поселок Мшинская (Варшавская железная дорога). Станция находилась в руках партизан более шести часов и была полностью разгромлена: взорваны около 300 рельсов, водонапорная башня, заправочная колонка, железнодорожная казарма с узлом связи, склады горючего и продовольствия, два семафора, разрушено стрелочное хозяйство, уничтожено 1,5 километра линий связи. После этого налета участок дороги Красногвардейск — Луга бездействовал 13 часов.

15, 16 и 17 января отряды 5-й бригады произвели серию налетов на важнейшую для 38-го армейского корпуса врага, удерживавшего Новгород, железнодорожную ветку, которая шла на Батецкую (Витебская железная дорога). Вместе с населением партизаны надолго вывели этот участок из строя. Помимо этого только за 15 января местным населением под прикрытием небольших партизанских групп было уничтожено 28 километров линий связи. За первые семь дней наступления наших войск 5-я бригада вывела из строя 5 железнодорожных мостов, 7 тысяч рельсов, 18 паровозов, 160 вагонов и платформ с живой силой и техникой, 1 бронепоезд. За это же время на шоссейных дорогах было взорвано 24 моста и уничтожено 218 автомашин с вражескими солдатами и грузами.

В ночь с 16 на 17 января партизаны 12-й бригады между Тикописью и Кингисеппом (Балтийская железная дорога) подорвали несколько сот рельсов. На следующую ночь отряды этой же бригады совершили налет на станцию Веймарн, на которой было разрушено все путевое хозяйство, сожжено много вагонов, уничтожен вражеский гарнизон. Успешные налеты на Балтийскую дорогу проводила в это время и 9-я бригада. В результате уже в первые дни наступления советских войск основная железнодорожная коммуникация на левом фланге 18-й гитлеровской армии была полностью выведена из строя.

В ночь с 17 на 18 января сводный отряд 7-й бригады под командованием В. П. Плохого взорвал хорошо охранявшийся большой мост неподалеку от станции Торошино (Варшавская железная дорога).

20 января на Старорусской дороге партизаны 1-й бригады взорвали другой крупный мост через реку Кебь. В это же время отряды 3-й бригады на той же дороге разгромили станции Уза, Карамышево, Подсевы и Локоть, а также важнейшие участки Витебской дороги южнее Дно. Были уничтожены все находившиеся на станциях эшелоны.

За первые десять дней наступления войск Ленинградского и Волховского фронтов партизаны разгромили 11 железнодорожных станций и разъездов, взорвали 34 железнодорожных моста, 23 тысячи железнодорожных рельсов, пустили под откос 36 воинских эшелонов С живой силой и техникой врага, 3 бронепоезда, разрушили более 300 километров придорожной телефонно-телеграфной линии, истребили более 3000 гитлеровских солдат и офицеров.[113]

О размахе боевых действий во вражеском тылу свидетельствует и тот факт, что уже 16 января (на второй день активизации партизан!) командующий группой армий «Север» фон Кюхлер доложил своему руководству о невозможности имеющимися силами обеспечить безопасность коммуникаций. Он просил срочно выделить в его распоряжение охранные части из состава группы армий «Центр».

Следствием ожесточенной битвы, которую повели на вражеских коммуникациях ленинградские партизаны, стало поистине плачевное положение командования немецких войск, практически утратившего возможность тыловых перемещений своих подразделений. Гитлеровцы ощущали также колоссальные трудности в доставке к линии фронта боеприпасов, вооружения, живой силы. Вот несколько характерных примеров.

17 января от Старой Руссы к Новгороду начала движение по железной дороге 8-я егерская дивизия, направленная из 16-й армии в поддержку правого фланга 18-й. 180 километров пути. Оттого, как быстро сумеет дивизия передислоцироваться, зависела оборона немцами Новгорода. Но все дороги — и железные, и шоссейные — на пути егерей были блокированы партизанами. С 19 января дивизия вынуждена была начать пеший марш, не одолев еще и половины предстоявшего ей пути. И все время подвергалась атакам партизан. Только к середине дня 21 января достиг цели… один батальон егерей. Когда же подтянулись остальные, причем еще и не все, Новгород был уже занят нашими войсками.

Аналогичным же образом сложилась судьба 12-й танковой и 58-й пехотной дивизий противника, которые в разное время были переброшены в помощь 18-й армии. Обе они прибыли к месту назначения так поздно, с такими потерями и так разобщенно, что оказать влияние на ход сражения не смогли.[114]

* * *

Советские войска продолжали бои, их продвижение вперед было неудержимым. Наступала пора непосредственных совместных действий партизанских подразделений и частей Красной Армии. Одной из крупнейших операций такого рода мне по приказу штаба довелось руководить на месте. Это был захват партизанами 11-й бригады райцентра и станции Оредеж.

Под ударами 59-й армии Волховского фронта, развивавшей наступление от Новгорода, правый фланг 18-й армии противника сминался, смещаясь к западу, в направлении Луги. В это же время 67-я армия Ленинградского, 8-я и 54-я армии Волховского фронтов в районах Тосно и Любани вбили в центр обороны гитлеровцев мощный клин и продолжали движение к юго-западу. К концу января войска Ленинградского фронта были уже на подступах к Толмачено, а части Волховского фронта подходили к станции Оредеж. Таким образом, на правом фланге 18-й немецкой армии явственно обозначилась угроза окружения мгинской и любанско-чудовской войсковых группировок противника.

Враг отводил свои войска в единственно возможном направлении: через поселок и станцию Оредеж на Витебской железной дороге. Выход 59-й армии Волховского фронта к Оредежу лишал противника пути отступления.

20 января командующий Волховским фронтом К. А. Мерецков и член Военного совета Т. Ф. Штыков утвердили «Соображения по организации взаимодействия между войсками и партизанами Волховского фронта». Они были разработаны нашей опергруппой совместно со штабом фронта. Важнейшее место в этом документе отводилось оредежской операции, в которой помимо подразделений 59-й армии должны были принять участие 2-й полк 5-й партизанской бригады и основные силы 11-й ЛПБ. План операции вкратце сводился к следующему.

По условному сигналу партизаны 5-й бригады захватывают станцию Передольская и удерживают ее до подхода 356-й Краснознаменной стрелковой дивизии. Таким образом Витебская железная дорога южнее станции Оредеж оказывается

перерезанной, а возможность подтягивания к Оредежу войск с юга, от Батецкой, исключенной. На следующем, решающем этапе операции партизаны 11-й бригады захватывают Оредеж и также удерживают — до подхода 377-й дивизии. Мгинская и любанско-чудовская группировки противника оказываются в «мешке».

Я получил приказ Никитина руководить действиями партизан на месте. Операция была разработана очень тщательно, во всех подробностях, однако перед самым вылетом во вражеский тыл меня вновь вызвал к себе Мерецков и еще раз оговорил все подетально. Командующий фронтом считал оредежскую операцию важнейшей на то время. Он же назвал мне в ту встречу и условный сигнал к атаке: Ленинградское радио в своей широковещательной передаче для партизан и жителей оккупированных районов передаст сообщение о том, что наши войска в числе прочих заняли населенный пункт Почап, расположенный неподалеку от Оредежа. Вне зависимости от того, что произойдет на самом деле — займут его наши части или нет, — мы в 4.30 утра атакуем.

— Хорошо запомнил? — спросил командующий. — Почап. Это сигнал для тебя.

В ночь на 23 января на самолете ПО-2 я вновь пересек линию фронта. Сначала я должен был побывать во 2-м полку 5-й бригады, лагерь которого располагался рядом с озером Глухое. Еще прошлой ночью командир полка А. Ф. Тараканов во главе большей части своих отрядов был далеко от лагеря: проводилась очередная серия диверсий на дорогах. Но Тараканов имел постоянную радиосвязь с опергруппой и получил приказ вернуться на свою базу для приема самолета с важным сообщением. Днем он радировал, что движется к лагерю.

И все-таки, когда мы прилетели на место, посадочных огней на льду озера не обнаружили. Горело несколько костров в лагере — и все. Я понял, что Тараканов вернуться не успел.

Пришлось садиться вслепую, подсветив самим себе ракетой. Развернули самолет и стали ждать, не выключая мотора. Пилот с пистолетом в руке — в кабине, а я с автоматом наизготовку — немного в стороне от машины, чтобы лучше видеть и слышать. Чем черт не шутит: вдруг, пока Тараканов был в пути, его лагерь заняли немцы?

Приглушенно булькал на малых оборотах самолетный мотор, время тянулось томительно медленно. Наконец слышу — бегут. Остановил окриком. Свои.

Приказ об атаке Передольской я вручил начальнику штаба полка А. И. Сенкевичу. Дал ему все необходимые разъяснения. Договорились и о радиосвязи, которую сможем поддерживать по

возвращении Тараканова.

Дальше мой путь лежал к озеру Черное, служившему аэродромом 11-й бригаде.

* * *

В ту ночь на Черном царило необычное оживление. Буквально один за другим садились и взлетали ПО-2 и Р-5, доставлявшие в бригаду вооружение и боеприпасы, а обратными рейсами увозившие в советский тыл раненых. Всем было ясно: что-то готовится, только что именно — никто пока не знал.

Меня встретили комбриг Н. А. Бредников и комиссар Ф. И. Сазанов. Вместе мы сразу же выехали в лагерь бригады.

Никаких конкретных указаний о готовящейся операции Ленинградский штаб по радио не передавал, Бредников получил только приказ сконцентрировать силы и сообщение о моем прибытии и полномочиях. Поэтому, приказав собрать штаб бригады, я прежде всего ввел товарищей в курс дела и предупредил о необходимости соблюдать самую строгую секретность в подготовке операции. Затем мы приступили к составлению уже детального тактического плана.

К этому времени бригада сумела сосредоточить в районе своего базирования далеко не все силы — полк Н. А. Волобуева и три отдельных отряда. Общая численность — около 600 бойцов. Полк А. И. Сотникова, имевший в своем составе столько же партизан, находился на задании, причем очень далеко, и в конце концов так и не успел, несмотря на полученный приказ, вовремя присоединиться к бригаде. Нам пришлось атаковать, имея почти десятикратный проигрыш в численности: 600 партизан против 5000 гитлеровцев.

План атаки сводился вкратце к следующему. После того как мною будет получен условный сигнал (в мое распоряжение был выделен самый опытный радист, державший связь с Гузеевым и фиксировавший все сообщения Ленрадио), бригада покидает лагерь и трехчасовым форсированным маршем выходит к Оредежу. Сосредоточившись в районе хутора Караж, примерно в километре от станции, отряды изготавливаются к бою. Их задачи: отряду Степанова — нанести удар по комендатуре и вокзалу; отряду Долганова — разгромить гарнизон в соседней со станцией деревне Пантелевичи; отряду Сафонова — захватить северную часть поселка; отрядам Мамонтова, Шелякина и Тарасова — блокировать подходы к станции по железной и шоссейным дорогам. Дальше — держаться до подхода советских войск.

Рассчитывать на что-либо другое, кроме преимущества внезапной ночной атаки, мы не могли: слишком явно превосходил нас враг и в численности, и в вооружении, и в технике. Было ясно, что бой нам предстоит чрезвычайно кровопролитный, что многих мы недосчитаемся, выйдя из него, и что успех наш считать предрешенным никак нельзя. Неравенство сил очевидно.

* * *

Ранним утром 27 января сигнал к атаке Передольской получил полк Тараканова. Бой был жестоким и затяжным. Партизаны захватили станцию и удерживали ее до середины дня, несмотря на яростные контратаки противника. Но потом гитлеровцы подтянули к Передольской бронепоезд с сильным десантом и им удалось вытеснить полк в лес. И вот тут военное счастье улыбнулось Тараканову — к месту боя подошли советские танки: 7-я бригада 8-й армии. При их поддержке партизаны вторично атаковали Передольскую, захватили ее и удержали до подхода 356-й Краснознаменной и части 372-й стрелковой дивизий. Параллельно с этим был захвачен разъезд Кчера — тоже совместными усилиями. Первая часть операции успешно завершилась. Большой участок Витебской железной дороги был у неприятеля отбит, заслон с юга выставлен. Теперь дело оставалось за нами.

* * *

В тот же день, к концу его, мне принесли радиограмму, подписанную Гузеевым: «Немедленно захватите станцию Оредеж». Это было странно: такой сигнал к атаке планом не предусматривался. К тому же в вечерней передаче Ленинградского радио слово «Почап» не прозвучало. Но ведь военная жизнь полна неожиданностей, мало ли что могло произойти с того момента, как я получил от Мерецкова последние инструкции. Недаром ведь в воинском уставе записано правило: выполнять надлежит последний приказ — независимо от ранга командира, его отдавшего, и несмотря ни на какие противоречия с предыдущим. Это правило продиктовано практикой: боевая обстановка меняется быстро, бывает, что она требует действий, диаметрально противоположных предполагавшимся. Я отдал приказ на выход.

Точно в запланированное время у хутора Караж отряды изготовились к атаке. Скоро 4.30. И тут ко мне прибежал радист с новым сообщением: Гузеев дает отбой, нападение на Оредеж переносится ориентировочно на два дня.

Все это вызывало, как минимум, недоумение. Вернулись в лагерь. Партизаны ворчали: что это, мол, за прогулки ночные — они ведь не были посвящены в планы командования. Признаться, и мы, командиры, тоже выражали недовольство. Я, например, отправил Гузееву радиограмму, в которой весьма саркастически охарактеризовал две его предыдущие. Не знали мы тогда, что двинувшиеся было в этот день к Оредежу части 59-й армии были связаны боем гитлеровской дивизией «Полицай», что штаб фронта в этой связи успел отменить сигнал к атаке, а Гузеев так быстро сделать этого не мог — слишком поздно поступили к нему сведения о непредвиденной задержке.

Два дня прошли в ожидании, а на третий, 30 января, — новая радиограмма Гузеева и почти одновременно с ней условный сигнал в передаче Ленрадио. Вновь поднята по тревоге бригада, вновь форсированный марш к Оредежу.

Вышли на место к трем часам, ночи. К четырем связные из всех отрядов сообщили о готовности к атаке. Все шло очень гладко, отряды действовали слаженно и четко.

4 часа 30 минут. С командного пункта с шипением взлетает зеленая ракета. Секундная пауза и… Началось!

Удар был нанесен сразу на всех участках. Создавалось впечатление, что ночной бой завязало очень крупное подразделение регулярных войск — настолько обширно развернулся фронт атаки. Гитлеровцы были захвачены врасплох и долгое время не оказывали вообще никакого сопротивления: повсеместно были слышны выстрелы только наших автоматов и винтовок. Но постепенно стали вырисовываться очаги сопротивления. Подавляя их, вступили в дело партизанские минометы. Стали слышны разрывы гранат. Бой разгорался все сильнее и сильнее.

Командный пункт к этому времени мы выдвинули вперед, ближе к поселку. По донесениям связных да и вообще по наблюдению за происходившим было ясно, что бой пока складывается очень для нас удачно. Захвачено здание вокзала. Пройдены железнодорожные пути, забитые эшелонами. Среди гитлеровцев паника, бегут из Оредежа, нарываясь на наши заслоны, десятками сдаются в плен.

И вдруг в самый разгар схватки раздался колоссальной силы взрыв, одинаково неожиданный как для партизан, так и для немцев. На станционных путях взлетели на воздух несколько

вагонов, груженных, судя по всему, взрывчаткой. Ударной волной все окружающее крушило в щепки: как спичечные коробки были смяты и здание вокзала, и станционные постройки, и ближайшие дома.

Взрыв был настолько мощным и ошеломляющим, что грохот боя мгновенно смолк и наступила странная тишина. Слышно стало, как ветерок шуршит тонкими ветвями кустарника, как залаяла вдалеке собака, как потрескивают горящие дома…

Трудно сказать, сколько мгновений длилось это затишье. Но вот короткая, резкая пулеметная очередь, потом винтовочный выстрел, еще очередь, еще, еще… И с новой силой разгорелся бой.

Взрывом опрокинуло и подожгло несколько бензовозов, колонна которых стояла на соседней со станцией улице. Горящим бензином ярко осветило поселок. А вскоре бензоцистерны начали рваться одна за другой, и уже настоящее море огня залило все вокруг.

Уже на второй час боя практически весь поселок был в наших руках. Единственный очаг сопротивления гитлеровцев — бывшее здание райисполкома, превращенное ими в своего рода крепость, — вот-вот будет подавлен. Но почему же не подходят наши войска? Ведь немцы рано или поздно подтянут подкрепление, технику и тогда нам придется очень несладко. Танки подойдут наверняка, а как их остановишь, не имея артиллерии? Да и вообще слишком нас мало, чтобы долго удерживать поселок.

Начали поступать первые сведения о потерях. Среди погибших три командира отрядов: А. М. Зверев, В. И. Осипов и А. Ф. Степанов. Нельзя, конечно, сравнивать боль таких утрат, но особенно сильно резануло меня известие о гибели Степанова. Он ведь был моим однополчанином, вместе сражались мы в Партизанском крае, вместе рейдовали осенью сорок второго. Это его группа совершила налет на вражеские склады перед самым нашим выходом в советский тыл. Еще одна смерть. А сколько их впереди? Ведь еще немного времени — и положение наше станет критическим.

Со стороны Торковичей начался интенсивный артиллерийский обстрел. Не опасаясь уже ударить по своим, гитлеровские артиллеристы стали методически засыпать Оредеж снарядами. Через некоторое время со стороны Луги подошли танки. Потом — со стороны Любани, то есть со стороны главных сил врага, отступавших под ударами Красной Армии. А наших все нет. Шел пятый час боя…

Как выяснилось позже, 377-ю дивизию, снова рванувшуюся вперед, враг опять сковал боем. Мы ждали напрасно.

Но это стало известно значительно позже, а пока мы держали оборону. Шесть часов Оредеж был в наших руках.

А потом был подан сигнал к отходу и бригада вернулась на позиции, с которых атаковала поселок. Здесь решили ждать — вдруг подойдут все-таки армейские части. В Ленинград отправили радиограмму, в которой сообщили о первых итогах боя и о нашей готовности при подходе советских войск вновь атаковать Оредеж. Через два часа была получена ответная радиограмма за подписью Никитина. Начальник ЛШПД поздравлял нас с крупным успехом. Вместе с тем он приказывал бригаде вернуться на базу.

Советские войска заняли Оредеж только неделю спустя, 8 февраля. Гитлеровцам удалось к этому времени вывести свои войска из «мешка». В этой связи оредежскую операцию нельзя, конечно, считать от начала до конца успешной. Но и для того, чтобы назвать ее неудачной, оснований нет. Судите сами.

Захватом Передольской Витебская железная дорога была окончательно перерезана, и воспользоваться ею противник уже не смог. За отступавшими немецкими войсками остались только шоссейные и проселочные дороги, это во многом ухудшило их и без того плачевное положение. Мощный удар партизан по Оредежу был, конечно, для гитлеровцев весьма неприятным сюрпризом, к тому же очень болезненным. Одно дело — иметь в своем тылу довольно сносную перевалочную базу, и совсем другое — груду развалин на ее месте. А ведь после нашего налета на станции буквально камня на камне не осталось. Было уничтожено все путевое хозяйство, разрушено здание вокзала, на путях взорван эшелон с боеприпасами и другим военным грузом, уничтожены 2 крупных склада, 192 автомашины, среди которых много бензовозов, при отходе взорван мост рядом со станцией, в бою убито 600 вражеских солдат и офицеров, еще больше ранено. Наши потери при этом составили 38 человек убитыми и 51 ранеными.

А встреча 11-й бригады с войсками Красной Армии состоялась 5 февраля в деревне Пелково — в 4 километрах севернее лагеря партизан. Она была заснята фронтовым кинооператором и сохранена таким образом для истории. Правда, в район действий бригады вышли части не 59-й армии Волховского фронта, как это ранее предполагалось, а 67-й армии Ленинградского фронта. Но радость встречи от этого не стала, конечно, меньше.

Я был тогда в бригаде, и эти часы стали моими последними во вражеском тылу. Так что линию фронта я пересекал несчетное количество раз: последний был только «туда» — потом фронт

догнал нас.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

1944 год, февраль — июль

К середине февраля с наступавшими советскими войсками соединились 6 партизанских бригад. К концу месяца — все 13. Было торжественное наше возвращение в Ленинград, когда колонна за колонной вступали в родной город партизаны: 1 марта — 2, 6, 9, 11 и 12-я бригады, 6 марта — 5-я… Были и торжества по поводу окончания битвы во вражеском тылу под Ленинградом, и награждения были… А потом одни из нас были направлены в действующую армию, а другие вернулись к мирной жизни — ее ведь тоже кто-то должен был уже налаживать. В их числе оказался и я, привлеченный к работе в аппарате Леноблисполкома.

И все-таки по-настоящему я осознал, что вернулся к мирной жизни, только много недель спустя.

Теплым июльским днем я оказался по служебным делам во Всеволожске и с товарищами из местного руководства обходил поселок. На спортивной площадке в его центре, громко именовавшейся стадионом, было довольно многолюдно. Всеволожские футболисты принимали гостей из-под Петрокрепости. Команды уже на поле, но матч почему-то не начинался. Оказалось — забыли о судье. Зная мою спортивную профессию, кто-то из бывших со мной рядом предложил:

— Николай Иванович, а может, ты посудишь?

Я согласился.

Матч начался под бурное ликование истомившихся болельщиков, плотным кольцом окруживших поле и остро реагировавших и на игру, и на судейство. Вообще-то мне было несложно — играли ведь спортсмены не такой уж высокой квалификации. Но я постепенно увлекся, бегал по полю, как того требуют самые строгие правила, словом, «демонстрировал класс». И вот, в самый разгар встречи, когда я, не помню уже теперь за что, сделал замечание одному из игроков, с края поля, из толпы болельщиков явственно донеслось:

— Судью на мы-ы-ло!

Я посмотрел в ту сторону и увидел конопатого пацана, который размахивал левой рукой, а пальцы правой засунул себе в рот и оглушительно свистел.

Если хотите — не верьте, но то, что жизнь моя уже мирная, я ощутил именно в этот момент.

1976–1980 гг.

notes

Примечания

1

Так назывался тогда Московский проспект. — Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, примечания автора.

2

Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М, 1952, с. 9–17.

3

См.: Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта. М., 1977, с. 23.

4

ВНОС — воздушное наблюдение, оповещение, связь.

5

Не уверен, что указываю фамилию точно: делать записи, как я уже говорил, нам было запрещено, а послевоенные мои поиски в архивах не всегда давали результат. Ниже встретится еще несколько фамилий людей, воевать вместе с которыми мне пришлось очень недолго, и поэтому я вполне могу ошибиться, их называя. В этих случаях сделаю соответствующие сноски.

Возможно, фамилия не точна.

7

В Ленинградском партийном архиве хранится отчет П. Ф. Скородумова, в котором он сообщал: батальон вышел в район Вышегорода 26 июля 1941 года, пробыл там трое суток, а затем Петров приказал «продвигаться в Порховский район на участок лесного массива Никандрова пустынь» (ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 681, л. 2 об.). О том, почему командир полка изменил конечную точку маршрута, в отчете не сказано.

8

Только полгода спустя совершенно случайно я получил сведения о взводе Кузнецова, да и то очень отрывочные и неполные. Это было в Партизанском крае. Я командовал уже полком во 2-й Ленинградской партизанской бригаде. И вот однажды в присланном из другого полка связном узнал одного из бойцов взвода Кузнецова. Фамилия его, кажется, была Исаков. Он рассказал мне, что взвод свою задачу выполнил: напал на небольшую автоколонну гитлеровцев и уничтожил ее. Однако сам Исаков на обратном пути от взвода отбился и долго скитался по лесам, пока не встретил один из местных партизанских отрядов. К нему он и примкнул. А о дальнейшей судьбе взвода ничего не знает.

Ничего больше о взводе Кузнецова не знаю сегодня и я. Полагаю, его постигла та же, если не более жестокая, участь, что и взвод Макарова.

9

Здесь и далее указывается административное деление, которое было принято в описываемый период. Ленинградская область включала в себя тогда нынешние Новгородскую и Псковскую области.

10

Надо сказать, что история 6-го полка до сих пор остается во многом неясной, а в чем-то и просто загадочной. Немногочисленные документы, сохранившиеся с тех пор, содержат сведения, чаще всего полученные, что называется, из вторых рук, а оттого очень противоречивые. Например, в докладе члена Военного совета Северо-Западного фронта В. И. Богаткина и начальника Политуправления фронта К. Г. Рябчего о действиях 6-го партизанского полка (см.: В тылу врага. 1941 г. Сборник документов. Л., 1979, с. 109–110) говорилось, что 6-й полк состоял из семи (а не восьми) батальонов. Я доподлинно знаю, что их было восемь. Это же подтверждается и архивными документами (например, ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 680, л. 1–2; ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 681, л. 2 об. и др.). В этом же докладе сообщалось, что батальоны второй половины полка, ведомые Петровым, наткнулись на противника, вели бой и были в нем рассеяны. Это неверно. Я сам находился в одном из батальонов, шедших под командой Петрова, поэтому могу свидетельствовать, что такого боя не было.

Впрочем, судить о достоверности сведений, которыми располагали в те дни наши штабы, можно уже и по такому факту: в партархиве хранится документ, содержащий свидетельство очевидца… собственной гибели в бою (ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д, 680, л. 2).

11

Диксон Ч.-О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957, с. 29.

12

Цит. по: Петров Ю. П, Партизанское движение в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1973, с. 96.

13

Там же.

14

ЛПБ — здесь и далее — Ленинградская партизанская бригада.

15

Установить инициалы мне не удалось.

16

Боевые действия на территории Ленинградской области с первых недель войны вели войска Северного и Северо-Западного фронтов. Северный фронт в августе 1941 года был разделен на два! Ленинградский и Карельский. Почти одновременно сложилась Волховская группа войск, на основе которой в декабре 1941 года был сформирован Волховский фронт.

17

«Коммуна» — газета Дедовичского райкома ВКП(б) и исполкома райсовета депутатов трудящихся. Издавалась партизанами для населения края. Печаталась в Серболовском лесу вместе с другими партизанскими газетами в типографии 2-й ЛПБ.

18

Цит. по: Большевистские газеты в тылу врага. Сборник материалов из подпольных газет Ленинградской области в период немецкой оккупации. Л., 1946, с. 37–38.

19

Цит. по: Непокоренная земля псковская. Документы и материалы из истории партизанского движения и партийно-комсомольского подполья в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944. Л., 1969, с. 115.

20

Архив Института истории партии Ленинградского обкома КПСС (ЛПА), ф. 0-116, оп. 9, д. 271, л. 47.

21

Цит. по: Диксон Ч.-О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия, с. 36.

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 15–16.

23

Первая карательная экспедиция гитлеровцев против Партизанского края, как упоминалось выше, была предпринята в декабре 1941 года и оказалась безуспешной.

24

ЛПА, ф. 0-116, оп. 9, д. 268, л. 41–42.

Заполье (имелось в виду Большое Заполье).

26

См.: Непокоренная земля псковская, с. 193.

27

Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта, с. 82–83.

28

Там же, с. 89.

ОПБ — Особая партизанская бригада.

30

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1447, л. 36, 36 об.

31

См., например: Непокоренная земля псковская, с. 158–168.

Надо отметить, что близость фронта позволяла гитлеровскому командованию бросать время от времени на борьбу с партизанами регулярные воинские части. Эту возможность противник использовал довольно часто.

33

Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта, с. 82–83.

Там же, с. 89.

35

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1445, л. 64.

36

18 июня 1982 года, ровно сорок лет спустя следопыты из Ленинградского профтехучилища № 115 увековечили память об этом событии, установив у деревни Паревичи обелиск. — Прим. ред.

См., например: Непокоренная земля псковская, с. 158–168.

38

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1445, л. 64.

39

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 188.

Там же, с. 187.

41

Имеется в виду 1-й полк: «А. и К.» — командир Афанасьев и комиссар Казаков.

Б. Н. Титов.

43

Цит. по: Большевистские газеты в тылу врага, с. 130.

44

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1447, л. 54–55.

45

Спустя сорок лет, 14 мая 1982 года, близ псковской деревни Городовик состоялось торжественное перезахоронение останков погибших летчиков. Изучая историю 40-й авиадивизии бомбардировщиков дальнего действия, судьбой экипажа кавалера ордена Ленина старшего лейтенанта Василия Максимовича Каинова заинтересовались следопыты из Даугавпилса, Дно, Дедовичей. Их совместный поиск длился почти восемь лет. Было трудно отыскать немногих оставшихся в живых свидетелей гибели и похорон летчиков: бортстрелок сержант В. Селезнев погиб в 1943 году, из упомянутых здесь партизан, хоронивших членов экипажа, в живых не осталось ни одного. Не существует сейчас и деревеньки Мартынихи — как и большинство деревень Партизанского края, она была сожжена карателями осенью 1942 года. И все-таки поиск удалось довести до конца. На установленном у деревни Городовик обелиске выбиты имена погибших: командир экипажа старший лейтенант В. М. Каинов, штурман капитан Д. М. Гаврюшин, стрелок-радист сержант И. А. Размашкин. — Прим. ред.

Цит. по: Техника дезинформации и обмана. Сборник. М., 1978, с. 212.

Там же, с. 232.

48

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов, т. 1. М., 1952, с. 466.

49

Там же, с. 465.

Там же, с. 434.

51

ОПА, ф. 0-116, оп. 9, д. 268, л. 37 об.

52

Цит. По: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 213–214.

53

ЛПА, ф. 0-116, оп. 9, д. 268, л. 55.

См.: Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта, с. 99.

55

См.: История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 4-е. М., 1974, с. 491.

БСЭ, 3-е изд., т. 4, с. 392 (1164).

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1448. л. 18 об.-22 об.

58

ЛПА, ф. 0-116, оп. 9, д. 268, л. 55.

59

Л. В. Цинченко в описываемое время командовал 2-м полком нашей бригады.

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1445, л. 76, 78, 81.

61

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1448, л. 21 об.

62

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1448, л. 25.

А. В. Герман — командир 3-й ЛПБ.

См.: Непокоренная земля псковская, с. 183.

65

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 1450, л. 17.

См.: Петров Ю. П, Партизанское движение в Ленинградской области, с. 258, 260.

Там же, с. 259.

Асмолов А. Н. Фронт в тылу вермахта, с. 104.

Там же, с. 104–105.

Кроме описанных выше шести переходов было еще два: в сопровождении адъютанта я ходил из края в расположение частей Красной Армии и обратно, чтобы договориться о взаимодействии при осуществлении совместной операции против гитлеровских гарнизонов в Ленно и Ручьях.

71

См.: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 260, 262.

72

Здесь в тексте опечатка: следует читать «21 декабря 1942 года». 12 декабря полк находился еще в советском тылу.

73

См.: Непокоренная земля псковская, с. 257–258.

74

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1942 года звание Героя Советского Союза было присвоено трем ленинградским партизанам: И. Н. Никитину, А. В. Петровой и М. С. Харченко. И Петрова, и Никитин не дожили до этого дня. Они стали Героями посмертно. Харченко был первым ленинградским партизаном, удостоенным этого высокого звания при жизни. И единственным, носившим Золотую Звезду в партизанских лесах: следующий Указ о присвоении звания Героя Советского Союза Группе ленинградских партизан датирован 2 апреля 1944 года — к этому времени война в тылу врага под Ленинградом уже закончилась.

75

Цит. По: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 275.

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 294–295.

Количество уничтоженных во время этой диверсии гитлеровцев учесть трудно, поэтому в число упомянутых 180 они не включены.

78

Здесь при публикации допущена опечатка: следует читать «в Оричах».

Там же, с. 271–272.

Там же, с. 270.

81

Цит. по: Петров Ю, П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 260.

82

Фамилия не установлена.

83

Фамилия не установлена.

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 262–263.

85

Подробнее об этом см. Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 278–281.

Там же, с. 283.

См.: Большевистские газеты в тылу врага.

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 295.

89

Цит. по: Итоги второй мировой войны. М., 1957, с. 147.

При публикациях, этот населенный пункт был несколько раз назван неверно: «Заячья Гора».

Этот полк осуществлял связь с партизанами, действовавшими в полосе Северо-Западного фронта. Командовал полком П. С. Рассказов.

4-й полк под командованием Н. А. Гриценко, как уже упоминалось, действовал в полосе Волховского фронта.

93

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 484–485.

История Коммунистической партии Советского Союза. Изд. 4-е, с. 500.

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 329–332.

См.: Макаров Н. И. Непокоренная земля российская. М, 1976, с. 275.

См.: Горят костры партизанские. Л., 1966; Подвиг Ленинграда. М., 1960; Ярость благородная. М., 1963; Пламя над Невой. Л., 1964; Люди легенд. М., 1965; Храбрейшие из храбрых. Л., 1964; На берегах Волхова. Л., 1967, и др.

См.: Крутиков И. В прифронтовых лесах. Л., 1956; Веселов И. И. Три года в тылу врага. Пермь, 1961; Караваев С. П. Волховская партизанская. М., 1964; Карицкий К. Д. Ленинградские партизаны. Л., 1962, и др.

99

См.: Шевердалкин П. Р. Ленинградские партизаны. Л., 1947; Он же. Партизанская борьба на новгородской земле. Новгород, 1957; Он же. Героическая борьба ленинградских партизан. Л., 1959.

См.: Самухин В. Л. Волховские партизаны. Л., 1969.

101

Эта газета по периодичности и тиражу не имела себе равных среди других издававшихся ленинградскими партизанами, В ноябре 1943 года, например, она выходила практически через день (за месяц-15 номеров). С 1 сентября 1943 года (дата выпуска первого номера газеты) по март 1944 года (выход бригады в советский тыл) было выпущено 48 номеров газеты и 75 листовок общим тиражом 65 тысяч экземпляров.

Самухин В. П. Волховские партизаны. Л., 1968, с. 185–186.

103

Там же, с. 186.

104

См.: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 316.

105

Там же.

106

См.: Листовки партизанской войны в Ленинградской области. 1941–1944. Л., 1948, с. 226–228.

107

См.: Непокоренная земля псковская, с. 337–338.

108

Цит. по: Большевистские газеты в тылу врага, с. 188–189.

109

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 347.

110

Цит. по: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с. 364.

111

Цит. по: Непокоренная земля псковская, с. 389.

112

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 222, л. 1.

113

ЛПА, ф. 0-116, оп. 1, д. 224, л. 15.

Подробнее об этом см.: Петров Ю. П. Партизанское движение в Ленинградской области, с, 403–405, 413–414.